

Российская Академия Наук

Кольский научный центр
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина

ISSN 2220-802X

СЕВЕР И РЫНОК:
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

1/2015 (44)

Апатиты
2015

СЕВЕР И РЫНОК:

формирование экономического порядка
№ 1 (44) 2015

Научно-информационный журнал

Основан в 1998 году
чл.-корр. РАН Геннадием Павловичем Лузиным

Выходит 4 раза в год

Учредитель – Институт экономических проблем
им. Г.П.Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук

ISSN 2220-802X

Редакционная коллегия:

к.э.н., доц. Башмакова Е.П.;
д.э.н., проф. Васильев А.М.
к.э.н., доц. Дидык В.В.;
к.э.н., доц. Залкинд Л.О.;
к.э.н. Иванова Л.В.;
к.э.н., доц. Кобылинская Г.В.;
д.э.н., проф. Козьменко С.Ю.;
Павлова С.А. (отв. секретарь);
к.э.н., доц. Рябова Л.А.;
д.э.н., проф. Селин В.С. (главный редактор);
д.э.н. Скуфьина Т.П. (зам. главного редактора);
к.э.н., доц. Шпак А.В.;
к.т.н., доц. Цукерман В.А.

Ответственный редактор номера –
к.э.н., доц. Шпак А.В.

184200, г.Апатиты Мурманской области,
ул. Ферсмана, 24а
Тел.: 8-81555-79-257
E-mail: pavlova@iep.kolasc.net.ru

С требованиями к авторам статей и редакционной
политикой журнала можно ознакомиться на сайте
журнала по адресу: <http://www.iep.kolasc.net.ru/journal/>

Позиция редакции необязательно совпадает с
мнением автора

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования

Журнал включен в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНТИ

© Институт экономических проблем
им. Г.П.Лузина КНЦ РАН, 2015
© Кольский научный центр РАН, 2015

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Айлин Эспириту, доктор политических наук, научный
сотрудник, Баренц Институт Арктического университета
Норвегии (Киркенес, Норвегия)

Акулов Владимир Борисович, доктор экономических наук,
профессор, декан экономического факультета, зав.
кафедрой экономической теории и менеджмента
Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Россия)

Лаженцев Виталий Николаевич, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института социально-
экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ
УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Ласси Хейнинен, доктор политических наук, профессор,
Университет Лапландии (г. Рованиemi, Финляндия)

Ларичкин Федор Дмитриевич, доктор экономических наук,
профессор, директор Института экономических проблем им.
Г.П.Лузина Кольского научного центра РАН
(Апатиты, Россия)

Марит Ауре, доктор политических наук, Центр гендерных
исследований при Арктическом Университете Тромсе,
старший научный сотрудник в Северном научно-
исследовательском институте (Norut), (Тромсе, Норвегия)

Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических
наук, профессор, директор Института проблем
промышленной экологии Севера Кольского научного центра
РАН (Апатиты, Россия)

Мешалкин Валерий Павлович, член-корреспондент РАН,
заведующий кафедрой логистики и экономической
информатики МХТИ им. Д.И. Менделеева (Москва, Россия)

Моника Теннберг, доктор социальных наук, профессор,
Арктикцентр университета Лапландии
(Рованиemi, Финляндия)

Николаев Анатолий Иванович, член-корреспондент РАН,
заместитель директора Института химии и технологии
редких элементов и минерального сырья имени
И.В. Тананаева КНЦ РАН

Павлов Константин Викторович, доктор экономических
наук, профессор Ижевского государственного технического
университета им. М.Т.Калашникова, (Ижевск, Россия)

Пилясов Александр Николаевич, доктор географических
наук, профессор. Директор Центра экономики Севера и
Арктики СОПС, Председатель российской секции
Европейской ассоциации региональной науки и
Председатель социально-экономической секции
Экспертного совета по Арктике и Антарктике при
Председателе Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации

Расмус Оле Расмуссен, доктор географических наук,
старший научный сотрудник, Северный центр
пространственных исследований Nordregio
(г. Стокгольм, Швеция)

Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических
наук, профессор, профессор кафедры теории и истории
международных отношений СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)

Фруде Нильссен, доктор экономических наук, профессор,
Высшая школа бизнеса Университета Нурланда
(г. Буде, Норвегия)

Швецов Александр Николаевич, доктор экономических
наук, заместитель директора по научной работе Института
системного анализа РАН (Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ, КЛИМАТ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Васильев В.В., Селин В.С. Тенденции изменения климата на Севере и в Российской Арктике.....	5
Иванова Л.В. Проблемы и тенденции в исследованиях многоуровневого управления природными ресурсами.....	14
Павлов К.В. Инновационная экология: теоретические и практические вопросы.....	21
Симоненков В.П. Основополагающие принципы недропользования: проблемы реализации.....	31
Щербак А.П., Тишков С.В. Утилизация отходов рыбной промышленности в Республике Карелия.....	41

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Биев А.А., Шпак А.В. Формирование газотранспортных систем на арктических территориях России на примере проектов газификации Мурманской области.....	47
Дидык В.В. Развитие стратегического планирования в муниципальных образованиях Российского Севера и Арктики	57
Залкинд Л.О., Скуфьина Т.П. Государственная программа развития Арктической зоны Российской Федерации и ее влияние на социально-экономическое развитие Мурманской области.....	66
Митрофанова И.В., Жуков А.Н., Митрофанова И.А., Старокожева Г.И. Территориальные мегапроекты России: оценка исторического и современного опыта	74
Морозова Т.В., Козырева Г.Б. Качество институциональной среды сельских территорий России.....	83
Победоносцева Г.М., Победоносцева В.В. Стратегические аспекты экономического развития регионов Севера и Арктики России и ее ресурсной базы.....	93
Родионова Е.В., Шкарупа Е.А., Старокожева Г.И. Вектор импортозамещения в российской региональной экономической политике.....	100
Серова Н.А., Емельянова Е.Е. Инструменты государственной политики по улучшению инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации.....	109
Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Геоэкономическая стратегия России в Арктике	115
Чупенко Л.В. Рынок кредитных услуг населению в северных регионах России.....	122

УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ, ИНВЕСТИЦИЯМИ, ИННОВАЦИЯМИ

Качала Т.Н., Павлов К.В., Шевченко А.Н. Экономические и управленческие факторы ускорения процессов модернизации в региональных хозяйственных комплексах...	129
Николаева А.Б. Развитие инфраструктуры на трассе Северного морского пути.....	138
Селин В.С., Селин И.В. Региональная политика повышения энергетической эффективности.....	144
Серова Н.А. Методические аспекты оценки инвестиционной привлекательности регионов	152
Харитонов Г.Н. Проблемы особого эколого-правового статуса горнопромышленного комплекса в зоне Арктики.....	157
Цукерман В.А. Инновационное промышленное развитие Арктической зоны Российской Федерации: проблемы и перспективы	168

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ, КЛИМАТ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

УДК 338.984

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА СЕВЕРЕ И В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ*

V.V. Васильев,

кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник,

V.S. Селин,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина Кольского научного центра РАН, Апатиты

Аннотация. Показано, что изменение климата на территории Российской Федерации характеризуется значительным ростом температуры холодных сезонов года, ростом испаряемости при сохранении и даже при снижении количества атмосферных осадков за теплый период года, возрастанием повторяемости засух, изменением годового стока рек и его сезонным перераспределением, изменением условий ледовитости в бассейне Северного Ледовитого океана и в устьях северных рек. Анализируются также глобальные тенденции, в частности, возможное повышение уровня Мирового океана, которое, однако, растянется на длительный период. Выявлено, что в Российской Федерации значительно сократится площадь зоны, неблагоприятной по условиям жизнедеятельности. В частности, на Европейском Севере страны она сохранится только в Ненецком автономном округе, на побережье Кольского полуострова (восточная часть) и в районе Хибинских гор.

Ключевые слова: Север, климат, природа, Арктика, температуры, природа, акватории, тенденции, жизнедеятельность, дискомфортность.

TRENDS OF CLIMATE CHANGE ON THE NORTH AND IN THE RUSSIAN ARCTIC**

V.V. Vasilyev,

PhD (Geography), Leading Researcher,

V.S. Selin,

Doctor of Sciences (Economics), Professor, chief Researcher,

G.P. Luzin Institute for Economic Studies of KSC, RAS, Apatity

Abstract. The article examines the climate change in the Russian Federation are characterized by a significant increase of the temperature of the cold seasons of the year, increasing evaporability while maintaining and even reducing the amount of atmospheric precipitation during the warm period of the year, increasing in the frequency of droughts, changes in annual river runoff and its seasonal redistribution, changing conditions of ice cover in the Arctic Ocean and in the estuaries of northern rivers. Also the work analyzes the global trends, in particular, a possible rise of Global sea level, which, however, is spread over an extended period. It is revealed that in the Russian Federation the zone with unfavorable conditions of life activities will reduce considerably. In particular, it will remain on the European North of the country only in the Nenets Autonomous District, on the coast of the Kola Peninsula (eastern part) and in the Khibiny Mountains.

Keywords: The North, climate, nature, the Arctic, temperature, water areas, trends, life activities, discomfort.

Данные мониторинга климата России и Северного полушария, в целом, показывают, что в последние годы тенденция к потеплению значимо усиливается. Так, за период 1990-2000 гг. среднегодовая температура приземного воздуха в России возросла на 0.4°C, тогда как за все предыдущее столетие прирост составил 1.0°C. При этом 1990-е годы стали самыми теплыми за весь

*Статья подготовлена при проведении исследований по Программе Президиума РАН № 16 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие».

**This article was prepared for conducting research on the Program of the Presidium of RAS № 16 "Spatial Development of Russia in the XXI century: nature, society, and their interaction."

XX в. Но настоящий «температурный бум», который начался в 2000-х годах, стал символом наступления «новой климатической эпохи» – эпохи неуклонного наступления потепления [1]. Основываясь на материалах Росгидромета, мы приведем достаточно подробное описание динамики погодных условий этих лет, дабы продемонстрировать на конкретных примерах очень важную особенность общего потепления климата: увеличение общего количества энергии в атмосфере приводит к интенсификации циркуляции атмосферных барических образований (циклонов и антициклонов). В связи с этим наличие положительных или отрицательных аномалий не означает постоянного существования на одной и той же территории аномалий одного знака в течение всего года. Усиление процессов атмосферной циркуляции, увеличение мощности атмосферных барических образований способствуют усилению заноса как теплых воздушных масс на Север, так и холодных воздушных масс тыловых частей циклонов на Юг. При этом инвазии тепла и холода чередуются, определяя существование то теплой, то холодной, то дождливой, то засушливой погоды. Общее потепление климата на конкретных территориях ведет к нарастанию температурных контрастов и естественным образом сопровождается возникновением отрицательных температурных аномалий в самых разных частях света. Главным же итогом становится нарастание контрастности погодных условий до уровней, к которым социум еще не адаптировался, и которые воспринимаются человеческими сообществами как катастрофические или близкие к этому, что мы и увидим из подробного описания климатических процессов в первые годы XXI в. Особенно сильно новые погодные тенденции сказываются на Европе, живущей рядом с таким «тепловым насосом», как Гольфстрим. Европейцы особенно остро ощущают на себе климатические изменения, что и определяет их особую обеспокоенность [2].

За последние годы на всей территории России за исключением ряда районов Северного Кавказа и Сахалина имеет место тенденция к росту среднегодовой температуры воздуха. Особенно заметно потепление на севере Западной Сибири, на востоке Якутии, на юге Красноярского края, в Тыве, Иркутской области, Забайкалье. Однако это потепление осуществляется неравномерно в течение года. Наибольший прирост среднемесячной температуры до 0.5-0.6°C в течение 10 лет происходит в январе в центральных районах европейской территории России (ЕТР) и до 0.7-0.8°C в течение 10 лет в феврале к северу от Байкала. На европейской территории России тенденция к потеплению просматривается с января по апрель, в июне (особенно заметна), в июле (слабо выражена), в октябре (в восточных районах) и в декабре (в Северо-Западном федеральном округе). Однако в мае, августе-сентябре, октябре (в западных районах) и в ноябре очень заметен отрицательный тренд температуры воздуха до -0.3°C в течение 10 лет.

В Сибири в течение большей части года также наблюдается рост среднемесячных температур воздуха, особенно заметный в зимнее время. Вместе с тем, в Западной Сибири осень становится более прохладной – она раньше начинается (отрицательный тренд температуры в сентябре) и раньше уступает дорогу зиме (хорошо выраженная тенденция к похолоданию в ноябре), а в Восточной Сибири на фоне все более теплых зим заметно их ранее наступление, особенно в южных районах. На Дальнем Востоке климат также становится все более теплым. Однако на севере (Колыма и Чукотка) морозы в декабре и январе имеют тенденцию к усилению (тренд температуры от -0.3 до -0.5°C/10 лет).

Потепление более заметно зимой и весной и почти не наблюдается осенью (в последние 30 лет произошло даже некоторое похолодание в западных регионах). Более интенсивно потепление происходило к востоку от Урала. Надо отметить, что расчеты гидродинамических моделей климата при различных сценариях развития глобальной экономики (различные объемы выбросов парниковых газов в атмосферу) и расчеты по статистическим моделям на ближайшие 10-15 лет дают очень близкие результаты (значимое расхождение отмечается начиная примерно с 2030 г.), хорошо согласующиеся с оценками Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) (рис.1).

Прогноз изменения климата специалистов Росгидрометеоцентра, основанный на результатах экстраполяции, показывает, что фактически наблюдаемый тренд в потеплении на территории России к 2010-2015 гг. сохранится и приведет к росту, среднегодовой температуры приземного воздуха на $0.6 \pm 0.2^\circ\text{C}$ по сравнению с 2000 г. Другие характеристики прогноза, основанные на совместном использовании результатов экстраполяции и результатов моделирования климата, показывают, что на территории России в различных климатических зонах и в разные сезоны года изменения гидрометеорологического режима (температурного режима, режима осадков, гидрологического режима рек и водохранилищ, режима морей и устьев рек) будут проявляться по-разному [1].

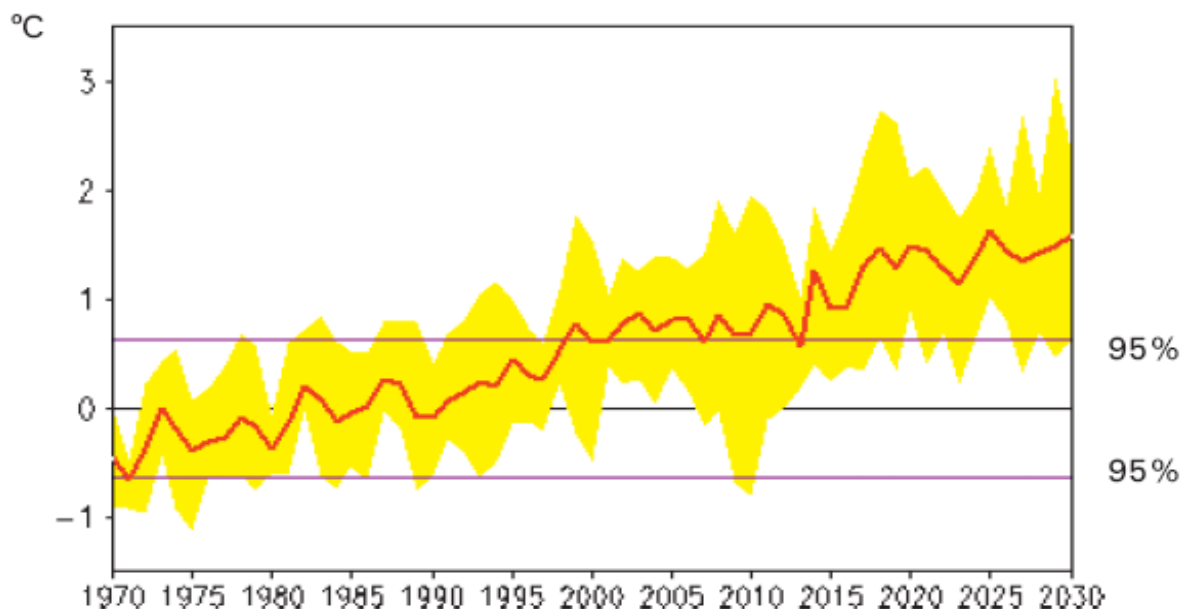

Рис.1. Рост температуры приземного воздуха для России по отношению к базовым значениям за период 1971-2000 гг., рассчитанный по ансамблю моделей на период до 2030 г. Желтым цветом выделена область, в которую попадают 75% средних модельных значений. Уровень значимости 95% средних по ансамблю моделей изменений температуры определен двумя горизонтальными линиями [2]

На большей части территории России ожидается дальнейшее повышение температуры воздуха зимой примерно на 1°C с определенными вариациями в различных регионах страны. Летом ожидаемое потепление будет слабее, чем зимой. В среднем оно составит 0.4°C. На фоне сравнительно медленного, по сравнению с зимним сезоном, потепления в летний сезон, проявляющегося уже в настоящее время, практически на всей территории России, прогнозируется рост числа дней с высокими значениями температуры воздуха и значительное увеличение вероятности экстремально продолжительных периодов с критически высокими значениями температуры воздуха. Годовые максимумы продолжительности таких периодов возрастут в 1.1-1.5 раза. Поскольку наибольшее потепление ожидается в высоких широтах, здесь же произойдет и наибольшее увеличение сумм активных температур периода активной вегетации (по расчетам ряда авторов – более 300°C) (рис.2) [1, 2].

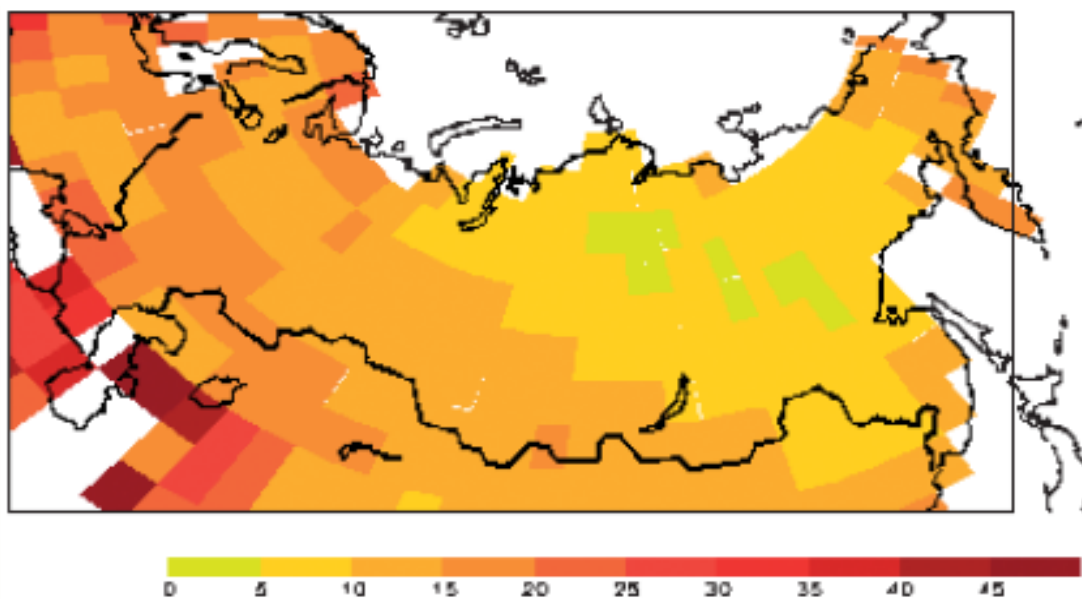

Рис.2. Рост числа дней с температурами выше 5°C (продолжительность вегетационного периода) при потеплении климата в середине 2041-2050 гг. по отношению к современному климату (1991-2000 гг.)

В Мурманской, Архангельской областях, республиках Карелии и Коми, а также в Ханты-Мансийском автономном округе разности прогностических сумм активных температур со средними многолетними, рассчитанными по той же методике, превысили 400°C.

Среди этих регионов выделяется Ненецкий автономный округ, где, в среднем, за время инструментальных наблюдений период с устойчивой средней суточной температурой выше 10°C отсутствует (средняя температура июля 10.1°C), а при ожидаемом потеплении сумма активных температур выше 10°C составит 767°C. Это территория с наибольшим увеличением теплообеспеченности вегетационного периода.

По данным за последнее 30-летие XX в. тенденция увеличения продолжительности периода вегетации (период с температурами воздуха выше +50°C) наблюдалась на большей части европейской территории России (за исключением территории Южного федерального округа), а также на территориях Уральского и Сибирского федерального округов (за исключением северных районов: п-ова Ямал, о.Таймыр и прилегающих к ним территорий). Средние изменения составили 5-10 дней за 30 лет.

Во второй половине XX в. в восточных районах европейской территории Российской Федерации (Республика Коми, Пермская область, Республика Башкортостан, Оренбургская область), а также в западных районах Западной Сибири (Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская и Омская области), участились оттепели, их число увеличилось на 5-22 дня, что привело к уменьшению высоты и продолжительности залегания снежного покрова. С потеплением климата этот процесс должен усиливаться.

Оценка изменения режима осадков и состояния водных ресурсов

С учетом существующих трендов и модельных прогнозов российских и зарубежных исследователей специалисты Росгидрометецентра прогнозируют дальнейший рост среднегодового количества осадков на территории страны преимущественно за счет их увеличения в холодный период.

На преобладающей части территории России к 2015 г. зимой будет выпадать осадков на 4-6%, а летом на 2-4% больше, чем за базовый период. Самое существенное увеличение количества осадков зимой ожидается на севере Восточной Сибири, но и оно не превысит 7-9%. Необходимо подчеркнуть, что летом усиливаются преимущественно конвективные осадки, что указывает на увеличение повторяемости ливней и связанных с ними экстремальных режимов погоды. Ожидаемые через 10-15 лет изменения накопленной массы снега к началу марта имеют разные по знаку тенденции в разных регионах России. Масса снега будет уменьшаться на большей части европейской территории России (кроме Республики Коми, Архангельской области и Уральского региона), а также на юге Западной Сибири. К 2015 г. это уменьшение составит 10-15% и усилится в дальнейшем. Уменьшение снеготпасов в перечисленных субъектах Российской Федерации неблагоприятно сказывается на сельском хозяйстве, так как ведет к уменьшению почвенной влаги весной. На остальной территории России (Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток) ожидается увеличение снегонакоплений на 2-4% [2].

Общая дестабилизация климатических процессов привела к увеличению неравномерности выпадения осадков на разных территориях от сезона к сезону и от года к году, но на больших отрезках времени крайности сглаживаются на этапе осреднения. Тем не менее, по информации Росгидрометецентра в течение XX в. в Северном полушарии количество осадков увеличилось на 5-10%, хотя в некоторых южных регионах сократилось (например, в Северной и Западной Африке и некоторых районах Средиземноморья).

Основываясь на исследованиях Института водных проблем РАН, можно ожидать, что в результате изменения режима температуры и осадков к 2015 г. наиболее значительно изменится годовой объем стока обращенных на юг рек в бассейнах Каспийского и Черного морей: увеличение зимнего стока составит 60-90%, летнего – 20-50% по отношению к наблюдаемому в настоящее время.

В целом, для территории России следует ожидать увеличения возобновляемых водных ресурсов на 8-10%, при этом водообеспеченность на одного жителя увеличится на 12-14%. Увеличение произойдет на большей части территории России: на севере и северо-западе европейской территории России (ЕТР), на Урале, на большей части Сибири и Дальнего Востока, то есть в регионах, где формируется более 95% водных ресурсов страны.

Наиболее сильное увеличение среднегодового стока ожидается на водосборе Лены и Енисея, что обусловлено, в частности, ростом накопленной за зиму массы снега и более быстрым его таянием весной. На водосборе Енисея и Лены уже с 1920-х гг. увеличение стока выходит за пределы случайных колебаний. Таким образом, вероятность больших весенних паводков на этих водосборах будет возрастать.

Что касается водопотребления, то для северных регионов России будет характерен рост водообеспеченности на фоне отсутствия роста водопотребления. В то же время в ряде местностей на фоне обилия поверхностных вод наличествует дефицит питьевой воды, соответствующей санитарно-гигиеническим стандартам. В этих местностях необходимо организовывать водоснабжение за счет подземных вод, которые практически всегда наличествуют, но в отдельных толщах могут быть минерализованы, что требует дополнительного гидрогеологического обследования территорий в целях обнаружения линз питьевой воды высокого качества [1].

Что касается прогноза наводнений на реках России, то они могут быть вызваны прохождением высокой волны весеннего, весенне-летнего или летнего (Приморье, горные районы) половодья, дождевого или снежодождевого паводка редкой повторяемости, заторами и зажорами льда, а также совокупным действием перечисленных факторов.

Катастрофические и опасные наводнения в период весеннего половодья на реках с площадью водосбора более 50 тыс. км² происходят во многих районах России (центральные и северные районы европейской территории России, Восточной Сибири и Северо-Востока, Камчатки), где максимальные расходы 1%-й вероятности усложняются заторами льда, и где продолжительность затопления пойменных участков может составлять от 12 до 24 сут., а максимальные расходы могут превышать их средние многолетние значения в 2 раза. В связи с прогнозируемым увеличением массы снега к 2015 г. мощность весенних половодий может возрасти также на реках Архангельской области, Республики Коми, Уральского региона, на водосборе Енисея и Лены.

Катастрофические наводнения, обусловленные ледовыми заторами и зажорами, характерны для рек Сибири и Севера европейской части России, особенно в местах выхода рек из гор на равнину. Иногда катастрофические наводнения при ледовых заторах бывают и в южных районах страны (например, в Краснодарском крае в 2002 г.). По прогнозам, к 2015 г., в 2-3 раза ожидается повышение частоты заторных наводнений на р.Лена (Республика Саха-Якутия).

Прогноз влияния изменений климата на природную среду и человека

Хотя для условий глобального потепления на 2-4°С и более нет общепринятых подробных моделей изменения границ природных зон, модель для потепления в 1°С демонстрирует масштаб природных перестроек. Обобщенно можно обрисовать следующую картину.

На материковых тундрах исчезнут совсем малопродуктивные полярные пустыни, замещенные различными вариантами моховых и лишайниковых тундр, что расширит границы богатых оленьих пастбищ к северу. В то же время тундровые сообщества очень сильно сократятся в южной своей части, а в западном секторе Арктики полностью будут заменены лесотундрой. Для оленеводства это не приведет к непреодолимым трудностям, так как именно лесотундры являются местом зимнего выпаса большей части поголовья домашних оленей в наиболее малокормный зимний период. При этом экспликация пастбищ будет сильно меняться, что приведет к необходимости перестройки сезонных ритмов оленеводческих хозяйств, маршрутов сезонных кочевий, порядка используемых угодий.

В целом, увеличение биопродуктивности природных угодий повысит ресурсный потенциал традиционного природопользования, но оно должно будет пройти через этап длительных и сложных перестроек, что потребует дополнительных усилий и расходов.

Изменение природных условий воздействует на индустриальные виды хозяйственной деятельности, дестабилизируя несущую способность грунтов в условиях деградации вечной мерзлоты. Особенно опасна ситуация, создающаяся при переходном состоянии, которое связано с резким увеличением обводненности грунтов и их «текучести» в процессе деградации верхних горизонтов многолетнемерзлых пород. Через некоторое время ситуация стабилизируется, и грунты обретают устойчивость в своем новом состоянии. Но сложный переходный этап также необходимо будет преодолевать.

Еще одну существенную проблему для индустриальных видов хозяйственной деятельности будет представлять увеличение жесткости климата за счет роста контрастности погодных условий, которая оказывает негативное воздействие на человеческий организм и технические устройства, что потребует дополнительных мер адаптации.

Значительные проблемы могут возникнуть в сфере функционирования коммунального хозяйства и транспортной системы. Дело в том, что к наиболее активным источникам наземных антропогенных воздействий на мерзлоту относятся инженерные сооружения. Их микроклиматический эффект может быть самым разнообразным. Основное тепловое влияние здания на грунты – это затенение как непосредственно под зданием, так и близ него. Вследствие этого при правильной эксплуатации здания с проветриваемым подпольем (обычное строительство в районах вечной мерзлоты) грунты становятся холоднее за счет малого прогревания в теплое время года.

Крупный город может влиять и на снижение общего прихода солнечной радиации, и потерю тепла при излучении в результате запыления и задымленности. Ослабленное продувание и большое количество конденсирующихся частичек в воздухе создают условия для увеличения повторяемости туманов и даже облачности над большими городами. В зависимости от характера застройки и ориентации улиц создаются отдельные островки тепла и холода. Например, по наблюдениям в г.Иркутске, в центральной его части температура воздуха оказалось теплее, чем в пригородной зоне, в среднем на 3°C, а разница в температуре воздуха между отдельными районами города достигает 5°C [3].

Проблема взаимодействия мерзлоты с постройками имеет еще один аспект – пространственный. На Севере и в Арктике, где крупные реки текут с юга на север, неся с собой большие потоки тепла, борта их долин уже значительно прогреты, и для деградации мерзлоты много дополнительного тепла не нужно. Однако это проблема касается только тех участков земли, которые непосредственно прилегают к берегам крупных рек. Именно на них стоят северные поселки и даже такие крупные города, как Якутск. Главная опасность для сооружений в таких поселках – оползающие по переувлажненной поверхности активно тающей мерзлоты склоны речных террас, а также усиливающийся из-за потепления размыв реками своих берегов. Ранее, когда поселки возникали, было существенно холоднее, и «холодная» мерзлота прочно держала борта долин рек вместе с отстроенными на них поселениями. Но общее потепление вкупе с сильным нарушением в поселках растительности постепенно привели к прогреву мерзлых грунтов и активизации процессов солифлюкции. В такой ситуации единственным выходом может стать перенос крайних к реке улиц этих населенных пунктов в новое, более надежное место.

Потепление климата должно привести к изменению природной обстановки в первую очередь на обширных пространствах арктических побережий России и на шельфовых островах. Вероятно, прогрев суши вызовет в летнее время усиление ветрового потока, направленного с более охлажденных пространств околополюсных льдов в сторону континента. Увеличение площади безледных акваторий, особенно в морях Восточной Арктики, обусловит большую гидродинамическую активность шельфовых вод и их более продолжительное в течение года штормовое абразионное воздействие на берег. Протаивание верхнего горизонта аллювиальных отложений в районе дельты Лены будет способствовать увеличению площадей озер и болот, переполнение которых приведет к формированию новых водотоков. Не исключено, что в результате потепления климата, особенно на пространствах приморских низменностей восточнее Лены, граница кустарниковой растительности сдвинется в пределы кочкарно-моховой тундры.

Основной причиной изменений природных условий в арктических морях будет, как предполагают многие специалисты, общее уменьшение их ледовитости, особенно существенное в Карском, Лаптевых, Восточно-Сибирском и Чукотском морях, где южная граница многолетних паковых льдов отодвинется, по-видимому, далеко на север. Не исключено, что она будет располагаться вблизи бровки шельфа в море Лаптевых и на расстоянии в несколько сотен километров от берега в Восточно-Сибирском море. Основные акватории арктических морей, возможно, в конце будущего столетия будут покрываться льдами только в холодное время года и, следовательно, в них значительно возрастет транспортировка льдом осадочного материала. Одновременно в морях, которые в настоящее время большую часть года в основном покрыты полями паковых льдов, дрейфующих сюда из Центральной Арктики, в будущем при их частичном или полном освобождении ото льдов в летние месяцы, значительно возрастет гидродинамическая активность. Это приведет к расширению собственно прибрежной зоны, увеличению глубины воздействия волн на дно и отодвиганию в сторону моря, так называемой, «границы илов». Такой процесс особенно должен быть замечен в морях Восточно-Сибирском и Лаптевых.

Возможные изменения в продуктивности и видовой структуре биоса, связанные с изменившимися особенностями гидрологического режима, могут привести к возникновению новых конкретных объектов в составе и распространении бентосной фауны. Можно предположить, что в районах усиления конвергенции различных по свойствам и происхождению водных масс могут

возникнуть новые биоструктуры – ракушечные банки, подобные тем, которые существуют сейчас вблизи берегов Кольского полуострова в районе, где Мурманская ветвь Нордкапского течения поворачивает в Белое море. Такие постройки могут возникнуть на северо-востоке Баренцева моря, где струя Гольфстрима будет стыковаться с арктической водной массой на севере Новой Земли и у берегов Земли Франца Иосифа [4].

Влияние климатических изменений на дискомфортность жизнедеятельности населения

Необходимо отметить, что вопросам влияния возможных изменений климата на условия проживания и хозяйственной деятельности на Севере и в арктических регионах посвящено большое число работ, в том числе относительно недавнего, постреформенного периода [5-8]. В них достаточно подробно рассматриваются методические подходы к структуризации территорий по условиям дискомфортности, а также анализируются возможности и особенности государственного регулирования на Российском Севере. Однако прикладное районирование – процесс достаточно динамичный и есть смысл кратко остановиться на последних исследованиях по этой проблеме.

Теоретически, потепление климата в регионах Севера и Арктики должно смягчить воздействие климатических условий на организм человека. Однако реальная картина сложна и неоднозначна, что хорошо иллюстрирует анализ изменений параметров климата и сезонной динамики погод. Хорошей иллюстрацией является сопоставление последнего периода потепления со среднемноголетними условиями по одному из наиболее показательных индексов комфортности/дискомфортности – индекса влажного ветрового охлаждения и по сумме биоклиматических индексов, рассчитанных специалистами Института географии РАН [9].

На основании оценки изменения отдельных показателей при потеплении климата вычислена интегральная балльная оценка природной дискомфортности и построена карта "Районирование территории России по природным условиям жизни населения" для середины XXI в. (2041-2050 гг.). Сравнение полученной карты с картой "Районирование территории Российской Федерации по природным условиям жизни населения", построенной для условий конца XX в., позволит определить области наибольших возможных изменений природно-климатических условий для проживания на территории России в середине нынешнего века (рис.3, 4).

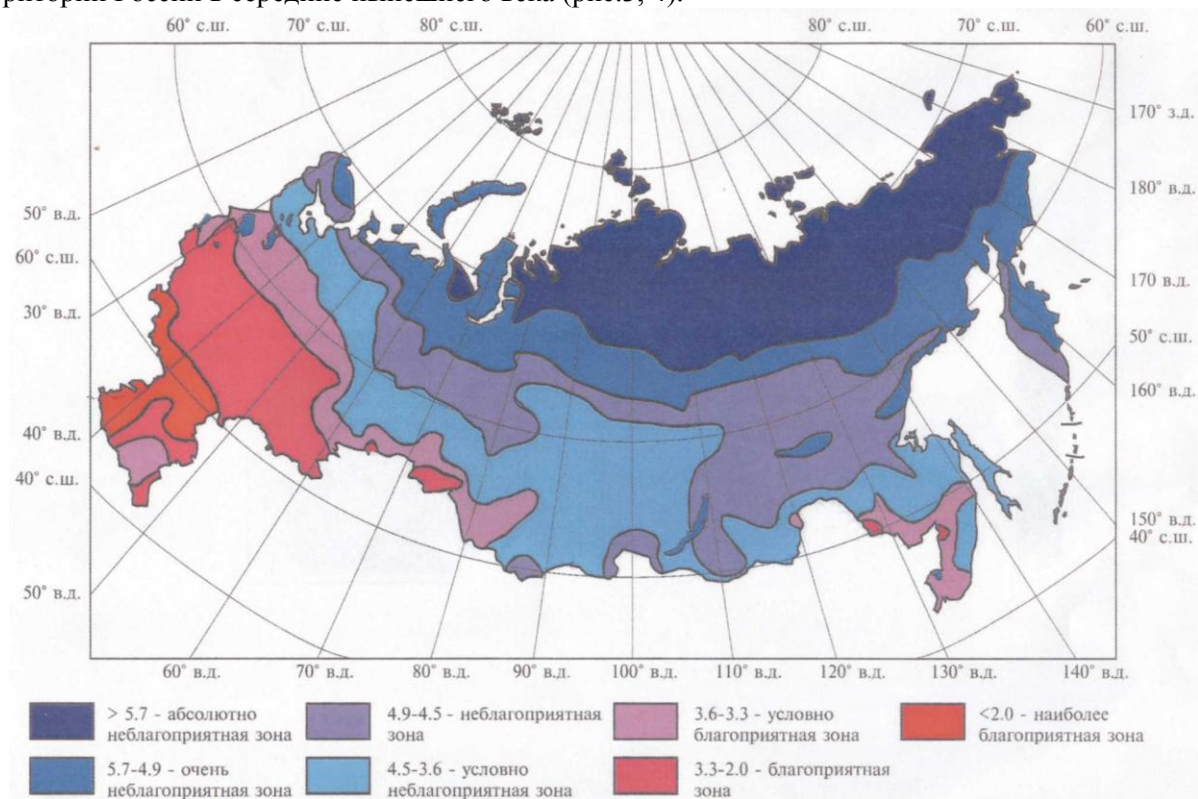

Рис.3. Районирование территории Российской Федерации по природным условиям жизни населения (2000 г.)

Оценка жизнедеятельности населения в середине XXI в., по прогнозам, показывает ослабление дискомфорта по сравнению со второй половиной XX в.

Существенно сократится площадь неблагоприятной зоны, которая протянется узкой полосой с северо-запада на восток вдоль южной границы очень неблагоприятной зоны. На европейской территории она сохранится только на севере Архангельской области и на Кольском полуострове, в районе Хибинских гор. В азиатской части граница этой зоны пройдет вдоль 70-65° с.ш., тогда как в Якутии и Забайкалье в конце XX в. она опускалась почти до государственной границы. Наибольший сдвиг южной границы неблагоприятной зоны на север произойдет в Западной Сибири и Якутии, где он будет достигать 600-1000 км. На европейской территории России и в Красноярском крае изменение положения границы этой зоны не будет столь значительным – всего 100-300 км. Сокращение неблагоприятной зоны приведет к значительному расширению условно неблагоприятной зоны, в результате граница этой зоны практически будет совпадать с границей неблагоприятной зоны конца XX в. Следовательно, большинство территорий, которые в XX в. были неблагоприятными, к середине XXI в. станут условно неблагоприятными. Смещение южной границы этой зоны на север на европейской территории в середине века составит 200-300 км, на Урале и в Западной Сибири – 500-600 км, а на Дальнем Востоке – порядка 100 км (рис.4).

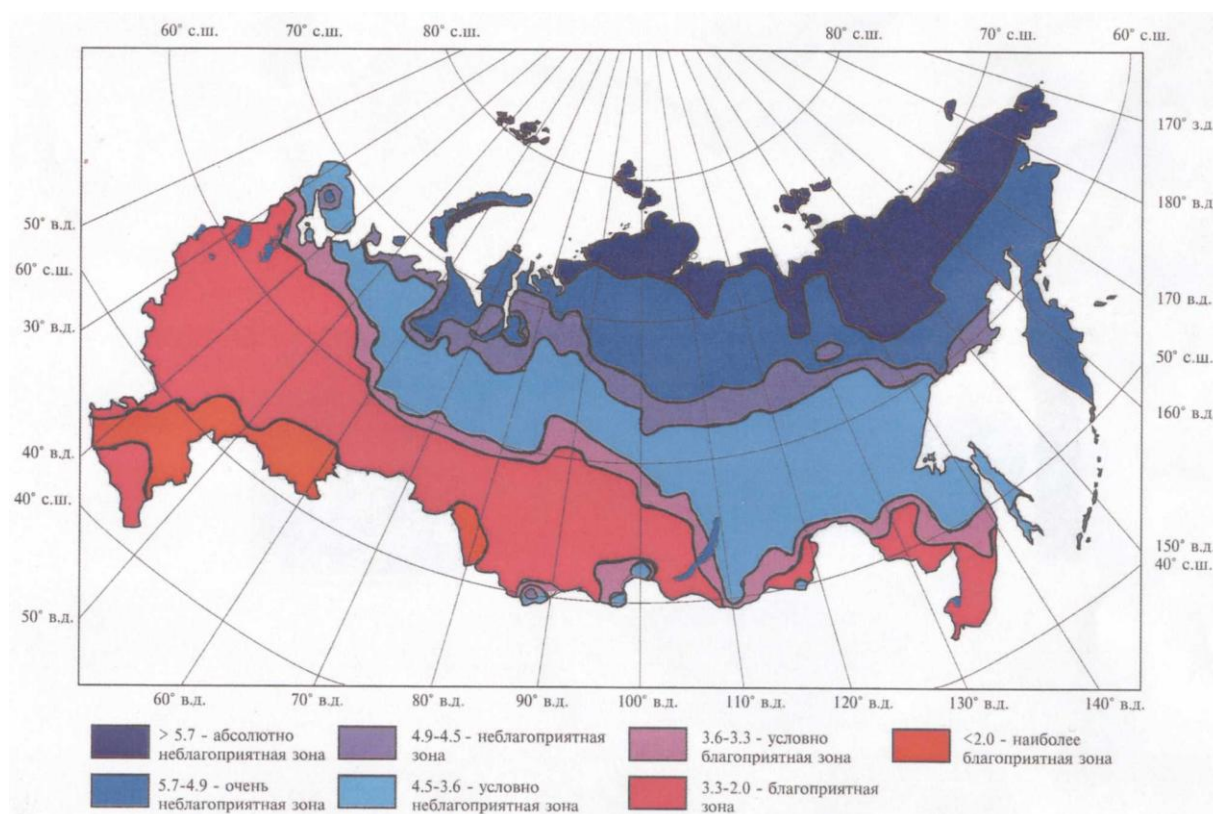

Рис.4. Районирование территории Российской Федерации по природным условиям жизни населения для середины XXI в. (2041-2050 гг.)

Северная граница благоприятной зоны продвинется до 63° с.ш., на 200 км. На юге Западной Сибири благоприятная зона заменит условно благоприятную и условно неблагоприятную, а на юге Красноярского края – условно неблагоприятную. Только в горах Алтая и Саян сохранятся условно благоприятная и условно неблагоприятная зоны. В целом, такие значительные изменения в условиях жизнедеятельности обусловят необходимость адаптации мер государственного регулирования, включая систему гарантий и компенсаций. Возможность и механизм их трансформации необходимо начинать разрабатывать уже сейчас.

Литература

1. Материалы к «Стратегическому прогнозу изменений климата Российской Федерации на период до 2010-2015 гг. и их влияния на отрасли экономики России». М.: Росгидромет, 2005.
2. Мелешко В.П., Голицын Г.С., Говоркова В. и др. Возможные антропогенные изменения климата России в XXI веке: оценки по ансамблю климатических моделей // Метеорология и гидрология, 2004, № 4. С. 38-49.
3. Хрусталева Л.Н., Медведев А.В., Пустовайт Г.П. Многолетнее изменение температуры воздуха и устойчивость проектируемых в криолитозоне сооружений // Криосфера Земли, 2000. Т. IV, № 3. С. 35-41.
4. Васильев В.В., Жуков М.А. Влияние потепления климата на хозяйственную деятельность в Арктических регионах России. Апатиты: Изд КНЦ РАН, 2009. 105с.
5. Селин В.С., Васильев В.В., Широкова Л.Н. Российская Арктика: география, экономика, районирование. Апатиты: Изд. КНЦ РАН РАН. 2011. 204 с.
6. Районирование Севера России: новые подходы / под ред. проф. Волгина Н.А. и др. М.: Изд. РАГС. 2010. 174 с.
7. Селин В.С. Механизм промышленной инновационной политики в территориальных системах // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. Т. 1, № 29. С.26-30.
8. Васильев В.В. Особенности и проблемы выделения Арктики в современном законодательстве России // Там же. 2014. Т. 3, № 40. С.45-48.
9. Золотокрылин А.Н., Кренке А.Н., Виноградова В.В. Районирование России по природным условиям жизни населения. М.: ГЕОС, 2012. 156 с.

Reference

1. Materials for the "strategic climate change projections of the Russian Federation for the period up to 2010-2015 and their impact on the sector of the Russian economy. M.: Roshydromet, 2005.
2. Meleshko V.P., Golitsyn G.S., Govorkova V., et al. Possible anthropogenic climate change of Russia in XXI century: evaluation of the ensemble of climate models // Meteorology and Hydrology, 2004, № 4. P. 38-49.
3. Khrustalev L.N., Medvedev A.V., Pustovayt G.P. Long-term changes in air temperature and the stability of the designed structures in permafrost // Earth's Cryosphere, 2000. T. IV, № 3. P.35-41.
4. Vasilyev V.V., Zhukov M.A. Impact of climate warming on economic activity in the Arctic regions of Russia. Apatity, KSC RAS, 2009. 105c.
5. Selin V.S., Vasilyev V.V., Shirokova L.N. Russian Arctic: geography, economics, zoning. Apatity. KSC RAS. 2011. 204 p.
6. Zoning North of Russia: new approaches. Under the scientific // Ed. prof. Volgin NA et al. M.: RAGS. 2010. 174 p.
7. Selin V.S. The mechanism of industrial innovation policy in territorial systems // North and market: formation of economic order. 2012 V. 1. № 29. P.26-30.
8. Vasilyev V.V. Characteristics and problems of isolation of the Arctic in the modern Russian legislation // North and market: formation of economic order. 2014. V. 3. № 40. P.45-48.
9. Zolotokrylin A.N., Krenke A.N., Vinogradov V.V. Zoning Russia on natural living conditions of the population. M.: GEOS, 2012. 156 p.

**ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МНОГОУРОВНЕВОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ***Л.В.Иванова,***канд. эконом. наук, старший научный сотрудник****Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина Кольского научного центра РАН, Апатиты**

Аннотация. Большинство примеров взаимодействия человека и окружающей среды в отношении использования природных ресурсов возникает на различных уровнях. С середины 1980-х гг. процессы децентрализации в сфере управления природными ресурсами стали набирать обороты. Современное управление природными ресурсами делает отношения между различными уровнями власти все более важными и, по сути, превратило их в многоуровневое управление, означающее взаимодействие различных структур управления, обусловленное реализацией властно-исполнительных функций одновременно на нескольких уровнях (федеральном, субфедеральном, региональном и местном). Литература, касающаяся этого вопроса, охватывает несколько дисциплин, включая экономику природопользования, экологию, право и политологию. В целом, механизмы управления природными ресурсами должны представлять собой соответствующее сочетание местных и государственных институтов, имеющих сильную поддержку со стороны центральных органов власти. Государственные институты необходимы для обеспечения поддержки при формировании или усилении местных институтов, если они не существуют или оказываются недостаточно сильными для урегулирования конфликтов и обеспечения соблюдения соглашений об использовании ресурсов. Однако на настоящий момент не существует единого управленческого подхода, структуры управления или другого институционального строения, которые были бы подходящими для всего огромного разнообразия социально-экологических систем или позволяли бы достичь многочисленных целей и удовлетворить все потребности человечества, связанные с потреблением природных ресурсов. Дальнейшее изучение вопросов многоуровневого управления должно быть основано на междисциплинарном подходе с применением разнообразных методов и изучением управления комплексными ресурсными системами.

Ключевые слова: многоуровневое управление, природные ресурсы, сложность, принятие решений, институты.

**CHALLENGES AND TRENDS IN STUDIES OF MULTILEVEL GOVERNANCE
OF NATURAL RESOURCES***L.V.Ivanova,***PhD (Economics), Senior Researcher****G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of RAS, Apatity**

Abstract. Most examples of interactions between man and the environment regarding use of natural resources occur at different levels. Since the mid-1980s decentralization processes in natural resource management began to intensify. Modern management of natural resources makes relationships between different levels of government increasingly important and, in fact, turned them into multi-level governance, meaning interactions of various management structures caused by implementation of power-executive functions at several levels (federal, sub-national, regional and local). Literature on the issue covers several disciplines, including environmental economics, ecology, law and political science. In general, the mechanisms of natural resource management should be an appropriate mix of local and state institutions strongly supported by the central government. State institutions are necessary to support formation or strengthening of local institutions, if they do not exist or are not strong enough to resolve conflicts and ensure compliance with the agreements on the use of resources. However, at present there is no single management approach, management structure or another institutional structure that would be suitable for all the huge variety of socio-ecological systems, or make it possible to achieve numerous objectives and meet all needs of humankind, related to consumption of natural resources. Further study of multi-level governance issues should be based on a multidisciplinary approach using a variety of methods and studying management of complex resource systems.

Keywords: multilevel governance, natural resources, complexity, decision making, institutions.

Использование любого вида природных ресурсов подразумевает процессы взаимодействия человека и окружающей среды, как правило, одновременно протекающие на различных уровнях. Более того, «человеческий» аспект такого взаимодействия всегда подразумевает вовлечение заинтересованных сторон, часто весьма отличающихся друг от друга по своей сущности и интересам,

а аспект, касающийся окружающей среды, всегда включает различные размеры или объемы, виды использования, а также ценность любого природного ресурса. Эти факторы создают значительную проблему для формирования институтов, нацеленных на содействие устойчивому управлению взаимодействием человека и окружающей среды. Литература, касающаяся этого вопроса, охватывает несколько дисциплин, включая экономику природопользования, экологию, право и политологию.

Управление природными ресурсами требует сотрудничества и координации между государственными ведомствами в рамках общих стратегических целей, которые объединяют экономические и экологические задачи.

К внутригосударственному сотрудничеству и координации относятся взаимодействия между государственными организациями на одном и том же горизонтальном уровне, например, министерствами национального уровня. Многоуровневое управление при этом подразумевает вертикальное сотрудничество и координацию. В последние десятилетия во многих странах власть рассредоточилась по сферам ответственности, что означает, что местные, региональные, провинциальные и другие субнациональные уровни правительства, скорее, являются инициаторами политики, чем просто ее исполнителями в традиционно иерархически организованной системе.

У государственных организаций имеется выбор из целого ряда инструментов для обеспечения эффективного сотрудничества и координации. Внутриведомственное сотрудничество часто обеспечивается через внутриведомственные комитеты, призванные: разрабатывать и координировать подходы к решению проблем, разрешать конфликты и т.п. Многоуровневое управление стремится к достижению как единства в политике, так и инноваций в ней с допущением того, что политические решения могут возникать на любом уровне власти, и что взаимодействие и сотрудничество необходимы и для того, и для другого.

К некоторым инструментам, обеспечивающим эффективное многоуровневое управление, относятся:

- документы стратегической ориентации, которые устанавливают общие цели политики и детализируют распределение полномочий и ответственностей между уровнями власти и государственными организациями;
- стратегическая оценка воздействия предложений в области политики;
- регулярные форумы для многоуровневого (например, местного, регионального, национального) диалога по вопросам политики, планов и т.п.;
- многосторонние партнерства по определенным ресурсам, группам ресурсов и/или проектам и программам [1].

Многоуровневое управление предназначено для обеспечения надежности процесса принятия решений и процессов разработки политики путем включения информации и знаний, интересов и ценностей более широких слоев общества.

Многостороннее принятие решений сосредоточивается вокруг конкретных проблем и секторов и нацелено на выработку решений (например, для разработки политики, установления стандартов и т.д.), которые имеют большую законность, лучше продуманы, легче осуществимы, чем решения, принятые без участия заинтересованных сторон и взаимодействия между ними. Таким образом, многоуровневое управление расширяет возможности для обоснованного управления путем распределения ответственности, создания доверия и обеспечения подотчетности.

Теория многоуровневого управления возникла в начале 1990-х гг. как продукт изучения теории европейской интеграции. Ряд исследователей решили проанализировать новые реалии в интеграции европейских сообществ, возникшие после подписания в 1992 г. Маастрихтского договора. Первыми, кто заговорил тогда о многоуровневом управлении, были L. Hooghe и G. Marks из Университета Амстердама (Нидерланды). Последний в своей работе «Структурная политика и многоуровневое управление в ЕС» дал одно из первых определений понятия «многоуровневое управление» как «системы постоянных переговоров между связанными друг с другом правительствами на различных территориальных уровнях». Изначально в теории многоуровневого управления основное внимание уделялось сетевому взаимодействию правительственных структур разного уровня. Однако со временем свое место в ней заняли и исследования роли неправительственных заинтересованных сторон [2].

Особое место в работах посвященных многоуровневому управлению, занимает региональный аспект. Так, например, основное внимание в работе «Ослабление центрального государства, но каким образом?» Hooghe и Marks уделяют именно усилению роли регионов.

Структура многоуровневого управления предусматривает, в частности, привлечение к процессу принятия решений неправительственных сторон, структур гражданского общества, поскольку сетевое управление возникает тогда, когда нужных целей уже невозможно достичь только с помощью традиционных иерархически связанных каналов власти. Участие в политических сетях различных неправительственных объединений, групп интересов, частных лиц является еще одной гранью многоуровневого управления, которой, однако, уделяется не столь много внимания, как роли регионов [3].

Современное государственное управление, в том числе в отношении природных ресурсов, делает отношения между различными уровнями власти все более важными и, по сути, превратило их в многоуровневое управление, означающее взаимодействие различных структур управления в государстве, обусловленное реализацией властно-исполнительных функций одновременно на нескольких уровнях (федеральном, субфедеральном, региональном и местном).

Campbell и др. выделили ряд принципов управления природными ресурсами в контексте запросов и требований заинтересованных сторон на участие и биофизической, экономической и политической сложности разработки политики в области природных ресурсов в мире, где ресурсы становятся все более скудными; они могут служить в качестве «критерия» для определения степени многоуровневого управления:

- Правомомерность, включая правовую, демократическую законность и признание заинтересованными сторонами компетенции и авторитета организации в сфере управления; применение компетенции на минимально возможном уровне; целостность в применении данной компетенции;

- прозрачность, включая обзор принятия решений, открытое информирование о причинах принятия решений, доступ к информации о решениях;

- подотчетность, включая «распределение и принятие ответственности за решения и действия», а также демонстрация того, была ли соблюдена подобная ответственность, и каким образом;

- вовлеченность, включая права и возможности заинтересованных сторон участвовать в процессе принятия решений;

- справедливость, включая принятие во внимание мнения заинтересованных сторон, обеспечение согласованного и беспристрастного принятия решений и рассмотрение затрат и выгод, связанных с решениями;

- интеграция, включая координацию между уровнями власти и организациями и между приоритетами и планами;

- способности, включая различные возможности облеченных властью структур соблюдать возложенные на них обязанности;

- приспособляемость, включая способность усваивать и учитывать новые знания, реагировать на опасности и возможности; и анализировать опыт [4].

Подразумевается, что приведенные принципы должны обеспечивать соблюдение руководящих указаний по разработке институтов управления природными ресурсами с целью решения сложных межсекторальных проблем, в которых заключены различные интересы, таким образом, чтобы они поддерживали социально-экономическое развитие и учитывали естественные ограничения путем сохранения природного капитала. Признание того, что только юридических полномочий и технической компетенции недостаточно для того чтобы признать правомомерность выбора управляющих организаций, привело к «революции» в участии заинтересованных сторон в управлении природными ресурсами. Хорошо продуманное участие заинтересованных сторон находится в центре обоснованного управления природными ресурсами и окружающей средой. Хотя одного участия недостаточно для того, чтобы обеспечить обоснованные решения, этот подход является своеобразным трамплином, от которого можно отталкиваться для создания институтов, учитывающих другие принципы обоснованного управления природными ресурсами, включая законность, подотчетность, честность, участие и, в определенной степени, интеграцию и приспособляемость. Например, многоуровневое управление было введено для модельных лесов Республики Коми и Псковской области в Российской Федерации, что привело к расширению экономической деятельности в лесах, росту взаимопонимания между заинтересованными сторонами, а также созданию в целом более открытой и прозрачной обстановки в системе управления [1].

Применительно к природным ресурсам вопросы многоуровневого управления широко обсуждаются уже на протяжении достаточно продолжительного периода. Кроме того, за последние десятилетия в самом понятии природных ресурсов произошло, по крайней мере, три существенных изменения. Эти изменения включают видение природных ресурсов с точки зрения экосистем, начавшееся около сорока лет назад; близко связанное с ним понятие «комплексных адаптивных систем», вышедшее на первый план примерно двадцать лет назад; и более позднее исследование взаимодействий человека и биофизического мира с точки зрения «социально-экологических систем».

Хотя эти меняющиеся понятия природных ресурсов развивались в ответ на осознание учеными того факта, что необходимо развивать аналитический аппарат, изменения также имели существенное значение для управления природными ресурсами, и, таким образом для конструирования институциональной инфраструктуры. Поэтому для того чтобы перейти к теме институционального окружения управления природными ресурсами, целесообразно рассмотреть факторы, которые внесли свой вклад в измененные концепции в отношении природных ресурсов.

Большинство ученых, занимающихся проблемами управления природными ресурсами, приходят к согласию по поводу того, что реальная сложность, взаимодействие и взаимозависимость между ресурсами и их пользователями требует сосредоточения на масштабе.

Интегрированное управление природными ресурсами (ИУПР) – это комплексный процесс, который возникает на различных уровнях при наличии множества стейкхолдеров, каждый из которых имеет свои собственные цели; ИУПР включает целый ряд различных видов деятельности, содержащих многочисленные компоненты, и соответственно риск, но оно стремится к сосредоточению на наиболее подходящих индикаторах, таких как устойчивость и распределение прибыли, которые меняются вместе с масштабами, в которых осуществляется управление, и с масштабами, в которых происходят преобладающие социально-экономические процессы. Вмешательство может оказаться эффективным на определенном уровне, но иметь совершенно другие последствия на других уровнях.

Анализ на низовом уровне достаточно легко выполним, однако гораздо сложнее исследовать воздействия на более высоких уровнях, когда необходимо рассматривать множество усложняющих факторов: экологических, социальных, культурных, институциональных, экономических и политических. Исследователи также могут подходить к изучению ИУПР при помощи критериев множественной оценки, таких как сокращение бедности, экологическая устойчивость, сохранение природных ресурсов, экономический рост и человеческое и социальное развитие, которые отражают варьирующие интересы различных стейкхолдеров.

Ряд исследователей отмечают, что большие проблемы возникают, когда природное явление (объект) управляется в институциональном масштабе, властный предел достигаемости которого не соответствует географическому масштабу или, в особенности, пространственной динамике экологической проблемы [5,6].

Горизонтально-вертикальные сети управления ресурсами могут создавать не только гибкое управление, но также управление, которое включает большее количество участников и является более эффективным. Эластичность и стабильность систем управления зависит от распределения выгоды от горизонтально-вертикальных связей среди пользователей ресурсами и государственными стейкхолдерами. Многоуровневое управление должно получать поддержку не только по экологическим причинам, но еще и потому, что разделенная ответственность по управлению ресурсами создает положительную мотивацию для их устойчивого использования. Понятие «встроенного управления» (nested governance) – применяется как потенциальное определение многоуровневого управления [7].

Обзор литературных источников по теме показывает, что государство и его уполномоченные агентства на различных уровнях упоминаются как решающие участники эффективного управления природными ресурсами. Оно может способствовать развитию и эффективности местных организаций (местный уровень), предоставлять помощь через политическую и финансовую поддержку деятельности групп (региональный уровень), и пропагандировать благоприятную политику, которая помогает местным организациям быть эффективными (национальный уровень).

Различные исследователи предлагают разные типы масштабов и уровней для рассмотрения в управлении природными ресурсами. Например, Harrington и др. определяют следующие типы масштабов:

- масштаб анализа: от определенного растения до участка земли, фермы, бассейна реки, региона;

- масштаб вмешательства: высокий уровень вмешательства, такой как изменение политики, изменения в институциональных механизмах или правах собственности, а также обеспечение коллективных действий в сравнении с вмешательствами более низкого уровня, такими как расширение определенной практики;
- масштаб инвестиций в стратегии вмешательства: небольшие или крупные инвестиции в расширение или усилия по предоставлению информации для политиков;
- масштаб расширения прав и возможностей местных сообществ;
- масштаб географического охвата практики интегрированного управления природными ресурсами;
- масштаб воздействия: например, в какой степени такие желаемые результаты, как повышение производительности системы и качества ресурсов, были достигнуты посредством исследования ИУПР [8].

Между этими масштабами существуют связи: более мощное воздействие происходит от более высоких уровней инвестиций в приемлемых стратегиях вмешательства или от более эффективного использования этих инвестиций через передачу большего количества прав и возможностей местным сообществам, которое приводит к расширению географического охвата положительной практики.

Ряд исследователей рассматривают масштаб как иерархию или как величину (значимость). Иерархический масштаб включает в себя процессы, посредством которых масштабы более высокого уровня накладывают ограничения на масштабы более низкого уровня. Например, законы национального уровня ограничивают сферу полномочий и автономию местного уровня, тогда как местные органы власти имеют очень незначительное влияние на формирование национальных законов. Также проводятся различия между географическим, или пространственным масштабом и временным масштабом. Временной масштаб означает разделение на временные рамки, касающиеся темпов, продолжительности и частоты природных явлений. Тесно связанным с этими масштабами является масштаб юрисдикции, который определяется как четко ограниченные и организованные единицы, такие как города, округа, штаты или провинции, а также народы и конституционные и законодательные связи между ними [7, 8].

Большинство исследователей, занимающихся вопросами многоуровневого управления природными ресурсами, согласны с двумя противоположными подходами: «Большое Правительство» (Big Government) и «Малое Красиво» (Small is Beautiful). Murphree, например, утверждает, что, хотя оба эти подхода представляют собой усилия, направленные на сопоставимость масштабов, у обоих есть проблемы. Подход «Большое Правительство» навязывает традиционное управление природными ресурсами через государственные учреждения, при этом часто не признавая существующие системы горизонтально-вертикальных/межуровневых взаимодействий в сфере использования ресурсов. Такие проблемы в характере использования ресурсов сокращают гибкость и подрывают способность приспосабливаться к внезапным потрясениям, таким, например, как изменчивость климата.

Подход «Малое Красиво» стремится к размещению сферы полномочий на местном уровне. При нахождении на таком уровне сфера полномочий более понятна для тех, кого она непосредственно касается, и политически более приемлема. Контроль, осуществляемый через местные органы власти, часто оказывается более жестким и эффективным, чем предписания издалека. Подход «Малое Красиво» является более действенным при распределении ответственности и мотивации экологических инвестиций и управления. Кроме того, все вопросы, касающиеся полномочий и ответственности, могут согласовываться в рамках одного местного учреждения, либо быть четко скоординированы между заинтересованными субъектами [9].

В последние десятилетия широко поощряется участие местных сообществ в управлении природными ресурсами (bottom-up approach). Участие общественности усиливает перспективы эффективной, справедливой и устойчивой совместной деятельности.

Тем не менее, Lovell и др. показывают, что инициативы снизу потребуют поддержки со стороны внешних агентств, чтобы они могли функционировать эффективно [10].

Совместное управление природными ресурсами тесно связано с децентрализацией, подходом «сверху вниз» (top-down approach) к созданию связей между масштабами. Дискуссия в специальной литературе разворачивается вокруг способности децентрализации содействовать местному участию и обеспечивать функционирование эффективных механизмов устойчивого управления ресурсами.

Хотя децентрализация является перспективным механизмом, связывающим институты управления природными ресурсами на различных уровнях, политика и методы для его реализации

являются сложными, зависящими от конкретной ситуации, и сталкиваются с множеством препятствий. Однако, очевидно, что децентрализация дает местному уровню возможность определять свои собственные проблемы, распределять ресурсы более эффективно, снижать затраты на получение информации и получать удовлетворение от чувства ответственности за принимаемые решения.

Таким образом, практика установления связей между различными уровнями показывает, что подходы, основанные на инициативном участии местного сообщества (bottom-up) и децентрализации (top-down), нельзя назвать полностью эффективными. Poteete и Ostrom отмечают, что атрибуты ресурсов, атрибуты пользователей и институциональной среды являются ключевыми факторами, которые необходимо учитывать в развитии сотрудничества в различных масштабах при управлении природными ресурсами [7].

Групповые характеристики, такие как размер и однородность, также приобретают важное значение в решении вопросов координации и распределения. Неоднородность в группах может существовать в рамках нескольких направлений (таких как пол, власть, благосостояние, этническая принадлежность и т.п.). При этом необходимо выяснить, какие типы неоднородности могут способствовать развитию межуровневого сотрудничества (например, путем создания стимулов к сотрудничеству), а какие могут ему препятствовать (например, путем подрыва доверия).

Остается открытым вопрос: является ли радикальная децентрализация необходимым условием эффективного природопользования? Коллективные действия, будь то вертикальные или горизонтальные, являются дорогостоящими. Помимо получения информации, субъекты отношений должны преодолеть проблемы координации, проблемы распределения и стимулирования, связанные с ресурсами. Местное самоуправление может способствовать успешному управлению ресурсами, но это не является достаточным. Таким образом, для эффективного и устойчивого управления природными ресурсами необходима связь между масштабами [9].

Механизмы ИУПР должны представлять собой соответствующее сочетание местных и государственных институтов, имеющих сильную поддержку со стороны центральных органов власти. Государственные институты необходимы для обеспечения поддержки при формировании или усилении местных институтов, если они не существуют или оказываются недостаточно сильными для урегулирования конфликтов и обеспечения соблюдения соглашений об использовании ресурсов [7].

В целом, можно констатировать, что невозможно охватить и объяснить истинную сложность взаимодействий человека и ресурсов без разбивки по масштабу и рассмотрения межуровневых связей. Тип института должен соответствовать масштабу ресурсов, одновременно стимулируя горизонтально-вертикальные связи между различными субъектами деятельности. Оба подхода (сверху вниз и снизу вверх) обладают определенными достоинствами. При этом каждый из них имеет свои недостатки.

Одним из наиболее важных выводов является то, что на современном этапе не существует единого управленческого подхода, структуры управления или другого институционального строения, которые были бы подходящими для всего огромного разнообразия социально-экологических систем или позволяли бы достичь многочисленных целей и удовлетворить все потребности человечества, связанные с потреблением природных ресурсов. Дальнейшее изучение вопросов многоуровневого управления природными ресурсами должно быть основано на междисциплинарном подходе с применением разнообразных методов и изучением управления комплексными ресурсными системами.

Литература

1. Рамонова М.А., Жужа Д.Ю. Стратегии управления природными ресурсами в международных политических системах // Право и политика. 2012. № 1. С. 133-142.
2. Marks G. Structural policy and Multi-level governance in the EC // A.Cafurny and G.Rosenthal (ed.) The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond Boulder 1993. P.391-411.
3. Hooghe L., Marks G. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // American Political Science Review. 2003, V. 97 (2). P. 233-243.
4. Campbell B., Sayer J.A., Frost P., Vermeulen S., Ruiz Pérez M., Cunningham A., and Prabhu R. Assessing the Performance of Natural Resource Systems [Электронный ресурс] // Conservation Ecology? 2001. V. (5)2:22. URL: <http://www.consecol.org/vol5/iss2/art22> (accessed 17.10.2014).

5. Adger W. Brown K. and Tompkins E.L. The Political Economy of Cross-scale Networks in Resource Co-management [Электронный ресурс] // Ecology and Society. 2005. V. (10)2:9. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol10/iss2/art9> (accessed 19.10.2014).
6. Gottret M., White D. Assessing the Impact of Integrated Natural Resource Management: Challenges and Experiences [Электронный ресурс] // Conservation Ecology. 2001, V. (5)2: 17. URL: <http://www.consecol.org/vol5/iss2/art17> (accessed 29.10.2014).
7. Poteete A., Ostrom E. An Institutional Approach to the Study of Forest Resources, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indiana.edu/~workshop/papers/W01I-8.pdf> (accessed 03.10.2014).
8. Harrington L., White J., Grace P., Hodson D., Hartkamp A.D., Vaughan C., Meisner C. Delivering the Goods: Scaling Out Results of Natural Resource Management Research [Электронный ресурс] // Conservation Ecology, 2001. V. (5) 2:19. URL: <http://www.consecol.org/vol5/iss2/art19> (accessed 25.10.2014).
9. Murphree M. Boundaries and Borders: The Question of Scale in the Theory and Practice of Common Property Management // Proceedings of the Eighth Biennial Conference of the International Association for the Study of Common Property (IASCP) (Bloomington, Indiana, U.S.A, May 31 – June 4, 2000. URL: <http://www.indiana.edu/~workshop/wsl/co-man.php> (accessed 29.10.2014).
10. Lovell C., Mandondo A., Moriarty P. The Question of Scale in Integrated Natural Resource Management [Электронный ресурс] // Conservation Ecology, 2002, V. (5)2:25. URL: <http://www.consecol.org/vol5/iss2/art25> (accessed 02.10.2014).

References

1. Ramonova M.A., Zhuzha D.Yu. Strategii upravleniya prirodnymi resursami v mezhdunarodnyh politicheskikh sistemah [Strategies of managing natural resources in international political systems] // Pravo i politika (Law and policy). 2012. № 1. P. 133-142. (In Russ.)
2. Marks G. Structural policy and Multi-level governance in the EC // A.Cafurny and G.Rosenthal (ed.) The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond (Boulder. 1993). P.391-411.
3. Hooghe L., Marks G. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // American Political Science Review. 2003. V. 97 (2). P. 233-243.
4. Campbell B., Sayer J. A., Frost P., Vermeulen S., Ruiz Pérez M., Cunningham A., and Prabhu R. Assessing the Performance of Natural Resource Systems [Электронный ресурс] // Conservation Ecology? 2001. V. (5)2. P. 22. URL: <http://www.consecol.org/vol5/iss2/art22> (accessed 17.10.2014).
5. Adger W., Brown K. and E.L. Tompkins The Political Economy of Cross-scale Networks in Resource Co-management [Электронный ресурс] // Ecology and Society. 2005. V. (10)2. P. 9. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol10/iss2/art9> (accessed 19.10.2014).
6. Gottret, M., White D. Assessing the Impact of Integrated Natural Resource Management: Challenges and Experiences [Электронный ресурс] // Conservation Ecology. 2001. V. (5)2. P. 17. URL: <http://www.consecol.org/vol5/iss2/art17> (accessed 29.10.2014).
7. Poteete A., Ostrom E. 2004. An Institutional Approach to the Study of Forest Resources [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indiana.edu/~workshop/papers/W01I-8.pdf> (accessed 03.10.2014).
8. Harrington, L., White J., Grace P., Hodson D., Hartkamp A. D., Vaughan C., Meisner C. Delivering the Goods: Scaling Out Results of Natural Resource Management Research [Электронный ресурс] // Conservation Ecology, 2001. V. (5) 2. P. 19. URL: <http://www.consecol.org/vol5/iss2/art19> (accessed 25.10.2014).
9. Murphree M. Boundaries and Borders: The Question of Scale in the Theory and Practice of Common Property Management // Proceedings of the Eighth Biennial Conference of the International Association for the Study of Common Property (IASCP) (Bloomington, Indiana, U.S.A, May 31 – June 4, 2000. URL: <http://www.indiana.edu/~workshop/wsl/co-man.php> (accessed 29.10.2014).
10. Lovell C., Mandondo A., Moriarty P. The Question of Scale in Integrated Natural Resource Management [Электронный ресурс] // Conservation Ecology, 2002. V. (5)2. P. 25. URL: <http://www.consecol.org/vol5/iss2/art25> (accessed 02.10.2014).

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

К.В.Павлов,

**доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики и управления,
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»**

Аннотация. Предпринята попытка определить основные направления и сформулировать важнейшие задачи становления новой научно-учебной дисциплины «инновационная экология». Используются количественные методы оценки влияния в отношении применения интенсивных методов использования производственных ресурсов, в том числе природных ресурсов, на эффективность экономических процессов. Результаты работы свидетельствуют о том, что в связи с возросшей ролью инноваций в жизнедеятельности современного общества, подобно тому, как эффективно используются результаты и выводы научно-учебной дисциплины «инновационная экономика», содержащей описание теоретических основ инновационной экономики и практических подходов к организации инновационной деятельности в рыночных условиях, также целесообразно было бы разработать основы научно-учебной дисциплины «инновационная экология», которая самым тесным образом связана с инновационной экономикой. Одной из важнейших проблем, рассматриваемых в рамках инновационной экологии, должна стать проблема исследования экологических подсистем, которые обязательно должны содержаться в национальных и региональных инновационных системах. Кроме того, большое значение имеет исследование финансово-экономических методов и механизмов, которые широко используются в системе государственного и муниципального регулирования экологических инновационных процессов. Разработка основных направлений исследований в рамках новой научно-образовательной дисциплины «инновационная экология» позволит сформировать оптимальные параметры использования технологических процессов и организационных условий, соответствующих экологическим требованиям, и в то же время экономически эффективных.

Ключевые слова: инновационная экономика, инновационная экология, новое направление экологической науки, теоретические и практические аспекты, научно-учебная дисциплина.

INNOVATION ECOLOGY: THEORETICAL AND PRACTICAL QUESTIONS

K.V.Pavlov,

**Doctor of Economics, Professor,
department Chair of economy of Kamsky Institute of Humanitarian and Engineering Technologies**

Annotation. It shall to identify major trends and to formulate the most important task of establishing a new scientific discipline "Innovation Ecology". We used quantitative methods for assessing the impact on the application of intensive methods of use of productive resources, including natural resources on the effectiveness of economic processes. Work showed that due to the increased role of innovation in the life of modern society, like how to effectively use the results and conclusions of the scientific discipline "Innovative Economy" containing the description of the theoretical foundations of the innovation economy and practical approaches to the organization of innovation in market conditions, it is advisable to also develop the basics of scientific discipline "innovative environment", which is most closely associated with the innovation economy. One of the main problems addressed in an innovative environment, should be a study of the environmental problem of subsystems that must be contained in national and regional innovation systems. In addition, great importance is the study of financial and economic instruments and mechanisms, which are widely used in the system of state and municipal regulation of environmental innovation processes. Development of the main areas of research within the framework of a new scientific discipline "Innovation Ecology" will develop the optimal parameters for the use of technological processes and organizational conditions that meet environmental requirements and at the same time cost-effective.

Keywords: innovation economy, innovative environment, a new trend of environmental science, theoretical and practical aspects, scientific and academic discipline.

Опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует о том, что в последнее время инновации стали основой повышения конкурентоспособности этих стран, а также базовым элементом их общественной структуры. По оценкам, доля инновационно-информационного сектора за последние годы многократно возросла и составляет в развитых государствах 45-65% [1]. Кроме

того, данный сектор стал важнейшей основой, генерирующей современное социально-экономические развитие, ключевым фактором динамики и роста экономики развитых стран.

Именно наличие развитого инновационно-информационного сектора во многом определяет важнейшее отличие передовых государств от стран третьего мира. Возросшая роль инноваций в жизнедеятельности современного общества способствовала становлению неэкономии, экономики знаний, инновационной экономики как нового направления современной экономической науки.

Основы теории инновации были заложены в XX в. такими крупными учеными, как Й.Шумпетер, Ф.Бродель, Г.Менш, С.Кузнец, Н.Кондратьев, П.Сорокин и др. В научный оборот понятие «инновация» как новую экономическую категорию ввел Й.Шумпетер, который под инновациями понимал изменения с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных, транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности [2]. Очевидно, что в настоящее время знания, информация стали важнейшим элементом производительных сил, производительным ресурсом, по масштабам сопоставимым или даже превосходящим традиционные ресурсы: природные, трудовые, материальные и даже капитальные.

Инновационный процесс представляет собой совокупность научно-технических, технологических и организационных изменений, происходящих в процессе создания и реализации нововведений, при этом критериальной характеристикой инновационного процесса выступает внедрение новшества в качестве получения конечного результата, реализованного в производстве [3]. Таким образом, инновация – это продукт научно-технического прогресса. Она является результатом творческой деятельности коллектива, направленной на совершенствование существующей системы и имеющей практическую реализацию.

Для инноваций характерны следующие обязательные свойства: научно-техническая новизна; производственная применимость и коммерческая реализуемость. Объектами инноваций могут быть материалы, продукты, технологии, средства производства, люди и межчеловеческие отношения, социальная среда, а также организация и ее подразделения. Учитывая возросшую роль инноваций в жизни современного общества, в последнее время стала интенсивно развиваться теория инновационной экономики.

«Инновационная экология» как научно-образовательная дисциплина самым тесным образом связана с инновационной экономикой. Более того, в национальной и региональных инновационных системах обязательно должны быть экологические подсистемы. Кроме того, финансово-экономические методы и механизмы широко используются в системе государственного и муниципального регулирования экологических процессов.

Важнейшей задачей инновационной экологии в обозримом будущем должна стать разработка технологий, позволяющих сделать антропогенный круговорот веществ как можно более замкнутым, тем самым приблизив его в идеале к природному круговороту веществ. Достижение полной безотходности нереально, так как все это противоречит второму началу термодинамики, и поэтому речь идет в основном о создании и использовании малоотходных технологий, под которыми понимается такой способ производства, который обеспечивает максимально эффективное использование сырья и энергии, с минимумом отходов и потерь энергии [4]. При этом одним из важнейших условий малоотходной технологии является рециркуляция, сущность которой заключается в повторном использовании материальных ресурсов, что позволит экономить сырье и энергию и тем самым уменьшить образование отходов.

Малоотходная технология основывается на использовании комплекса мероприятий по сокращению до минимума количества вредных отходов и уменьшению их воздействия на окружающую среду. К этим мероприятиям относятся следующие:

- создание принципиально новых производственных процессов, позволяющих исключить или сократить технологические стадии, на которых происходит образование отходов;

- разработка бессточных технологических систем и водооборотных циклов на основе очистки сточных вод;

- создание и выпуск новых видов продукции с учетом требований повторного ее использования;

- разработка систем переработки отходов производства во вторичные материальные ресурсы.

Разработка малоотходных технологий должна осуществляться с учетом региональных особенностей. Учитывая, что около 70% территории России относится к зоне Севера, исключительно актуальна проблема разработки малоотходных технологий в разных сферах горной промышленности

(например, в процессе добычи апатито-нефелинового концентрата), в которых бы учитывались социально-экономические и экологические особенности северных регионов страны [5]. Еще одним важнейшим аспектом развития инновационной экологии является разработка и использование интенсивных методов ведения хозяйственной деятельности.

В разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему (т.е. как и во времена социалистической экономики) имеет трудосберегающее направление в старопромышленных регионах Урала – в Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области – крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В Белгородской области, где на высоком уровне развиты металлургическая и горнодобывающая отрасли промышленности, очень эффективно осуществление мероприятий материалосберегающего направления. Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации или экстенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько подгрупп, соответствующих разным направлениям интенсификации – трудо-, фондо-, материалосберегающему и т.д. в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики той или иной страны. Напомним, что, говоря о процессах экстенсификации и интенсификации, имеются в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели. При одном происходит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ресурс. Целесообразно определять поэтому интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономию стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например, живой труд. Таким образом, предложенный подход понимания процесса интенсификации позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия.

Интенсификация общественного производства является одной из важнейших тенденций развития мировой экономики. Особенно сильно эта тенденция проявляется в развитых капиталистических странах. Это объясняется тем обстоятельством, что интенсификация, важнейшим фактором которой является научно-технический прогресс, является обязательным условием и материально-технической основой существенного повышения социально-экономической эффективности и ускорения темпов развития народно-хозяйственного комплекса страны. Интенсификация производства является также одним из важнейших факторов повышения конкурентоспособности отечественной продукции.

Действительно, в современных условиях именно наукоемкие технологии: роботизация, биотехнология, электронно-вычислительная техника позволяют достигать высоких стандартов, уровня и качества жизни. Достаточно сказать, что Япония, не имеющая сколько-нибудь серьезных запасов природных ресурсов, стала одной из ведущих держав мира благодаря, прежде всего, эффективному использованию научно-технического потенциала, причем далеко не только своего (как известно, Япония является крупнейшим импортером лицензий). То же самое можно сказать и про другую быстроразвивающуюся страну – Южную Корею.

Значение процесса интенсификации в связи со все более возрастающей дефицитностью невозпроизводимых природных ресурсов в обозримой перспективе еще более возрастет. Вместе с тем во многих постсоциалистических странах в последнее время темпы и уровень интенсификации производства все еще недостаточно высоки. Все это справедливо и для стран СНГ, в том числе и для России. Необходимо отметить, что в советский период о необходимости всемерной интенсификации говорилось на всех уровнях общественной иерархии, в том числе и на самом высоком.

Цель интенсификации производства – повышение эффективности народного хозяйства [6]. Поэтому весьма важно рассмотреть соотношение категорий «эффективность» и «интенсификация», на которое существует несколько принципиально различающихся точек зрения. Некоторые экономисты всецело увязывают интенсификацию с повышением эффективности производства [7]. Так, В.П.Лебедев пишет: «Всякое изменение производства, ведущее к его развитию и увеличению эффективности, можно рассматривать фактором интенсификации» [8, с.10]. Другие авторы считают, что эффективность возрастает и при экстенсивном расширении производства. Так, И.А.Тихонов утверждает, что неправомерно сводить интенсивный тип расширенного воспроизводства к более эффективному использованию личных и вещественных факторов производства [9].

А.А.Баранов считает, что хотя повышение эффективности производства является целью интенсификации, но нередко интенсивное и эффективное не совпадает во времени. Для подтверждения этой точки зрения можно привести такой пример: наивысший народно-хозяйственный эффект нередко достигается не тогда, когда новая машина только вышла из рук своего создателя, а практически уже на стадии интенсивного расширения апробированной техники. Причем нередко к моменту достижения наибольшего эффекта от освоения новой техники она перестает быть наиболее прогрессивной [10]. Таким образом, взаимосвязь интенсификации с эффективностью производства зависит от того, что понимается под последней, и каким образом эффективность рассчитывается. Если в приведенном примере при расчете эффекта учитывать все время эксплуатации, то, скорее всего, окажется, что эффективнее процесс интенсификации.

В связи с этим необходимо рассматривать эффективность и интенсификацию как взаимосвязанные, но, безусловно, различные категории. Уже отмечалось, что исследователи, отождествляющие понятия «эффективность» и «интенсификация», как правило, исходят из положения о возможности расширять производство путем увеличения объема используемых ресурсов («поле производства») и путем повышения эффективности их использования. Однако, поскольку необходимо различать эффективность использования отдельных ресурсов и эффективность производства, то отождествление категорий «эффективность» и «интенсификация» неправомерно. Таким образом, если и можно отождествлять в определенном смысле интенсификацию и более эффективное использование ресурсов, то это ни в коей мере не значит, что можно отождествлять интенсификацию производства и его эффективность. Хотя интенсификация производства направлена на повышение эффективности, но этого в определенной мере можно добиться и экстенсивным путем, причем в некоторых случаях мы получим больший эффект, чем при интенсивном варианте развития производства. В качестве примера достаточно привести довольно часто встречающееся явление: руководители предприятий нередко предпочитают эксплуатировать давно освоенную, порой низкопроизводительную технику вместо того, чтобы заботиться о техническом перевооружении производства. Это связано с тем, что для использования нового оборудования нужно переучивать кадры, требуется известный промежуток времени, чтобы выйти на плановую мощность, что приводит порой к ухудшению показателей результативности сравнительно с аналогичными базисными значениями этих показателей.

В связи с этим Р.М.Меркин и О.Г.Соловьева считают, что четкое разграничение понятий эффективность и интенсификация производства позволит выявить свойственные этим категориям измерители, при этом очень важной остается задача оценки эффективности процесса интенсификации. Это тем более необходимо в связи с тем, что для строительства, например, нередки случаи неэффективной интенсификации производства (например, чрезмерная концентрация ресурсов для ускорения строительства и др.) [11].

В середине 1960-х гг. ряд ученых, занимающихся вопросами экономики сельского хозяйства, считали, что производство ведется интенсивными методами лишь тогда, когда происходит рост удельных затрат, т.е. под интенсификацией ими понималась форма концентрации вложений на одной и той же земельной площади [12]. В связи с этим некоторые исследователи, занимающиеся экономическими проблемами рыбоводного комплекса, под интенсификацией производства также стали понимать концентрацию вложений на одной и той же площади. Так, С.С.Бабан-Луценко по этому поводу отмечал: «Признаком факта интенсификации можно считать все то, что связано с дополнительными затратами средств производства и труда для создания искусственной продуктивности водоема и увеличения выхода продукции» [13, с.163]. Для этих ученых отправной точкой их рассуждения явилось известное рассуждение К.Маркса, который писал, что под интенсификацией понимают «концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого» [14, с.227]. Однако смысл этого высказывания как раз в том, что не дополнительные вложения определяют сущность интенсификации, а концентрация капитала на определенной площади обрабатываемой земли.

В свете сказанного неправомерно считать, что рост затрат на производство всегда служит признаком экстенсивного развития. Более того, как верно отмечает А.А.Баранов: «Опыт показывает, что без затрат невозможно создать интенсивное хозяйство» [10, с.11]. Поэтому, как правило, для достижения определенного производственного результата при условии экономии ресурса на единицу выпуска продукции приходится затрачивать определенные средства. Подобной позиции придерживаются многие исследователи. Так, Г.Д.Титова считает, что при интенсификации должны органически сочетаться противоположные тенденции производства: тенденция к росту затрат на

единицу площади и тенденция к снижению их на единицу продукции [6]. Таким образом, при интенсификации производства рост затрат должен вести к повышению эффективности. Исходя из этого, ряд исследователей для объяснения неоправданных затрат пользовались понятиями «рациональной» и «нерациональной», «эффективной» и «неэффективной» интенсификации производства. Эффективность или неэффективность интенсификации производства ими определялись в зависимости от того, превышал ли суммарный эффект затраченные средства или был меньше их [15].

Следует различать эффективность интенсификации производства, эффективность различных направлений интенсификации (в том числе в зависимости от «объекта», где осуществляется интенсификация). Важно различать также и то, эффективна или нет интенсификация (ее направления) с точки зрения общества, отрасли, региона, предприятия (причем, понятно, что эффективность интенсификации будет определяться взаимодействием всех уровней и элементов экономической системы, так же, как и функционированием каждого элемента). В связи с этим иногда считают, что если под эффективностью понимать рост производительности общественного труда, то в этом случае процесс интенсификации производства в масштабе всего общества совпадает с эффективностью. На это можно возразить следующее. В масштабе всего общества сведение эффективности только к росту производительности общественного труда неправомерно, так как в этом случае не учитывается соответствие результатов производства структуре общественных потребностей. Важно и то, что, хотя с точки зрения экономии общественно необходимого рабочего времени интенсификация общественного производства и совпадает с ростом общественной производительности труда, но существует несколько видов экономии, а, значит, сводить интенсификацию общественного производства только к экономии времени нельзя.

Так, Г.Н.Сорокин считает, что интенсификация характеризуется показателями факторов ее развития и величиной эффекта, полученного за их счет, а эффективность – величиной совокупного эффекта, определяемого не только интенсивными, но и экстенсивными факторами. Но фактический эффект, полученный благодаря интенсивным факторам, не всегда характеризует интенсификацию в полной мере [16]. Это в значительной мере связано с тем, что следует различать измеримые и неизмеримые показатели экономического эффекта, так как не все составляющие экономического эффекта, в том числе и эффекта интенсификации производства на данном этапе развития науки поддаются количественному выражению. Например, в тех случаях, когда техника удовлетворяет новые общественные потребности, для выбора наиболее эффективного варианта не всегда удается ограничиться только показателями приведенных удельных или годовых затрат.

Ряд ученых считает, что совокупный народно-хозяйственный эффект интенсификации производства включает в себя экономический и социальный эффект, т.е. нужно говорить о социально-экономическом эффекте интенсификации производства [10]. Он должен проявляться в повышении материального благосостояния членов общества, стирании социально-экономических различий в труде работников, различий между городом и деревней, создании возможностей всестороннего развития всех членов общества и т.д. Эти моменты также весьма сложно количественно учесть при определении эффекта интенсификации производства.

Экономическую эффективность интенсификации производства следует определять группой показателей, поскольку лишь несколько показателей способны достаточно объективно учесть всю сложность проблемы. Более того, поскольку различают разные направления интенсификации производства, то для оценки эффективности того или иного направления должны существовать, помимо оценивающих общую эффективность интенсификации производства, показатели, характеризующие эффективность именно этого направления. Однако следует еще раз отметить, что лишь сочетание количественных и качественных параметров позволит определить эффективность интенсификации производства.

Одним из наименее изученных теоретических вопросов, связанных с интенсификацией производства, является определение ее социально-экономической эффективности. Это обусловлено тем, что специалисты нередко отождествляют категории интенсификации и эффективности, что, на наш взгляд, неправомерно, так как, несмотря на определенную схожесть, эти категории не являются тождественными. Более того, можно и нужно определять эффективность самого процесса интенсификации. Заметим, что одной из наиболее типичных проблемных социально-экономических ситуаций, возникающих в различных отраслях и сферах экономики, является следующая: какой способ решения определенной производственной проблемы избрать – экстенсивный или интенсивный. Например, в социалистическую эпоху, когда на многих предприятиях ощущалась проблема дефицита рабочей силы (кстати, по ряду специальностей, в определенных отраслях

дефицит рабочей силы имеет место и в условиях переходного периода), очень часто возникал вопрос: а что эффективнее – привлечение дополнительной рабочей силы (например, из трудоизбыточных регионов) или же внедрение трудосберегающей техники? При переходе к рынку очень часто возникает другой вопрос: насколько оправдано внедрение трудосберегающей техники в условиях роста безработицы? Обобщая, можно выразиться иначе: что эффективнее – экстенсивный или интенсивный способ решения производственной задачи? Поэтому далее рассматривается методический подход к решению этой общей задачи [7].

Как известно, в специальной литературе под эффектом довольно часто понимается какой-то производственный результат, а не разница результата и затрат. Однако, как уже отмечалось, среди нескольких значительно различающихся между собой теоретических концепций эффективности есть и такая, в которой под эффектом понимают разницу между результатом и затратами, а под эффективностью – их отношение. Такое понимание эффекта более правильно, на наш взгляд, отражает смысл этой категории, так как в этом случае учитывается также и способ, каким этот результат достигнут (ибо, если затраты превышают результат, то вряд ли вообще можно говорить о получении обществом какого-то экономического эффекта). Важно добавить при этом, что при определении эффекта от внедрения новой техники, совершенствовании организации производства, помимо результата, учитываются и затраты. Поэтому понимание эффекта как разности результата и затрат вполне оправдано, хотя такая трактовка, разумеется, вовсе не исключает и иных возможностей толкования категории “эффект”. Однако для определения экономической эффективности интенсификации производства наиболее приемлемой оказывается трактовка эффекта как разности результата и затрат.

Поскольку мы пришли к выводу, что экономическая эффективность интенсификации определяется на основе сравнения эффектов от двух возможных способов решения проблемы – экстенсивного и интенсивного, то нам необходимо первоначально определить эффект экстенсификации. Учитывая, что в общем случае под экстенсификацией понимается процесс роста выпуска продукции исключительно за счет количественного увеличения использования ресурсов (или, используя известную фразу, за счет расширения “только поля производства”), эффект экстенсификации целесообразно определять на основе следующей формулы:

$$\dot{Y}_y = \sum_{i=1}^n K_i \cdot V_i - \mathcal{C}, \quad (1)$$

где \mathcal{E}_y – эффект экстенсификации; K_i – эффективность использования i -го ресурса; V_i – объем использования i -го ресурса; n – количество различных ресурсов; \mathcal{C} – суммарные затраты на привлечение и эксплуатацию ресурсов.

В этой связи, если правая часть данного уравнения положительна, это означает, что экстенсивный способ решения проблемы экономически эффективен. Однако, чтобы определить, какой процесс эффективнее – экстенсивный или интенсивный, необходимо также определить эффект интенсификации (об этом ниже). Следует отметить, что данная формула определения эффекта экстенсификации в каждом конкретном случае будет трансформироваться с учетом специфики производственной задачи, ибо и сами эти два способа решения проблемы в каждом отдельном случае будут весьма специфичны. Например, на основе этой формулы может быть решена следующая практическая задача: как эффективнее ликвидировать нехватку рабочей силы на предприятиях рыбопромышленного комплекса Северного бассейна – путем завоза рабочих из других регионов страны или на основе внедрения мероприятий трудосберегающего направления интенсификации производства. Разумеется, в реальности эта проблема решается на основе использования обоих вариантов, но в целях данного исследования следует от этого абстрагироваться и рассмотреть оба варианта в “чистом” виде.

Рассмотрение данной проблемы позволит на практике показать “работоспособность” предложенного подхода для определения экономической эффективности интенсификации производства. Формула для определения эффекта экстенсификации в данном конкретном случае трансформируется и приобретает такой вид:

$$\mathcal{E}_y = \Pi_p \cdot P - \mathcal{Z}_n - \mathcal{Z}_n, \quad (2)$$

где Π_p – средняя производительность труда одного работника; P – число привлеченных из других регионов работников; \mathcal{Z}_n – затраты на организацию набора рабочих; \mathcal{Z}_n – заработная плата работников.

Необходимо теперь предложить метод определения экономического эффекта интенсификации производства. Интенсификация производства – комплексный процесс, включающий как свои составные части мероприятия по НТП, концентрации, специализации, совершенствованию управления и т.д. В связи с этим экономический эффект от мероприятий, направленных на дальнейшую интенсификацию производства, после проведения анализа можно определять как сумму эффектов от всех мероприятий, т.е. экономический эффект интенсификации производства \mathcal{E}_i равен

$$\mathcal{E}_i = \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i, \quad (3)$$

где \mathcal{E}_i – эффект от i -го мероприятия по интенсификации производства; n – число всех мероприятий.

В основе определения экономического эффекта от каждого из этих мероприятий лежит сравнение затрат до и после их реализации.

При определении эффекта от всех мероприятий по интенсификации необходимо рассматривать один и тот же временный интервал. Поскольку результаты интенсификации производства выявляются через определенный период времени, желательно, чтобы при его определении временной промежуток был не менее года. Получаемый эффект измеряется в стоимостных единицах.

Приведем условный пример. Пусть на предприятии в отчетном году эффект от внедрения новой техники составил 184 тыс. руб. от НОТ – 54 тыс. руб. и за счет оргтехмероприятий сэкономлено 52 тыс. руб. Тогда эффект интенсификации производства на этом предприятии будет около 290 тыс. руб. Причем на различных предприятиях в разные периоды будут иметь решающее значение те или иные факторы, которые и нужно учитывать при определении эффекта интенсификации производства. По данным исследований, на предприятиях «Мурманскрыбпром» в 2012 г. эффект интенсификации оказался равным примерно 21 млн руб.

Однако данный метод определения экономической эффективности интенсификации производства не в полной мере предусматривает эффект от экономии определенного ресурса в условиях ресурсодефицитности. Чтобы более точно учесть эффект ресурсосберегающего направления интенсификации в условиях дефицита данного вида ресурса, необходимо к сумме \mathcal{E}_i приплюсовать эффект от реализации тех мероприятий, при которых экономится этот вид ресурса и, наоборот, вычесть эффект от реализации мероприятий, при которых расходуется ресурс. В этой связи для учета ресурсодефицитности формула определения эффекта интенсификации трансформируется и приобретает следующий вид:

$$\mathcal{E}_{\text{ри}} = \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i + \mathcal{E}_{\text{рс}}, \quad (4)$$

где $\mathcal{E}_{\text{ри}}$ – эффект ресурсосберегающего направления интенсификации в условиях ресурсодефицитности; $\mathcal{E}_{\text{рс}}$ – суммарный эффект от реализации ресурсосберегающих и ресурсорасходуемых мероприятий.

Так, например, в условиях трудодефицитности эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в соответствии с изложенным подходом целесообразно определять следующим образом:

$$\dot{Y}_{\delta\dot{\varepsilon}} = \sum_{i=1}^n \dot{Y}_i + \dot{I}_{\delta} \sum_{i=1}^i \dot{Y}_{ri}, \quad (5)$$

где $\mathcal{E}_{\text{ми}}$ – эффект трудосберегающего направления интенсификации; P_p – средняя производительность труда одного работающего; \mathcal{E}_{ri} – экономия численности работающих, получаемая вследствие реализации i -го мероприятия.

Приведем для наглядности конкретный пример. Скажем, эффект от замены ручного труда механизированным и автоматизированным, достигаемый, главным образом, за счет экономии заработной платы основных рабочих при росте затрат на содержание оборудования, амортизационных отчислений и капитальных вложений, определяется по формуле:

$$\mathcal{E} = \left[3_1 \frac{B_1}{B_2} \cdot \frac{P_1 + E_n}{P_2 + E_n} + \frac{(I_1 - I_2) - E_n(K_2 - K_1)}{P_2 + E_n} - 3_2 \right] \cdot A_2, \quad (6)$$

где $3_1, 3_2$ – приведенные затраты на единицу базового и нового средства труда соответственно; B_1, B_2 – годовые объемы продукции (работы), производимой при использовании единицы базового и

нового средства труда (в натуральных величинах); P_1, P_2 – доли ежегодных отчислений от балансовой стоимости на полное восстановление (реновацию) базового и нового средства труда; E_n – нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений; I_1, I_2 – годовые эксплуатационные издержки потребителя при использовании им базового и нового средства труда (руб.); K_1, K_2 – соответствующие капитальные вложения потребителя; A_2 – годовой объем производства новых средств труда в расчетном году (в натуральных единицах).

Но в условиях реального дефицита трудовых ресурсов следует учитывать и то, что достигаемая вследствие этого мероприятия экономия численности \mathcal{E}_r , обусловленная высвобождением рабочей силы, позволит уменьшить величину потенциально недополученной продукции на $P_p \cdot \mathcal{E}_r$, где P_p – производительность труда постоянных рабочих, рассчитанная по чистой продукции. Эту величину следует приплюсовать к рассчитанному по прежней формуле экономическому эффекту. Сумма будет характеризовать экономический эффект реализации этого мероприятия трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы.

Аналогично следует поступать при определении экономического эффекта каждого мероприятия интенсификации производства. Значит, суммарный экономический эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы следует определять по формуле:

$$\dot{Y}_{\delta\epsilon} = \sum_{i=1}^n \dot{Y}_i + \dot{I}_{\delta} \sum_{i=1}^i \dot{Y}_{ri} . \quad (7)$$

При сравнении двух мероприятий трудосберегающего направления интенсификации производства может возникнуть ситуация, когда одно из них имеет меньший экономический эффект, рассчитанный прежним способом, но большее число высвобожденных рабочих, и в итоге с учетом трудодефицитности экономический эффект от реализации первого мероприятия окажется большим, чем от второго. В случае трудоизбыточности эта формула также «срабатывает», но вместо суммы нужно найти разность, что будет означать меньшую эффективность трудосберегающего направления интенсификации в условиях избытка рабочей силы, чем в условиях трудодефицитности, но это справедливо лишь при прочих равных условиях. При этом дефицит или избыток определенного вида ресурса, например рабочей силы, определяется на основе сравнения предложения и спроса на него, т.е. на основе сравнения потребности в нем и реального наличия этого вида ресурса, поэтому понятно, что дефицит или избыток ресурса зависит от многих факторов. Например, в настоящее время, когда цены на многие виды продукции чрезмерно высоки, казалось бы имеет место равновесие между спросом и предложением на многие товары, однако, это вовсе не значит, что удовлетворяются потребности в обладании этими товарами – известно, как много сейчас населения находится за чертой бедности. Иначе говоря, следует различать видимый избыток (дефицит) ресурса и реальный избыток (дефицит).

Данные об экономических эффектах и высвобождении рабочей силы вследствие реализации мероприятий имеются в статистической отчетности предприятий. К мероприятиям трудосберегающего направления интенсификации производства относятся все мероприятия, экономящие живой труд. Например, наиболее важными мероприятиями трудосберегающего направления интенсификации рыбообрабатывающего производства Северного бассейна являются автоматизация и комплексная механизация производства, внедрение прогрессивной техники и технологии, ввод неустановленного оборудования, аттестации рабочих мест, внедрение бригадной формы организации труда. На разных предприятиях мероприятия, направленные на экономию живого труда, могут существенно различаться.

Таким образом, экономический эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы оказывается больше эффекта таких же

мероприятий при условии сбалансированности по трудовым ресурсам на величину $P_p \cdot \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_{ri}$.

Такой подход правомерен, пока эта величина не превысит потенциально недополученную продукцию, рассчитанную по чистой продукции. Величина $P_p \cdot \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_{ri}$ – это своего рода «плата» за трудодефицитность.

Сравнивая экономический эффект, получаемый при экстенсивном способе устранения трудодефицитности, с величиной эффекта от реализации мероприятий, направленных на экономию

живого труда, можно видеть, что трудосберегающее направление интенсификации рыбообрабатывающего производства региона значительно эффективнее экстенсивного способа решения проблемы. Достаточно сказать, что годовой экономический эффект только от реализации мероприятий НТП на предприятиях холдинга «Севрыба» в 2012 г. составил 32.9 млн руб. и было условно высвобождено 340 чел. Таким образом, экономический эффект такой важнейшей составляющей трудосберегающего направления интенсификации, как мероприятия НТП, составил 32.9 млн руб. $+15600 \text{ руб.} \times 340 \text{ чел.}$, т.е. приблизительно 38 млн руб., причем на рыбообрабатывающее производство приходится свыше 26 млн руб., что в два раза больше рассчитанного нами экономического эффекта экстенсивного способа устранения трудодефицитности. Если же рассмотренные варианты привести к сопоставимому виду, для чего необходимо разделить эффект экстенсивного пути на число рабочих оргнабора, а эффект интенсивного способа – на количество высвобожденных рабочих и сравнить, то во втором случае полученная величина более чем в 25 раз превысит величину, рассчитанную для экстенсивного варианта.

Следует отметить, что при сравнении экономической эффективности интенсивного пути устранения трудодефицитности в рыбообрабатывающем производстве региона с экстенсивным необходимо учитывать также экономию, получаемую в связи с уменьшением затрат, необходимых для переезда рабочих оргнабора (так как потребность в них при интенсификации производства должна уменьшаться при прочих равных условиях), экономию капитальных вложений в строительство жилых, коммунальных, культурно-бытовых и других объектов, а также возможную экономию, получаемую в связи с уменьшением потерь от порчи рыбного сырья, возникшую из-за простоев по причине нехватки рабочей силы. Поэтому эти виды экономии средств должны входить как слагаемые при определении эффекта трудосберегающего направления интенсификации производства. Однако даже без такого учета эффективность трудосберегающего направления интенсификации значительно выше эффективности экстенсификации.

Хотя нами рассмотрен частный пример, он показывает принципиальную возможность определения экономической эффективности процессов экстенсификации и интенсификации на основе предложенного нами общего подхода, который к тому же может служить основой для проведения таких расчетов во многих аналогичных случаях (например, при оценке эффективности ресурсосберегающего направления интенсификации в случае дефицитности уже не трудовых, а других видов ресурсов). Эти расчеты также показывают, что категории «эффективность» и «интенсификация» отнюдь не тождественны, более того, можно и нужно определять эффект и эффективность как экстенсивного, так и интенсивного путей достижения какого-то производственного результата, и лишь на основе сравнения этих эффектов можно находить, какой путь эффективнее. Причем в отдельных случаях может оказаться, что эффективнее окажется экстенсивный путь вопреки распространенному мнению, считающему процесс экстенсификации совершенно неэффективным или, по крайней мере, всегда менее эффективным, чем процесс интенсификации. В противном случае совершенно непонятно, каким образом происходил рост эффективности советской экономики, развивающейся, как это сейчас общепризнанно, преимущественно экстенсивным путем.

Таким образом, научная новизна предлагаемой нами методики оценки экономической эффективности интенсификации производства заключается в следующем: в методике предлагаются общие формулы определения эффекта экстенсификации (формула 1) и эффекта интенсификации (формула 3), экономическая эффективность интенсификации производства определяется на основе сравнения эффектов экстенсивного и интенсивного способов решения какой-либо производственной задачи. В методике при определении эффективности интенсификации учитывается также различная степень обеспеченности определенным видом ресурса (формула 4).

Данная методика позволяет определять как эффективность процесса интенсификации производства в целом, так и эффективность различных направлений интенсификации (формулы 2 и 5). Методика апробируется при определении эффективности трудосберегающего направления интенсификации производства на предприятиях рыбопромышленного комплекса Северного бассейна, когда рассматривается весьма актуальная для региона проблема оценки сравнительной эффективности экстенсивного и интенсивного способов решения проблемы обеспеченности трудовыми ресурсами. Оценка эффективности различных вариантов интенсификации производства очень важна не только с теоретической, но и с практической точек зрения, так как позволяет выбрать вариант наиболее высокого уровня конкурентоспособности продукции.

Данная методика позволяет определять эффективность не только трудосберегающего, но и любого другого направления интенсификации – будь то материалосберегающее, фондосберегающее

и т.д. Только в этом случае в формулах 1, 4 и 5 необходимо использовать не показатели производительности труда и экономии численности рабочей силы, а показатели соответственно фондоотдачи и экономии фондов для фондосберегающего направления интенсификации производства, материалоотдачи и экономии материальных ресурсов для материалосберегающего и т.д. Например, эффект материалосберегающего направления интенсификации в условиях дефицита материальных ресурсов будет определяться следующим образом:

$$\dot{Y}_{i\bar{c}} = \sum_{i=1}^n \dot{Y}_i + \dot{I}_i \cdot \sum_{i=1}^n \dot{Y}_{ii} , \quad (8)$$

где $\dot{Y}_{i\bar{c}}$ – эффект материалосберегающего направления интенсификации; M_o – средняя материалоотдача; \dot{Y}_{ii} – экономия материальных ресурсов, получаемая вследствие реализации i -го мероприятия.

Точно так же данная методика позволяет определять эффективность интенсификации не только в условиях дефицита определенного вида ресурсов, но и в условиях их избытка – только в этом случае в формулах 4, 5 и 8 вместо суммы будет разность. Это вполне соответствует здравому смыслу, когда эффективность, например, трудосберегающего направления интенсификации при прочих равных условиях оказывается тем большей, чем выше степень дефицита трудовых ресурсов (все это справедливо и в отношении материалосберегающего, фондосберегающего направления и т.д. только в этом случае учитывается дефицит или избыток соответственно материальных ресурсов, фондов и т.д.).

Таким образом, данная методика позволяет определять не только эффективность интенсификации на основе сравнения эффектов экстенсификации и интенсификации, но и эффективность различных направлений интенсификации производства. Более того, на основе данной методики можно определять и сравнительную эффективность между различными направлениями интенсификации, а также и между разными мероприятиями интенсификации.

Литература

1. Кацура С.Н. Становление инновационной системы в Украине: национальный и региональный аспекты. Донецк: Институт экономики промышленности НАН Украины, 2011. 504 с.
2. Ляшенко В.И., Павлов К.В., Шишкин М.И. Наноэкономика в славянских странах СНГ. (Серия экономическое славяноведение). Ижевск: Книгоград, 2011. 348 с.
3. Колесников С.И. Экономические основы природопользования: учебник. М.: Дашков и К°, 2011. 304 с.
4. Теория инновационной экономики / под ред. О.С.Белокрыловой. Ростов н/Д, 2009. 376 с.
5. Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / под научной ред. д.э.н. В.С.Селина, к.т.н. В.А.Цукермана. Апатиты: Изд. КНЦ РАН. 2012. 255 с.
6. Титова Т.Д. Эффективность интенсификации на внутренних водоемах: монография. Калининград: Калининградский государственный университет, 1971. 138 с.
7. Закономерности социалистического расширенного воспроизводства / под ред. А.И.Ноткина. М.: Наука, 1977. 403 с.
8. Эффективность интенсификации производства на основе внедрения достижений науки / под ред. В.П.Лебедева. М: Мысль, 1975. 255 с.
9. Тихонов И.А. Основы интенсивного экономического развития. М.: Мысль, 1979. 198 с.
10. Баранов А.А. Интенсификация: Экономический и социальный аспект. М.: Экономика, 1983. 255 с.
11. Меркин Р.М., Соловьева О.Г. Дискуссионные проблемы теории интенсификации строительного производства // Известия АН СССР. Серия экономическая, 1984. № 4. С. 33-40.
12. Бородин И.А. О сущности и показателях интенсификации сельского хозяйства. М.: Колос, 1965. 22 с.
13. Бабан-Луценко С.С. Экономическая сущность и показатели интенсификации рыбного хозяйства на внутренних естественных водоемах // Известия Государственного научно-исследовательского отдела рыбного хозяйства. 1971. Т. 75. С. 161-164.
14. Маркс К. Капитал. Книга третья. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. 551 с.
15. Буздалов И.Н. Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства. М.: Колос, 1966. 173 с.
16. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. М.: Магистр, 2007. 271 с.
17. Павлов К.В. Патологические процессы в экономике. М.: Магистр, 2009. 458 с.

References

1. Katsura S. Formation of the innovation system in Ukraine: national and regional aspects. Donetsk Institute of Industrial Economics of NAS of Ukraine, 2011. 504 p.
2. Ljashenko V.I., Pavlov K.V., Shishkin M.I. Nanoeconomics in the Slavic countries of the CIS. (Series: Economic Slavic studies). Izhevsk: Knigograd, 2011. 348 p.
3. Kolesnikov S.I. Economic foundations of nature. Textbook. M.: Dashkov & Co., 2011. 304 p.
4. The theory of the innovation economy / Ed. O.S. Belokrylova. Rostov n/d, 2009. 376 p.
5. The economic mechanism and characteristics of innovation policy in the North / Under scientific ed. Ph.D. V.S.Selina, Ph.D. V.A.Zukerman. Apatity, Kola Scientific Center, Russian Academy of Sciences. 2012. 255 p.
6. Titova T.D. Efficiency intensification in inland waters. Kaliningrad: Kaliningrad State University, 1971. 138 p.
7. Laws of socialist expanded reproduction / ed. A.I. Notkin. M.: Science, 1977. 403 p.
8. The effectiveness of intensification of production on the basis of the introduction of science / edited V.P. Lebedeva. M: The idea 1975. 255 p.
9. Tikhonov I.A. Fundamentals of intensive economic development. M.: Thought 1979. 198 p.
10. Baranov A.A. Intensification: economic and social aspects. M.: Economy, 1983. 255 p.
11. Merkin P. M., Solovyov O.G. Controversial problems of the theory of building production intensification // Proceedings of the Academy of Sciences. Economic Series 1984. № 4. P. 33-40.
12. Borodin I.A. Essence and indicators of agricultural intensification. Moscow: Kolos, 1965, 22 p.
13. Baban-Lutsenko S. The economic essence and indicators of intensification of fisheries in inland natural reservoirs // Bulletin of the State Scientific-Research Department of Fisheries. 1971. Vol. 75. P 161-164.
14. Marx's Capital. Book Three. The process of capitalist production, taken as a whole. Part 2 // K. Marx and F. Engels, Soch. 2nd ed. T. 25, part 2. 551 p.
15. Buzdalov I. Cost-effectiveness of intensification of agricultural production. M.: Kolos, 1966. 173 p.
16. Pavlov K.V. Intensification of the economy in the face of uncertainty of the market environment. M.: Master, 2007. 271 p.
17. Pavlov K.V. Pathological processes in the economy. M.: Master, 2009. 458 p.

УДК 338.242.4:553

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В.П.Симоненков,

канд. эконом. наук, старший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты

Аннотация. В последние годы перспективы российской экономики выглядят весьма неудовлетворительно. Наблюдаются низкие темпы экономического роста: в первом квартале 2012 года он составил 4.8%, а в аналогичный период 2013 г. – 1.6%. Годовой рост составил всего 1.4%. Одной из причин проявления негативной тенденции является нарушение принципов государственной политики в области недропользования. В настоящей работе проведена оценка соблюдения основополагающих принципов, которая дает некоторое представление о проблемах экономики современной России. Факторный анализ свидетельствует, в частности, о том, что повышающая тенденция в системе налогообложения недропользователей является одним из тормозов устойчивого экономического развития страны.

Ключевые слова: принципы недропользования, методы экономического регулирования, механизм налогообложения, рентный доход, налог на труд, консолидированный бюджет, топливно-энергетический комплекс.

THE FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF SUBSOIL USE: IMPLEMENTATION CHALLENGES

V.P.Simonenkov,

PhD (Economics), Senior Researcher

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre RAS, Apatity

Annotation. In recent years prospects of the Russian economy look very unsatisfactory. Low rates of economic growth are observed: in the first quarter of 2012 it was 4.8%, and in the analogous period of 2013 – 1.6%. The annual

growth only was 1.4%. One of the reasons of the negative tendency is violation of the state policy principles in the field of subsoil use. The paper provides an evaluation of observing the fundamental principles, which gives some understanding of the challenges of the modern Russian economy. Factor analysis in particular shows that the increasing tendency in the taxation system of subsoil users is one of the brakes of sustainable economic development of the country.

Keywords: principles of subsoil use, methods of economic regulation, taxation mechanism, rental income, tax on labor, consolidated budget, the fuel and energy complex.

Минерально-сырьевая база является конкурентным преимуществом России, донором российской экономики, обеспечивающим ее развитие на долгие годы. Экономические и геополитические интересы России зависят от состояния минерально-сырьевой базы. Годовой объем производства товарной продукции по основным видам минерального сырья составляет более 30% валового внутреннего продукта России [1].

Основным документом, определяющим государственную политику в области воспроизводства и использования минерально-сырьевых ресурсов в России, являются «Основы государственной политики в области использования минерального сырья и недропользования». В этом документе отмечено, что развитие минерально-сырьевого комплекса и регулирование недропользования нацелено на достижение следующих стратегических целей [2]:

- обеспечение устойчивого экономического развития России, повышение благосостояния ее граждан;
- обеспечение геополитических интересов России на мировой арене как ведущей мировой державы;
- использование сырьевых ресурсов России в интересах нынешнего и будущего поколений.

Обеспечение устойчивого экономического развития требует государственного регулирования использования природных ресурсов. Вместе с тем, тенденции последнего времени свидетельствуют об ослаблении роли государственных институтов по обеспечению эффективного использования недр. В то же время бизнес не всегда готов всецело взять на себя ответственность за повышение устойчивости недропользования.

Так, по данным контрольно-надзорной деятельности Управления Росприроднадзора по Республике Коми, только за 2011 г. выявлены и пресечены нарушения требований законодательства о недрах в части невыполнения объемов геолого-разведочных работ (лицензионные условия) у 12 из 17 проверенных недропользователей, то есть более 70% бизнес-структур по различным причинам не выполнили взятые ранее на себя обязательства по эксплуатации недр, фактически являющиеся госзаказом. В результате не проведены в полном объеме сейсморазведочные работы, не выполнены работы по строительству поисковых, разведочных и эксплуатационных скважин, допущены отставания по действующему и нагнетательному фонду скважин, нарушены сроки ввода месторождений в эксплуатацию. Аналогичная ситуация характерна для многих российских регионов, где осуществляется недропользование [3].

Все это является серьезной угрозой обеспечению стабильности развития сферы недропользования, определяющей динамичность развития сырьевого сектора экономики, являющегося на сегодня одним из конкурентоспособных на мировом рынке.

Одной из причин вышеупомянутой негативной тенденции, на наш взгляд, является нарушение принципов государственной политики в сфере недропользования. Поэтому основной задачей исследования является проведение анализа и оценка соблюдения основополагающих принципов государственной политики в области недропользования

Если понятие «политика» определяется как согласование интересов, а понятие «принципы» как базовые идеи и положения, определяющие главные направления государственной политики (в данном контексте в области недропользования), то пользование недрами на территории РФ должно осуществляться с соблюдением следующих основополагающих принципов [4]:

1. Сохранение государственной собственности на недра.
2. Установление четкого разграничения полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации в сфере недропользования.
3. Равнодоступность и платность прав пользования недрами.
4. Предоставление недр в пользование на состязательной основе.
5. Управление минерально-сырьевым комплексом страны в соответствии с долгосрочной государственной стратегией.

6. Переход на ресурсосберегающие технологии и обеспечение более полного извлечения минерального сырья и качества его переработки.

7. Совершенствование системы налогов и платежей, связанных с использованием недрами.

Принцип государственной собственности на недра является фундаментальной основой недропользования с момента принятия в 1992 г. Закона РФ «О недрах». Однако в 2004 г. Правительством РФ была проведена работа по изменению законодательства о недрах, квинтэссенцией которой стало стремление разработчиков провести «идею либерализации гражданско-правовых механизмов доступа и реализации прав пользования недрами» [5].

Иначе говоря, проектом нового закона о недрах государственная собственность на участки недр передавалась в пользование, а, по существу, в собственность недропользователя.

Проектом устанавливалась частная собственность на добытые полезные ископаемые, допускалась передача в пользование участков недр физическим лицам и открытая торговля недропользователями участками недр без вмешательства государства.

Все это можно расценивать как крупномасштабный процесс приватизации недр, то есть новый передел общественной собственности на недра, в котором обществу отводится роль только лишь стороннего наблюдателя.

Концептуальные изменения, привносимые законопроектом 2004 г. в действующую систему отношений собственности в недропользовании и, в частности, касающиеся надления недропользователя правами неограниченного пользования участком недр, по сути, обозначали приватизацию недр действующими и будущими недропользователями и отстранение государства от управления общенародной собственностью на недра.

Законопроект 2004 г. не был принят, но в статью 10 действующего Закона «О недрах», «Сроки пользования участками недр», был включен пункт, согласно которому сроки пользования участками недр могут отдаваться в бессрочное пользование.

В последние годы во многих странах мира широко практикуется создание консорциума организаций, подающих заявки на участие в конкурсе по предоставлению прав недропользования. При этом государство участвует своей долей в организуемом консорциуме (так принято в Канаде, Норвегии, Китае и других странах).

Необходимо отметить, что в зарубежных странах практика недропользования выделяет в основном три подхода регулирования отношений между государством и недропользователем: командную, смешанную и либеральную модели. У каждой из них свои специфические свойства (таблица).

Модели государственного регулирования практики недропользования в зарубежных странах

Модели	Страны	Отношения
Командная	Норвегия	Прямое участие государства в недропользовании. Рента используется для создания рабочих мест, улучшения качества жизни граждан и поддержки наукоемких производств
	Великобритания	
	Кувейт	
	Индонезия	
Смешанная	США	Собственниками природных ресурсов являются государство и частные лица
	Канада	
	Нидерланды	
	Египет	
	Нигерия	
	Казахстан	
	Азербайджан	
Либеральная	Дания	Доля государства определяется с помощью аукционной системы лицензирования, компании свободно распоряжаются углеводородами, отсутствуют платежи
	Малайзия	

Для Норвегии, Великобритании, Ирана, Нидерландов, Саудовской Аравии, Кувейта и штата Аляска высока степень социальной ориентированности политики, проводимой в области использования природных ресурсов. В число стран с низкой степенью социальной

ориентированности практики недропользования входит США, исключая штат Аляска, и Канада. Высокий уровень социализации ренты характерен для европейских стран. Россия не относится к таким странам [6].

Общая тенденция реализации принципа государственной собственности на недра сводится к постоянному внесению изменений и дополнений в действующий закон "О недрах", целью которых является, по существу, приватизация недр действующими и будущими недропользователями.

Принцип установления четкого разграничения полномочий между государством и субъектами Российской Федерации долгое время осложнялся противоречиями между федеральными и региональными органами власти. В чем заключались противоречия? В процессе реформ и политических преобразований в России конца 1980-х - начала 1990-х гг. базовые правила, характеризующие право собственности на недра, были сформированы на основе «принципа совместного ведения». В то же время правила и процедуры, обеспечивающие реализацию данного права, не были определены. В итоге данный принцип был квалифицирован как недееспособный.

В 2001 г. берет начало административная реформа, в результате которой были приняты поправки, которые изменили систему платежей при пользовании недрами. Вместо роялти и отчислений на воспроизводство минерально-сырьевой базы был введен налог на добычу полезных ископаемых. При этом существенно изменилось распределение между бюджетами налога на добычу по нефти и газу – основная часть стала направляться в федеральный бюджет. Как следствие, принципиально изменилось распределение полномочий в сфере регулирования отношений недропользования между федеральным и региональным уровнями. Полномочия федерального органа управления государственным фондом недр значительно расширились. Все важнейшие решения в сфере недропользования принимались на федеральном уровне.

Федеральный закон, устанавливающий четкое разграничение полномочий между правительством РФ и его субъектами, был принят в 2004 г. В частности, из ст. 2.1 Закона «О недрах» были исключены слова «на основании совместных решений федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ». Таким образом, было отменено действие принципа «двух ключей», который продолжительное время, как считалось, существенно тормозил принятие управленческих решений в сфере недропользования. К ведению субъектов РФ отнесено предоставление в пользование участков недр, содержащих общераспространенные полезные ископаемые. Кроме того, если до 2011 г. к ведению субъектов РФ были отнесены в пользование участки недр, содержащие общераспространенные полезные ископаемые, то с 12.12.2011 г. было изменено наименование этих участков недр. Вместо прежнего «участков недр, содержащих общераспространенные полезные ископаемые и участков недр местного значения» законодатель ввел единое понятие «участков недр местного значения» [7].

Принцип разграничения полномочий фактически не работает, так как все важнейшие решения в сфере недропользования принимаются на федеральном уровне.

Принцип равнодоступности и платности прав пользования недрами, предоставления их в пользование на состязательной основе был реализован в Законе РФ «О недрах». Данный принцип практически исключает участие небольших компаний в геологоразведочном, горном и нефтегазовом бизнесе. Малый и средний бизнес в недропользовании не может заниматься работой по получению прав недропользования в пределах перспективных площадей, поскольку не способен конкурировать с крупными компаниями в получении лицензий.

Небольшая частная компания, созданная квалифицированными специалистами, но не имеющая свободных денежных средств, может заняться геологоразведкой лишь в том случае, если она окажется единственным участником аукциона на право геологического изучения участка недр, в пределах которого нет стоящих на балансе месторождений полезных ископаемых [8].

Можно констатировать, что принцип равнодоступности прав пользования недрами в РФ работает недостаточно эффективно.

Принцип управления минерально-сырьевым комплексом страны в соответствии с долгосрочной государственной стратегией должен реализовываться в соответствии с «Долгосрочной государственной программой изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы России на основе баланса потребления и воспроизводства минерального сырья» [8]. Данная программа была разработана в 2005 г. Министерством природных ресурсов и доработана в 2008 г.

Главной целью Стратегии является обеспечение конкурентоспособности геологической отрасли страны в условиях интенсификации процессов глобализации и обострения конкуренции на международных рынках минерального сырья. На сегодняшний день состояние геологической отрасли

характеризуется наличием целого ряда болевых точек, не позволяющих эффективно и в полной мере использовать природные возможности недр Российской Федерации. На протяжении всего постсоветского периода так и не удалось обеспечить четкое разделение ответственности государства и бизнеса в сфере воспроизводства минерально-сырьевой базы Российской Федерации. Заметно отставание отечественных технических средств и технологий от зарубежных аналогов.

Для воспроизводства минерально-сырьевой базы в объемах, необходимых для удовлетворения потребностей российской экономики и обеспечения социально-экономического развития регионов РФ Стратегией предусматривается развитие геологической отрасли по нескольким направлениям.

Первое направление – совершенствование системы государственного управления геологическим изучением недр и воспроизводством минерально-сырьевой базы основано на оптимизации организационной структуры геологической отрасли и развитии принципов программно-целевого планирования геологоразведочных работ. Оптимизация организационной структуры геологической отрасли предполагает преобразование федеральных государственных унитарных предприятий информационно-экспертного профиля в бюджетные учреждения, находящиеся в ведении Федерального агентства по недропользованию. Научные организации, осуществляющие научно-аналитическое обеспечение выполнения государственных функций по геологическому изучению недр и воспроизводству минерально-сырьевой базы будут развиваться автономно. А остальные государственные геологические организации и открытые акционерные общества со 100%-м государственным участием будут объединены горизонтальными научно-производственными связями и консолидированы в форме открытого акционерного общества. Позиции акционера – Российской Федерации – будут определяться Правительством РФ [4].

Второе направление – оптимизация функционирования негосударственного сектора геологической отрасли предусматривает создание условий для дальнейшего развития геологоразведочных подразделений горнорудных, нефтегазодобывающих и сервисных компаний, а также для формирования небольших геологоразведочных компаний и усиления роли субъектов малого и среднего предпринимательства в проведении геологоразведочных работ и разработке месторождений.

Третье направление – повышение инвестиционной привлекательности геологического изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы будет достигнуто за счет совершенствования нормативно-правового обеспечения и введения механизмов экономического стимулирования геологического изучения недр, воспроизводства минерально-сырьевой базы и рационального использования минерально-сырьевых ресурсов. Совершенствование нормативно-правовых актов будет направлено на снятие административных барьеров при регулировании геологического изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы.

Таким образом, при реализации принципа управления минерально-сырьевым комплексом РФ на основе долгосрочной стратегии будет выполнена основная задача – превышение объемов воспроизводства основных запасов полезных ископаемых над объемами их добычи, то есть будет обеспечиваться режим простого воспроизводства минерально-сырьевого комплекса страны.

Принцип перехода на ресурсосберегающие технологии и обеспечение более полного извлечения минерального сырья и качества его переработки. Динамика реализации данного принципа такова. В 2006 г. Министерством природных ресурсов (МПР) России были разработаны меры по глубокой переработке минерального сырья и использованию попутного газа. Приказом МПР России от 21 марта 2007 г. № 61 были утверждены Методические рекомендации по проектированию разработки нефтяных и газонефтяных месторождений, которые содержат требования по включению в проектную документацию специальных мероприятий по использованию попутного нефтяного газа [9].

В плане применения современных эффективных технологий добычи, обеспечивающих комплексное и полное извлечение полезных ископаемых можно опереться на сообщение вице-премьера Дмитрия Rogozina в «Российской газете» от 14.03.2014. По его словам, Россия приступила к разработке новейшего проекта по освоению арктических месторождений. Проект предусматривает создание подводных комплексов с полным производственным комплексом, управляемых морскими роботами: «Это целые подводные города со своим транспортом, энергоснабжением, линиями связи. Основными элементами этих комплексов станут подводные суда разведки и суда-носители, средства бурения, добычи и подготовки продукции, энергообеспечения, эксплуатации и ремонта, комплексной безопасности».

По оценкам экспертов, промышленное освоение арктического шельфа может обеспечить прирост потенциального запаса углеводородного сырья до 9-10 млрд т условного топлива. Уместно отметить, что на сегодняшний день (2014 г.) добыча нефти в РФ составляет около 400 млн т при внутреннем потреблении около 120 млн т в год [10]. С другой стороны, данный арктический проект – серьезный технологический вызов.

Принцип совершенствования системы налогов и платежей, связанный с использованием недрами, достаточно сложен, и его особенности заслуживают более подробного исследования.

Основу платного недропользования в России составляют, помимо общих налогов, налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и таможенные пошлины, уплата которых в случае низкорентабельных месторождений может быть разорительна, а в случае высокорентабельных – практически нечувствительна для недропользователя. Задача заключается в том, чтобы рассчитать платежи, экономическая сущность которых была бы справедливой для каждого месторождения в отдельности.

Причем при установлении размера платежей за пользование природными ресурсами необходима такая величина, чтобы государство могло бы решать две главные задачи:

1. Повысить экономическую заинтересованность хозяйствующих субъектов в наиболее эффективном освоении и рациональном использовании природных ресурсов.
2. Аккумулировать средства на цели возмещения вреда, причиненного окружающей среде, воспроизводство, восстановление и освоение природных ресурсов.

С развитием в РФ рыночных отношений и расширением сферы применения методов экономического регулирования в правовой регламентации общественных отношений в целом и, в частности, в природопользовании возникает необходимость постоянного совершенствования механизма платности природопользованием.

Так, с 1 января 2002 г. вместо отчислений на воспроизводство минерально-сырьевой базы (ОВМСБ), зачисляемых в бюджетную систему РФ в размере 50-60% в зависимости от вида полезных ископаемых, а при добыче нефти с учетом ставки акциза был введен налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) гл. 26 НК РФ).

В результате механизм налогообложения добычи полезных ископаемых, регулируемый гл.26 НК РФ, был сведен к НДПИ и акцизу на природный газ. Таким образом, была создана фискально-ориентированная система налогообложения, обеспечивающая существенный рост налоговых поступлений в бюджет РФ, эффективно работающая по настоящее время (рис. 1).

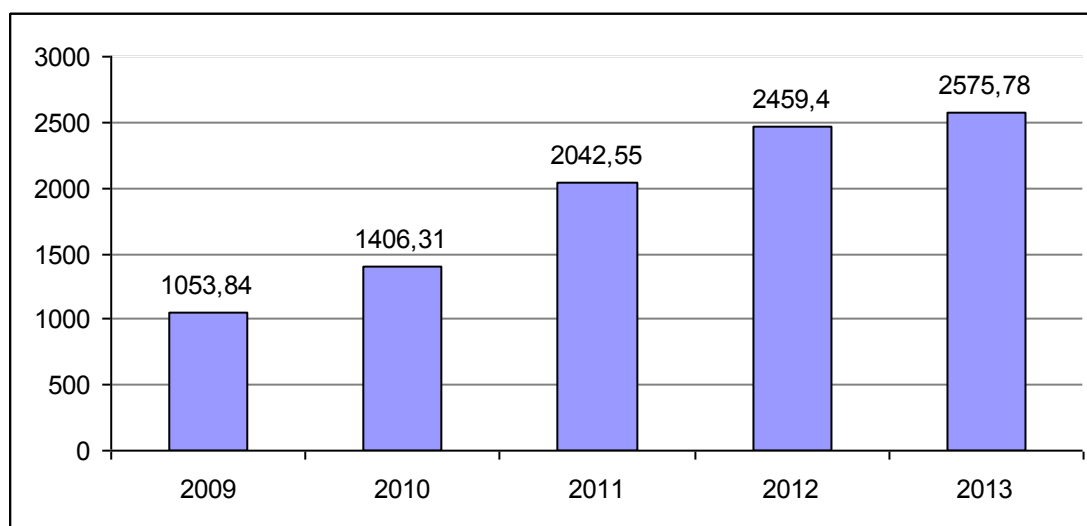

Рис. 1. Динамика поступлений НДПИ в бюджет Российской Федерации за 2009-2013 гг., в млрд руб. [10]

Доходы консолидированного бюджета России от НДПИ растут из года в год и имеют положительную динамику. За 5 лет (2009-2013 гг.) НДПИ вырос в 2.5 раза, или на 1521.9 млрд руб.

Положительным моментом с введением гл. 26 НК РФ можно считать то, что впервые за годы существования налоговой системы была упорядочена система налогообложения недропользования, четко разделены налоговые и неналоговые платежи за природные ресурсы.

Одним из отрицательных моментов реформы явилось то, что не удалось создать действенного механизма целевого финансирования затрат на расширение минерально-сырьевой базы страны.

Ставка НДПИ в принципе не учитывает характеристик месторождения, этап разработки устанавливается на начальном этапе разработки месторождения и постоянен на протяжении всего процесса разработки месторождения.

Рентный доход (НДПИ и таможенные пошлины на вывоз нефти, газа и нефтепродуктов) обеспечивает государству стабильный и практически планомерный уровень поступлений в бюджет. Но при этом государство устраняется от формирования в недропользовании принципов создания равных условий хозяйствования через нивелирование фактора лучшего месторождения по характеристикам и месторасположению за счет изъятия доходов, не созданных хозяйствующим субъектом, а образованных за счет природных факторов.

Необходимо отметить, что в 2013 г. поступления от налогов на труд (доходы физических лиц и страховые социальные взносы) превысили доходы от сырьевой ренты (рис.2).

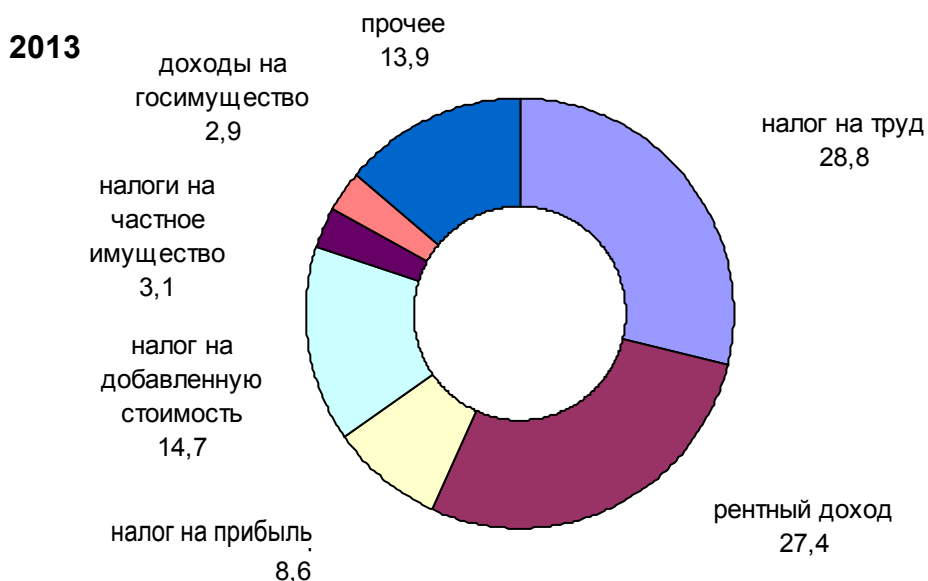

Рис.2. Структура доходов консолидированного бюджета, % [10]

Источник: Федеральное казначейство

Это произошло впервые. Доля ренты в совокупном бюджете РФ сократилась до 27.4%, а налогов на труд возросла до 28.8%. При этом поступления от налогов на доходы физических лиц (НДФЛ) впервые превысили собранный налог на прибыль.

В сравнении с предкризисным 2007 г. доля налога на труд почти удвоилась. Но возросла и доля ренты (была 22.5%). Доля доходов от налогообложения за этот период упала почти вдвое (2007 г. – 16.4%, 2013 г. – 8.6%).

По мнению аналитиков, такие трансформации произошли в силу следующих причин.

1. Слабый рост добычи в газовой-нефтяном секторе экономики.
2. Стагнация мировых цен. Доходы от экспорта нефти, газа и нефтепродуктов в рублевом выражении в 2013 г. сократились на 1%.
3. После кризиса 2008 г. в РФ стабильно повышались зарплаты в бюджетной сфере. Из 75 млн трудоспособного населения России 20 млн человек заняты в госсекторе, зарплаты которых на 10-20% в год росли быстрее, чем в частных компаниях. Из-за конкуренции с госсектором зарплаты вынужден был повышать и частный сектор.
4. Негативные тенденции в демографии – трудоспособное население уменьшается – работники становятся более дорогими.

Тем не менее, топливно-энергетический комплекс был и до настоящего времени остается стержнем национальной экономики России, обеспечивающим формирование значительной части бюджетных доходов страны. Однако дальнейшее увеличение налоговой нагрузки на нефтедобывающие компании «чревато либо увеличением размеров «теневого» добычи нефти, либо

снижением инвестиционной привлекательности и, как следствие, уменьшением объемов инвестиций в нефтедобывающий сектор экономики» [11].

Ежегодно законодательство по НДС при добыче нефти и газа претерпевает изменения, касающиеся ставок. За последние годы ставки налога на добычу полезных ископаемых менялись только в сторону увеличения (рис.3). Согласно действующему законодательству, ставка НДС на газовый конденсат утверждена в размере 590 руб/т в 2013 г., 647 руб. – в 2014 г., с 1 января 2015 г. 679 руб/т добытого газового конденсата из всех видов месторождений углеводородного сырья. Ставка НДС на газ составляла 582 руб/т в 2013 г., а с 1 января 2014 г. – 622 руб/1000 м³. В 2014 г. базовая ставка НДС на нефть повышается на 4.9% – до 493 с 470 руб/т. В 2015 г. ставка будет увеличена еще на 7.5% – до 530 руб/т. В 2016 г. ставка может оказаться на уровне 559 руб/т, то есть вырастет на 5.5% [13].

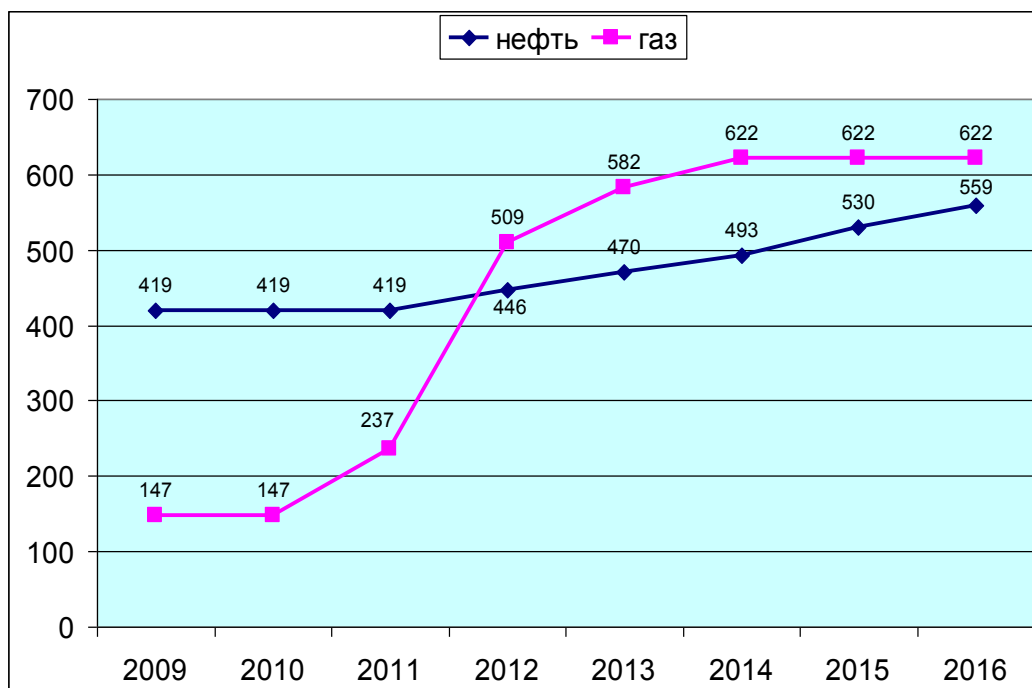

Рис.3. Изменение ставок НДС при добыче нефти (руб/т) и газа (руб/1000 м³)

Таким образом, в среднесрочной перспективе ставки при добыче нефти и газа имеют тенденцию к незначительному увеличению, что предусмотрено министерством финансов с целью повышения уровня экономического развития страны. Но надо иметь в виду, что слишком высокие ставки, как было уже отмечено, могут сократить инвестиции нефтегазодобывающих компаний в новые проекты и месторождения, что невыгодно для российской экономики.

В настоящее время налог на добычу полезных ископаемых является одним из прибыльных для России, поэтому необходимо грамотно планировать изменения ставок по нему, так как при неправильном раскладе убытки могут понести не только компании, уплачивающие его, но и само государство.

Налоговые и таможенные платежи топливно-энергетического комплекса составляют львиную долю доходов федерального бюджета. Это очень важная составляющая российской экономики. Однако, по оценке министерства финансов, в 2013 г. от предоставленных налоговых льгот консолидированный бюджет недополучил 1.8 трлн руб., или 2.9% ВВП. Наибольшие потери бюджет несет от прямых налоговых льгот. Самые дорогие льготы – по НДС для выработанных (156 млрд руб., или 0.25% ВВП) и новых (89.4 млрд руб., или 0.14% ВВП) месторождений [13].

Министерство финансов планирует продление ранее принятых решений по льготам по налогу на добычу полезных ископаемых для нефти, которая добывается в целом ряде регионов: Республика Саха, Иркутская область, Красноярский край, с целью стимулирования ее добычи, в этом заинтересованы почти все крупнейшие нефтегазовые компании, а именно: «Сургутнефтегаз», «Лукойл», «Газпром нефть», «Роснефть».

Кроме того, Минфин разработал законопроект, в котором говорится о применении к ставке НДС при добыче нефти коэффициента, характеризующего степень сложности ее извлечения и определяются льготные ставки НДС для трудноизвлекаемой нефти. Ставки будут снижены для нефтяных залежей с определенной проницаемостью, их величина будет зависеть от предельной эффективности пласта. Согласно поправкам к Налоговому кодексу, с 1 июля 2014 г. будут предоставляться льготы по НДС на газ при добыче в Красноярском крае и в туронских залежах [14].

Действительно, льготы нужны по той причине, что доля трудноизвлекаемых запасов растет, они позволят вовлечь в разработку запасы, освоение которых при отсутствии стимулов малоэффективно. Однако продолжающееся реформирование налогового законодательства усложняет компаниям решения по инвестициям в новые регионы по нефтедобыче. Кроме того, налоговое законодательство обходит стороной проблемы газовой отрасли, в которой остро стоит вопрос о стимулировании газодобычи на малых месторождениях, оработанных и находящихся в труднодоступных районах [15].

С большой долей уверенности можно утверждать, что принцип совершенствования системы налогов и платежей в недропользования РФ в основном соблюдается. Практически, каждый год законодательство по данному налогу претерпевает изменения, касающиеся ставок. Только вот ставки НДС из года в год только растут. Это означает, что если повышающая тенденция сохранится, то в перспективе вполне возможна ситуация, когда роль НДС в системе налогообложения из-за непомерной нагрузки на бюджет недропользователя, будет снижаться. Доля ренты в совокупном бюджете РФ сократилась с 28.2% (2012 г.) до 27.4% (2013 г.).

Исследования, проведенные в области соблюдения экономических принципов в недропользовании, позволяют сделать вывод о том, что ресурсная система РФ слабо отвечает принципам государственной политики в данной области. Например, принцип распределения полномочий между центром и регионами фактически не работает, так как все важнейшие решения в сфере недропользования принимаются на федеральном уровне. Принцип равнодоступности и платности прав пользования недрами и предоставления их в пользование на состязательной основе практически исключает участие небольших компаний в геологоразведочном, горном и нефтегазовом бизнесе, поскольку они не способны конкурировать с крупными компаниями в получении лицензий. Освоение минерально-сырьевых ресурсов законодательно исключено из сферы хозяйственной деятельности особых экономических зон. Принцип совершенствования системы налогов и платежей в недропользовании РФ, в основном, соблюдается. С введением главы 26 Налогового кодекса Российской Федерации впервые за годы существования платежей была упорядочена система налогообложения, четко разделены налоговые и неналоговые платежи за природные ресурсы.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ. "Об утверждении Стратегии развития геологической отрасли РФ до 2030 года". 2010. № 1039-р. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=101875>
2. Распоряжение Правительства РФ. "Об утверждении Основ государственной политики в области использования минерального сырья и недропользования". 2003. № 494-р. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901859208>
3. Корепанов Н.А. Государство и бизнес в сфере современных отношений недропользования // Вестник. 2012. № 4. С. 114-121.
4. Волков А.М. Публичное управление недропользованием в России (современный период) // Правовая инициатива. 2013. № 7.
5. Кимельман С.А. 20 лет Закону "О недрах", создавшему беззаконное недропользование. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mineralov.viperson.ru/wind.php> (дата обращения: 22.07.2014 г.).
6. Байкова Э.Р. Опыт изъятия и распределения ренты в зарубежных странах // Проблемы современной экономики. 2010. № 3(35).
7. Федеральный закон от 30.11.2011 № 364-ФЗ "О внесении изменений в Закон РФ "О недрах" и отдельные законодательные акты РФ" // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7042.
8. Указ Президента РФ от 15.07.2011 № 957 "Об открытом акционерном обществе "Росгеология" // СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 4423.

9. Приказ МПР РФ от 21.03.2007 № 61 "Об утверждении Методических рекомендаций по проектированию разработки нефтяных и газонефтяных месторождений" // Документ опубликован не был. Доступ из справочной системы «Консультант Плюс».
10. Сайт министерства финансов РФ. Режим доступа: http://info.minfin.ru/kons_doh.php (дата обращения: 25.04.2014)
11. Мазурина Е.В. Налогообложение добычи нефти в России: тенденции и последствия для недропользователей // Минеральные ресурсы России. Серия Экономика и управление. 2014. № 1. С.51, 52.
12. Основные направления налоговой политики на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов. [Электронный ресурс] // ИПС "Гарант" (дата обращения: 07.07.2014 г.)
13. Минфин: Налоговые льготы обходятся бюджету в 1.8 трлн руб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/18926741/minfin-nashel-18-trln> (дата обращения: 07.07.2014 г.)
14. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 2. Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ: [ред. от 30.01.2014 г] // ИПС "Консультант плюс" (дата обращения: 08.07.2014 г.)
15. Калашникова Н.Ю. Состояние и оценка налога на добычу полезных ископаемых в налоговых доходах страны // Наука-rastudent.ru 2014. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nauka-rastudent.ru/3/1264/> (дата обращения: 08.07.2014 г.)

Reserence

1. Rasporyazhenie pravitelstva RF. "Ob utverzhdenii strategii razvitiya geologicheskoy otrasli RF do 2030 goda", 2010, № 1039-s (In Russ).
2. Rasporyazhenie pravitelstva RF. "Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoj politiki v oblasti ispolzovaniya mineralnogo syrja i nedropolzovaniya", 2003, No. 494-s. (In Russ).
3. Korepanov N.A. Gosudarstvo i biznes v sfere sovremennykh otnoshenij nedropolzovaniya // Vestnik, 2012, № 4. P.114-121 (In Russ).
4. Volkov A.M. Publichnoe upravlenie nedropolzovaniem v rossii (sovremennyy period) // Pravovaya iniciativa. 2013, № 7 (In Russ).
5. Kimelman S.A. 20 let zakonu «O nedrax», sozdavshemu bezzakonnoe nedropolzovanie. [elektronnyj resurs]. URL: <http://mineralov.viperson.ru/wind.php> (data obrashcheniya: 22.07.2014g.). (In Russ).
6. Bajkova E.R. Opyt izyatiya i raspredeleniya renty v zarubezhnykh stranax // Problemy sovremennoj ekonomiki, 2010, № 3(35) (In Russ).
7. Federalnyj zakon ot 30.11.2011 No 364-FZ "O vnesenii izmenenij v zakon RF "o nedrax" i otdelnye zakonodatelnye akty RF". SZ Rf, 2011, № 49, st.7042 (In Russ).
8. Ukaz prezidenta RF ot 15.07.2011 No 957 "Ob otkrytom akcionernom obshhestve "rosgeologiya" // SZ RF, 2011, № 29, st.4423 (In Russ).
9. Prikaz MPR RF ot 21.03.2007 No 61 «Ob utverzhdenii metodicheskix rekomendacij po proektirovaniyu razrabotki neftyanyx i gazonefityanyx mestorozhdenij» // «Konsultant Plyus» (In Russ).
10. URL: http://info.minfin.ru/kons_doh.php (data obrashcheniya: 07.07.2014 g.
11. Mazurina E.V. Nalogooblozhenie dobychi nefiti v rossii: tendencii i posledstviya dlya nedropolzovatelej // Mineralnye resursy Rossii. Ser. ekonomika i upravlenie. 2014. № 1. P.51-52 (In Russ).
12. Osnovnye napravleniya nalogovoj politiki na 2013 god i na planovyy period 2014 i 2015 godov. [elektronnyj resurs] // IPS"Garant" (data obrashcheniya: 07.07.2014 g.). (In Russ).
13. Minfin: nalogovye lgoty obxodyatsya byudzhetu v 1.8 trln rub. [elektronnyj resurs]. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/18926741/minfin-nashel-18-trln> (data obrashcheniya: 07.07.2014 g.) (In Russ).
14. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii. Chast 2. Federalnyj zakon ot 5 avgusta 2000 g, No. 117-fz: [red. ot 30.01.2014 g] // IPS «Konsultant Plyus» (data obrashcheniya: 08.07.2014 g.) (In Russ)
15. Kalashnikova N.YU. Sostoyanie i ocenka naloga na dobychu poleznyx iskopaemyx v nalogovykh doxodax strany // Nauka-rastudent.ru 2014, № 3. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://nauka-rastudent.ru/3/1264/> (data obrashcheniya: 08.07.2014 g) (In Russ).

УТИЛИЗАЦИЯ ОТХОДОВ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

А.П.Щербак,

и.о. младшего научного сотрудника

С.В.Тишков,

канд. эконом. наук, младший научный сотрудник

Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

Аннотация. Рассматривается потенциал рыбной промышленности Республики Карелия. Проведенный анализ состояния и тенденций развития рыбной промышленности позволил выделить возможные направления утилизации рыбных отходов в Республике Карелия. Приведена экономическая выгода по каждому из направлений переработки отходов рыбного сектора. Показано, что потенциал рыбоводческой отрасли региона используется не в полной мере.

Ключевые слова: рыбная промышленность, утилизация отходов, рыбные отходы, биоотходы, экология, биоэнергетика, биотопливо.

UTILIZATION OF FISH WASTE IN THE REPUBLIC OF KARELIA

A.P.Shcherbak,

Junior Researcher

S.V.Tishkov,

PhD (Economics), Junior Researcher,

Institute of Economics of Karelian Science Centre of RAS, Petrozavodsk

Abstract. The article examines the potential of the fishing industry of the Republic of Karelia. The analysis of the status and trends of development of the fishing industry it possible to identify possible directions for disposal of fish waste in the Republic of Karelia. Economic benefits in each area of fish waste management are given. It is shown that the potential of aquaculture industry in the region is not used to the full.

Keywords: fishing industry, waste, fish waste, bio-waste, ecology, bio-energy, bio-fuels.

Рыбная отрасль считается одной из самых динамично развивающихся в российской экономике. Объем производства и потребления рыбы и морепродуктов в РФ ежегодно растет, и по итогам 2011 г. он приблизился к уровню СССР. Утилизация рыбных отходов стала одной из самых обсуждаемых проблем, связанных с рыбохозяйственной отраслью в России.

Несмотря на замедление темпов роста в 2010 г. (в 2009 г. прирост составил 12.1%, а в 2010 г. – всего 6%), общий показатель отечественного рыболовства составил около 4 млн т, что является рекордом с 1991 г. Основным промысловым видом рыб в РФ является минтай, на долю которого пришлось около 50% всего улова.

Что касается развития аквакультуры, то, по данным «Росрыболовства», в 2009 г. было выращено 115 тыс. т рыбы и морепродуктов (или 9 432 млн шт. рыб), что на 19.3% выше показателей 2008 г. Несмотря на высокую динамику, развитие аквакультуры в РФ находится на достаточно низком уровне. Для сравнения, в Китае ежегодно производят до 40 млн т продукции аквакультуры, а в 1980-е годы в СССР показатель выпуска рыбы составлял 599 тыс. т в год. В 2010 г. Правительство РФ одобрило «Стратегию развития аквакультуры в России на период до 2010 г.», согласно которой к 2020 г. необходимо увеличить производство продукции аквакультуры до 410 000 т в год.

В ходе переработки рыбы возникают побочные продукты, которые в настоящее время не используются по ряду причин, среди которых отсутствие налаженных процессов и практик утилизации отходов. При этом использование таких побочных продуктов предоставляет возможности для выгодного ведения бизнеса в сфере управления отходами. Это может также стать одним из решений проблемы местной энергетики на отдаленных территориях, с одновременным снижением негативного воздействия на окружающую среду, возникающего при размещении рыбных отходов на свалках.

Относительно низкие тарифы на газ и электроэнергию, отсутствие налаженной системы управления отходами, наряду с низкой экологической сознательностью населения и бизнеса в настоящий момент не способствуют развитию утилизации органических отходов в России. Однако есть и положительные моменты, которые позволят развивать утилизацию органических отходов и производство биоэнергии в будущем [1, с. 27].

Одной из основных целей исследования стала разработка инновационной и эффективной концепции утилизации рыбных отходов в Республике Карелия. Другими важными целями были значительное сокращение воздействия на окружающую среду вследствие размещения биологических отходов, а также изменение отношения к отходам биомассы среди местных предпринимателей, чтобы такие отходы рассматривались как ценное сырье [1, с.28].

В рамках исследования проводился анализ имеющихся и перспективных методов утилизации побочных продуктов переработки рыбы и прочих водных биоматериалов в Республике Карелия. Разработанная концепция представляет практические процессы и технологии управления побочными продуктами переработки рыбы, включая их сбор, логистические решения и производство рыбьего жира. В концепции указаны также возможные источники финансирования для создания необходимой финансовой среды для местных рыбоводческих предприятий. Изученные в ходе проекта альтернативные процессы и технологии производства биотоплива и энергии также представлены в документе.

В настоящее время в Республике Карелия работают 53 рыбоводческих хозяйств. Для региона это быстроразвивающееся направление в сельском хозяйстве. За последние 5 лет объемы рыбоводства в республике выросли почти в 2 раза. В структуре выращенной рыбы 98.8% занимает радужная форель, 1.2% приходится на нельму, сига, пелядь и осетра. Развитие товарного рыбоводства, по прогнозам Министерства сельского, рыбного и охотничьего хозяйства Республики Карелия, предусматривает увеличение объемов выращивания до 20.0 тыс. т в 2015 г. При таком прогнозе количество действующих предприятий возрастет до 60, а число занятых в этой сфере – до 900 человек*.

Наибольший вклад в развитие товарного рыбоводства, по итогам 2012 г., обеспечили следующие предприятия*:

- ООО «Ладожская форель» (совместно с ООО «Райгуба») – 2147 т;
- ООО «Кала я марьяпоят» – 1932 т;
- ООО «Рокфор» – 1606 т;
- ООО «Сегозерское» – 1321 т;
- ЗАО «Кала-Ранта» – 1122 т.

Производство такого количества рыбы является причиной возникновения проблемы по утилизации отходов. Исследование выявило, что наиболее приемлемым вариантом утилизации рыбных отходов на сегодняшний день является производство рыбьего жира и обезжиренного сухого остатка, которые затем идут на производство рыбных и животных кормов [2, с.78].

Производство рыбьего жира из отходов рыбопереработки – достаточно простой технологический процесс, дающий на выходе ценный конечный продукт. Пилотное производство на одном из предприятий Республики Карелия подтвердило действенность данной технологии. Жир и твердый остаток гравитационным способом выделяются из рыбных отходов при нагреве. Выделяющийся рыбий жир удаляется после сепарирования. Как таковой, рыбий жир может использоваться в качестве топлива для отопительных систем, а также для производства рыбных или животных кормов и пищевых добавок, но может и дальше перерабатываться в биодизельное топливо. Однако при нынешних умеренных ценах на энергоносители в России, производить биодизель экономически нецелесообразно [2, с.80].

Несмотря на то, что технология переработки не так сложна, для реального функционирования небольшой установки по производству рыбьего жира требуются дополнительные финансовые ресурсы, а также специально оборудованные производственные помещения, в первую очередь, для соблюдения санитарно-гигиенических требований. Утилизация побочных продуктов не является основным видом бизнеса для рыбоводческих хозяйств. Для эффективного и экономически выгодного производства рыбьего жира требуется централизованный производственный объект, способный перерабатывать значительные объемы сырья. Необходимо создать крупную установку для переработки отходов с нескольких рыбоводческих хозяйств.

Оптимально, чтобы такая установка располагалась на оптимальном расстоянии между предприятиями. Оценка затрат на транспортировку для Карелии показала, что перевозить отходы на расстояние более 100 км экономически нецелесообразно, так как транспортные расходы будут составлять значительную часть производственного процесса. Необходимо учитывать также, что сбор отходов на рыбоводческих хозяйствах, включая погибшую рыбу, должен происходить ежедневно,

* Результаты получены авторами в ходе опроса рыбоводческих хозяйств Республики Карелия в 2013 г.

чтобы не было необходимости хранить отходы на территории хозяйств, что будет связано с дополнительными затратами [2, с.79]. В результате было предложено выделить три основные территории для сбора и последующей переработки рыбных отходов: северный, центральный и южный центры. Именно на этих территориях выращивается наибольшее количество рыбы (рисунок).

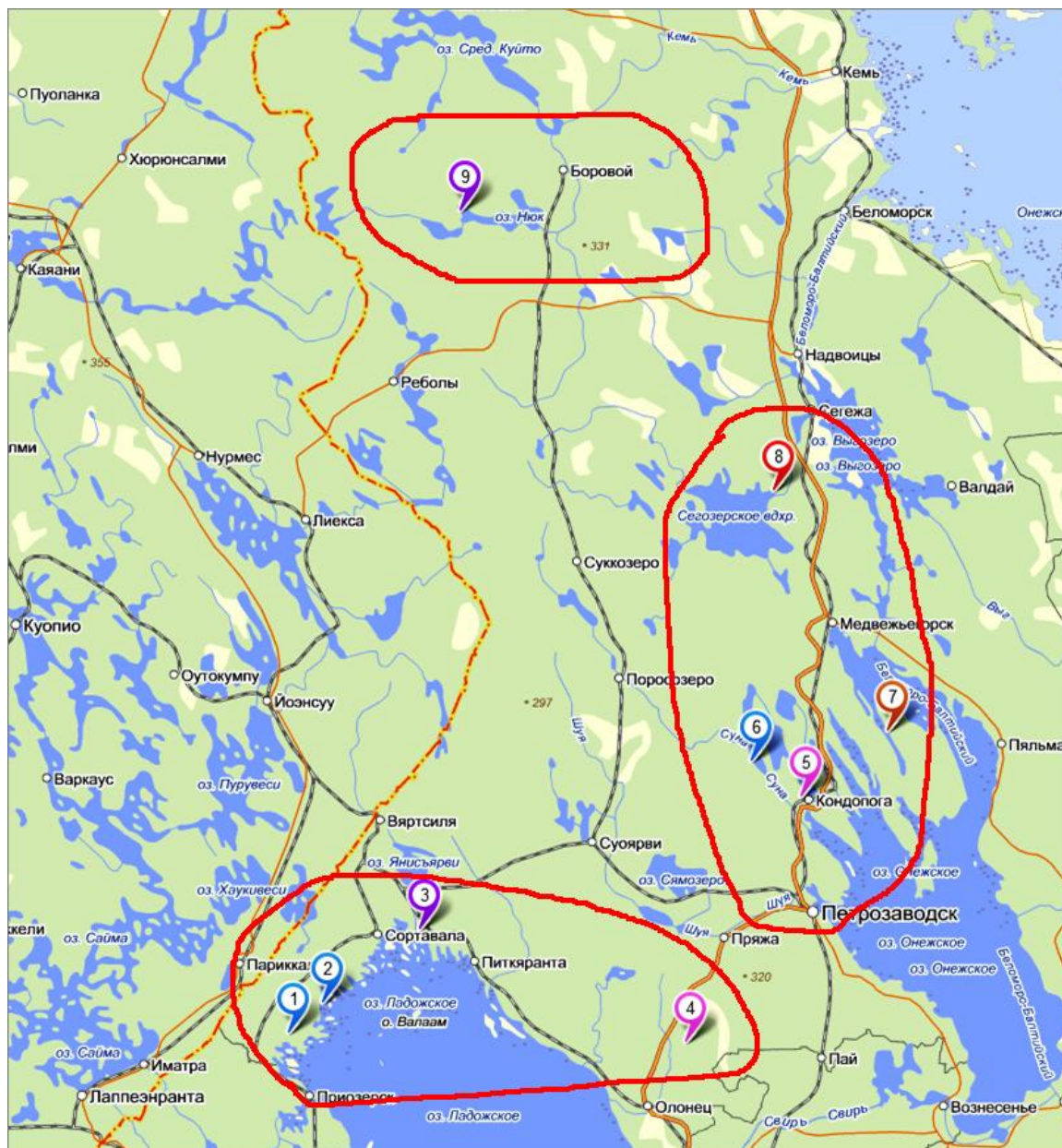

Схема расположений основных рыбноводческих предприятий на территории Республики Карелия (составлена авторами)

Осуществление сбора и последующая утилизация отходов рыбного сектора в этих центрах позволит наиболее эффективно использовать оборудование и сократить дополнительные затраты на транспортировку отходов на длинные дистанции.

Изучение вопросов утилизации отходов рыбного производства показало, что существуют различные источники финансирования для поддержки и обеспечения доходной и экологически устойчивой утилизации, исследований и развития использования побочных продуктов переработки рыбы и других водных биоматериалов. Разнообразные программы финансирования доступны компаниям, исследовательским организациям, органам управления и неправительственным организациям.

Рассмотрим основные направления переработки отходов рыбного сектора.

Производство кормов и кормовых добавок

С точки зрения продовольственной безопасности, рыбные отходы наиболее рационально использовать для производства животных кормов. Перерабатывать рыбные отходы в животные корма более рентабельно, нежели чем перерабатывать в энергию. Преимуществом этого направления является еще и то, что привлечение рыбных отходов снижает потребность в использовании мелкой рыбы в качестве сырья для животных кормов, а значит, эта рыба может стать продуктом питания для человека.

С другой стороны, к животным кормам предъявляются достаточно высокие требования, как в смысле технологического процесса, так и всей производственно-сбытовой цепочки. Вся логистика, условия хранения и прочие аспекты должны быть четко организованы. Объединение рыбных отходов из разных источников повышает риск распространения болезней животных. Санитарно-гигиенические условия должны строго соблюдаться.

На рентабельность использования отходов биомассы для производства кормов для животных влияет и ситуация в звероводстве. Необходимо учитывать также цены на корма для рыбы и сырье для их производства, которые в настоящее время находятся в диапазоне от 30 до 150 руб/кг, в зависимости от содержания протеина и других полезных веществ. [2, с.82].

Одним из технических решений может стать оборудование, способное перерабатывать отходы и в костную муку, и в рыбий жир. Например, активно продвигаемая установка жиромучная РМУ-5, которая предназначена для производства кормовой рыбной муки и технического рыбного жира из рыбных отходов. Для Республики Карелия была рассчитана рентабельность производства мясокостной и рыбной муки из рыбных отходов, при этом средний срок окупаемости составляет порядка 2 года.

Результаты исследования выявили, что производство рыбных и животных кормов из местных рыбных отходов в Карелии снизит долю в импортировании рыбных кормов и сырья для их производства не менее чем на 1000 т/год. При этом Министерство сельского хозяйства Республики Карелии заинтересовано в наличии производства местных кормов, так как оно позволит утилизировать рыбные отходы в соответствии с принципами устойчивости.

Производство рыбьего жира и биодизеля

Производство рыбьего жира и биодизельного топлива из рыбных отходов – достаточно простой технологический процесс, дающий на выходе ценный конечный продукт. Как таковой, рыбий жир может использоваться для отопления, для производства рыбных или животных кормов и пищевых добавок, но может и дальше перерабатываться для производства биодизельного топлива. Биодизель более экологичен, чем ископаемые виды топлива, так как выбросы при его сжигании ниже [2, с.81].

С точки зрения производства биодизеля проблема заключается в том, что существуют и другие конкурентоспособные варианты конечного использования рыбьего жира, имеющие высокую ценность. Применительно к Карелии, производство рыбьего жира в Республике сейчас децентрализовано. Использование малых установок повышает инвестиционные затраты. Еще одним препятствием для производства биодизеля является необходимость получать разрешительные документы для запуска производства с использованием химических веществ [2, с.79].

Побочные продукты производства биодизеля и рыбьего жира можно впоследствии использовать в других процессах. Твердый остаток после отделения рыбьего жира можно использовать в кормах для животных, а глицерин, остающийся после производства биодизеля, может быть использован при изготовлении мыла или иных, например косметических, продуктов.

Стоимость оборудования является одним из ключевых параметров при расчетах рентабельности переработки отходов в биодизель и рыбий жир. Следующим важнейшим параметром являются логистические затраты, на которые оказывают влияние местоположение производителей рыбных кормов. Это одни из основных параметров при оценке рентабельности дальнейшей переработки рыбьего жира для производства кормов.

При нынешней экономической ситуации в России производство биодизеля не будет рентабельным, так как рыночная цена рыбьего жира составляет примерно 0.8-1 евро за литр, а цена литра биодизеля – всего ~0.7 евро. На сегодняшний день существуют экономически более выгодные варианты использования рыбьего жира. Тем не менее, его использование для отопления на конкретных рыбоводческих хозяйствах не исключено.

Производство биогаза

У использования отходов биомассы для производства биогаза есть ряд преимуществ. Биогаз может использоваться в качестве альтернативы традиционному топливу, в том числе и для транспортных средств. Он также является вполне реалистичным вариантом для местного тепло- и электроснабжения, особенно на отдаленных сельских территориях, где необходимо автономное энергообеспечение, где отсутствует возможность подключения к централизованным энергосетям. Рыбные отходы сами по себе не могут обеспечить производство биогаза, но могут перерабатываться совместно с другими материалами, например бытовыми органическими отходами, илом с водоочистных сооружений, навозом и другой органикой.

Есть немало оснований считать производство биогаза устойчивым и экологически безопасным способом утилизации отходов биомассы. При захоронении таких отходов на свалке образуется, так называемый, свалочный газ (метан), который является достаточно сильным парниковым газом. Его выбросы можно сократить за счет производства биогаза. Остатки ферментации можно затем использовать в качестве высокоценного удобрения с повышенным содержанием растворимого азота. При производстве биогаза также утилизируются элементы питания, содержащиеся в отходах биомассы.

Проблема при производстве биогаза заключается в низком выходе энергии по сравнению с капитальными вложениями в оборудование. Для использования биогаза как автомобильного топлива его необходимо очищать, что является дорогостоящим процессом. С точки зрения окружающей среды, производство биогаза не ведет к значительному снижению общего количества отходов, а остаток из реактора необходимо преобразовывать в удобрение (или иные материалы для землепользования).

На рентабельность производства биогаза влияет целый ряд параметров. Один из них – текущие затраты на управление отходами, т.е. тарифы на размещение на свалке. Еще один параметр – текущие цены на энергоносители, такие как природный газ или гидроэнергия. На рентабельность влияет и политика российского правительства по субсидированию энергопроизводителей. Органические отходы надо собирать и перевозить к месту утилизации, поэтому необходимо учитывать затраты на транспортировку и логистику, а также объем вложений в оборудование по производству биогаза. Еще одним параметром в расчетах рентабельности является цена на удобрения, так как остаток из биогазовых реакторов можно использовать в качестве удобрения.

На основании проведенных исследований был сформулирован вывод, что биогаз мог бы стать локальным решением в случае проблем с получением энергии из центральных сетей. Необходимо также учитывать, что рыбные отходы должны перерабатываться в биогаз совместно с другими отходами биомассы, такими как трава, навоз, ил с водоочистных сооружений и т.д., но только рыбных отходов для этого недостаточно.

Комбинированные решения

Для максимально эффективного использования биологических отходов необходимо наладить сотрудничество между различными заинтересованными сторонами и рассмотреть возможности применения комбинированных решений. Инвестиционные затраты на организацию утилизации отходов биомассы высоки и требуют кооперации [3, с.84].

Одно из крупных рыбоперерабатывающих предприятий в г. Кондопога (Республика Карелия), вложило средства в приобретение установки и сейчас готовится к запуску на территории своего предприятия производства сырья для рыбных кормов (рыбий жир, белок). Для всей Карелии оно может стать основным [2, с.83].

В более удаленных от Кондопоги районах потребуются дополнительные локальные решения. Одним из вариантов может быть экспорт рыбных отходов из Сортавальского района в Париккалу (Финляндия) для дальнейшей утилизации. Другим возможным решением может быть использование остатка после отделения рыбьего жира для производства биогаза в районе Сортвала. В последнем случае потребуется определенный объем других материалов, таких как навоз и илы (например, с канализационно-очистных сооружений г.Сортвала).

Вывод

Согласно результатам исследований, проведенных в рамках проекта «Акварель», производство рыбных и животных кормов из местных рыбных отходов в Карелии снизит потребность в импортировании рыбных кормов и сырья для их производства, как минимум, на 1000 т в год. При этом Министерство сельского хозяйства Республики Карелия заинтересовано в наличии производства местных кормов, так как оно позволит утилизировать рыбные отходы в соответствии с принципами устойчивости.

Рыбные отходы более рационально использовать для производства животных кормов, чем пускать их на производство энергии. Производить такие животные корма более рентабельно, чем производить энергию. Преимуществом является еще и то, что привлечение рыбных отходов снижает потребность в использовании мелкой рыбы в качестве сырья для животных кормов, а значит, эта рыба может стать продуктом питания для человека.

Литература

1. Тишков С.В., Щербак А.П. Энергетический потенциал биоотходов Республики Карелия // Альтернативная энергетика и экология. 2014. № 3 (143). С. 25-31.
2. Щербак А.П., Тишков С.В. Экология рыбной промышленности Республики Карелия // Там же. 2014. № 14 (154). С. 78-84.
3. Дружинин П.В., Щербак А.П. Уменьшение накопления отходов и развитие альтернативной энергетики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. Т. 6. № 43. С. 82-86.

Reserence

1. Tishkov S.V., Shcherbak A.P. Energeticheskij potencial bioothodov Respubliki Kareliya // Al'ternativnaya energetika i ekologiya. 2014. № 3(143). S. 25-31.
2. Shcherbak A.P. Tishkov S.V. Ecologiya rybnoj promyshlennosti Respuliki Kareliya // Al'ternativnaya energetika i ekologiya. 2014. № 14(154). S. 78-84.
3. Druzhinin P.V., Shcherbak A.P. Umen'shenie nakopleniya othodov i razvitie al'ternativnoj energetiki // Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka. 2014. T. 6. № 43. S. 82-86.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК 332.1:622.691.4(985)

ФОРМИРОВАНИЕ ГАЗОТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ НА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТОВ ГАЗИФИКАЦИИ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А.Биев,

канд. эконом. наук, старший научный сотрудник

А.В.Шпак,

канд. эконом. наук, доцент, зав. сектором экономики и организации товародвижения

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы развития систем газотранспорта на территории Российской Арктики. Особое внимание уделено вопросу предстоящей газификации Мурманской области. Рассмотрены существующие проекты перевода потребителей на снабжение сжиженным газом, а также ключевые вопросы формирования в регионе газотранспортной инфраструктуры. Выявлены основные условия успешной газификации Мурманской области в современных социально-экономических условиях. Установлено, что реализация планов полномасштабного перевода на газовое топливо потребителей Мурманской области в ближайшей и среднесрочной перспективе маловероятна. Информационную базу исследования составили аналитические материалы региональных органов власти Мурманской области, российских нефтегазовых компаний, а также данные, представленные в глобальной информационной сети Интернет. Работа адресована экономистам, специалистам органов регионального и местного управления, представителям предприятий нефтяной и газовой промышленности, а также всем тем, кто интересуется исследованиями широкого спектра топливно-энергетической проблематики Севера нашей страны.

Ключевые слова: Арктика; Россия; Мурманская область; газовое топливо; транспорт.

GAS TRANSMISSION SYSTEMS FORMATION ON THE ARCTIC TERRITORIES OF RUSSIA: CASE STUDY OF THE MURMANSK REGION GASIFICATION PROJECTS

A.A.Biev,

PhD (Economics), Senior Researcher

A.V.Shpak,

PhD (Economics), Associate Professor, Senior Researcher

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of Kola Science Centre of RAS, Apatity

Abstract This article is devoted to the study of the Russian Arctic territory gas supply systems development. Special attention was given to the issue of the Murmansk Oblast future gasification. The existing projects on transferring consumers to liquefied gas supply as well as the key questions of gas transmission systems building in the region are considered. The basic conditions for successful gasification of the Murmansk Oblast under the present socio-economic conditions are revealed. It was found that implementation of the plans of full transfer of the Murmansk Oblast consumers to gas fuel in the short and medium term is unlikely. The research information base consists of analytical materials of the regional authorities of the Murmansk Oblast, Russian oil and gas companies, as well as data presented in the Internet. The paper is addressed to economists, specialists of regional and local government, representatives of the oil and gas industry, as well as all those who are interested in research in a wide range of fuel and energy problems of the country's North.

Keywords: Arctic; Russia; Murmansk region; gas; transport.

Процессы развития сети трубопроводных систем на территории Севера и Арктики России идут весьма интенсивно. В настоящее время особое внимание уделяется развертыванию газотранспортных систем как самому эффективному способу транспортного освоения наибольших по своим запасам месторождений углеводородного сырья. Возведение объектов централизованного газоснабжения или автономная газификации арктической территории означает новый, качественно

более высокий уровень организации подсистем локального энергоснабжения, повышения надежности и автоматизации работы местных энергетических объектов. Именно поэтому проработка указанных вопросов имеет ключевое значение в призме освещения вопросов формирования систем газотранспорта и газоснабжения на Севере России, в ее арктической зоне. Более того, государство признает, что это стратегическая задача. Утверждается, что газификация территории арктического региона РФ с целью перевода местных предприятий на более стабильное в своем ценообразовании, эффективное и экологически чистое топливо была и остается одним из приоритетных направлений улучшения условий регионального социально-экономического развития. Только таким образом можно создавать необходимые инфраструктурные предпосылки не просто к удержанию экономического потенциала арктических территорий, но и к активному его наращиванию – эта позиция неоднократно высказывалась на самом высоком федеральном уровне. Еще с советских времен именно территориальная газификация неоднократно становилась «спасательным кругом» для сохранения промышленного производства в Заполярье, нуждавшегося в больших объемах дальнепривозного топлива. Примерами подобного рода территориально-экономических преобразований стала газификация Норильского промышленного узла, Ненецкого автономного округа, северных районов Тюменской области (создание Уренгойского нефтегазового комплекса). По тому же пути оптимизации структуры территориальных транспортных систем и подсистем материально-технического снабжения федеральные и региональные органы исполнительной власти следуют и сейчас.

В 2012-2013 гг. в государственной Программе газификации регионов Российской Федерации, основным исполнителем которой является ОАО «Газпром», участвовали 69 субъектов РФ. Уровень газификации природным газом в 2013 г. достиг в нашей стране рекордно высокого уровня – 65,3%. По мнению экспертов, основным направлением дальнейшей газификации регионов России начиная с 2013 г. станет целевая организация снабжения основных категорий потребителей сжиженным газовым топливом (Резолюция III Международной конференции «Рынок сжиженного углеводородного газа и сжиженного природного газа России», Москва, 6-7 декабря 2013 г.). Это утверждение также справедливо и для оценки разрабатываемых планов дальнейшей газификации арктических районов нашей страны, преимущественно не обладающих в пределах своих территорий развитой сетью газотранспортных коммуникаций. К таким районам, в первую очередь, относятся территории Мурманской области, Ненецкого и Чукотского автономных округов, не имеющие доступа к Единой системе газоснабжения России. Однако, несмотря на существующие ограничения транспортно-экономических связей с центральными регионами, созданы достаточно масштабные проекты газификации арктических районов, включающих в себя появление и развитие локальных и региональных сетей газотранспортных коммуникаций, освоение местных топливно-сырьевых баз. Наибольшую нагрузку в сфере обеспечения деятельности газотрубопроводного транспорта несут «добывающие» и «транзитные» территории. Среди арктических традиционно выделяют Ямало-Ненецкий АО, Архангельскую область, а также отдельные муниципалитеты Республики Коми и Красноярского края, на территории которых в настоящее время активно разворачиваются новые газотранспортные коммуникации. В качестве «модельной территории» для разработки и реализации проектов газификации арктического региона, формирования региональной газотранспортной системы может рассматриваться опыт подготовки планов автономной газификации Мурманской области, который ниже анализируется более подробно.

В 2012-2013 гг. в государственной Программе газификации регионов Российской Федерации, основным исполнителем которой является ОАО «Газпром», участвовали 69 субъектов РФ. Из всех субъектов Российской Федерации Мурманская область остается единственным регионом, куда до настоящего времени в наибольших количествах завозится и сжигается для производства тепловой энергии наиболее дорогостоящий вид котельно-печного топлива – топочный мазут. О важности предстоящей газификации Мурманской области упоминается Президентом России. В частности, говоря о перспективах развития предприятий топливно-энергетического сектора в Северо-Западном федеральном округе, будучи в 2011 г. Председателем Правительства РФ, Владимир Путин заявил: «Для нас не менее важно, что развитие газодобычи позволит существенно продвинуться в газификации регионов Северо-Запада, в том числе и Мурманской области, которая до сих пор практически не газифицирована» [1]. Поэтому необходимость и перспективы участия региона в данной Программе не подвергаются сомнению. В этом же году ОАО «Газпром» была утверждена «Генеральная схема газоснабжения и газификации Мурманской области» (разработчик – Проектный институт ОАО «Газпром промгаз»). Основной упор при подготовке этого планового документа был сделан на перспективу появления к 2014-2016 гг. в Мурманской области ключевых элементов инженерной и сырьевой базы проекта освоения Штокмановского газоконденсатного месторождения.

В 2013 г. «Газпром» существенным образом пересмотрел свои инвестиционные планы, и в 2014 г. планировалось выполнить корректировку уже принятой Схемы [2].

Известно, что помимо ОАО «Газпром», свою заинтересованность в участии в крупных нефтегазовых инвестиционных проектах, планируемых к реализации в Мурманской области, уже более десяти лет демонстрирует другая ведущая отечественная компания – ОАО «НК «Роснефть»». 21 июня 2013 г. в рамках работы Петербургского международного экономического форума Президент «Роснефти» Игорь Сечин и Губернатор Мурманской области Марина Ковтун подписали договор о сотрудничестве при реализации проекта Мурманского транспортного узла, где в числе прочих вопросов предварительно оговаривались некоторые аспекты решения проблемы топливного обеспечения региона. В частности, речь шла о возможностях развертывания на территории Мурманской области объектов нефтеперевалки, нефтепереработки и автономной газификации [3]. В ноябре того же года состоялась II Мурманская международная деловая неделя, в ходе мероприятий которой вице-президент «Роснефти» Влада Русакова на заседании совместной рабочей группы Правительства Мурманской области и представителей компании «Роснефть» озвучила ряд возможных вариантов осуществления целевых поставок газового топлива в регион [4]. Наибольшее внимание было уделено трем перспективным схемам организации поставок: импорту и морской доставке сжиженного природного газа от газоперерабатывающих заводов Норвегии, а также с предполагаемых к строительству заводов проектов «Ямал-СПГ», «Печора-СПГ», ОАО «Газпром газэнергосеть» (завод СПГ в Выборгском районе Ленинградской области); железнодорожной транспортировке сжиженного углеводородного и природного газа от ближайших поставщиков в Ленинградской области (в перспективе из Республики Карелия); проекту добычи, подготовки и транспортировки газа Мурманского газового месторождения на шельфе Баренцева моря. Ранее (в мае 2013 г.) Правительство Мурманской области уже выходило с инициативой на руководство «Роснефти» об организации морской доставки газа в регион [5]. Однако тогда это предложение было воспринято компанией неоднозначно. С одной стороны, представители «Роснефти» заявили о заинтересованности оказания поддержки Мурманской области и его Правительству в вопросе развития регионального топливно-энергетического сектора. С другой стороны, компании потребовалось полгода, чтобы в конечном итоге заявить о большей экономической выгодности (с учетом транспортных условий Мурманской области) организации сюда поставок с внешнего европейского газового рынка. В частности, было предложено доставлять газ морским транспортом от уже действующего завода СПГ в районе г.Хаммерфест (Северная Норвегия) на только предполагаемый к строительству терминал СПГ в пос.Териберка. На этой же встрече В.Русакова озвучила приблизительные параметры поставок газового топлива для замещения им поставляемых сюда топливно-энергетических ресурсов. Их объемы были определены еще ОАО «Газпром промгаз» в 2011 г.: «Предварительный анализ спроса показал, что сейчас Мурманской области требуется от 2.7 до 3.8 млрд м³ природного газа. Пока предполагается поставлять в Мурманскую область от 0.7 млрд м³ газа с перспективным увеличением до 1.5 млрд м³» [6].

Озвученная оценка примерно совпадает с результатами авторских расчетов, которые проводились для установления требуемого объема завоза нетрадиционных для региона энергоресурсов (поставки СУГ и транспорт сетевого природного газа) при смене мазутно-угольной модели снабжения областных теплоснабжающих предприятий на модель поставок с полной газификацией (см. табл.1) [7]. Сравнение проводилось по принципу паритета теплотворной способности рассматриваемых видов топливно-энергетических ресурсов (ТЭР).

Таблица 1

Оценка величины необходимого замещения традиционных видов ТЭР газовым топливом в Мурманской области

Вид ТЭР	Годовая потребность региона в ТЭР, т	Перевод потребности в условное топливо, т у.т.	Замещение сжиженным углеводородным газом (СУГ), т	Замещение сетевым природным газом, тыс. м ³
Мазут топочный, диапазон оценки	1 200 000-1 800 000	1 644 000-2 466 000	1 047 134-1 570 701	1 429 565-2 144 348
Уголь энергетический	800 000	519 200	330 700	451 478
СУГ, диапазон оценки	10 900-15 000	17 113-23550	10 900-15 000	14 881-20 478
Итого	-	2 180 313-3 008 750	1 388 734-1 916 401	1 895 924-2 616 304

Источник: расчеты авторов.

Согласно полученным результатам, выход Мурманской области на потребность 2.6-2.7 млрд м³ возможен при полном замещении существующих объемов потребления топочного мазута и угля (1200-1800 тыс. т и 800 тыс. т соответственно). Для замещения этого объема перспективными поставками СУГ или СПГ потребуется около 1.9 млн т этого вида топлива. Однако достижение такого уровня энергопотребления становится возможным только при условии расширения зоны региональной газификации на всю территорию Мурманской области, существенного изменения состава технологического оборудования областных теплоэнергетических предприятий, а также потребует модернизации региональной транспортной сети с включением в нее всех крупнейших потребителей энергии (об этом чуть ниже). С учетом того, что общий объем потребления СУГ в России в 2012 г. составил 9.7 млн т (заведующая сектором СУГ информационно-аналитического центра «Кортес» Мария Кузина, Вторая Международная конференция «Creon Energy «СУГ 2012»», г.Москва, 22 октября 2012 г.), Мурманская область будет претендовать на роль региона – крупнейшего потребителя СУГ в России.

Однако представители «НК «Роснефть» делают особый акцент на том, что текущие цены на внутреннем газовом рынке России не позволяют говорить о перспективах последующего роста потребления газа на территории Мурманской области. Это положение является определяющим для дальнейших активных действий компании по газификации региона. Заявленный предельный уровень потребления (3.8 млрд м³ в год) не может быть преодолен в случае, если стоимость закупки 1 т СУГ у поставщиков будет выше 7-10 тыс. руб. Об этом 2 июня 2014 г. на заседании рабочей группы по вопросам энергообеспечения Мурманской области заявил начальник управления перспективных газовых проектов концерна Тигран Тагворян [8]. С 1 июля 2013 г. цена на «балансовый» газ, установленная Федеральной службой по тарифам, достигла уровня 10058 руб/т (без НДС). В этом случае теряется экономический смысл перехода на газовое топливо, так как цены на него будут сравнимы или превысят стоимость закупки основного ресурса – мазутного топлива – даже с учетом транспортных издержек по его доставке в регион.

К числу других важнейших ограничений роста газового потребления в Мурманской области эксперты «Роснефти» относят территориальные транспортные условия. Уже сейчас наблюдается близкая к предельной загруженность Мурманского отделения Октябрьской железной дороги. Практически отсутствует запас его пропускной способности [9]. И самое главное, неясно, какие именно предприятия будут переходить на новые источники энергии и будут включены в новую транспортную схему.

В настоящее время специалистами «Роснефти», «Газпрома», Минэнерго России и Правительства Мурманской области ведется совместная работа по определению основных параметров перспективной модели транспортировки газового топлива в регион. Единого представления по этому вопросу пока выработано не было. Представители областной администрации считают, что прогнозный уровень потребления газа на территории Мурманской области способен даже превысить ранее озвученный порог и составить 7.8 млрд м³ [10]. Об этом в рамках своего визита на XVIII Санкт-Петербургском международном экономическом форуме заявила временно исполнявшая тогда обязанности губернатора Мурманской области Марина Ковтун. По ее мнению, сама возможность достижения столь высоких показателей потребления позволит привлечь внимание потенциальных инвесторов и значительно ускорить процесс проработки новой скорректированной Схемы газификации и газоснабжения региона. О необходимости создания для этого специальной рабочей группы было сказано там же на встрече с Председателем Правления ОАО «ФосАгро» Андреем Гурьевым, который подтвердил заинтересованность компании в участии и реализации предложенных инициатив при создании новых производственных мощностей холдинга. В частности, он уточнил, что развертывание такой схемы топливно-энергетического снабжения региона позволит «ФосАгро» и входящему в эту группу ОАО «Апатит» переориентировать свои системы материально-технического снабжения для топливных нужд нового завода по производству сложных химических удобрений в Мурманской области. Его строительство и ввод в эксплуатацию планируется осуществить после 2017 года [11]. Объем потребности в газовых поставках для этого предприятия может составить до 1 млрд м³ в год. Еще 200 млн м³ будет необходимо ОАО «Апатит» для замещения осуществляемых сейчас в его адрес поставок мазутного топлива [там же]. Через месяц, на встрече с Председателем Правления «Газпрома» Алексеем Миллером, которая состоялась в Москве 18 мая 2014 г., врио губернатора М. Ковтун повторно озвучила свою точку зрения о возможности дополнительного годового прироста территориального потребления в объеме не менее 3.52 млрд м³ газа в случае заключения соглашений с наиболее крупными потребителями энергоносителей в

Мурманской области: ОАО «Апатит», ЗАО «Северо-Западная Фосфорная Компания», Кольской ГМК, Оленегорским ГОК (ОАО «Олкон»), ОАО «Ковдорский ГОК». По ее словам, предварительные договоренности с указанными компаниями уже имеются, и это дает основание считать «...целесообразным провести корректировку генеральной схемы магистрального газопровода, который соединил бы Кольский полуостров с газотранспортной системой Северо-Западного региона Российской Федерации» [12]. Однако отношение руководства газового концерна к таким планам всех руководителей Мурманской области за последние десять лет традиционно весьма настороженное, что было лишним раз выражено кратким комментарием официального представителя компании по итогам проведенной рабочей встречи: «Какой газопровод? Он золотой будет!» (Пресс-секретарь Председателя Правления ОАО «Газпром» Сергей Куприянов, 18 мая 2014 г.) [13]. К сожалению, подобной позиции придерживаются и представители Минэнерго России, которые сомневаются в реальности приведенных обоснований столь резкого прироста региональных энергетических потребностей (замминистра энергетики Алексей Текслер, замдиректора Департамента добычи и транспортировки нефти и газа Минэнерго РФ Александр Ерков, заседание рабочей группы по вопросам энергообеспечения Мурманской области, 2 июня 2014 г.) [8]. Тем не менее, соответствующим департаментам «Газпрома» было поручено провести дополнительную работу по формированию и подтверждению заявок указанных потребителей, которую планируется закончить к концу 2014 г. [14].

Всего же в рамках долгосрочной целевой программы Мурманской области «Комплексное развитие систем коммунальной инфраструктуры Мурманской области на 2011-2015 годы» (действие прекращено с 1 января 2014 г.) предусматривалось к реализации три проекта реконструкции систем муниципального теплоснабжения с включением в их структуру объектов газогенерации: строительство блочно-модульных котельных в с. Минькино, с.п. Междуречье, строительство станции по газификации угля в г. Кандалакша (район Нива-3). Сумма инвестиционных вложений по ним составила 392.8 млн руб. Два из них вошли в плоскость практической реализации (строительство газовых котельных в селах Минькино, Междуречье (Кольский район)) [15]. Для своих технологических и производственных нужд эти потребители должны будут закупать сжиженный углеводородный газ, который в качестве основного вида топлива для производства тепловой энергии на территории Мурманской области не используется и поставляется, в основном, для обеспечения бытовых нужд населения и заправки автомобильного транспорта. Вопрос его использования в качестве котельно-печного нуждается в дополнительной проработке, т.к., по мнению экспертов, тарифы теплоснабжения на газе и топочном мазуте могут быть сопоставимы. Об этом лишним раз свидетельствуют предварительные результаты опытной эксплуатации самой первой построенной газовой котельной в с. Минькино [16].

Подводя промежуточный итог оценке перспектив анонсируемого возрастания энергетических потребностей региона, необходимо отметить следующее. Даже по самым высоким оценкам будущего энергопотребления на территории Мурманской области, выполненными ОАО «Газпром промгаз» в 2009-2011 гг., учитывавших возможность реализации здесь к 2016 году крупных «газпромовских» инвестиционных проектов (возведение комплекса по производству СПГ в п. Териберка, нефтеперерабатывающего завода в с.п. Междуречье и др.), значительного прироста использования топливных ресурсов местными промышленными предприятиями и коммунальным сектором не ожидалось (в отличие от прироста потребления электрической мощности). Объективных оснований для кардинального увеличения объема топливных поставок в регион даже тогда не было. Более того, реальное потребление региона может оказаться гораздо ниже заявленных ранее 3.8 млрд м³ газа в год. Понимая это, о ключевой важности определения «правильного» прогнозного объема потребления говорит и сама М. Ковтун: «Сегодня вопрос заключается в том, каким образом газ придет в Мурманскую область: в виде сжиженного природного газа или по газопроводу. Есть несколько вариантов... Речь идет о строительстве трубопровода протяженностью 1300 км. Для того чтобы этот проект был экономически обоснован, Северу необходимо обеспечить определенный объем потребления, иначе едва ли это будет экономически эффективно» [17]. Однако становится все более очевидным, что говорить о значительных масштабах предстоящей газификации без документального подтверждения заявленного энергопотребления в контрактных формах между потребителями Мурманской области и ООО «Газпром межрегионгаз» явно преждевременно. Поэтому основным сценарием газификации территории остается вариант автономного снабжения отдельных категорий потребителей на основе существующей транспортной сети с использованием железнодорожных поставок СПГ (когда появятся его крупные производители в европейской части РФ) или СУГ. Такая

позиция была озвучена начальником Управления формирования и реализации политики в области энергетики и жилищно-коммунального комплекса Министерства энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Мурманской области Д.А. Латышевым 22 октября 2013 г. на заседании Комитета Мурманской областной Думы по энергетике и жилищно-коммунальному хозяйству по вопросу газификации Мурманской области [2].

Тем не менее, в рамках работы по корректировке Генеральной схемы газификации Мурманской области, проводимой ОАО «Газпром промгаз», продолжают рассматриваться целых 6 вариантов [там же]. При всем разнообразии предлагаемых схем транспортировки газа, не дают однозначно положительного результата попытки увидеть потенциал сокращения транспортных издержек в случае изменения старой «мазутно-угольной» модели снабжения предприятий региональной теплоэнергетики на новую «газовую». Существующая модель (мазутно-угольная) выглядит намного предпочтительнее по сравнению с предлагаемой «полностью газовой» с точки зрения минимизации транспортных затрат на завоз требуемого количества энергоресурсов. Если для завоза мазута и угля в область, по разным оценкам, ежегодно требуется от 5 до 8 млрд руб., приходящихся только на оплату услуг ОАО «РЖД», то для завоза замещающего объема СУГ также по железной дороге оборотных средств теплоснабжающих организаций может потребоваться уже в 2.5 раза больше – до 21.5 млрд руб. (табл.2). Непонятно, откуда могут у дотационных предприятий возникнуть такие финансовые резервы и оборотные средства, сравнимые с уровнем общего объема доходов областного бюджета в 2014 году (43.2 млрд руб.) [18].

Таблица 2

Оценка величины годовых транспортных издержек на завоз топливных ресурсов в Мурманскую область («мазутно-угольный» и «газовый» сценарии)

Вид ТЭР	Диапазон изменения ж/д тарифа в зависимости от различных условий поставок*, руб/т	Годовые транспортные издержки потребителей, связанные с завозом ТЭР железнодорожным транспортом**, тыс. руб/год
Мазут топочный	2432-3850	2 918 400-6 930 000
Уголь энергетический	941-1421	752 800-1 136 800
Итого: уголь + мазут	-	3 671 200-8 066 800
СУГ	2980-11203	5 710 875-21 469 441

*По данным калькулятора железнодорожного тарифа специализированного логистического Интернет-портала «Груз и Вагон». Режим доступа: <http://gruzivagon.ru>

**Только магистральная железнодорожная доставка без учета стоимости перевалки и начально-конечных логистических операций; диапазон изменения показателя обусловлен различными вариантами объемов закупок топлива и стоимости его доставки от поставщиков.

Представленные результаты расчетов еще раз подтверждают вывод о том, что вариант замещения мазута сжиженным газовым топливом с его доставкой по железной дороге может быть реализован лишь ограниченно. Он способен сравниться по уровню транспортных издержек с существующим «мазутно-угольным» только в случае минимизации «транспортного плеча» планируемых железнодорожных перевозок газа (поставки от производителей СУГ в Ленинградской области или, в перспективе, от поставщиков СПГ в Республике Карелия). Либо, как планировалось ранее (в инвестиционных планах ОАО «Газпром», 2008 г.), он может быть реализован в полном масштабе в случае возведения ветки от газотрубопроводной магистральной сети в направлении «Волхов – Мурманск – Териберка», т.е. замещения мазутных поставок снабжением сетевым природным газом. И если реализация последнего варианта в ближайшей перспективе пока представляется маловероятной, то пересмотр существующих транспортно-экономических связей в сфере поставок сжиженного газа по железной дороге в Мурманскую область будет являться неперенным условием успешной газификации ее территории. В настоящее время поставки СУГ для нужд потребителей Мурманской области осуществляют несколько предприятий. Крупнейшим поставщиком СУГ в адрес региональной монополии ОАО «Мурманоблгаз» является ОАО «Газпром газэнергосеть», которое в 2013 г. поставляло сюда порядка 55% от общего объема поставок компанией балансового газа [19]. Перечень поставщиков топлива и стоимость его транспортировки с учетом действующих тарифов ОАО «РЖД» на перевозку сжиженных углеводородных газов до

газонаполнительных станций, расположенных в Мурманской области, приведены в табл.3. Основные объемы СУГ поступают в область от поставщиков, расположенных в Республике Коми и Пермском крае (более 80% от общего размера поставок). Доля завоза СУГ от близкорасположенных поставщиков из Ленинградской области составляет не более 10-11% [20]. Поэтому организация контрактной привязки потребителей Мурманской области к ближайшим поставщикам взамен существовавшего ранее прикрепления балансовым заданием Министерства энергетики России – еще одно значимое направление работы территориальной газификации, которое самым прямым образом будет отражаться на конечной стоимости топлива для потребителей, росте уровня тарифов газоснабжения.

Таблица 3

Условия доставки сжиженных углеводородных газов
в Мурманскую область с использованием железнодорожного транспорта

Станция назначения (получатель СУГ)	Газонаполнительная станция г.Апатиты (ОАО «Мурманоблгаз»)			Газонаполнительная станция г.Мурманск (ОАО «Мурманоблгаз»)		
	тариф. расстоя- ния, км	срок доставки, дней	стоимость доставки СУГ с учетом НДС, руб/т	тариф. расстоя- ния, км	срок доставки, дней	стоимость доставки СУГ с учетом НДС, руб/т
Сургутский ЗСК (Тюменская область, ОАО «Газпром газэнергосеть»)	3766	12	5667	3951	13	5877
ООО «ПО «КИНЕФ»» (Ленинградская область, ОАО «Сургутнефтегаз»)	1197	6	2698	1382	7	2980
Сосногорский ГПЗ (Республика Коми, ОАО «Газпром газэнергосеть»)	1967	9	6760	2152	9	7203
Пуровский ЗПК (Ямало-Ненецкий АО, ОАО «НОВАТЭК»)	4263	14	10885	4448	14	11203
ООО «Тобольск Нефтехим» (Тюменская область, ОАО «СИБУР Холдинг»)	3281	11	9100	3466	12	9482
ООО «ЛУКОЙЛ- Пермнефтегазпереработка» (Пермский край)	2297	9	7336	2482	10	7736

ПРИМЕЧАНИЕ. Рассчитано с использованием данных калькулятора железнодорожного тарифа специализированного Интернет-портала «Груз и Вагон». Режим доступа: <http://gruzivagon.ru>

Таким образом, на ближайшую перспективу (до конца 2014 г.) остается неясным, что же станет базовой технологией транспорта газового топлива в Мурманскую область. Будет ли это поставки сжиженного газа по железной дороге, его автомобильная доставка с использованием спецтранспорта из Карелии, морская транспортировка танкерами на терминал СПГ или трубопроводная поставка сетевого природного газа – неизвестно. Этот вопрос является ключевым для понимания возможных перспектив газификации региона. Именно поэтому специалистами и представителями общественности неоднократно поднимался вопрос о целесообразности столь быстрой и необратимой газификации Мурманской области (см. например, [21-23]). Сама глава региона, прекрасно осознавая трудности предстоящей работы, уже сейчас признает, что в ближайшие семь лет проблема мазутозависимости Мурманской области решена не будет [24]. На основании изложенных материалов, представляется очевидным вывод о необходимости дальнейшего продолжения в Мурманской области выполнения опытных («пилотных») и локальных проектов газификации области. Апробация полученного опыта при осуществлении планов модернизации коммунальных объектов и инженерной инфраструктуры муниципальных образований региона даст однозначный ответ о принципиальной необходимости газификации территории в ближайшее время или среднесрочной перспективе, а также о целесообразности включения в ее зону отдельных районов Мурманской области. Но уже сейчас становится ясным, что радужные ожидания от грядущих знаковых перемен в одной из самых важных сфер регионального хозяйства могут быть слишком завышенными. Информация, представленная в настоящей статье, еще раз ставит вопрос о важности

дополнительного обоснования и широкого общественного обсуждения заявленной на уровне областного руководства необходимости перевода на газ крупных промышленных объектов региона. Будет ли это означать, что реализация планов газификации региона в очередной раз отодвигаются на неопределенный срок – покажет время.

Литература

1. Доклад Председателя Правительства РФ В.В.Путина «Стратегия социально-экономического развития Северо-Запада России до 2020 года»: межрегиональная конференция отделений партии «Единая Россия». Россия, г.Череповец. 4-5 сентября 2011 г. Режим доступа: [http://krasview.ru/video/177262-Strategiya_sotsialno-ekonomicheskogo_razvitiya_Severo-Zapada_Rossii_do_2020_goda_Konferentsiya_partii_Edinaya_Rossiya_V_V_Putin_Vstupitelnoe_slovo_\(2\)](http://krasview.ru/video/177262-Strategiya_sotsialno-ekonomicheskogo_razvitiya_Severo-Zapada_Rossii_do_2020_goda_Konferentsiya_partii_Edinaya_Rossiya_V_V_Putin_Vstupitelnoe_slovo_(2)).
2. Схема газификации Мурманской области пройдет корректировку. 27 октября 2013 года [Электронный ресурс] // Телекомпания «ТВ-21». Режим доступа: <http://www.tv21.ru/news/2013/10/27/?newsid=62571>
3. Губернатор Мурманской области Марина Ковтун встретила с президентом компании «Роснефть» Игорем Сечиным. 4 октября 2013 года [Электронный ресурс] // ИА «Би-порт». Режим доступа: <http://www.b-port.com/officialy/item/114984.html>
4. Власти Мурманской области надеются газифицировать регион с помощью «Роснефти». 18 ноября 2013 года [Электронный ресурс] // ИА «Новости энергетики». Режим доступа: <http://novostienergetiki.ru/vlasti-murmanskoj-oblasti-nadeyutsya-gazificirovat-region-s-pomoshhyu-rosnefti/>
5. Мурманск предложил «Роснефти» морскую доставку СПГ для нужд региона. 27 мая 2013 года [Электронный ресурс] // ИА «RusEnergy». Режим доступа: http://www.rusenergy.com/ru/news/news.php?id=66747&phrase_id=1577005
6. В «Роснефти» полагают, что выше 3.8 млрд м³ газа в год Мурманская область в потреблении не «прыгнет». 3 июня 2014 года [Электронный ресурс] // «НИА-Мурманск». Режим доступа: <http://51rus.org/news/economy/6344#>
7. Биев А.А., Шпак А.В. Возможности и перспективы появления новых нефтеперерабатывающих предприятий в северных регионах России. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1(31). С. 82-95. Режим доступа: <http://esc.vscs.ac.ru/?module=Articles&action=view&aid=3512>
8. Алексей Векслер о газификации: от маргинальных проектов Мурманский регион переходит к более серьезным. 18 июня 2014 года [Электронный ресурс] // «НИА-Мурманск». Режим доступа: <http://51rus.org/news/authority/6879>
9. Шпак А.В., Серова В.А., Биев А.А. Современные проблемы транспортной инфраструктуры регионов Российской Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 6 (43). С.31-35.
10. Инвесторы поддержат. [Электронный ресурс] // Мурманский вестник. 2014. 23 мая Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/print.asp?pid=201405238>
11. «ФосАгро» может построить завод удобрений в Мурманской области после 2017 года. 22 мая 2014 года [Электронный ресурс] // ИА «ИТАР-ТАСС». Режим доступа: <http://itar-tass.com/ekonomika/1205917>
12. Комлев, И. Рабочая встреча М.Ковтун с А. Миллером в Москве [Электронный ресурс] / И.Комлев // ГТРК «Мурман». 2014. 18 мая. Режим доступа: <http://murman.tv/news/5422-rabochaya-vstrecha-m-kovtun-s-a-millerom-v-moskve.html>
13. В «Газпроме» назвали «золотым» газопровод в Мурманскую область. 18 мая 2014 года [Электронный ресурс] // ИА «FlashNord». Режим доступа: <http://flashnord.com/news/v-gazpromenazvali-zolotym-gazoprovod-v-murmanskuuyu-oblast>
14. Топливная картина Мурманской области должна быть диверсифицирована. 22 июня 2014 года [Электронный ресурс] // ГТРК «Мурман». Интервью Марины Ковтун в программе «Вести недели». Режим доступа: <http://murman.tv/news/sobytiya-nedeli/5504-programma-sobytiya-nedeli-ot-22-iyunya.html>. Режим доступа к тексту интервью: <http://51rus.org/news/interview/6976>
15. Модернизация котельных в Мурманской области: наступаем на старые грабли. 27 марта 2013 года [Электронный ресурс] // ИА «Nord-News». Режим доступа: http://www.nord-news.ru/murman_news/2012/03/27/?newsid=28103
16. Михайлов А. В Заполярье цена газового отопления может сравниться с мазутным [Электронный ресурс] / А.Михайлов // Российская Газета. 2013. 19 июня. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/06/19/reg-szfo/otoplenie-anons.html>

17. Марина Ковтун: при рассмотрении вариантов газификации мы должны четко видеть вектор экономии в ТЭК региона. 11 ноября 2013 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Губернатора Мурманской области. – Режим доступа: <http://gubernator.gov-murm.ru/news/events/?newsid=658&page=33>
18. Проект Закона Мурманской области «Об областном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015-2016 гг.». [Электронный ресурс] // Мурманский вестник. 2013. 7 ноября. Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=2013110721>
19. «Газпром газэнергосеть» продлила срок оплаты за сжиженный газ, поставляемый в Мурманскую область. [Электронный ресурс] // Мурманский вестник. 2013. 19 сентября. Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=2013091960>
20. Годовой отчет об итогах работы ОАО «Мурманоблгаз» за 2011 год. Текст [Электронный ресурс] // Интернет сайт ОАО «Мурманоблгаз». Режим доступа: <http://muroblgaz.narod.ru>.
21. Нужна ли области газификация без Штокмана? 23 октября 2012 года [Электронный ресурс] // ИА «Би-Порт». Режим доступа: <http://www.b-port.com/analytics/item/90335.html>
22. Нужно ли Мурманской области «слезать с мазутной иглы». 2 декабря 2013 года [Электронный ресурс] // Интернет сайт телекомпании «Арктик-ТВ». Режим доступа: <http://www.arctic-tv.ru/news/murmanskaya-oblast-arktika/nuzhno-li-murmanskoj-oblasti-slezat-s-mazutnoj-igly>
23. «Роснефть» – волшебник для северного города. [Электронный ресурс] // «Московский Комсомолец – Мурманск». 2014. 22 января. Режим доступа: <http://murmansk.mk.ru/article/2014/01/22/973748-rosneft-volshebnyk-dlya-severnogo-goroda.html>.
24. Мурманская область не уйдет от мазутной зависимости еще 7 лет. 28 мая 2014 года [Электронный ресурс] // ИА «Би-Порт». Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/130519.html>

References

1. Doklad Predsedatelya Pravitel'stva RF V.V.Putina "Strategiya social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Severo-Zapada Rossii do 2020 goda". Mezhtsemen'naya konferenciya otdelenij partii "Edinaya Rossiya". Rossiya, g. Cherepovec. 4-5 sentyabrya 2011 g. [The Report of the Russian Prime Minister V.V.Putin "The strategy of social and economic development in north-west of Russia till 2020" at the Session of the Regional Conference for departments of "Edinaya Rossiya" political party on September 4, 2011, Cherepovec, Russia].
2. Skhema gazifikacii Murmanskoj oblasti projdet korrekcirovku. 27 oktyabrya 2013 g. [The Murmansk oblast gasification scheme will be corrected. October 27, 2013]. "TV-21" Television Company. Text. URL: <http://www.tv21.ru/news/2013/10/27/?newsid=62571>
3. Gubernator Murmanskoj oblasti Marina Kovtun vstretilas' s prezidentom kompanii "Rosneft" Igorem Sechinym. 4 oktyabrya 2013 g. [The Governor of Murmansk Oblast Marina Kovtun met with Igor Sechin, the President of the "Rosneft" Company. October 4, 2013]. IA «Bi-port». URL: <http://www.b-port.com/officially/item/114984.html>
4. Vlasti Murmanskoj oblasti nadeyutsya gazificirovat' region s pomoshch'yu "Rosnefti". 18 noyabrya 2013 g. [The Murmansk Oblast local authorities hope to gain territory gasification by the "Rosneft" Company assistance. 2013. November 18]. IA «Novosti Energetiki». URL: <http://novostienenergetiki.ru/vlasti-murmanskoj-oblasti-nadeyutsya-gazificirovat-region-s-pomoshchyu-rosnefti/>
5. Murmansk predlozhit "Rosnefti" morskuyu dostavku SPG dlya nuzhd regiona. 27 maya 2013 g. [The Murmansk Oblast local authorities have suggested LNG sea delivey to Rosneft for the Murmansk Oblast to supply. 2013. May 27]. IA «RusEnergy». URL: http://www.rusenergy.com/ru/news/news.php?id=66747&phrase_id=1577005
6. V "Rosnefti" polagayut, chto vyshe 3.8 mlrd kubometrov gaza v god Murmanskaya oblast' v potreblenii ne «prygnut». 2014. 3 iyunya. [The Rosneft Company management believes that the Murmansk Oblast territory consumption will not be greater than 3.8 billion cubic meters of natural gas per year. June 3, 2014]. IA «NIA-Murmansk». URL: <http://51rus.org/news/economy/6344#>
7. Biev A.A., Shpak A.V. Vozmozhnosti i perspektivy poyavleniya novyh neftepererabatyvayushchih predpriyatij v severnyh regionah Rossii [Opportunities and prospects for the emergence of new refineries in Russia's Northern regions]. Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2014. № 1(31). P.82-95 (In Russ.). URL: <http://esc.vsc.ac.ru/?module=Articles&action=view&aid=3512>
8. Veksler A. O gazifikacii: ot marginal'nyh projektov Murmanskij region perekhodit k bolee ser'eznym. 2014. 18 iyunya [Alexey Veksler about Murmansk Oblast territory gasification: local authority project

- shifts from marginal to more serious. June 18, 2014] // IA «NIA-Murmansk». URL: <http://51rus.org/news/authority/6879>
9. Shpak A.V., Serova V.A., Biev A.A. Sovremennye problemy transportnoj infrastruktury regionov rossijskoj Arktiki [Modern challenges of the transport infrastructure of the Russian arctic regions] // Sever i Rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: economic order formation]. 2014. № 6(43). P.31-35 (In Russ.)
 10. Investory podderzhat [Investors will support]. Gazeta "Murmanskij vestnik" // The "Murmanskij Vestnik" newspaper. 2014. May 23. URL: <http://www.mvestnik.ru/print.asp?pid=201405238>.
 11. "FosAgro" mozhet postroit' zavod udobrenij v Murmanskoy oblasti posle 2017 goda. 22 maya 2014 g. [The FosAgro Company can build a mineral fertilizer production plant on the post 2017. May 22, 2014] // IA "ITAR-TASS". URL: <http://itar-tass.com/ekonomika/1205917>
 12. Komlev I. Rabochaya vstrecha M. Kovtun s A. Millerom v Moskve [M. Kovtun and A. Miller at a business meeting in Moscow]. SBCC "Murman", 2014, May 18. URL: <http://murman.tv/news/5422-rabochaya-vstrecha-m-kovtun-s-a-millerom-v-moskve.html>
 13. V "Gazprome" nazvali "zolytym" gazoprovod v Murmanskuyu oblast'. 18 maya 2014 g. [Representatives of the "Gazprom" Company are called as a "made of gold" the pipeline to the Murmansk Oblast. May 18, 2014]. IA "FlashNord". URL: <http://flashnord.com/news/v-gazprome-nazvali-zolytym-gazoprovod-v-murmanskuyu-oblast>
 14. Toplivnaya kartina Murmanskoy oblasti dolzhna byt' diversificirovana. 2014 g. 22 iyunya [Marina Kovtun believes that Murmansk Oblast regional fuel supply system is expected to be diversified.]. SBCC "Murman", 2014, June 22. URL: <http://murman.tv/news/sobytiya-nedeli/5504-programma-sobytiya-nedeli-ot-22-iyunya.html>. URL: <http://51rus.org/news/interview/6976>
 15. Modernizaciya kotel'nyh v Murmanskoy oblasti: nastupaem na starye grabli. 27 marta 2013 g. [Experts talks about Murmansk Oblast boiler houses modernization: we have faced these problems more than once] // IA "Nord-News". 2013. March 27. URL: http://www.nord-news.ru/murman_news/2012/03/27/?newsid=28103
 16. Mihajlov A. V Zapolyar'e cena gazovogo otopeniya mozhet sravnyat'sya s mazutnym. 19 iyunya 2013 g. [In the Arctic the cost of heat generation using gas can be on operational level comparable to that of oil fuel] // Rosiyskaya Gazeta» newspaper. 2013. June 19. URL: <http://www.rg.ru/2013/06/19/reg-szfo/otopenie-anons.html>
 17. Kovtun Marina: pri rassmotrenii variantov gazifikacii my dolzhny chetko videt' vektor ehkonomii v TEK regiona. 11 noyabrya 2013 g. [Marina Kovtun believes that during the consideration of different variants Murmansk Oblast territory gasification it is important to keep clearly view the true level of savings incurred on region`s fuel and energy industry. 2013. November 11]. Oficial'nyj sajt Gubernatora Murmanskoy oblasti [Official website of the Murmansk Oblast Governor]. URL: <http://gubernator.gov-murman.ru/news/events/?newsid=658&page=33>
 18. Proekt Zakona Murmanskoy oblasti "Ob oblastnom byudzhete na 2014 god i na planovyj period 2015-2016 gg.". 2013. 7 noyabrya. [The draft Budget Law of the Murmansk Oblast for 2014 and for the planning period 2015 and 2016]. The "Murmanskij Vestnik" newspaper // Murmanskij vestnik. 2013. November 7. URL: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=2013110721>
 19. "Gazprom gazehnergoset" prodlila srok oplaty za szhizhennyj gaz, postavlyaemyj v Murmanskuyu oblast'. 19 sentyabrya 2013 g. [The "Gazprom gazehnergoset" Company has extended terms of payment for the gas liquefied and delivered to the Murmansk Oblast] // Murmanskij Vestnik // Murmanskij Vestnik newspaper. 2013. September 19. URL: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=2013091960>
 20. Godovoj otchet ob itogah raboty OAO "Murmanoblgaz" za 2011 god. Tekst [The annual accounting of JSC "Murmanoblgaz" on the results of work for the year 2011]. Internet sajt OAO "Murmanoblgaz" [JSC "Murmanoblgaz" web site]. URL: <http://muroblgaz.narod.ru>
 21. Nuzhna li oblasti gazifikaciya bez Shtokmana? 2012. 23 oktyabrya. [Is territory gasification for the Murmansk Oblast needed in a case of Shtokman project was not implemented? 2012. October 23] // IA "Bi-port". URL: <http://www.b-port.com/analytics/item/90335.html>
 22. Nuzhno li Murmanskoy oblasti "slezat' s mazutnoj igly". 2013. 2 dekabrya. [Is the Murmansk Oblast regional fuel and energy industry needed to be diversified? 2013. December 2]. Internet sajt telekompanii "Arktik-TV" ["Arktik-TV" television company web site]. URL: <http://www.arctic-tv.ru/news/murmanskaya-oblast-arktika/nuzhno-li-murmanskoy-oblasti-slezat-s-mazutnoy-igly>

23. "Rosneft" – volshebник dlya severnogo goroda. 22 yanvarya 2014 g. [The "Rosneft" Company is a wizard for northern city]. Moskovskij Komsomolets – Murmansk. 2014. January 22. URL: <http://murmansk.mk.ru/article/2014/01/22/973748-rosneft-volshebnik-dlya-severnogo-goroda.html>
24. Murmanskaya oblast' ne ujdut ot mazutnoj zavisimosti eshche 7 let. 2014. 28 maya. [The Murmansk Oblast fuel and energy industry will still dependant on mazut deliveries in the next 7 years. 2014. May 28] // IA "Bi-port". URL: <http://www.b-port.com/news/item/130519.html>

УДК 338.26:352(470.1/.2)+(985)

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ

V.V.Didyk,

канд. эконом. наук, зам. директора по научной работе, зав. сектором социально-экономической политики муниципалитетов

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ Российской академии наук, г.Апатиты

Аннотация. Актуальность исследования вопросов стратегического планирования социально-экономического развития муниципальных образований значительно возросла после принятия в июне 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В нем впервые российские муниципалитеты законодательно признаны полноценными участниками системы стратегического планирования страны. Статья основана на результатах исследования, выполненного в 2014 г. при поддержке гранта регионального конкурса РГНФ и включает три части. В первой кратко освещаются научно-методические основы стратегического планирования и управления и современные тенденции их развития. Во второй части приводятся результаты анализа практики применения стратегического планирования в муниципалитетах Российского Севера и Арктики, включая оценку полноты содержания документов стратегического планирования. Приведены результаты оценки степени распространенности стратегического планирования в муниципалитетах Российского Севера. Установлено, что, в среднем, она достигла 31%, в том числе 25% среди муниципальных районов и 44% среди городских округов. В заключительной третьей части изложены предложения по совершенствованию государственной и муниципальной политики в сфере развития стратегического планирования и управления социально-экономическим развитием муниципалитетов, значимость которого для муниципальных образований Российского Севера и Арктики, с учетом их особенностей особенно высока.

Ключевые слова: стратегическое планирование; муниципальные образования; российский Север и Арктика; управление; социально-экономическое развитие.

DEVELOPMENT OF STRATEGIC PLANNING IN THE MUNICIPALITIES OF THE RUSSIAN NORTH AND THE ARCTIC

V.V.Didyk,

PhD (Economics) Research Director, Head of Sector,

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity

Abstract. The relevance of studying issues of strategic planning of socio-economic development of municipalities has increased significantly since the adoption in June 2014 of the Federal Law "On the Strategic Planning in the Russian Federation". It for the first time legally recognized Russian municipalities as full participants in the strategic planning of the country. This article is based on the results of the research carried out in 2014 with the support of the grant of the RHF regional competition and includes three parts. The first part briefly discusses the scientific and methodological bases for strategic planning and the current trends of their development. The second one presents the results of the strategic planning practices analysis in the municipalities of the Russian North and the Arctic, including the evaluation of completeness of strategic planning documents. The results of evaluation of the extent of strategic planning in the municipalities of the Russian North are given. It was determined that on the average, it reached 31%, including 25% of municipalities and 44% of urban districts. The concluding third part outlines proposals to improve the state and municipal policies in the field of strategic planning and management of socio-economic development of municipalities, whose significance for the municipalities of the Russian North and the Arctic, with their specificities taken into consideration, is especially high.

Keywords: strategic planning, municipalities, the Russian North and the Arctic, management, socio-economic development.

Введение

Среди различных типов социально-экономических систем муниципальный уровень играет базовую роль. На его основе формируются территориальные системы регионального и национального масштаба. Это определяет высокую актуальность повышения эффективности управления социально-экономическим развитием муниципалитетов, что возможно только при использовании передовых методов и инструментов управления. В свою очередь, к настоящему времени в мировой и отечественной теории и практике регулирования территориальных социально-экономических систем получило широкое признание использование в качестве эффективного управленческого инструмента стратегического планирования и управления их развитием.

Дополнительными факторами, определяющими актуальность исследования проблем применения стратегического планирования и управления на муниципальном уровне в Российской Федерации и, особенно, в экстремальных условиях Севера и Арктики, являются следующие. Во-первых, это продолжающийся непростой процесс становления института местного самоуправления, который на Российском Севере и в Арктике еще более затруднен из-за удорожающих и других неблагоприятных условий жизнедеятельности и хозяйствования. Во-вторых – принятие Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в котором муниципальные образования наряду с государственными органами власти признаны равноправными участниками системы стратегического планирования страны.

Статья основана на результатах исследования, выполненного в 2014 г. при поддержке гранта регионального конкурса РГНФ¹ и включает три части. В первой кратко освещаются научно-методические основы стратегического планирования и управления и современные тенденции их развития. Во второй части приводятся результаты анализа практики применения стратегического планирования в муниципалитетах Российского Севера и Арктики, включая оценку полноты содержания документов стратегического планирования. В заключительной части изложены предложения по совершенствованию государственной и муниципальной политики в сфере развития стратегического планирования и управления.

Развитие научно-методических основ стратегического планирования и управления на муниципальном уровне

В теории и практике управления территориальными социально-экономическими системами все большее признание и распространение получает применение стратегического подхода, предполагающего разработку и реализацию стратегий (стратегических планов) развития территориальных образований на средне- и долгосрочную перспективу.

Для российских муниципалитетов стратегическое планирование и управление, аккумулирующие наиболее передовые подходы и методы управления (системный подход к управлению, программно- и проектно-целевые подходы, функциональный подход, прикладные аспекты теории принятия решений и др.), рассматриваются как управленческая инновация. При этом стратегическое планирование является одним из компонентов, начальным этапом более общей категории – стратегического управления¹.

Система стратегического управления первоначально разрабатывалась и использовалась в коммерческих организациях. Впоследствии она стала применяться для управления в территориальных системах на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Несмотря на то, что за последние 50 лет в мире сформировалось более десяти различных школ стратегического управления, его сущность достаточно универсальна. Она состоит в формировании и реализации стратегии развития организации или территориальной социально-экономической системы на основе непрерывного контроля и оценки происходящих изменений в ее деятельности, направленной на достижение стратегических целей в условиях нестабильной внешней среды.

Обобщая научно-методические разработки отечественных и зарубежных авторов в области стратегического управления [1, с.137-144; 2, с.37-41; 3, с.45; 4, с.45-47] можно выделить следующие укрупненные этапы данного процесса применительно к территориальным социально-экономическим системам:

¹ Проект № 14-12-51007 "Стратегическое планирование и управление в муниципальных образованиях Российского Севера: проблемы и перспективы». Соисполнителями данного проекта являлись сотрудники ИЭП КНЦ РАН Дидык В.В., Дядик Н.В. и Емельянова Е.Е.

¹ Категория «стратегическое управление» охватывает весь управленческий цикл – от анализа и планирования до контроля реализации стратегии. Правомерно также использование категории «стратегическое планирование и управление». В этом случае «управление» понимается в узком смысле как реализация стратегии.

- стратегический анализ (диагностика территории, оценка ресурсов, внешних и внутренних факторов развития, SWOT-анализ);
- стратегическое планирование (включая формирование системы целей и критериев их достижения, оценку стратегических альтернатив, выбор базовых стратегий для основных региональных подсистем, определение программ, проектов и механизмов реализации стратегии);
- реализация стратегии и стратегический контроль (включая мониторинг и управление изменениями).

Интерес муниципалитетов, прежде всего городов, к стратегическому управлению связан с тем, что стратегия развития – это реальный инструмент повышения эффективности управления поселением, который позволяет местному сообществу определить цели развития на долгосрочную перспективу, привлечь к процессу управления широкие слои населения. Кроме того, стратегия способствует оптимальному использованию местных ресурсов, быстрому и эффективному реагированию на изменяющиеся условия современной жизни [5].

Одним из базовых требований и методологическим подходом к стратегическому управлению территориальными социально-экономическими системами на национальном, региональном и муниципальном уровнях в современных условиях является использование концепции устойчивого развития. Суть данной концепции состоит в обеспечении сбалансированности экономических, экологических и социальных компонентов развития, позволяющей удовлетворять потребности нынешних поколений, не подвергая угрозе жизни будущие поколения людей. Императив перехода к устойчивому развитию как условие выживания человечества в XXI в. был провозглашен на исторической Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., где была принята «Повестка дня на XXI век», а также «Местная повестка дня» (Local agenda). Данные документы, являясь программой действий перехода к устойчивому развитию в международном масштабе на разных уровнях, включая местный, призвали правительства всех стран принять национальные и местные стратегии перехода к устойчивому развитию. Ответом России на этот призыв было принятие в апреле 1996 г. Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [6]. Вслед за этим в соответствии с поручением Президента РФ был разработан проект Государственной стратегии устойчивого развития, однако он не был утвержден и не приобрел статус официального нормативного документа. Не получила широкого распространения в нашей стране и инициатива принятия «местных повесток дня» как стратегий устойчивого развития в муниципалитетах [7].

Специальный анализ, результаты которого опубликованы в статье Л.А. Рябовой [8] показал, что применение принципов устойчивого развития в качестве методологических подходов реализовано далеко не в должной мере при разработке большинства документов стратегического планирования развития территориальных систем как на федеральном, так и региональном уровнях. Наш анализ документов стратегического планирования муниципалитетов показал, что концепция устойчивого развития мало используется как методологический подход и на муниципальном уровне [9].

Значительным вкладом в развитие системы стратегического планирования и управления в стране стало недавнее принятие Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»², (далее ФЗ № 172) который имеет и большое методическое значение. Проект этого закона, принятый в первом чтении Государственной Думой 21.11.2012 г. имел название «О государственном стратегическом планировании». Несмотря на то, что в соответствии со ст. 12 Конституции РФ «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», тем не менее, в указанном законопроекте предусматривалось участие муниципалитетов в системе государственного стратегического планирования, что указывало на признание законодателями важной их роли в такой системе. После доработки в ФЗ № 172 муниципальному уровню уже отводится полноценная роль во всех разделах закона. В определении понятия «стратегическое планирование» муниципальные образования указаны как равноправные участники этой деятельности. Ст. 6 закона называется «Полномочия органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования», в ст. 11 определен перечень документов стратегического планирования, разрабатываемых на уровне муниципального образования, в ст. 13 установлено, что «форма, порядок и сроки общественного обсуждения проекта документа стратегического планирования» на муниципальном уровне определяется высшим исполнительным органом местного самоуправления.

² Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочно-информационная система «КонсультантПлюс».

Таким образом, новый закон не только подтвердил правомочность муниципального стратегического планирования³, но закрепил важнейшие методологические положения стратегического планирования, в том числе и муниципального. Тем не менее, подробный анализ ФЗ № 172, который был осуществлен, в частности, участниками XIII Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России» (Санкт-Петербург, 27-28 октября 2014 г.), выявил необходимость внесения в него ряд поправок и дополнений, в том числе касающихся стратегического планирования в муниципалитетах. Так, в итоговом документе форума есть рекомендация «внести поправки в ФЗ-172, явно указывающие на добровольность подготовки и утверждения документов стратегического планирования на уровне местного самоуправления», а также «дополнить ФЗ-172 положениями, определяющими параметры (условия) ресурсной или экономической (прежде всего, финансово-бюджетной) обеспеченности стратегического планирования»⁴. Следует подчеркнуть, что последнее особенно актуально для муниципальных образований.

С методологической точки зрения стратегический подход к муниципальному управлению означает взаимоувязанное управление состоянием (функционированием) и изменением (развитием) и требует кардинального пересмотра всей идеологии, сложившейся технологии управления, практики принятия решений и распределения ресурсов. Его сущность заключается в переходе от краткосрочных к приоритету долгосрочных целей, от ориентации на решение текущих задач к ориентации на решение перспективных проблем муниципалитета [10, с. 217]. Более подробно сущность стратегического управления раскрывает характеристика отличий стратегического подхода к муниципальному управлению от нестратегического (традиционного, ситуационного) по всем основным параметрам управления (приоритет целей, взаимоотношения с населением, характер принятия решений и др.). Такую характеристику в разных вариантах можно встретить в публикациях [10, с. 219-220; 11; 12, с. 36-37]. Анализ этих характеристик показывает, что внедрение и применение в полном объеме системы стратегического управления для российских муниципалитетов весьма проблематично в силу ряда неблагоприятных институциональных факторов как субъективного, так и объективного характера. В числе субъективных можно выделить недостаточную подготовленность и, как правило, отсутствие специальных навыков у большинства работников органов местного самоуправления и в целом населения к использованию соответствующих управленческих процедур (например, открытый, публичный характер деятельности местной власти, активное участие населения в решении местных задач и др.) [13]. Объективные факторы связаны с крайней ограниченностью экономической и политической самостоятельности муниципальных образований [14], что препятствует полноценному применению системы стратегического управления.

В силу указанных причин, в российских муниципалитетах получает распространение стратегическое планирование как начальный этап освоения всего комплекса инструментов стратегического управления. В следующей части статьи представлены результаты анализа данной практики в муниципалитетах Российского Севера.

Практика стратегического планирования в муниципалитетах Российского Севера и Арктики

Указанные выше и другие общие для российских городов и муниципальных районов неблагоприятные институциональные предпосылки использования стратегического планирования и управления, в условиях Российского Севера и Арктики усугубляются рядом факторов, которые усложняют формирование и реализацию их социально-экономической политики. Это тяжелые природно-климатические условия, отдаленность от экономических центров, неразвитость транспортной и инженерной инфраструктуры населенных пунктов, которые удорожают стоимость жизни, а также текущие и капитальные затраты местных бюджетов, ограничивающие возможности развития предпринимательства и обуславливающие обострение демографических проблем [15, с.86]. Тем не менее, наши исследования показали, что первые примеры разработки документов стратегического планирования в муниципалитетах (городах) Российского Севера, как и в других регионах страны, относятся к началу 2000-х гг.

³До принятия ФЗ № 172 это было неочевидно, поскольку, несмотря на существование практики стратегического планирования на муниципальном уровне, оно не было предусмотрено в перечне «вопросов местного значения», которыми, по законодательству, призваны заниматься органы местного самоуправления.

⁴Выводы и рекомендации круглых столов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://forumstrategov.ru/UserFiles/Recommendations_2014_27_11.pdf

Исследование практики стратегического планирования на муниципальном уровне было начато автором настоящей статьи совместно с коллегами сектора социально-экономического развития муниципалитетов ИЭП КНЦ РАН в рамках одного из разделов плановой темы НИР, выполнявшегося в 2010-2012 гг. Объектом исследования в тот период выступали малые и средние города Севера России с численностью населения от 20 до 100 тыс. чел. Основные результаты этого этапа исследований были представлены в ряде публикаций [3; 9; 12; 13].

В 2014 г. подобное исследование было продолжено в рамках проекта, поддержанного по результатам регионального конкурса РГНФ. В нем был расширен спектр исследуемых муниципалитетов и включен в сферу рассмотрения муниципальных районов. Помимо этого, было снято ограничение по численности населения рассматриваемых муниципалитетов.

Источником информации для анализа служили опубликованные на официальных Интернет-сайтах органов местного самоуправления полнотекстовые документы стратегического планирования (стратегии, концепции, комплексные планы с периодом действия 5 и более лет) муниципальных образований, расположенных на территории 12 субъектов Федерации, полностью относящихся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям⁵. Значительная часть данной территории Указом Президента РФ от 2 мая 2014 № 296 отнесена к Арктической зоне Российской Федерации⁶. Соответственно арктические муниципальные образования обследованы в той части, что находятся на территории 4 субъектов Федерации, полностью вошедших в Арктическую зону РФ.

Формализованный результат анализа муниципальных документов стратегического планирования состоял в выявлении наличия и полноты (доли в процентах) из числа 11 элементов, обычно определяемых в стратегиях, а именно: миссия, главная цель, подцели, целевые показатели, приоритеты развития, SWOT-анализ, сценарии, механизм реализации, мониторинг, взаимосвязь с региональной и федеральной стратегиями, система мероприятий по реализации стратегии. Определялся также статус документа по признаку органа его утвердившего, т.е. высшим представительным органом местного самоуправления или администрацией поселения. Среди опубликованных на официальных сайтах муниципалитетов встречаются и такие документы стратегического планирования, которые не были утверждены, либо информация об этом не приводится.

Основные количественные результаты анализа представлены в таблице.

Результаты анализа документов стратегического планирования муниципалитетов
Российского Севера и Арктики

Показатели	Количество, ед.	Доля, %
Всего проанализированных документов, из них:	67	100
муниципальных районов,	38	56.7
в том числе в Арктической зоне РФ*	4	x
городских округов	29	43.3
в том числе в Арктической зоне РФ*	11	x
Из общего числа документов утверждены:		
высшим представительным органом местной власти	49	73.1
администрацией муниципалитета	13	19.4
статус не указан	5	7.5
Степень полноты документа (из 11 учитываемых элементов):		
более 60%	49	73.1
из них более 90%	20	2.8

⁵ Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский автономные округа; республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Камчатский край, Архангельская, Мурманская, Сахалинская и Магаданская области.

⁶ Согласно Указу, сухопутная территория Арктической зоны РФ включает территории 4 субъектов Федерации (Мурманской области, Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов), а также муниципальных образований Архангельской области (3 города и 2 района), Республики Коми (1 город Воркута), Красноярского края (1 город Норильск и 2 района), Республики Саха (Якутия) (5 районов).

*По данному показателю не приводится доля к общему числу проанализированных документов, поскольку в рамках выполненного исследования была охвачена только часть Арктической зоны (территория субъектов Федерации, полностью относящихся к ней).

В результате анализа установлено, что, несмотря на значительный диапазон разброса показателя полноты присутствия контролируемых элементов (от 36.3 до 100%) в 49 или более 73.1% общего числа рассмотренных документов доля необходимых элементов их содержания превышает 60% (присутствуют 7 из 11 учитываемых элементов). Это свидетельствует о достаточно высоком уровне полноты проанализированных документов стратегического планирования.

Рассматривавшиеся стратегии были утверждены высшим представительным органом местного самоуправления в 49 муниципалитетах (73% общего числа в выборке)⁷, в 13 муниципалитетах (19%) их утвердила администрация. Значительное преобладание высокого статуса документов стратегического планирования за счет рассмотрения и утверждения их высшим представительным органом муниципальных образований также позитивно характеризует практику стратегического планирования на Российском Севере.

На основе представленных и других данных выполненного анализа качества документов стратегического планирования муниципалитетов можно сделать вывод, что оно, несмотря на значительную дифференциацию содержания, с точки зрения наличия и полноты необходимых элементов, вполне удовлетворительное. Такой вывод близок к тому, что сделан по результатам исследования, применявшего другую методику анализа 100 муниципальных стратегий различных регионов России. Основные его результаты изложены в статье Б.С.Жихаревича и Т.К.Прибышина [9].

Наш анализ применения методов стратегического планирования и управления в муниципалитетах Севера также показал, что они находят распространение преимущественно среди муниципальных районов и городских округов. У городских поселений из-за разделения (а в ряде случаев совмещения) предметов ведения и полномочий в рамках одной и той же территории с муниципальными районами, возникают противоречия между этими двумя уровнями муниципальной власти, которые препятствуют не только стратегическому планированию и управлению развитием, но и решению текущих вопросов функционирования. Распространение среди муниципальных районов стратегических планов обусловлено нередко требованиями со стороны региональных органов власти, поскольку они, по существу, продолжают функционировать как административно-территориальные единицы субъекта РФ, а их органы во многом приобрели положение территориальных органов региональной власти[14, с. 11].

Наряду с оценкой полноты содержания документов стратегического планирования (табл.), нами предпринята попытка определить степень охвата применения стратегического планирования в муниципальных образованиях на принятой для обследования территории Российского Севера⁸. С учетом того, что общее число муниципальных районов на этой территории в 2014 г. составляло 152, а городских округов 66 единиц, то доля муниципальных районов, имеющих документы стратегического планирования (38 ед.) составляет 25%, а городских округов – 44% (29 ед.). Таким образом, несмотря на то, что в абсолютном выражении по числу стратегических документов преобладают муниципальные районы, степень охвата (относительная величина, доля) применения стратегического планирования значительно выше в городских округах (почти в 1.8 раза). Средний же уровень охвата стратегическим планированием по данным типам муниципальных образований составляет 31%, что близко к существующим оценкам в среднем по России.

Совершенствование государственной и муниципальной политики в сфере развития стратегического планирования

Выше уже отмечалась важная роль принятого в июне 2014 г. Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁹, который в значительной степени восполнил серьезный пробел в законодательном (нормативном) обеспечении процесса стратегического планирования и управления, в том числе на муниципальном уровне. Данный закон,

⁷ Совпадение с числом и долей документов, выделенных по признаку полноты случайное.

⁸ Территория вышеперечисленных 12 субъектов РФ, полностью отнесенных к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям.

⁹ Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

как было также указано, выполняет одновременно важную методологическую функцию, законодательно закрепив основные определения, принципы, полномочия, состав документов и требования по согласованию (увязке) документов стратегического планирования, разрабатываемых на разных уровнях (федеральном, региональном и муниципальном).

Большое положительное значение для развития стратегического планирования и управления в стране принятого ФЗ № 172 признают многие исследователи [см. например 16]. Наряду с этим, как справедливо отмечает директор Института проблем глобализации М. Делягин, принятие закона как такового недостаточно, нужна большая работа по организации его выполнения. В частности, в интервью информационному агентству «Накануне.Ru» он сказал: *«Стратегическое планирование существенно повышает эффективность экономики, но нужно, чтобы им занимались. Это будет зависеть от того, будет ли президент следить за исполнением закона»*¹⁰,

Очевидно, что меры государственной политики по развитию системы стратегического планирования и управления в стране не должны ограничиваться принятием закона. Требуется комплекс дополнительных шагов по его реализации и эффективному использованию инструментов стратегического планирования и управления.

Для распространения и повышения эффективности стратегического планирования и управления на муниципальном уровне в рамках выполненного исследовательского проекта были предложены следующие первоочередные меры, которые необходимо осуществить со стороны государственных органов власти федерального и регионального уровней.

1. Совершенствование законодательного обеспечения деятельности местного самоуправления и, прежде всего, в направлении повышения экономической самостоятельности муниципальных образований, расширения доходной базы местных бюджетов, усиления реальных, а не декларативных гарантий соблюдения принципов самоуправления.

2. Необходимо осуществление мер прямой поддержки многих муниципальных образований Севера и Арктики, прежде всего моногородов, особые условия функционирования и развития которых слабо учитываются как действующим, преимущественно унифицированным, законодательством, так и государственной региональной политикой.

3. С целью распространения и более эффективного использования технологий стратегического управления развитием муниципальных образований в практике деятельности органов МСУ необходимо усилить государственное научно-методическое и информационное (особенно в части статистической информации) обеспечение этого процесса, расширить формы подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих по применению стратегического подхода в управлении.

Наряду с государственными мерами условием успешного внедрения стратегического планирования и управления является и соответствующая муниципальная политика. Наш анализ показал, что, несмотря на неблагоприятные институциональные и экономические условия, практика использования российскими муниципалитетами этого прогрессивного инструмента социально-экономического развития местных сообществ получает все большее распространение. Исследование практики стратегического планирования в муниципалитетах Севера и Арктики, выявило, что масштаб его распространения здесь не меньше, чем в среднем по стране. Данный факт свидетельствует о понимании многими руководителями органов местного самоуправления необходимости работы на перспективу, постановки и последовательного решения долговременных задач. На фоне этой положительной тенденции, а также с учетом многих объективных трудностей и ограничений, а также дефицита методического обеспечения и опыта стратегического планирования имеющиеся недостатки содержания стратегических документов представляются практически неизбежными.

Однако, как обосновывается в теории и подтверждается лучшим мировым отечественным опытом, действенность стратегического управления достигается в том случае, если стратегические планы составляются не формально для выполнения «требований сверху», а являются реальными документами общественного согласия, процесс разработки и реализации которых предусматривает участие представителей всех слоев и групп местного сообщества. Это обеспечивает нахождение наилучших способов согласования интересов, что является важнейшим условием устойчивого развития. В то же время наше исследование показало, что во многих анализируемых муниципалитетах не преодолен формальный подход. Часто игнорируются такие важнейшие условия

¹⁰ Все идет по плану [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/19178>

эффективности стратегического планирования, как публичность данного процесса, необходимость привлечения широкого круга участников и налаживания конструктивного взаимодействия между ними для совместного поиска механизмов достижения стратегических целей развития.

Широкое распространение получила также практика привлечения для разработки муниципальных стратегических планов сторонних научно-консультационных организаций. В общем случае данная практика вполне оправдана, поскольку участие профессионалов может способствовать повышению качества стратегического планирования. Следует подчеркнуть, что она может дать позитивный результат только при определенных условиях, а именно, если в процесс разработки и реализации стратегического плана будут активно вовлечены не только первый руководитель муниципального образования и органы местного самоуправления, но и местное сообщество, включая представителей предпринимателей, учреждений науки, образования, общественных организаций. В действительности указанное условие выполняется далеко не всегда, что может дискредитировать идею стратегического планирования.

Несмотря на все существующие трудности применения стратегического управления на муниципальном уровне, принятие ФЗ № 172 от 28.06.2014 г. не только обеспечило легитимность такой деятельности, но побуждает к активному включению в этот процесс все уровни органов власти, в том числе муниципальных образований. Это повышает актуальность выработки программы действий органов местного самоуправления по реализации данной задачи.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно предложить для органов местного самоуправления следующие меры, способствующие организации эффективной системы стратегического планирования и управления социально-экономическим развитием своих муниципалитетов:

- активное использование всех полномочий и местных возможностей по улучшению предпринимательского и инвестиционного климата на территории муниципального образования для укрепления экономической базы местного самоуправления, диверсификации экономики, развития социальной инфраструктуры как основы заинтересованности местного сообщества в формировании и реализации стратегических планов;

- осуществление комплекса мер по развитию человеческого потенциала (образование, культура, здоровье) и социального капитала (уровень доверия в отношениях и связи между людьми и группами) местного сообщества как основы укрепления институтов гражданского общества на местном уровне, обеспечивающем реализацию принципа общественного участия в формировании и реализации стратегий;

- совершенствование системы управления в органах муниципальной власти, переход к принципам стратегического подхода к управлению (долгосрочное, проблемно-ориентированное целеполагание; активное участие населения, открытость власти, программно-функциональный тип структуры управления и др.).

Одним из конкретных предложений, направленных на развитие методического обеспечения внедрения и использования стратегического планирования и управления на муниципальном уровне, которое разработано в рамках исследования по проекту, является примерный регламент процедур стратегического планирования и управления в муниципальных образованиях. Данный регламент является усовершенствованным вариантом совокупности процедур, предусмотренных «Технологией создания системы стратегического планирования, разработки и реализации стратегического плана», разработанной специалистами «Леонтьевского центра»¹¹. Он предусматривает последовательность управленческих процедур, которые необходимо осуществлять органам местного самоуправления в процессе разработки и реализации стратегического плана социально-экономического развития муниципалитета. Комплекс мероприятий регламента представлен в форме матрицы, где в строках указывается шесть стадий действий (подготовительный; стратегический анализ; определение целей, задач и приоритетов; формирование стратегии действий; принятие стратегического плана; создание предпосылок для реализации), а в графах – четыре этапа деятельности по каждой стадии (организация, разработка, экспертиза, продвижение). При формировании данного регламента были учтены основные принципы и требования теории стратегического менеджмента, а также лучший отечественный и зарубежный опыт стратегического управления на муниципальном уровне.

¹¹ Данная технология имеет еще название «КРЭП-технология» - от начальных букв основных направлений деятельности участников процесса – «координация, разработка, экспертиза, продвижение». Режим доступа <http://www.sokr.ru/card/180674s46104a90/>

Например, большое внимание уделено соблюдению принципов общественного участия и открытости при разработке и реализации стратегических планов.

В заключение следует подчеркнуть, что в современных геополитических и геоэкономических условиях, когда возрастает стратегическая роль Севера и Арктики для России, эффективное стратегическое планирование и управление устойчивым развитием муниципальных образований, являющихся базисом территориальных социально-экономических систем, приобретает особо высокую значимость.

Литература

1. Стратегическое управление: регион, город, предприятие» / под ред. Д.С.Львова, А.Г.Гранберга, А.П.Егоршина; ООП РАН, НИМБ. М.: Экономика, 2004. 605 с.
2. Ускова Т.В. Управление современным городом: направленная модернизация / Т.В.Ускова, Н.В.Нестеров; под ред. д.э.н., проф. В.А.Ильина. Вологда: Изд. ИСЭРТ РАН, 2010. 196 с.
3. Дидык В.В., Емельянова Е.Е. Стратегическое управление развитием территорий: методические аспекты и практика российских городов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 1. С. 45-53.
4. Poister, T.G. and Streib, G. Elements of Strategic Planning and Management in Municipal Government: Status after Two Decades // Public Administration Review. 2005. V 65, №. 1. P. 45-54.
5. Дидык В.В., Дядик В.В. Методические аспекты стратегического управления развитием муниципальных образований: материалы VIII Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем» (г.Уфа, 1-15 мая, 2014). Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2014. С. 154-157.
6. Указ Президента РФ от 01.04.1996 №440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [Электронный ресурс] // «Консультант Плюс».
7. Didyk V., Kharitonova G., Ivanova L. Sustainable development of local communities and the new paradigm for protected areas // In Elvestad, C. & Salberg, A. (edit.): Combining nature protection and sustainable use. Status and challenges from a Norwegian-Russian perspective. Nordlands Forskning. 2011. P. 11-24.
8. Рябова Л.А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2010. № 1. С.44-48.
9. Дидык В.В. Исследование практики стратегического планирования и управления в муниципальных образованиях Севера России // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 23. С. 31-38.
10. Система муниципального управления / под ред. В.Б.Зотова. 5-е изд., испр. и доп. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 717 с.
11. Алексеев О.Б. Стратегическое управление в государственном и муниципальном секторе [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.interned.ru/articles/other/strategicheskoe_upr.htm# (дата обращения 15.12.2014).
12. Дидык В.В. Исследование предпосылок постановки и реализации стратегических целей устойчивого развития городов Севера // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз. 2010. № 2(10). С. 32-38.
13. Дидык В.В. О практике стратегического подхода к управлению в муниципалитетах Российского Севера // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 5(23). С. 30-34.
14. Стародубровская И.В., Глазычев В.Л. Реальный федерализм, местное самоуправление, межбюджетная политика // Вопросы местного самоуправления. 2011. № 3(37). С. 11-20.
15. Дидык В.В., Рябова Л.А. Моногорода российской Арктики: стратегии развития (на примере Мурманской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4(34). С. 84-100.
16. Ускова Т.В., Чекавинский А.Н. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные проблемы (экспертная оценка) // Там же. С. 63-68.

References

1. Strategicheskoe upravlenie: region, gorod, predpriyatie. [Strategic management: region, city, an enterprise] / edited by D.S.L'vov, A.G. Granberg, A.P. Egorshina; Publ. OON RAN, NIMB. Moscow: Jekonomika, 2004, 605 p. (In Russ.).

2. Uskova T.V., Nesterov N.V. Upravlenie sovremennym gorodom: napravlennaja modernizacija. [Management by contemporary city: direction of modernization] edited by prof. V.A. Il'in. Vologda, ISJeRT RAN, 2010, 196 p. (In Russ.).
3. Didyk V.V., Emel'janova E.E. Strategicheskoe upravlenie razvitiem territorij: metodicheskie aspekty i praktika rossijskih gorodov, Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka. 2011. № 1. S. 45-53 (In Russ.).
4. Poister, T.G. and Streib, G. Elements of Strategic Planning and Management in Municipal Government: Status after Two Decades, Public Administration Review. 2005. V. 65, № 1. P. 45-54.
5. Didyk V.V., Djadik V.V. Metodicheskie aspekty strategicheskogo upravlenija razvitiem municipal'nyh obrazovanij [Methodical aspects of strategic management by municipal development], Materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi internet-konferencii «Problemy funkcionirovanija i razvitija territorial'nyh social'no-jekonomicheskikh sistem» [Proceedings of the VIIIth All-Russian scientific and practical Internet-conference «Problems of functioning and development of territorial socio-economic systems»] (Ufa, 1-15 May, 2014). Ufa, ISJeI UNC RAN, 2014. P.154-157 (In Russ.).
6. Ukaz Prezidenta RF ot 01.04.1996 № 440 «O Konceptii perehoda Rossijskoj Federacii k ustojchivomu razvitiyu» [Decree of the President of the RF «On the conception of transition of the Russian Federation toward sustainable development»]. Konsul'tant pljus (In Russ.).
7. Didyk V., Kharitonova G., Ivanova L. Sustainable development of local communities and the new paradigm for protected areas, In Elvestad, C. & Salberg, A. (edit.): Combining nature protection and sustainable use. Status and challenges from a Norwegian-Russian perspective. Nordlands Forskning. 2011, 120 p.
8. Rjabova L.A. Problemy primeneniya koncepcii ustojchivogo razvitija v RF: ot nacional'nogo urovnja k severnomu aspektu // Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka. 2010. № 1. P.44-48 (In Russ.).
9. Didyk V.V. Issledovanie praktiki strategicheskogo planirovanija i upravlenija v municipal'nyh obrazovanijah Severa Rossii // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2012. № 23. P.31-38 (In Russ.).
10. Sistema municipal'nogo upravlenija/ pod red. V.B. Zotova. 5-e izd., ispr. i dop. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. 717 s. (In Russ.).
11. Alekseev O.B. Strategicheskoe upravlenie v gosudarstvennom i municipal'nom sektore—Available at www.interned.ru/articles/other/strategicheskoe_ypr.htm# (accessed 15.12.2014) (In Russ.).
12. Didyk V.V. Issledovanie predposylok postanovki i realizacii strategicheskikh celej ustojchivogo razvitija gorodov Severa // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii prognoz. 2010. № 2(10). S. 32-38.
13. Didyk V.V. O praktike strategicheskogo podhoda k upravleniju v municipalitetah rossijskogo Severa// Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2012. № 5(23). S. 30-34.
14. Starodubrovskaja I.V., Glazychev V.L. Real'nyj federalizm, mestnoe samoupravlenie, mezhbjudzhetnaja politika // Voprosy mestnogo samoupravlenija. 2011. № 3(37). S.11-20.
15. Didyk V.V., Rjabova L.A. Monogoroda rossijskoj Arktiki: strategii razvitija (na primere Murmanskoj oblasti) // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2014. № 4(34). S. 84-100.
16. Uskova T.V., Chekavinskij A.N. Zakon o strategicheskome planirovanii v Rossijskoj Federacii: dostoinstva i nereshennye problemy (jekspertnaja ocenka) // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2014. № 4(34). S. 63-68.

УДК338.26(985)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Л.О.Залкинд,

канд. эконом. наук, старший научный сотрудник

Т.П.Скуфьина,

доктор. эконом. наук, зав. Отделом

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина КНЦ РАН, Апатиты

Аннотация. Государственная политика в социально-экономической сфере в настоящее время реализуется с использованием программно-целевого метода планирования. Использование данного метода призвано увеличить эффективность государственного управления в условиях высокого уровня участия

государства в экономическом развитии страны. В статье анализируются процесс разработки и изменения, произошедшие в процессе принятия Государственной программы развития Арктической зоны РФ до 2020 г. Рассматривается первоначальный проект программы, прохождение общественного и экспертного обсуждения и ее утвержденный вариант. Оценивается место Мурманской области в развитии Арктической зоны в обоих вариантах. Определено, что обсуждавшийся Проект являлся в основном скоординированной и взаимоувязанной программой социально-экономического и политического развития Арктического региона, хотя и имел ряд недостатков, отмеченных экспертами. В соответствии с Проектом Мурманская область могла стать ключевым звеном, базой для развития всей Арктической зоны РФ. В итоговом утвержденном Правительством документе основным направлением развития стало формирование более эффективной координации органов власти. Сделан вывод о том, что влияние утвержденной Программы на социально-экономическое развитие Арктической зоны и формирование приоритетов развития значительно сокращено. Для Мурманской области государственная Программа в нынешнем виде не несет дополнительных изменений с точки зрения социально-экономического развития.

Ключевые слова: государственная программа, Арктическая зона, региональная политика.

RUSSIAN ARCTIC STATE DEVELOPMENT PROGRAMM AND PERSPECTIVES OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MURMANSK REGION

L.O.Zalkind,

PhD (Economics), Senior Research Fellow,

T.P.Skufina,

Doctor of Economic Sciences, Head of Department

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the KSC of the Russian Academy of Sciences, Apatity

Abstract. Russian federal policy in the socio-economic sphere is currently implemented using the program-target planning method. Using this method is designed to increase the efficiency of public administration under condition of high level of state involvement in the economic development of the country. The article analyzes the development and changes in the process of adoption, the State Programme for the Development of the Arctic zone of the Russian Federation until 2020, is considered a draft of the program, the process of public and expert discussion, and its approved version. It is estimated the role of the Murmansk region in the development of the Arctic zone in both cases. It is determined that the Project was discussed mainly coordinated and coherent program of socio-economic and political development in the Arctic, although it had a number of deficiencies noted by the experts. According to the Project, Murmansk region could become a key part, the basis for development of the Arctic zone of the Russian Federation. In the final document, approved by the Government, the main direction of development was the creation of a more effective coordination of the authorities. It is concluded that the effect of the approved Program on socio-economic development of the Arctic zone and the formation of development priorities significantly reduced. Murmansk region government program in its current form does not bear any additional changes in terms of socio-economic development.

Keywords: state programm, Arctic, regional policy

Государственная политика, направленная на укрепление геополитического и экономического присутствия в Арктической зоне РФ, обусловила внимание Правительства РФ к социально-экономическому развитию регионов, расположенных в Российской Арктике. Внимание к Арктике со стороны всех стран мира объясняется потенциальными и разведанными запасами нефти и природного газа, расположенными на арктическом шельфе, а также транспортными возможностями, предоставляемыми северными морями.

Арктическая зона рассматривалась как отдельный объект региональной государственной политики с начала 2000-х гг.¹ Но только в настоящее время этот подход начал находить отражение в правительственных документах. Территориально в Арктическую зону РФ вошли²: полностью Мурманская область; Ненецкий АО; Ямало-Ненецкий АО; Чукотский АО; частично территории Республики Коми (ГО Воркута); Республики Саха (Якутия) (пять улусов (районов)); Красноярского края (ГО Норильск и Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Туруханский район); Архангельской области (г.Архангельск, Мезенский муниципальный район), Новая Земля, г.Новодвинск, Онежский муниципальный район, Приморский муниципальный район, г.Северодвинск; земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане.

¹Баранов С.В. Этапы регулирования регионального развития в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. Т.18. № 6. С. 34–45.

²Указ Президента РФ от 02.05.2014 N 296 "О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации" // «Консультант Плюс».

Все эти территории имеют разный уровень социально-экономического развития и урбанизации, значительную культурную и этническую дифференциацию. В связи с этим подходы к развитию этого региона как единого объекта государственной региональной политики должны учитывать особенности каждой входящей в него территории.³

Основы государственного участия в социально-экономическом развитии Арктической зоны РФ заложены в Государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года», утвержденной Постановлением Правительства РФ № 366 от 21 апреля 2014 г.

Проект⁴ данной государственной программы (далее – Программа, Проект) был сформирован на принципах пространственного развития⁵, как в свое время была сформулирована программа социально-экономического развития Дальнего Востока [3]. Проект развития Арктической зоны РФ проходил общественное обсуждение в ноябре 2013 г. и содержал в себе комплексные направления развития Арктической зоны; погодовой прогноз в двух вариантах 20 показателей-индикаторов Программы, в целом отражающих предполагаемые пути развития зоны; перечень ведомственных целевых программ и основных мероприятий государственной программы с установлением связи и оценкой рисков их нереализации; оценку применения мер государственного регулирования в сфере реализации государственной программы; ресурсное обеспечение реализации государственной программы за счет средств федерального бюджета, детализированное по объемам, источникам и т.д.

В Проекте выделялись пять подпрограмм:

1. Развитие приоритетных секторов экономики Арктической зоны Российской Федерации (задача – увеличение доли АЗРФ в ВВП РФ и в структуре национального экспорта).
2. Развитие опорной арктической инфраструктуры (задача – прирост балансовых запасов полезных ископаемых за счет проведения геологоразведочных работ в АЗРФ).
3. Развитие локальной арктической инфраструктуры жизнеобеспечения (задача – увеличение темпов роста производительности труда на предприятиях АЗРФ).
4. Обеспечение реализации государственной программы (задача – рост удельного веса региональной наукоемкой инновационной продукции (и услуг) в общем объеме продаж внутри РФ и в экспорте).
5. Обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации (закрывающая подпрограмма).

В плане социально-экономического развития Мурманской области Проект содержал:

- реализацию проектов по строительству инженерной инфраструктуры к месторождениям и горнообогатительным комбинатам, геологическое изучение недр и воспроизводство минерально-сырьевой базы углеводородного сырья и твердых полезных ископаемых, обустройство месторождений и т.д.;
- развитие рыбопереработки, рыборазведения;
- расширение и удлинение ИВПП аэропорта Мурманск и реконструкция ИВПП аэропорта Апатиты (Хибины);
- развитие центра предоставления космических услуг и создание инфраструктуры пространственных данных;
- строительство областной детской многопрофильной больницы в г. Мурманске;
- создание регионального сосудистого центра в г. Мурманске и т.д.

В процессе обсуждения Проекта экспертами и общественностью были высказаны следующие замечания:

- дублирование ряда функций некоторых существующих федеральных программ;
- отсутствие для Мурманской области направления «строительство туристско-рекреационной инфраструктуры»;

³Скуфьина Т.П. Проблема асимметричности экономического развития пространства в современных условиях // *Фундаментальные исследования*, 2013. № 10 (часть 3). С.650-652.

⁴Проект был опубликован на официальном сайте Минрегиона РФ. Режим доступа: http://www.minregion.ru/news_items/3752?locale=ru

⁵Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад. Научный совет РАН по вопросам регионального развития, СОПС при Министерстве экономического развития РФ и Президиуме РАН, ИЭП Кольского НЦ РАН, ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. Москва-Апатиты-Сыктывкар: Апатиты: Изд. КНЦ РАН. 2010.

- приоритет развития нефтегазового сектора в ущерб развитию производств других полезных ископаемых;
- отсутствие перспектив реконструкции и модернизации морских портов Мурманской области;
- недостаточность мероприятий по обеспечению устойчивого теплоснабжения, повышения надежности и устойчивости работы тепло- и электросетей и т.д.;

Таким образом, Проект в основном содержал экономические, социальные, логистические решения, позволяющие Мурманской области стать ключевым звеном, базой для развития всей Арктической зоны РФ, так как она является одним из двух⁶ наиболее развитых регионов, находящихся в этой зоне.

В итоговом утвержденном документе (Программе) поставлена цель: «повышение уровня социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации», в отличие от цели, сформулированной в Проекте: «ускорение экономического и социального развития страны с помощью вовлечения природного и эволюционного потенциала Арктической зоны Российской Федерации, основанное на принципах ресурсоэффективности и природосбережения».

Соответственно изменились и задачи Программы, сузившись до двух частных направлений:

1. Усиление координации деятельности органов государственной власти при реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации.
2. Организация мониторинга социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Соответственно с сокращением поставленных задач в содержании Программы произошли кардинальные изменения.

Принятая Программа содержит в себе только одну подпрограмму "Координация деятельности органов государственной власти в сфере социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации", целью которой является «совершенствование системы статистического наблюдения за показателями социально-экономического развития Арктической зоны». Финансирование этой подпрограммы обеспечивает принятая Программа.

Другие направления развития Арктической зоны РФ реализуются в иных государственных программах Российской Федерации, то есть фактически будет реализовываться только то, что ранее было запланировано другими госпрограммами.

Как отмечается в отзыве Счетной палаты РФ⁷ на Проект и принятую Программу, из состава участников программы исключено Министерство экономического развития Российской Федерации, что как раз говорит о том, что вопросы экономического развития Арктической зоны вынесены за рамки данной программы. Замена задач развития Арктической зоны на задачи подпрограммы «Усиление координации деятельности органов государственной власти при реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации» и «Организация мониторинга социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации» сужает весь смысл Программы до решения частной задачи флорирования госуправления на определенной территории и сбора аналитической информации, запрос которой также находится в компетенции достаточного низкого уровня госуправления.

Более подробное рассмотрение Программы показывает, что ее внутреннее наполнение также значительно изменилось.

В пункте 2 Программы коротко описываются цели 21-й ГП и ФЦП⁸ по направлениям отраслевого социально-экономического развития, которые уже реализуются в регионах Российской Федерации, в том числе и в регионах Арктической зоны. Непосредственно Мурманская область упоминается в Программе в следующих контекстах:

- создание спеццентров при МЧС (государственная программа "Защита населения и территорий от ЧС...»), в том числе в Арктической зоне;

⁶ Вторым является Архангельская область, но ее ведущая роль ограничивается тем, что кроме развитых территорий области – городов Архангельск, Северодвинск, Новодвинск – в Арктической зоне находится ряд слаборазвитых сельских районов.

⁷ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2014. № 1(1).

⁸ ГП – Государственная программа, ФЦП – Федеральная целевая программа.

- в государственной программе "Развитие науки и технологий" дано только общее направление о необходимости развивать науку и инновации, но в пункте 9 «Участие иных организаций в реализации Программы» МГТУ и КНЦ упомянуты как «ведущие научные (учебные) учреждения Арктической зоны РФ»;

- технологическое изучение и геолого-экологическое обследование (ГЭО) руд Ловозерского массива (ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»);

- мероприятия по навигационно-гидрографическому обеспечению судоходства на трассах Северного морского пути и развитию крупнейших морских портов, в том числе в г. Мурманске (ГП «Развитие транспортной системы»);

- проведение поисковых, оценочных и разведочных работ в отношении железных руд в Мурманской области (ГП "Воспроизводство и использование природных ресурсов");

- в мероприятиях ФЦП и федеральной адресной инвестиционной программы, реализуемых в Арктической зоне Российской Федерации в 2014-2015 гг. «Наибольший объем государственной поддержки приходится на Мурманскую область, где расположено федеральное государственное унитарное предприятие "Атомфлот", являющееся заказчиком (застройщиком) по строительству новых универсальных атомных ледоколов проекта 22220 (головного и 1-го серийного). Строительство ведется на Балтийском заводе в г. Санкт-Петербурге. Другими крупными проектами, реализуемыми на территории Мурманской области, являются реконструкция автомобильной дороги М-18 "Кола" (подъезд к г. Мурманску) и комплексное развитие Мурманского транспортного узла».

В пункте 4 «Основные принципы и механизмы» Программы определено, что «на территории Арктической зоны РФ выделяются опорные зоны развития», в том числе «территории индустриального развития с перспективой перехода к постиндустриальному развитию» – Мурманская и Архангельская области.

В тексте Программы упоминается туризм как одно из направлений развития (пункт 2, ГП "Развитие культуры и туризма" на 2013-2020 гг.): «предусмотрены расширение возможностей посещения туристами морских районов, прилегающих к северному побережью Российской Федерации, а также создание условий для приема туристов на островных северных территориях РФ».

В приложении 5 к Программе дан перечень Госпрограмм РФ, «оказывающих влияние на достижение целей и решение задач» Программы.

В этом перечне семь госпрограмм (нет номера б) и одна ФЦП. В них авторами Программы Мурманская область выделена в следующих случаях:

ГП "Развитие транспортной системы"

подпрограмма 3 "Гражданская авиация и аэронавигационное обслуживание": Основное мероприятие 3.2 Государственная поддержка авиапредприятий, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях – предоставление субсидий аэропортам.

подпрограмма 4 "Морской и речной транспорт", в ее рамках:

ФЦП "Развитие транспортной системы России (2010-2020 гг.)", которая включает:

подпрограмма "Железнодорожный транспорт" – Мурманская область;

подпрограмма "Морской и речной транспорт" – реконструкция Мурманского порта и терминалов в Териберке;

подпрограмма "Гражданская авиация" – реконструкция аэропортового комплекса (г. Мурманск);

ФЦП "Модернизация Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации (2009-2015 годы)" – модернизация навигационной системы аэропорта г. Мурманска;

ГП "Воспроизводство и использование природных ресурсов";

ФЦП "Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012-2020 годах" – модернизация объектов Мурманского управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды;

ГП "Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах»;

ФЦП "Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2015 года". В Программе не отражено, но в ФЦП предусмотрено создание специализированных аварийно-спасательных центров и центров мониторинга и ситуационного анализа угроз и рисков чрезвычайных ситуаций в г. Мурманске;

ГП "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона".

В этой ГП, естественно, нет европейской части РФ, но именно в рамках данной программы предусматривается основная часть мероприятий, направленных на транспортное развитие восточной части Арктической зоны РФ.

ГП "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации";

ФЦП "Жилище" на 2011-2015 годы, реализуется на общих основания для всех регионов. Предусматривается только выделение дополнительного финансирования для г.Норильска;

ГП "Охрана окружающей среды" на 2012-2020 годы основное мероприятие "Организация и проведение комплексных исследований в высокоширотных районах Арктики, в том числе с использованием научно-исследовательских дрейфующих станций "Северный полюс";

ГП "Развитие культуры и туризма" на 2013-2020 годы, для арктических регионов отмечено только реконструкция Соловецкого монастыря;

ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма на 2011-2018» не предусматривает особых мероприятий на территориях Арктической зоны РФ;

ФЦП "Развитие судебной системы России" на 2013-2020 годы, предусматривает достройку здания суда г.Мурманска.

Таким образом, большинство перечисленных в Программе ГП и ФЦП не создают специального подхода к Арктической зоне РФ как территориально-производственного образования со специфическими свойствами и имеющим государственный приоритет. Имеющиеся в этих программах мероприятия относительно регионов Арктической зоны не позволяют говорить о комплексности и последовательности в планируемом государством социально-экономическом развитии Арктики. Это является естественным результатом «отраслевого» подхода при формировании государственных программ, но в недостаточной степени соответствует целям и задачам, стоящим перед Российской Федерацией в Арктике.

Для Мурманской области государственная Программа в нынешнем виде не несет дополнительных изменений с точки зрения социально-экономического развития, так же как и для российской региональной политики в целом. Хотя Мурманская область, так же как и Архангельская, отмечены как базовый регион развития Арктической зоны в целом, эта декларация не реализуется в дальнейших решениях и программах. Вопросы инновационного, информационного и телекоммуникационного развития также лишены комплексности подхода к взаимосвязи регионов Арктики.

В нынешнем виде в Программе за планируемые шесть лет (2012-2020 гг.) должны быть достигнуты только координация работы государственных органов власти и налаживание сбора информации в необходимом территориальном разрезе, что при эффективной системе государственного управления достигается максимум за один год.

Можно констатировать, что утвержденная Программа не стала объединяющим документом, систематизирующим и оптимизирующим региональную политику Российской Федерации в Арктической зоне. Прорекларирован, но не реализован ни отраслевой (выделение 1-2 ведущих экономических отраслей), ни территориальный (выделение 1-2 ведущих регионов) принципы формирования социально-экономической политики. Комплексность подхода к региональному развитию и проработанность стадий реализации, реализованные в Проекте, не нашли отражения в принятой Программе.

Литература

1. Постановление Правительства РФ № 366 от 21 апреля 2014 «О Государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года». Режим доступа: <http://government.ru/docs/11967/>
2. Указ Президента РФ от 02.05.2014 N 296 "О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации". Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/documents/3631997?items=1&page=2>
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 N 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». Режим доступа: http://uristu.com/library/pravitelstvo-rf/pravrasp_997/
4. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ 20.02.2013. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/1729879.html>

5. Государственная программа «Развитие транспортной системы РФ». Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 319. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349850&intelsearch=319+%EE%F2+15.04.2014>
6. Государственная программа «Воспроизводство и использование природных ресурсов». Постановление правительства РФ от 15.04.2014 г. № 322. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70540950/>
7. Государственная программа «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах». Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 300. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70644060/>
8. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 308. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70644078/>
9. Государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 323. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349621&intelsearch=323+%EE%F2+15.04.2014>
10. Государственная программа «Охрана окружающей среды» на 2012-2020 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 326. Режим доступа: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/12>
11. Государственная программа «Развитие культуры и туризма» на 2013-2020 гг. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 317. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70644226>
12. Баранов С.В. Этапы регулирования регионального развития в России / С.В.Баранов. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. Т. 18, № 6. С. 34-45.
13. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2014. № 1(1).
14. Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад. Научный совет РАН по вопросам регионального развития, СОПС при Министерстве экономического развития РФ и Президиуме РАН, ИЭП Кольского НЦ РАН, ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН / Коллектив авторов. Москва-Апатиты-Сыктывкар: Апатиты: Изд. КНЦ РАН. 2010.
15. Селин В.С. Значение северных и арктических регионов в новых геоэкономических условиях развития России / В.С.Селин, Е.П.Башмакова // Регион: Экономика и Социология. 2010. N 3. С.23-39.
16. Селин В.С. Национальные интересы и экономическая безопасность в Российской Арктике / В.С.Селин, М.В.Ульченко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. N 31. С.2-10.
17. Скуфьина Т.П. Проблема асимметричности экономического развития пространства в современных условиях / Т.П.Скуфьина // Фундаментальные исследования, 2013. № 10 (часть 3). С.650-652.
18. Филиппов В.В. Проблемы устойчивого развития арктической зоны Российской Федерации / В.В.Филиппов, М.А.Жуков. Якутск: Изд. ЯНЦ СО РАН, 2005. 53 с.

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF № 366 ot 21 aprelya 2014 «O Gosudarstvennoj programme RF «Social'no-ehkonomicheskoe razviite Arkticheskoy zony RF na period do 2020 goda» [Government Decree «On Government Programme of Socio-economic Development of Russian Arctic until 2020»].
2. Ukaz Prezidenta RF ot 02.05.2014 N 296 "O suhoputnyh territoriyah Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii" [Presidential Decree «On coastal territories of Russian Arctic»].
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.12.2009 N 2094-r «Ob utverzhenii Strategii social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 goda» [Government Decree «On Approval of Socio-economic Development Strategy of Far East and Baikal regions until 2025»].

4. Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda. Utverzhdena Prezidentom RF 20.02.2013. [Government Decree «Development Strategy of Arctic Zone of Russian federation and national security until 2020»].
5. Gosudarstvennaya programma «Razvitie transportnoj sistemy RF». Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15.04.2014 g. № 319. [Federal State programm «Development of Russian transportation system»].
6. Gosudarstvennaya programma «Vosproizvodstvo i ispol'zovanie prirodnyh resursov». Postanovlenie pravitel'stva RF ot 15.04.2014 g. № 322. [Federal State programm «Reproduce and use of natural resources»].
7. Gosudarstvennaya programma «Zashchita naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij, obespechenie pozharnoj bezopasnosti i bezopasnosti lyudej na vodnyh ob'ektah». Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15.04.2014 g. № 300 [Federal State programm «Protection of population and territories from emergency situations, fire safety and security on water»].
8. Gosudarstvennaya programma «Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona». Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 g. № 308. [Federal State programm «Strategy of Far East and Baikal regions»].
9. Gosudarstvennaya programma «Obespechenie dostupnym i komfortnym zhil'em i kommunal'nymi uslugami grazhdan Rossijskoj Federacii». Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15.04.2014 g. № 323. [Federal State programm «Providing affordable and comfortable housing and communal services of citizens of the Russian Federation»].
10. Gosudarstvennaya programma «Ohrana okruzhayushchej sredy» na 2012-2020 gody. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15.04.2014 g. № 326. [Federal State programm «Environmental Protection»].
11. Gosudarstvennaya programma «Razvitie kul'tury i turizma» na 2013-2020 gg. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 g. № 317. [Federal State programm «Development of culture and tourism»].
12. Baranov S.V. Etapy regulirovaniya regional'nogo razvitiya v Rossii [Stages of regulation of regional development in Russia] // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2011. T.18. № 6. P.34-45.
13. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda»// Byulleten' Schetnoj palaty Rossijskoj Federacii № 1(1), 2014. [Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation].
14. Sever i Arktika v prostranstvennom razvitii Rossii: nauchno-analiticheskij doklad. [North and the Arctic in the spatial development of Russia: scientific and analytical report] Nauchnyj sovet RAN po voprosam regional'nogo razvitiya, SOPS pri Ministerstve ehkonomicheskogo razvitiya RF i Prezidiume RAN, IEHP Kol'skogo NC RAN, ISEHiEHPS Komi NC UrO RAN/Kollektiv avtorov. Moskva-Apatity-Sykt'yvkar: Apatity: KSC RAS. 2010.
15. Bashmakova E.P., Selin V.S. Znachenie severnyh i arkticheskikh regionov v novyh geoehkonomicheskikh usloviyah razvitiya Rossii [Northern and Arctic regions in the new geo-economic conditions of Russia's development] // Region: Ekonomika i Sociologiya. 2010. N 3. P.23-39.
16. Selin V.S., Ul'chenko M.V. Nacional'nye interesy i ehkonomicheskaya bezopasnost' v Rossijskoj Arktike // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2012. N 31. P.2-10.
17. Skuf'ina T.P. Problema asimmetrichnosti ehkonomicheskogo razvitiya prostranstva v sovremennyh usloviyah [Problems of asymmetric economic development of space under present conditions] // Fundamental'nye issledovaniya. 2013. № 10 (chast' 3). P.650-652.
18. Filippov V.V. Problemy ustojchivogo razvitiya arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [Problems of sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation]. YAkutsk: Izd-vo YANC SO RAN, 2005. 53 p.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ МЕГАПРОЕКТЫ РОССИИ: ОЦЕНКА ИСТОРИЧЕСКОГО И СОВРЕМЕННОГО ОПЫТА

И.В.Митрофанова,

**доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра
РАН, г.Ростов-на-Дону; профессор кафедры мировой и региональной экономики
Волгоградского государственного университета, г.Волгоград**

А.Н.Жуков,

**преподаватель кафедры экономики и управления Волгоградского института бизнеса,
г.Волгоград**

И.А.Митрофанова,

**кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления
Волгоградского государственного технического университета, г.Волгоград**

Г.И.Старокожева,

**кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Волгоградского государственного университета, г.Волгоград**

Аннотация. Феномен применения мегапроектов в качестве инструмента развития территорий пока мало изучен отечественной экономической наукой, следствием чего является дефицит исследований, направленных на комплексный, компаративный анализ процессов формирования и реализации территориальных мегапроектов в России и других странах. Авторы статьи поставили перед собой задачу отчасти восполнить этот пробел. Крупномасштабному инвестиционному проекту может быть придан статус мегапроекта в том случае, если он представляет собой долговременный капиталоемкий проект, сложный, затратный, с системным характером и значимостью реализуемых целей.

В современной России реконструкция исторических и реализация новых территориальных мегапроектов как актуального инструмента стратегического территориального менеджмента становится проявлением современных институциональных, организационных и информационных трансформаций хозяйственного пространства глобальной экономической системы. В отличие от финансовых инвестиций, мегапроекты ориентированы на конкретный материальный результат, оказывающий существенное пролонгированное влияние на преобразование экономического пространства. На примере исторических инфраструктурных мегапроектов – строительство Транссиба и БАМа – исследованы причины их успешности или неудачи. Между тем, устойчивое развитие регионов Дальнего Востока и Забайкалья, решение важных федеральных и региональных задач по использованию ресурсного, промышленного и транзитного потенциала Востока страны сегодня во многом связано с реализацией комплексного инфраструктурного проекта реконструкции БАМа и Транссиба. В статье раскрыты планы Правительства РФ по модернизации этих инфраструктурных мегапроектов, что позволит увеличить пропускную способность БАМа и Транссиба к 2020 г. до 75 млн т грузов в год.

Показаны этапы жизненного цикла и выявлены причины ребрендинга современного мегапроекта «Урал Промышленный – Урал Полярный», который был направлен на создание в Уральском федеральном округе нового экономического каркаса, формирование предпосылок для развития его проблемных регионов. Авторы пришли к выводу, что этот стратегически значимый проект трансформировался в конгломерат не связанных единой концепцией локальных инвестиционных проектов, что многократно ослабило совокупный интеграционный эффект от его реализации.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, территориальное развитие, территориальные мегапроекты Транссиб, БАМ, Программа «Урал Промышленный – Урал Полярный», ребрендинг, риски.

TERRITORIAL MEGAPROJECTS OF RUSSIA: ASSESSMENT OF HISTORICAL AND MODERN EXPERIENCE

I.V.Mitrofanova,

**Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher,
Institute of Social, Economic and Humanitarian Researches of the Southern Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don,
Professor, Department of International and Regional Economics, Volgograd State University,
Volgograd**

A.N.Zhukov,

**Lecturer, Department of Economy and Management, Volgograd Institute of Business,
Volgograd,**

I.A.Mitrofanova,

**PhD (Economics), Associate Professor, Chair of Economics and Management,
Volgograd State Technical University, Volgograd**

G.I.Starokozheva,

**PhD (Economics), Associate Professor, Department of State and Municipal Management,
Volgograd State University, Volgograd**

Abstract. The phenomenon of megaprojects use as an instrument of development of territories has not been studied thoroughly by the national economic science that has as its direct consequence the deficit of research directed to an integrated, comparative analysis of creation and realization of territorial megaprojects in Russia and other countries. The authors of the article set the goal to partly fill in this gap. A large-scale investment project can obtain the status of a megaproject only if it represents a long term funds consuming project characterized by complexity, high costs, systematic character and relevance of the realized targets.

In the modern Russia reconstruction of historical territorial megaprojects and realization of new ones as a relevant tool of strategic territorial management is becoming the manifestation of contemporary institutional, organizational and informational transformations of the economic space of the global economic system. In contrast to financial investments, megaprojects are oriented to a real material result, having a considerable prolonged impact on changes in the economic space.

On the basis of historical infrastructural megaprojects: construction of the Trans-Siberian Railway and Baykal-Amur Mainline the reasons of their successfulness and failures are studied. Meanwhile sustainable development of the regions of the Far East and Zabaikalye, solution of important federal and regional tasks of the resource use, industrial and transit potential of the country's East today is mainly

connected to implementation of the integrated infrastructural project of Baykal-Amur Mainline and the Trans-Siberian Railway reconstruction. The article reveals the plans of the Russian Federation Government concerning the modernization of these infrastructural megaprojects that will increase the capacity of Baykal-Amur Mainline and the Trans-Siberian Railway up to 75 million tons a year by 2020.

The stages of the life cycle are displayed and there are revealed the reasons of rebranding the modern megaproject "Ural Industrial – Ural Polar" that was directed to formation of a new economic framework in the Ural Federal District, creation of prerequisites for its problematic regions development. The authors come to the conclusion that this strategically important project has transformed into a conglomerate of not connected by a common conception local investment projects that many times weakened the complex integration effect from its implementation.

Key words: strategic management, territorial development, territorial megaprojects Trans-Siberian Railway, Baykal-Amur Mainline, «Ural Industrial – Ural Polar», rebranding, risks.

Феномен мегапроекта как инструмент развития территорий пока мало изучен отечественной экономической наукой, и, как следствие, имеет место дефицит исследований, направленных на комплексный, компаративный анализ процессов формирования и реализации территориальных мегапроектов в России. Целевая ориентация мегапроекта связана с решением комплексной проблемы системного характера, направленной на обеспечение оптимальных параметров устойчивого, конкурентоспособного, безопасного и сбалансированного развития социохозяйственных систем того или иного иерархического уровня [1, с. 2-3].

Особенности, свойственные проектам такого уровня, статуса и масштаба:

- территориальные мегапроекты обеспечивают совершенствование существующих и формирование новых территориальных пропорций и эффективных интеграционных межрегиональных связей, на длительную перспективу определяющих общность интересов региональных систем, что усиливает возможности рационального использования преимуществ

каждой из них для достижения общих целей и повышения совокупной эффективности функционирования социохозяйственного комплекса макрорегиона в целом;

- вызывают отвлечение значительных капитальных вложений, материально-технических и трудовых ресурсов при продолжительном лаге получения ожидаемых результатов; это может привести к возникновению долговременных инерционных тенденций в распределении капитальных вложений и использовании производственного потенциала субъектов макрорегиона;

- становятся источником возникновения центробежных сил, корректирующих интересы отраслей и территориальных образований, что может привести к цепной реакции, затрагивающей многочисленные сопряженные производства, участвующие в реализации мегапроекта;

- способствуют созданию мощных инфраструктурных объектов стратегического (окружного и федерального) значения, которые впоследствии становятся условием вовлечения в хозяйственный оборот новых ресурсов и создания крупных центров экономического и социального развития;

- нуждаются в аккумуляции ресурсов единым фондодержателем [2, с. 34];

- предъявляют совершенно новые требования к оценке возможностей многоцелевого использования территориальных сочетаний ресурсов и условий в интересах макрорегионального сообщества;

- предполагают участие организаций различной ведомственной подчиненности;

- основаны на сочетании отраслевого, территориального и программного планирования;

- должны отражать все этапы триады «экономика (производство) – природа – население», начиная с теоретико-методологических предпосылок предплановых исследований и разработок и заканчивая реальными инвестиционными и производственными процессами;

- стимулируют развитие механизма комплексной вневедомственной экспертизы крупных взаимосвязанных проектов, образующих мегапроект;

- отличаются уникальностью временных и пространственных границ, в рамках которых наиболее последовательно могут быть решены проблемы развития территории, обладающие «программной природой» [3; 4].

Планы модернизации инфраструктурных мегапроектов Транссиб и БАМ. В XX в. в России было реализовано несколько крупномасштабных территориальных проектов, среди которых особо выделяются два. В царской России это было строительство Транссибирской магистрали и а в Советском Союзе – освоение хозяйственной зоны Байкало-Амурской магистрали. Механизмы реализации этих проектов хотя и различались по принципам функционирования, но оказались устойчивыми к флуктуациям, государство гарантировало их ресурсное обеспечение, а негативные последствия компенсировались за счет бюджетных средств.

Решение о строительстве Транссибирской магистрали было изначально связано с геостратегическими интересами еще царской России и подготовкой к Русско-японской войне. Однако этот мегапроект оказался средством для решения не только военно-политических проблем, но и задач хозяйственного освоения огромных, богатых природными ресурсами территорий Сибири и Дальнего Востока. Это в дальнейшем заметно повлияло на коррекцию генеральной цели проекта: когда транзитные потоки по Транссибу оказались в реальности меньше планируемых, приоритетность целей стали связывать с хозяйственным освоением региона Транссиба. Это сказалось на росте производительных сил Сибири. Хотя он усложнялся из-за невысокой пропускной способности магистрали, однако эту проблему удалось решить за счет двух последовательных реконструкций в ходе самого строительства – в 1898 и 1903 гг. И уже к 1908 г. проект Транссиб стал рентабельным [5].

Строительство Байкало-Амурской магистрали – это первый этап масштабной программы экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока России, связанный с созданием в этой зоне нового территориально-промышленного комплекса, строительством новых городов и поселков.

В широком смысле мегапроект БАМ включал не только строительство ствольного участка протяженностью 3100 км от Усть-Куга до Комсомольска-на-Амуре, сданного в эксплуатацию по пусковому комплексу в 1989 г., но и проект достройки Северо-Муйского тоннеля, начатого в 1974 г. и сданного в постоянную эксплуатацию в 2003 г., а также сооружение ответвлений к Чинейскому полиметаллическому месторождению, завершенное в 2005 г., и к Эльгинскому угольному месторождению.

Но календарно развивающийся проект строительства БАМа оказался неуспешным еще в советские годы. Почему? Магистраль, пролегающая севернее оз. Байкал, задумывалась еще до революции как второй выход к Тихому океану, со всеми желательными для России последствиями в достижении ее политических, военных и экономических целей на Востоке страны. Смена политического режима в России после революции 1917 г. не изменила ее стратегических целей на Дальнем Востоке, и в 1920-х гг. предложение по строительству железной дороги, подобной БАМу, было включено в план ГОЭЛРО, а в 1932 г. СНК СССР принял решение о строительстве БАМа.

По проекту БАМа Политбюро ЦК ВКЛ (б) хотя и принимало решения о начале строительства магистрали, однако прямой ответственности за его результаты не несло, и до сих пор с точностью не известно, кто на уровне Правительства СССР выступал координатором этого проекта на начальном этапе его реализации. Однако известно, что строительство было передано в ведение ОГПУ, которое организовало БАМлаг, сконцентрировав в нем сначала 300 тыс. отечественных заключенных, затем еще 200 тыс. пленных японцев. Таким образом, был создан механизм тотального принуждения, опирающийся в своей основе на труд заключенных [6; 7, с.80-83; 8].

Проектировали БАМ специалисты БАМпроекта, прошедшие отбор в НКВД и БАМлаге (позднее – Главном управлении лагерей железнодорожного строительства). Именно поэтому научные заделы по проекту БАМ permanently оказывались недостаточными по всему его жизненному циклу проекта.

В 1950-1960-е годы непосредственно по магистрали строительные работы не проводились. Попытка радикально изменить ситуацию с научным обеспечением данного проекта путем создания в 1975 г. Научного совета по проблемам хозяйственного освоения зоны БАМа под руководством АН СССР была запоздалой и, кроме того, из-за недостаточного финансирования исследований не дала ожидаемого результата.

И лишь после того, как мегапроект БАМ был включен в 1974 г. в план XX пятилетки, он был «реанимирован». Это было связано с обострением советско-китайских отношений во второй половине 1960-х гг., что определило приоритетность военно-стратегических целей создания БАМа как рокадной железной дороги. Кроме того, нельзя не сказать о важной транзитной роли этой магистрали, по которой переправляли нефть в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Китай [7].

В 1970-х гг. хозяйственное освоение территории БАМа рассматривалось как важнейшая задача развития страны, связанная с формированием нового индустриального пояса в регионах Севера России, взаимодействующего с тем, который был создан вдоль Транссиба.

Важно, что БАМ – это только один из четырех крупномасштабных проектов развития Сибири. Помимо собственно проекта непосредственного хозяйственного освоения зоны БАМа, она включает также Урало-Кузнецкий, Ангаро-Енисейский проекты, а также планы создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Реализация Урало-Кузнецкого мегапроекта, разработанного во второй половине 1920-х гг., сыграла решающую роль в создании крупных индустриальных центров восточной Урала. Важное место в мегапроекте занимали вопросы технической политики индустриализации хозяйства Сибири, связанные с формированием прогрессивной структуры, созданием новой техники. Большое внимание было уделено демографическим вопросам, формированию баланса трудовых ресурсов, подготовке кадров. Важным, по мнению автора, является то обстоятельство, что в самостоятельные разделы были выделены такие направления, как организация научных исследований и проектирование.

Ангаро-Енисейский мегапроект являлся вторым после Урало-Кузнецкого не только хронологически, но и в соответствии с объективной логикой развития производительных сил Сибири. Сосредоточение в Ангаро-Енисейском районе масштабных запасов гидроэнергетических ресурсов с благоприятными условиями эксплуатации и высокая концентрация сырьевых ресурсов являлись предпосылками трансформации этого региона в крупнейший по своему значению центр производства недорогой электроэнергии и продукции энергоемких производств.

Все работы по Ангаро-Енисейскому мегапроекту носили комплексный характер с широким анализом ее преобразующей роли в социально-экономической жизни Сибири. Еще в довоенные годы осуществлялась подготовка научных основ проекта. В мировой практике 1920-1930-х гг., пожалуй, не было прецедента строительства гидросооружений и территориально-производственных комплексов (ТПК) такой технико-экономической сложности, что и предопределило значительный по времени предплановый и предпроектный период научных исследований, выделенный в отдельный первый этап. Второй этап был связан с разработкой и осуществлением программы строительства Иркутской ГЭС и формированием Иркутско-Черемховского ТПК. На третьем этапе осуществлялось

формирование Братско-Илимского ТПК и строительство одноименных гидроэлектростанций. Завершающий четвертый этап был связан со строительством Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС и формированием соответствующего ТПК [8, с.83-86].

Западносибирский нефтегазовый мегапроект был крупнейшим в стране. Он был принят в конце 1960-х гг. и был рассчитан на две пятилетки. Для него были характерны быстрые, по сравнению с мировой практикой, темпы освоения месторождений нефти и газа, расположенных в болотах и тундре. Реализация мегапроекта потребовала активизации геолого-разведочных работ, обеспечения соответствующих темпов роста нефтеперерабатывающей, нефтехимической, газоперерабатывающей промышленности, а также ускорения темпов развития производственной инфраструктуры и преодоления ведомственных барьеров [9, с. 314-315; 10, с. 149-150; 11].

В 1970-е гг. хозяйственное освоение зоны Байкало-Амурской магистрали позиционировалось как важнейшая задача пространственного развития страны, связанная с формированием нового индустриального пояса на Ближнем Севере, взаимодействующего с первым поясом, созданным вдоль Транссиба.

В отличие от Урало-Кузнецкого и Ангаро-Енисейского мегапроектов, предплановая разработка которых осуществлялась в течение нескольких пятилеток, исследования по БАМу были начаты и велись параллельно с процессом строительства самой железной дороги, что не могло не повлиять на организационно-методический характер проводимых работ.

Комплексный характер хозяйственного освоения зоны БАМа определялся следующим:

- строительство широтной магистрали протяженностью более 3000 км с обеспечением второго выхода к портам Тихоокеанского бассейна и меридиональной магистрали БАМ – Тында – Беркатит включало в хозяйственный оборот территорию в 1.5 млн км², на которой сосредоточены масштабные природные ресурсы, прежде всего, минеральное сырье и лес, которые не могли бы быть использованы в промышленных масштабах без транспортного освоения этих районов;

- БАМ должен был стать опорной магистралью, от которой со временем планировалось провести другие транспортные пути в районы нового промышленного освоения;

- хозяйственное освоение зоны БАМа по плану должно было создать благоприятные предпосылки для формирования единой энергетической системы страны на основе объединения Дальневосточной и Южно-Якутской энергосистем с объединенной энергосистемой Сибири;

- реализация мегапроекта БАМ, как прогнозировалось, позволяла решить важную народнохозяйственную задачу заселения восточных районов страны;

- БАМ должен был выполнять важную внешнеэкономическую функцию усиления связей СССР со странами Тихоокеанского бассейна.

Стоимость проекта БАМ оценивается в 18 млрд руб. (порядка 10 млрд долл. в ценах и по курсу 1991 г.). С учетом поправки на инфляцию его реализация обошлась бюджету СССР почти в 20 млрд долл. По некоторым оценкам, БАМ стал самым дорогим инфраструктурным проектом в истории СССР, а затраты на него превзошли планируемые в 4 раза. При этом строительство БАМа заняло 12 лет [11; 12].

Однако ни комплексные изыскательские работы, ни опытно-промышленная эксплуатация, ни вызывающие доверие технико-экономические обоснования по месторождениям зоны БАМа не завершены до сих пор, хотя «золотое звено», знаменующее возможность сквозного проезда по стволу участку БАМа, уложено еще в 1984 г. Для рокадной железной дороги и нефтетранзита подобный результат является ключевым. С экономической точки зрения была создана малодеятельная железная дорога, проложенная через так и не освоенные в хозяйственном отношении территории. Перестроиться, адаптироваться к изменению целевых акцентов организационно-хозяйственный механизм мегапроекта БАМ, будучи ведомственным по своей сущности, не сумел и после ввода в действие пускового комплекса был демонтирован.

В итоге и экономические цели хозяйственного освоения зоны БАМа достигнуты не были. Хозяйственная жизнь, которая начала активизироваться в Прибамье в связи с железнодорожным строительством, из-за нехватки средств к 1989 г. вернулась в исходное состояние «экономической пустыни», существовавшее до 1974 г. А ежегодные убытки незагруженного БАМа, по разным оценкам, составляли порядка 1.5-2.6 млрд руб.

За последние 10 лет грузооборот по Восточно-Сибирской железной дороге вырос более чем на 40%. Такая тенденция сохраняется и в настоящее время. При этом дорога обеспечивает погрузку более 71 млн т в год. Эти факторы, безусловно, сказываются на продвижении поездопотока. Согласно

прогнозам специалистов Института экономики и развития транспорта¹, к 2017 г. объем принимаемых грузов еще более увеличится. Этому во многом будет способствовать реализация крупных инвестиционных проектов, связанных с разработкой месторождений в зоне БАМа, а также увеличение объемов погрузки рядом промышленных компаний, таких как «Востсибуголь», Коршуновский горнообогатительный комбинат, предприятия лесоперерабатывающего комплекса, строящегося Тайшетского алюминиевого завода и нового целлюлозного завода в г.Братске. Все это потребует соответствующего развития инфраструктуры [12].

Летом 2013 г. Президентом РФ В.Путиным было заявлено, что Транссиб и БАМ уже достигли предела своих пропускных возможностей, так как в последние годы восточное направление стало привлекать огромные грузопотоки. В июле 2014 г. официально был дан старт модернизации Транссиба и строительству новой железнодорожной ветки БАМа. ОАО «РЖД» уже приступила к строительству БАМа-2. Начало работ приурочено к 40-летию старта строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали [13].

В рамках решения государства о выделении средств на модернизацию железных дорог России была подготовлена «Программа первоочередных мер по развитию инфраструктуры Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей». В границах Восточно-Сибирской железной дороги до 2017 г. предусмотрен ввод в эксплуатацию 30 двухпутных перегонов на однопутном участке БАМа, а также строительство 11 разъездов и 5 блокпостов.

Правительством РФ уже согласована схема финансирования модернизации БАМа и Транссиба до 2018 г.: из выделяемых 562 млрд руб. на БАМ будет потрачено 362 млрд руб., 200 млрд руб. – на Транссиб. Распределение выделяемых средств: бюджет РФ – 110 млрд руб., Фонд национального благосостояния – 150 млрд руб., средства РЖД – 300 млрд руб. При этом 16 млрд руб. потребуется только для развития Западно-Сибирской железной дороги (расширение участков Кузбасс-Междуреченск и Кузбасс-Мариинск). Общий же объем финансирования развития магистралей оценивался в 1.2 трлн руб. (с учетом 560 млрд руб., выделение которых уже согласовано правительством и РЖД). Модернизация, по оценке экспертов, позволит увеличить пропускную способность БАМа и Транссиба к 2020 г. до 75 млн т грузов в год [14; 15].

Таким образом, устойчивое развитие регионов Дальнего Востока и Забайкалья, решение важных федеральных и региональных задач по использованию ресурсного, промышленного и транзитного потенциала Востока страны сегодня во многом связано с реализацией комплексного инфраструктурного проекта реконструкции БАМа и Транссиба. Но сохраняет свою актуальность проблема точной оценки запасов полезных ископаемых в зоне, без чего создание капиллярной инфраструктуры, примыкающей к БАМу, затруднительно. В результате модернизации БАМа станет возможным создать новый ТПК, главной специализацией которого станет добыча и переработка минерального сырья и развитие энергетики.

Причины ребрендинга мегaproекта «Урал Промышленный – Урал Полярный». Разработка документации по проекту «Урал Промышленный – Урал Полярный» («УП-УП») началась еще в 2006 г. Проект был направлен на создание в Уральском федеральном округе нового экономического каркаса, формирование предпосылок для развития его проблемных регионов.

В 2011 г. в «Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 гг.»² проект «УП-УП» уже был заявлен в качестве главного направления ее реализации, а перспективы развития экономики Уральского федерального округа (УрФО) связаны с созданием двух мегакластеров. Первый из них – западно-сибирский топливно-энергетический комплекс, обеспеченный ресурсной базой мирового значения, уникальной системой трубопроводного транспорта и обеспечивающий до 50% российского экспорта, направленный на развитие электроэнергетики, нефтегазопереработки и нефтегазохимии. Второй – это южный промышленный Урал как базовый для страны центр обрабатывающей промышленности, в первую очередь, машиностроения, металлургии, оборонно-промышленного комплекса, включая ведущие предприятия, развивающие самые современные технологии (ядерные, ракетостроения и др.), а также комплекс научно-исследовательских и образовательных центров.

¹ Институт экономики и развития транспорта – головная организация ОАО «Российские железные дороги» по проведению научных исследований и разработок в области экономики и стратегического развития транспорта.

² Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.10.2011 г. № 1757-р. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902307636>

Изначально проект «УП-УП» включал комплекс взаимоувязанных мероприятий по созданию трех основных блоков: транспортного, энергетического и природно-ресурсного.

Ядром транспортной инфраструктуры должна была стать железнодорожная магистраль по восточному склону Урала «Полуночное – Обская», которая в совокупности с уже строящимися линиями по кратчайшему пути связала бы промышленный Урал с месторождениями полезных ископаемых Полярного Урала, зоной нефтегазодобычи, обеспечив выход к Северному морскому пути, к Норильску. В результате реализации проекта планировалось создать более 50 новых предприятий, 66 тыс. дополнительных рабочих мест в горнорудной промышленности, на транспорте, 3 тыс. – в лесной отрасли, 3,5 тыс. – в нефтедобыче [10, с. 149-150].

Мегапроект «УП-УП» был направлен на формирование в Арктике и на Полярном Урале крупного территориально-промышленного комплекса, считался лидером инновационных проектов на региональном уровне, способным обеспечить внедрение новейших технических и технологических достижений в транспортную, нефте- и газодобывающую, энергетическую отрасли. Поэтому в 2006-2010 гг. мегапроект был составной частью главных документов территориального развития России: долгосрочной программы изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы, генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики, стратегии развития железнодорожного транспорта, долгосрочной концепции социально-экономического развития России [16, с. 128-130].

В 2006-2011 гг. структура управляющей компании мегапроекта формировалась на принципах государственно-частного партнерства (ГЧП). Регионы Уральского ФО вошли в состав акционеров. Корпорация «УП-УП» существует с 2006 г., но реальные объекты появились только в 2011 г. В 2006-2009 гг. управляющая корпорация ничем, кроме подготовки проектной документации, не занималась. Было создано больше десятка дочерних предприятий, которые устойчиво генерировали убыток. С 2010 г. все локальные проекты, осуществлявшиеся в рамках общей концепции, выделили в отдельные блоки – транспортный, горнорудный и энергетический [17].

Транспортный и геологоразведочный блоки уральского мегапроекта изначально были тесно взаимосвязаны. Базу проекта разрабатывал Западно-Сибирский научно-исследовательский геологоразведочный нефтяной институт. Но месторождения, на геологическую разведку которых было потрачено 8 млрд руб., оказались «сказками Бажова». Картина множества месторождений, соединенных железнодорожными ветками с промышленными предприятиями, новыми рабочими поселками и энергетическими объектами, нарисованная руководством Корпорации «УП-УП», осталась на бумаге. В результате затратных геологоразведочных работ по проверке прогнозных запасов горнорудного сырья стало очевидным, что прогнозы были некомпетентными и сильно преувеличенными [18, с.2-4].

К 2010 г. экономические расчеты показали грузовую нагрузку для первой магистрали всего 5 млн т из необходимых для ее загрузки 25 млн т. Поэтому от строительства широко разрекламированной главной магистрали мегапроекта – железнодорожного пути вдоль восточных склонов Уральского хребта между станциями Полуночная и Обская – было решено отказаться. Сегодня Корпорация развития сосредоточилась на строительстве пути Обская – Коротчаево (Северный широтный ход (СШХ)). Это часть незаконченной стройки советских времен – Трансарктической магистрали. Бюджетных средств на строительство СШХ выделено не будет. На сегодняшний день пропускная способность этой дороги составляет до 3-4 млн т грузов, после окончания строительства ожидается грузопоток до 20 млн т.

Ребрендинг Корпорации «УП-УП» был связан не столько с расширением направлений ее деятельности, сколько с отходом от изначального целеполагания мегапроекта, что, собственно, и привело к ребрендингу. Ее преемник ОАО «Корпорация Развития» трансформировалась в сервисную компанию по обслуживанию топливно-энергетического комплекса Западной Сибири, по строительству инфраструктурных объектов – транспортных, энергетических и социальных (жилье, детские сады, автомобильные дороги и т.д.).

Уральский мегапроект по освоению природных запасов Полярного Урала за несколько лет своего существования превратился в конгломерат локальных инвестиционных проектов самой различной направленности – от оптоволоконной связи до переработки куриных яиц. По сути своей, стратегически значимый проект трансформировался в конгломерат не связанных единой концепцией локальных инвестиционных проектов, что многократно ослабило совокупный интеграционный эффект от его реализации.

Проанализированный российский опыт реализации инфраструктурных мегапроектов доказывает, что факторами их успешности как в прошлом, так и в настоящем, были: вовлечение в их

строительство огромных человеческих ресурсов; серьезное научное обоснование, масштабные предпроектные исследования; обоснованные прогнозы; государственно-частное партнерство, высокая транспарентность, активное общественное участие, курирование процесса реализации на всех стадиях осуществления проекта со стороны «главного стейкхолдера» – государства, выступающего в роли единого фондодержателя, что позволяло избегать неизбежных бюрократических препон, оперативно вносить необходимые коррективы, минимизировать репутационные, коррупционные и криминальные риски.

Таким образом, мегапроекты призваны стать ключевыми пунктами, точками бифуркации территориального развития, открывающими возможность альтернативного выбора, при условии своевременного выявления возможных рисков. Они, в отличие от чисто финансовых инвестиций, обладают проактивным потенциалом, ориентированы на конкретный материальный результат, который должен оказать существенное пролонгированное влияние на преобразование экономического пространства.

Российский опыт доказывает, что процессы реализации территориальных мегапроектов предполагают: масштабные предплановые исследования, компетентность разработчиков и исполнителей, известность и активность стейкхолдеров, наличие единого фондодержателя, эффективность новых и активность традиционных институтов развития, конвергенцию государственных и частных интересов, публичность, гласность, транспарентность, активное использование краудсорсинговых технологий, значимый общественный и интегральный эффект.

Литература

1. Митрофанова И.В., Жуков, А.Н. Стратегический территориальный менеджмент: возрождение мегапроектов // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 22. С. 2-10.
2. Жуков А.Н. Возможности и ограничения территориального мегапроектирования в современной России // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 41. С. 33-39.
3. Шнипер Р.И., Маршалова А.С., Новоселов А.С. и др. Методологические положения разработки крупных территориальных программ. Новосибирск: Наука, 1988. 336 с.
4. Mitrofanova I., Batmanova V., Zhukov A. Analysis of the experience of the realization and the assessment of the contemporary prospects of the modernization and territorial megaprojects in Russia // Journal of International Scientific Publications: Economy & Business. 2012. V. 6, Part 2. P. 142-152.
5. Жуков А.Н. Исторический опыт территориального мегапроектирования в России // Региональная экономика. Юг России. 2012. № 13. С. 218-230.
6. Митрофанова И.В., Жуков А.Н. Инфраструктурные мегапроекты Транссиб и БАМ: второе рождение // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10, № 1. С. 79-89.
7. Кибалов Е.Б., Кин А.А. Проблема учета фактора неопределенности при оценке ожидаемой эффективности крупномасштабных инвестиционных проектов // Регион: экономика и социология. 2007. № 3. С. 67-91.
8. Аганбегян А.Г., Шнипер Р.И. Региональные комплексные программы (на примере Сибири) // Программно-целевое управление социалистическим производством: вопросы теории и практики / Ред. коллегия: А.Г.Аганбегян, В.З.Мильнер, Г.Х.Попов. М.: Экономика, 1980. С. 83-110.
9. Mitrofanova Inna V., Batmanova Victoria V. Territorial megaprojects as a relevant tool of the strategic territorial management: comparative analysis of Russian and American experience // Economic and Social Development. 6th International Scientific Conference on Economic and Social Development and 3rd Eastern European ESD Conference: Business Continuity. Book of Proceedings. Vienna, 24-25 April 2014. Varazdin Development and Entrepreneurship Agency, Varazdin, Croatia, 2014. P. 312-322.
10. Mitrofanova Inna V., Batmanova Victoria V., Mitrofanova Inna A., Zhukov Aleksandr N. Siberia, East and Ural region of Russia: practice of the realization of territorial megaprojects of the development of problematic territories // La Pensee. Multidisciplinary Journal. 2014. V. 76, Issue 6, June 2014. P. 148-153.
11. Быков П. Давно такого не было // Эксперт. 2014. № 7. С. 14-17.
12. БАМ и Транссиб: вчера, сегодня, завтра. В эпицентре. Режим доступа: http://altairk.ru/new/economy/the_baikal-amur_and_trans-siberian_railway_yesterday_today_tomorrow (дата обращения 23.06.2014).
13. Путин даст старт строительству новой ветки БАМа. ТВ Центр. Режим доступа: <http://news.rambler.ru/25746383/> (дата обращения 08.09.2014).

14. БАМ и Транссиб – расходы на модернизацию. Режим доступа: <http://www.transportmm.ru/novosti-logistiki/2110-bam-i-transsib-rasxodu-na-modernizacziyu.html> (дата обращения 13.07.2014).
15. Челпанова М. БАМ и Транссиб тяжелеют // Ведомости. 27 мая 2014. № 93 (3597). Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/686351/bam-i-transsib-tyazheleyut> (дата обращения 14.06.2014).
16. Митрофанова И.В., Жуков А.Н. Проблемы Уральского территориального мегапроекта // Общество и экономика. 2012. № 9. С. 128-154.
17. Жуков А.Н. Риски реализации территориальных мегапроектов // Региональная экономика. Юг России. 2014. № 1. С. 33-41.
18. Митрофанова И.В., Жуков А.Н. Ребрендинг и риски мегапроекта «Урал Промышленный – Урал Полярный»// Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 11. С. 2-13.

References

1. Mitrofanova I.V., Zhukov A.N. Strategichesky territorialny menedzhment: vozrozhdeniye megaprojektov [Strategic territorial management: the revival of megaprojects] // Regionalnaya ekonomika: teoria i praktika [Regional Economics: theory and practice], 2012, N 22. P. 2-10 (In Russ.).
2. Zhukov A.N. Vozmozhnosti i ogranicheniya territorialnogo megaproektirovaniya v sovremennoy Rossii [Capabilities and limitations of territorial megaproductioin in modern Russia]. Regionalnaya ekonomika: teoria i praktika [Regional Economics: theory and practice]. 2012. N 41. P. 33-39 (In Russ.).
3. Shniper R.I., Marhslova A.S., Novoselov A.S. et al. Metodologicheskiye polozheniya razrabotki krupnikh territorialnykh programm [Methodological provisions of the development of large territorial programs]. Novosibirsk: Nauka. 1988. 366 p. (In Russ.).
4. Zhukov A.N. Istoricheskiy opyt territorialnogo megaproektirovaniya v Rossii [The historical experience of territorial megaproductioin in Russia]. Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii [Regional economy. South Russia]. 2012. N 13. P. 218-230 (In Russ.).
5. Mitrofanova I., Batmanova V., Zhukov A. Analysis of the experience of the realization and the assessment of the contemporary prospects of the modernization and territorial megaprojects in Russia. Journal of International Scientific Publications: Economy & Business. 2012. V. 6, part 2. P. 142-152 (In Engl.).
6. Mitrofanova I.V., Zhukov A.N. Infrastrukturnye megaproekty Transsib i BAM: vtoroye rozhdeniye [Infrastructure megaprojects Transsib and BAM: the second birth] // Vestnik Uzhnogo nauchnogo centra RAN [Bulletin of the South Scientific Center of RAS]. 2014. V. 10. N 1. P. 79-89 (In Russ.).
7. Kibalov E.B., Kin A.A. Problema ucheta faktora neopredelennosti pri otsenke ozhidaemoy effektivnosti krupnomashtabnykh investitsionnykh proektov. [The Problem of uncertainty in the evaluation of the expected effectiveness of large-scale investment projects]. Region: ekonomika i sotsiologia [Region: economy and sociology]. 2007. N 3. P. 67-91 (In Russ.).
8. Aganbegyan A.G., Shniper R.I. Regionalnyje kompleksnyje programmy (na primere Sibiri). [Regional integrated programs (based on the example of Siberia)]. Programno-tselevoye upravleniye sotsialisticheskim proizvodstvom: voprosy teorii i praktiki. [Program and targeted management of the socialist production: problems of theory and practice] / Editorial board: A.G. Aganbegyan, V.Z. Milner, G.H. Popov. Moscow: Ekonomika. 1980. P. 83-110 (In Russ.).
9. Mitrofanova Inna V., Batmanova Victoria V. Territorial megaprojects as a relevant tool of the strategic territorial management: comparative analysis of Russian and American experience // Economic and Social Development. 6th International Scientific Conference on Economic and Social Development and 3rd Eastern European ESD Conference: Business Continuity. Book of Proceedings. Vienna, 24-25 April 2014. Varazdin Development and Entrepreneurship Agency, Varazdin, Croatia, 2014. P. 312-322 (In Engl.).
10. Mitrofanova Inna V., Batmanova Victoria V., Mitrofanova Inna A., Zhukov Aleksandr N. Siberia, East and Ural region of Russia: practice of the realization of territorial megaprojects of the development of problematic territories. La Pensee, 2014. V. 76, issue 6, june 2014. P. 148-153 (In Engl.).
11. Bykov P. Davno takogo ne bylo. [This hasn't existed for a long time] // Expert [Expert]. 2014. N 7. P. 14-17 (In Russ.).
12. BAM i Transsib: vchera, segodnia, zavtra. V epitsentre. [BAM and Transsib: yesterday, today, tomorrow. In the epicenter]. URL: http://altairk.ru/new/economy/the_baikal-amur_and_trans-siberian_railway_yesterday_today_tomorrow (data obrashcheniya: 23/06/2014) (In Russ.).
13. Putin dast start stroitelstvu novoy vetki BAMa. [Putin will give the impulse to the construction of the new branch of BAM]. TV Centre. [TV Center]. URL: <http://news.rambler.ru/25746383/> (data obrashcheniya 08.09.2014) (In Russ.).

14. BAM i Transsib – raskhody na modernizatsiyu. [BAM and Transsib – expenses for modernization]. URL: <http://www.transportmm.ru/novosti-logistiki/2110-bam-i-transsib-rasxody-na-odernizacziyu.html> (data obrashcheniya 13.07.2014) (In Russ.).
15. Chelpanova M. BAM i Transsib tiazhelejut. [BAM i Transsib will become heavier]. Vedomosti. Bulletin. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/686351/bam-i-transsib-tyazheleyut> (data obrashcheniya 14.06.2014) (In Russ.).
16. Mitrofanova I.V., Zhukov A.N. Problemy Uralskogo territorialnogo megaprojekta [The problem of Ural territorial megaproject] // Obshestvo i ekonomika [Society and economy], 2012, No.9. P. 128-154 (In Russ.).
17. Zhukov A.N. [Risks the implementation of territorial megaprojects] // Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii [Regional economy. South Russia]. 2014. N 1. P. 33-41 (In Russ.).
18. Mitrofanova I.V., Zhukov A.N. Rebranding i riski megaprojekta «Ural Promyshlenny – Ural Polarny» [Rebranding and risks of the mega-project «Ural Industrial – Ural Polar»] // Regionalnaya ekonomika: teoria i praktika [Regional Economics: theory and practice]. 2013. N 11. P. 2-13 (In Russ.).

УДК 332.122(1-22)

КАЧЕСТВО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

Т.В.Морозова,

доктор эконом. наук, зав. отделом,

Г.Б.Козырева,

доктор эконом. наук, ведущий научный сотрудник,

Институт экономики Карельского научного центра РАН, г.Петрозаводск

Аннотация. Статья посвящена актуальным и дискуссионным проблемам качества институциональной среды в региональном измерении. Объектом изучения являются сельские территории российского региона. Оценка качества институциональной среды реализуется с помощью типологического подхода. В исследовании используется институциональный анализ практик и проективных стратегий сельских домохозяйств и предпринимателей. Построенные типологии экономического поведения демонстрируют все еще невысокие качественные параметры формирующейся институциональной среды. Представленные в статье результаты базируются на эмпирических данных экономико-социологических исследований, реализованных в период 1996-2010 гг., анализ которых проведен с использованием математических методов.

Ключевые слова: сельские территории, институциональная среда, качество институтов, экономическое поведение домохозяйств, предпринимательские практики, типологическое разнообразие, экономико-социологические исследования, институциональные риски.

QUALITY OF INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF RUSSIAN RURAL TERRITORIES

T.V.Morozova,

Doctor of Economic Sciences, Head of Department

G.B.Kozyreva,

Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher

Institute of Economics of Karelian Science Centre of RAS, Petrozavodsk

Abstract. The article is devoted to topical and disputable issues of the institutional environment quality in regional dimension. Rural territories of a Russian region are the object of the study. The institutional environment quality is assessed using the typological approach. The study uses an institutional analysis of practices and projective strategies of rural households and businesses. The constructed typologies of economic behavior show still low quality parameters of the evolving institutional environment. The results presented in the paper are based on empirical data of economic and sociological research implemented in the period 1996-2010, which were analyzed using mathematical methods.

Keywords: rural areas, institutional environment, the quality of institutions, the economic behavior of households, business practices, typological diversity, economic and sociological research, institutional risks.

Методология исследования

В настоящее время сохраняют высокую актуальность проблемы институционального развития территорий риска и регионов, наиболее уязвимых от проводимых реформ, куда в первую очередь относятся сельские территории. Отвечая на вызовы рыночных преобразований, российское село получило импульс для становления новых хозяйственных стратегий, новых систем экономических и социальных связей, отличающихся маневренностью и приспособленными к ситуации нестабильности. Но, столкнувшись с отсутствием четко разработанных институциональных правил и потеряв государственную поддержку, субъекты сельской экономики начали формировать модели поведения, неадекватные рыночным схемам, что вызвало резкое снижение производства в агроэкономике, дестабилизировало сельское сообщество в целом. По прошествии 23 лет реформ институциональная среда территорий риска все еще не стала благоприятной для функционирования бизнеса и не сформировала новую социальную среду, которая могла бы стать источником рождения экономических агентов, способных реализовывать модернизационные стратегии развития. В данном контексте на передний план выходит проблема качества институциональной среды.

В настоящее время качество институтов оценивается преимущественно на страновом уровне с использованием макроэкономических инструментов на основе интегральных показателей и индикаторов, таких, например, как индекс институтов, индекс деловой активности [1], компаративная оценка качества российской институциональной среды на национальном и субнациональном уровне [2]. В разработках новосибирской научной школы [3] качество институтов рассматривается в контексте отношения к ним населения и власти. Качество институтов и социокультурную эволюцию России связывает Н.И.Лапин [4]. Г.Клейнер считает, что, оценивая качество институтов, необходимо учитывать поведенческие предпосылки, например, оппортунизм и иррациональность экономических агентов. [5]. В. Полтерович на основе эконометрических моделей обосновывает, что большинство стран, богатых природными ресурсами, используют их менее эффективно, нежели другие виды капитала и не имеет стимулов для формирования качественных институтов [6, 7]. По мнению Д. Норта, содержание институтов, регулирующих деловое поведение, оказывает решающее влияние на темпы экономического развития. При этом важное значение имеет степень взаимосогласованности формальных и неформальных институтов [8].

При использовании данных подходов за рамками исследования остаются объектно-предметные области мезо- и микроуровней. Проблема использования экономических переменных для оценки качества институтов состоит в том, что на них влияет множество других факторов. Использование дополнительных данных, полученных с помощью социологических методов, позволяет корректировать воздействие неинституциональных факторов. Использование больших массивов данных в комплексе с современными статистическими и корреляционными методами, факторным анализом, позволяют оценить качество институтов даже в условиях сильных «помех».

Теоретическая новизна представленного в статье исследования заключается в обосновании и разработке концептуального подхода к оценке качества региональной институциональной среды. Операционализация понятия «качества институтов» осуществляется на базе гипотезы типологического разнообразия структурных элементов институциональной среды путем построения концептуальных измерительных моделей социально-экономического поведения субъектов хозяйствования и социальных установок акторов и групп интересов регионального сообщества.

В качестве методологического посыла принимается, что между качеством институциональной среды региона и формами организации хозяйственной деятельности его экономических субъектов существует взаимосвязь и взаимообусловленность. При этом задачу оценки качества институциональной среды можно отождествить с оценкой поведения экономических субъектов и реализовать через выявление его *типологического разнообразия*. Использование типологического подхода позволяет выявлять все многообразие распространенных практик организации социально-экономической деятельности домохозяйств и предпринимателей (от инновационных до деструктивных) и через них получить количественную оценку качества региональной институциональной среды [9].

В качестве исходной принимается гипотеза, состоящая в том, что в настоящее время качество институциональной среды сельских территорий Российского Севера имеет не вполне удовлетворительные характеристики, отражающие среди распространенных практик адаптации и экономической активности доминирование малоэффективных и неоптимальных моделей поведения, что препятствует формированию модернизационных стратегий региона.

Инструментарий исследования

В исследовании используется институциональный анализ практик и проективных стратегий сельских домохозяйств и предпринимателей. Социологические количественные и качественные методы позволили получить эмпирическую базу исследования, включающую: формализованные интервью домохозяйств; полужормализованные и неформализованные глубинные интервью предпринимателей; инновационные семинары по типу фокус-группы с представителями разных социальных групп, метод «кейс-стади». Результаты базируются на эмпирических данных экономико-социологических исследований, реализованных в период 1996-2010 гг. в рамках ряда проектов РГНФ, РФФИ, Фонда Форда, МОНФ, ФЦП «Интеграция академической и вузовской науки».

Экономико-статистический анализ с привлечением многомерного анализа данных (кластерный, факторный анализ, методика баз знаний) используется для построения типологий и классификаций экономического поведения субъектов хозяйственной деятельности (домохозяйств и предпринимателей). Для измерения качества институтов используются анамнестический и диагностический концептуальные подходы [9]. Анамнестический подход изучает историю явления, процесса или предшествующие тенденции, куда относятся «динамические ряды», (количественный и качественный срезы). Диагностический – связан с анализом новой социальной реальности (структура, связи, отношения) через типологическое разнообразие явлений и процессов (многомерный количественный и качественный анализ).

Предметные области исследования

С начала 1990-х гг. в российском обществе происходило два параллельных процесса. С одной стороны, формировалась новая система экономических институтов, в рамках которой происходило развитие институциональной среды, обусловившей развитие различных форм экономической активности субъектов хозяйственной деятельности, в частности, трудовой и предпринимательской активности. Одновременно с этим происходило становление слоя новых субъектов хозяйствования. Эти процессы отражают трансформационные проблемы и успехи зарождающихся и эволюционирующих институциональных отношений новых экономических систем, что и определило предмет исследований, результаты которых представлены в статье.

Новые институциональные правила стали стимулом для зарождения первых мотивационных трудовых и предпринимательских импульсов у населения, которые при сложившихся условиях оформлялись (или не оформлялись), а далее реализовывались (или не реализовывались) в экономической, и, в частности, предпринимательской активности.

Развитие предпринимательской активности определяется рядом экзогенных и эндогенных факторов. К экзогенным факторам относятся институциональные правила, состояние рыночной среды, наличие земли, материальных ресурсов; к эндогенным – наличие мотивации к активности, образование, опыт, трудовая культура семьи [10]. Совокупность этих факторов обуславливает неоднородность и типологическое разнообразие поведенческих предпосылок и проективных стратегий со стороны социума. Проиллюстрируем эти процессы более детально на примере сельских сообществ.

Сельская социальная среда отреагировала на приобретаемый опыт предпринимательства формированием двух групп социальных субъектов с разнополюсной мотиваций. Потенциально положительная мотивация носит условный характер и артикулируется в виде алгоритма: «да – если». Данные опроса сельских жителей Карелии¹ демонстрируют, что более 30% сельских жителей согласились бы открыть собственное дело или заняться фермерством при создании благоприятных условий развития со стороны государства (наличии стартового капитала, снижении налогов, соблюдении гарантий, доступности цен на производственные ресурсы и организации сбыта продукции).

Вместе с тем, среди селян представлен еще один тип – отрицательных мотивационных установок, артикулированных в виде алгоритма: «нет, потому что». Не станут заниматься предпринимательством около 38% респондентов. Главные причины отказа от предпринимательской деятельности корреспондируют с деструктивными болезненными процессами на селе, которые дали толчок неоднозначной и разноплановой социально-экономической адаптации сельских сообществ к рынку [11].

Мотивационный профиль предпринимательства (начало). Слой ориентированных на предпринимательскую деятельность субъектов характеризуется внутренней неоднородностью по структуре мотивации. Первый мотив, который можно условно назвать «эксперимент», был вызван

¹ Опрос населения проводился в Пудожском районе в 2008 г. Объем выборки 1100 чел.

на начальных стадиях становления нового институционального порядка простотой процедуры оформления и получения быстрых денег. В дальнейшем менялись побудительные факторы этого мотива, все более переходя в область личностно-психологических характеристик, таких как интерес, креативность и т.п. Второй вид мотивации больше связан с *необходимостью* поддержки достигнутого материального статуса. Третьим, самым распространенным видом мотивации является *вынужденность*. В ситуации разрушения сложившегося хозяйственного уклада, резкого падения уровня жизни сельские жители могли рассчитывать только на себя. В ситуации отсутствия других способов они были поставлены в жесткие и единственно возможные условия материального обеспечения вплоть до выживания.

За 20 лет эволюции институциональной среды произошла соответственно эволюция самой мотивационной структуры. Мотивированные предпринимательские ориентации на фоне общего снижения привлекательности предпринимательства как формы экономической деятельности приобрели институциональную оформленность и личностную рациональность. В результате селекции первоначально размытый предпринимательский слой обозначил свои институциональные границы: малый, средний бизнес, фермерское хозяйство, индивидуальное предпринимательство, самозанятость. При этом за формальными рамками остался неоформленный предпринимательский слой, реализующий свою деятельность в теневом сегменте экономики, достигая достаточно высоких оценок.

Факторами устойчивости предпринимательской мотивации является наличие когнитивной установки (стратегии, планы действий); параметров человеческого и социального капитала (навыки, знания, образование, опыт, социальные связи); ресурсной базы (финансы, материально-технические ресурсы) и параметров институциональной среды.

В рамках изучения трудовой занятости населения удалось представить 3 группы ранжированных *факторов, препятствующих* реализации предпринимательской инициативы:

Рейтинговая оценка (уровень значимости по мнению мотивированного населения)	Группа факторов
1	Отсутствие первоначального капитала и практического опыта
2	Отсутствие производственной базы и недостаток организационно-правовых знаний
3	Конкуренция, недоверие к банковским структурам, недоверие партнерам

Сегодняшние предприниматели (в том числе потенциальные) высоко и адекватно оценивают значимость практического опыта и правовых знаний. Неслучайно среди мотивированного сельского населения только около 5% имели практический опыт предпринимательства, причем у трети из них этот опыт был отрицательным и остался в прошлом. Однако их уровень зрелости недостаточно высок, о чем свидетельствует недооценка качества институциональной среды, которое занимает в рейтинге только 3 место.

Типология экономического поведения и проективных стратегий сельских домохозяйств

Анализ результатов проведенных обследований сельских домохозяйств Карелии позволил оценить качественные параметры институциональной среды, создающей новые форматы экономической деятельности и экономических отношений, которые, в свою очередь, обуславливают формирование новых моделей экономического поведения сельского населения. Одним из проявлений формирующейся институциональной среды является диверсификация сельской занятости, которая сопровождается двумя разнонаправленными процессами.

Во-первых, происходит расширение процесса трудовой миграции, куда вовлечена четверть трудового потенциала села. Это направление диверсификации сельской занятости в некоторой мере объективно обусловлено, отчасти неизбежно, и, безусловно, является одним из сильных факторов трансформации сельского сообщества, изменения его традиционной территориальной локализации и оказывает сильное влияние на формирование институциональной среды и ее качество [11].

Во-вторых, диверсификация сельской занятости выражается в распространении различных форм дополнительной занятости, в ряде случаев трансформируясь в основную занятость, часто неформальную. Результаты исследований представляют широкий «веер» сфер приложения труда

сельского населения. Доминирующими сферами приложения труда являются традиционные, так или иначе связанные с сельхозпроизводством (включая различные виды сбора и заготовки даров леса), а также распространенные в сельской местности лесозаготовка и лесопиление. Вместе с тем представлены и не аграрные альтернативные виды занятий, прежде всего связанные с предоставлением услуг (извоз, сдача в найм жилища и т.п.). Эти различные виды сервиса развиваются в связи с устойчивым спросом клиентов, ориентированных на рекреационный, туристский, природный, культурный потенциал сельских территорий Карелии. Дополнительная занятость сельского населения, имея в основном неформальный характер, тем не менее, выполняет не только компенсационную, но и институциональную функцию формирования новой экономики на селе.

Опыт исследования жизнедеятельности населения показывает, что аналогично процессу углубляющегося материального расслоения населения наблюдается и расслоение населения по уровню экономической активности: выделяются группы активного населения, усиливающих свою активность, также выделяются группы неактивного населения, не предпринимающие попыток изменить проблемную ситуацию.

Результаты проведенных обследований² демонстрируют дифференциацию населения по типам экономической активности и позволяют выделить 8 типов адаптации сельских жителей к рыночным изменениям, агрегированных в три укрупненные группы (рисунок).

Диаграмма адаптаций сельских домохозяйств к рынку

Самая многочисленная группа сельского населения, насчитывающая от 50% до 2/3 сельских домохозяйств, состоит из «пассивных» категорий, не отличавшихся высокими параметрами экономической активности и стабильностью экономического положения. В значительной степени экономическое поведение этой группы домохозяйств предопределило направление и перспективы развития сельского сообщества.

Второй по распространенности тип сельских домохозяйств – адаптированный к организации своей жизнедеятельности в меняющихся экономических условиях, обладающий высоким уровнем экономической активности и самостоятельности. Эта категория сельских жителей не превышает 15-20% от общей совокупности сельских домохозяйств.

Третий, наиболее проблемный тип сельских домохозяйств, состоит из тех, кто практически необратимо попал «на дно» социальной реальности, составляя маргинальный контингент сельского сообщества. Этот тип в обследованных сельских поселениях насчитывает от 15% и выше. Динамика проективных экономических стратегий сельских домохозяйств показывает ряд современных тенденций:

- во-первых, произошло резкое снижение доли одной из самых многочисленных групп домохозяйств «вовне-пассивных», которые до периода 1998 г. в своих экономических стратегиях возлагали определенные надежды на «внешние» структуры (государство, правительство, и т.п.). Эта ситуация соответствует процессу общего снижения уровня доверия населения к государственным институтам управления и власти, что не может способствовать устойчивому развитию всего российского общества, в том числе сельского сообщества;

² Обследование проведено в Пудожском и Медвежьгорском районах Республики Карелия в 2004 г. Объем выборки составил 186 домохозяйств, в состав которых входило 529 чел.

- во-вторых, уменьшилась, стабилизируясь на уровне трети домохозяйств, доля «внутри-пассивных», не ожидающих помощи извне, но также и не проявляющих активизации своих внутренних ресурсов, предпочитая пассивные формы адаптации «самоограничительного» типа (снижение расходов, ограничение потребностей);

- в-третьих, незначительная положительная динамика доли домохозяйств типов «самодостаточные» и «я-активные», которая происходит преимущественно в рамках стратегии «самовывживания» при сложившихся на сегодняшний день внешних обстоятельствах. Переход к стратегии устойчивого развития сельского сообщества должен базироваться на всемерном содействии этой категории домохозяйств, обладающих относительно высоким социально-экономическим и человеческим потенциалом, что может служить основой формирования эффективных собственников в сельском сообществе;

- в-четвертых, произошла необратимая «консервация» (если можно так выразиться) контингента маргинальных типов сельского населения. Этот контингент должен находиться под пристальным вниманием государственных и общественных структур, наделенных разнообразным спектром соответствующих полномочий [12].

Дальнейшее углубление исследования процессов формирования новой институциональной среды предполагает многомерный анализ эмпирических данных, который позволит представить процесс социально-экономической дифференциации, стратификации сельского населения не на уровне отдельных признаков, а с учетом сложной системы взаимосвязи и взаимообусловленности эмпирических параметров различной природы.

В соответствии с этим проведено многомерное статистическое исследование взаимосвязей проективно-адаптационных стратегий сельских домохозяйств Карелии и их современного потенциала. Основным инструментом проведенного анализа послужило индуктивное построение баз знаний в виде систем правил вида «Если (условие) то (следствие) с весом (w)» на основе обучающей выборки, представляющей собой результаты выборочного обследования сельских домохозяйств Республики Карелия в 2004 г. Интерпретация полученных с использованием метода построения баз знаний типов проективных стратегий сельских домохозяйств представлена следующим образом [13].

1. Группа «самодостаточные», составившие 10% в выборочной совокупности обследованных сельских домохозяйств, не отличаются активностью в сфере мелкотоварного производства, для них не характерна трудовая миграция за пределы населенного пункта проживания, социальная структура удовлетворительна (отсутствуют безработные). Относительно высок уровень денежных доходов, потребительские возможности денежного бюджета также относительно высоки, отсутствует недвижимое имущество производственно-технического назначения, не представлена животноводческая деятельность в личном подворье.

Указанные характеристики могут свидетельствовать о том, что рассматриваемая группа представляет собой особый слой сельского сообщества, т.н. сельскую управленческую элиту, выходцев и приемников слоя управленцев коллективного хозяйства, традиционно имеющих личное подворье, но не нуждающихся в собственной технике и оборудовании, пользующихся предметами труда и техникой предприятия для обработки своих земельных наделов. Как правило, этот социальный слой сельских домохозяйств имеет доступ и пользуется «социальной рентой», позволяющей поддерживать относительно высокий и устойчивый уровень своего материального и социального благосостояния, имея возможность реализации своего опыта и профессионализма.

2. «Активные» семьи, составившие 22% в выборочной совокупности обследованных сельских домохозяйств, участвуют в сфере мелкотоварного производства, имеют оборудование производственно-технического назначения, высокую долю выращенной продукции в структуре питания своей семьи, низкие параметры иждивенцев в социальной структуре домохозяйства (дети, безработные, пенсионеры). В рассматриваемой группе практически отсутствует трудовая миграция за пределы населенного пункта проживания, наблюдаются относительно высокие параметры денежных доходов и потребительских расходов. Рассмотренный тип «активных» сельских домохозяйств, так же, как и предыдущий, стабилен, но в отличие от «самодостаточных», не пользуется социальной рентой, а в большей мере формирует относительно высокий уровень и устойчивость своего благосостояния за счет своей разносторонней активности на фоне благоприятных параметров своей социальной структуры.

3. Семьи «активные-пассивные», составившие 17% в выборочной совокупности обследованных сельских домохозяйств, участвуют в сфере мелкотоварного производства, имеют оборудование производственно-технического назначения, имеют высокую долю выращенной

продукции в структуре питания своей семьи. Отличие состоит в менее благоприятной социальной структуре домохозяйств, в которой представлены иждивенцы, что неизбежно снижает параметры материальной обеспеченности и ограничивает потребительские возможности, которые, тем не менее, не являются сужеными. Рассмотренный тип, как и предыдущий вполне активен, ориентирован на собственный потенциал, но имеет меньше шансов на устойчивое материальное благосостояние, которое при неблагоприятном стечении обстоятельств может перейти на уровень «самоограничительных» потребительских стратегий, т.е. стратегии пассивного типа.

4. «Пассивные» домохозяйства, составившие 36% в выборочной совокупности обследованных сельских домохозяйств, не участвуют в сфере мелкотоварного производства, имеют низкие производственные параметры личного подворья, отсутствует активность в сфере дополнительной занятости, сужена структура доходных статей бюджета и соответственно сужен спектр потребительских возможностей, имеют неблагоприятную социальную структуру, в которой представлены иждивенцы. Рассмотренный тип, в отличие от предыдущего, отчетливо находится на уровне «самоограничительных» потребительских стратегий, т.е. стратегий пассивного типа, имея суженные параметры как социального и производственно-хозяйственного, так и адаптационного потенциалов.

5. «Эксклюзивные», составившие 15% в выборочной совокупности обследованных сельских домохозяйств, характеризуются следующими особенностями. Как и предшествующая группа, не участвуют в сфере мелкотоварного производства, имеют низкие производственные параметры личного подворья, отсутствует активность в сфере дополнительной занятости, сужена структура доходных статей бюджета и соответственно сужен спектр потребительских возможностей, имеют неблагоприятную социальную структуру, в которой представлены иждивенцы и наблюдается острый дефицит работников. По существу, эта группа близка по представленным параметрам к группе «пассивных».

Представленные типы экономического поведения и проективно-адаптационных стратегий сельских домохозяйств доказывают, что на фоне внутренней неоднородности в рамках сельского сообщества имеются социальные группы, способные формировать устойчивый социальный «каркас» современного российского села. Выявленные немногочисленные, наиболее жизнеспособные и устойчивые социально-экономические структуры сельских сообществ, прежде всего, в лице домохозяйств, способных адаптироваться к современным условиям, становятся проявлением качественно новых социально-экономических процессов, так как в условиях сворачивания системы государственного патернализма и отсутствия развитых форм социальной ответственности бизнеса, они являются практически единственными структурами, обеспечивающими не только экономическую, но и социальную устойчивость сельского сообщества. В рамках именно этих социальных групп формируется слой предпринимателей нового типа.

Типология поведения экономического поведения и проективных стратегий малого бизнеса на примере сельского предпринимательства

Анализ предпринимательских практик сельского малого бизнеса позволил зафиксировать основные проблемы сектора малого предпринимательства, осуществляющего свою деятельность в сельских поселениях в сложившихся институциональных условиях. Результаты исследования показали, что малый бизнес на 50% находится в неформальном (секторе), что объясняется следующими причинами. Первое – высокие транзакционные издержки по исполнению формальных правил, обусловленные высокими административными барьерами, нестабильные, часто меняющиеся законы, многочисленные институциональные ловушки. Второе – вытекает из первого: когда предприниматель не уверен в завтрашнем дне, его деятельность строится так, как будто это последний день его бизнеса. Для сельских поселений неформальный статус малого предпринимательства имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, его неформальные отношения с местным населением упрощают и удешевляют транзакции для местного населения, которое имеет более широкие возможности «подработать». С другой стороны, сельские поселения не получают стабильных рабочих мест, экономического эффекта в виде отчисляемых налогов, а также широкого привлечения предпринимателей к делам местного сообщества, что влечет за собой долговременные негативные социальные эффекты по разрушению социальной среды [14].

Вместе с тем, результаты исследования показали, что предприниматели участвуют в формировании социально-экономического каркаса поселений и населенных пунктов (таблица).

Более половины из них хоть и неформально, но создают рабочие места для своих односельчан, остальные, кто в основном работает на себя, формирует базу для семейного бизнеса Построенная классификация предпринимательских практик³ выявила три основных группы предпринимателей, которые принципиально отличаются своим экономическим поведением [14].

Предпринимательские практики фермерских хозяйств и частных предпринимателей (Республика Карелия)

Типообразующие признаки	Модель поведения		
	чисто предпринимательская	переходная предпринимательская	потребительская
Рынки	Имеет устойчивую нишу на рынке. Полифункциональное хозяйство	Постоянные + случайные покупатели. Полифункциональное хозяйство	Случайные покупатели + соседи, родственники. На рынок выходит с одной продукцией
Аттитюд	Активная рыночная позиция	Ориентация на рынок	Ориентация на личное потребление.
Поведение	Реализация товарного производства.	Сужение производства в ситуации ограничения ресурсов и отсутствия рынков сбыта	Эпизодический выход на рынок
Стратегия	Расширение и интенсификация производства	Мелкотоварное экстенсивное производство.	Потребление в рамках домохозяйства. Выживание

Первая группа – «чисто предпринимательская» – представлена сложившимися хозяйствами, имеющими стабильный спрос на свою продукцию, способными диверсифицировать свое производство с учетом конъюнктуры рынка, хотя испытывающими временные материальные трудности. Сами предприниматели обладают достаточно высокой культурой бизнеса, повышая ее уровень в обучающих международных и российских программах. Это та группа, которая в благоприятных институциональных условиях сама станет ключевым звеном сельского хозяйства региона. Имеет, как правило, официальный статус, успешный, в основном с высшим образованием, имеет положительный опыт деятельности, достаточные производственные ресурсы и создает официальные рабочие места для жителей поселения, включен в хозяйственные связи района и республики.

Вторая группа – «переходная предпринимательская» – является самой представительной, но недостаточно развитой с точки зрения рынка. Представители этой группы готовы сужать производство и уходить в потребительские стратегии при падении рынков и сокращении материальных ресурсов. Требуют дополнительного государственного вмешательства через современные механизмы поддержки – дотации, кредиты, субсидии, субвенции. При таких условиях способны наращивать и интенсифицировать производство. По крайней мере, половина из них являются потенциальными «зелеными» семейными фермами, активными агентами рынка сельскохозяйственной продукции. Зачастую не имеют официального статуса, в основном со среднетехническим образованием, иногда с высшим, имеется необходимая производственная база, требующая обновления, создают неофициальные рабочие места для жителей своего поселения.

Представители третьей «потребительской» группы исследованных предпринимателей ориентированы на внутрисемейное потребление, на рынок выходят эпизодически. Для рынка не представляют значимости, но выполняют на сегодня ключевую социальную роль – обеспечение жизнедеятельности своей семьи. Не имеют официального статуса, с высшим или среднетехническим образованием, не имеют достаточной производственной базы, работают в основном на себя, нередко имеют прошлый негативный предпринимательский опыт.

³Классификация построена на основе полуформализованных глубинных интервью 80 сельских предпринимателей Пудожского района Республики Карелия. Обследование проведено в 2008 г.

Следует сказать, что выделенные типы предпринимательского поведения в чистом виде количественно оценить достаточно трудно. Как правило, каждый из этих типов обладает подвижностью и в разных условиях может переместиться в смежную группу. Тем не менее, доля самого активного предпринимательского типа оценена в 10%. По своему потенциалу, мобильности и степени реакции на рыночные сигналы это самые успешные хозяйства. Кроме того, они почти всегда демонстрируют предпринимательскую модель поведения, но, как было отмечено, их возможности в сложившихся институциональных условиях не позволяют вести себя так, как ведут западные предприниматели. Находясь в таких «ножницах», они вынуждены ограничивать свою предпринимательскую инициативу. Что касается хозяйств переходного типа, то, являясь не такими рыночно сложившимися, как представители первой группы, они, тем не менее, обладают потенциалом перейти в нее. В то же время при отсутствии адекватных для развития условий есть опасность их перехода в чисто потребительскую группу. И это очень важно понимать в контексте формирования государственной политики [15].

Говоря в целом о малом сельском бизнесе Карелии, следует заострить внимание на нескольких важных аспектах. Во-первых, при имеющемся потенциале со стороны малого предпринимательства многие рыночные ниши не заняты из-за отсутствия адекватных институциональных условий. Во-вторых, занятые ниши используются неэффективно, о чем свидетельствует высокая степень неформальности малого предпринимательства. В-третьих, предпринимательская инициатива сталкивается с огромным количеством административных барьеров и институциональных ловушек. В-четвертых, сектор малого предпринимательства органично вписался в социальную структуру сельских поселений, выполняя важную социальную функцию создания рабочих мест. В-пятых, низкая экономическая эффективность снижает социальную значимость малого предпринимательства как для поселений, так и для региона в целом. И, наконец, сектору малого предпринимательства необходимо оказывать государственную поддержку, так как развитие этого сектора экономики – это практически единственная возможность при сегодняшней ситуации сохранить обширные и малозаселенные северные сельские территории и не допустить их обезлюдения.

Выводы

Результаты исследований свидетельствуют о том, что рыночные институты? по своей природе поддерживающие предпринимательскую инициативу, в сельской экономике еще не сформировались. Село, являясь наиболее слабым звеном социально-экономической структуры России, не получило эффективного хозяйственного агента.

Процесс углубляющегося материального расслоения сельского населения сопровождается дифференциацией уровня экономической активности. На фоне «самодостаточных», со стабильным экономическим потенциалом групп с высоким уровнем социально-экономической мобильности выявлены группы неактивного населения, не предпринимающие попыток изменить проблемную ситуацию, пребывающие в состоянии ожидания и ностальгии по ушедшей стабильности советской эпохи. Еще одна группа населения оказалась в ситуации социального отчуждения. Именно в этой группе высока вероятность формирования деструктивных асоциальных способов адаптации. Вместе с тем, на фоне внутренней неоднородности в региональном сообществе имеются социальные группы, способные формировать устойчивый социальный «каркас» современного российского села.

В поведении предпринимателей преобладают малоэффективные и неоптимальные практики, которые обусловлены несовершенством сложившегося институционального рынка. Доминирование в типологии переходной группы, обладающей мобильностью, но вынужденной сужать производство и уходить в потребительские стратегии при падении рынков и сокращении материальных ресурсов, свидетельствует о низком качестве институтов, не способствующих их успешному функционированию. Вместе с тем, сектор малого предпринимательства органично вписался в социальную структуру поселений, выполняя важную социальную функцию создания рабочих мест. Формирующиеся социальные инициативы малого и среднего бизнеса свидетельствуют о зарождении общественно эффективных стратегий развития.

В целом, результаты исследования показывают, что Республика Карелия пока остается территорией высоких институциональных рисков. Построенные типологии экономического поведения домохозяйств и предпринимателей демонстрируют все еще невысокие качественные параметры формирующейся институциональной среды.

При таких условиях модернизационный потенциал региона может и дальше снижаться, что неизбежно будет закреплять аутсайдерскую модель экономики. Вместе с тем выявленные тенденции, связанные с формированием экономически активных групп населения и бизнеса, демонстрируют готовность социальной среды северных сельских территорий к позитивным переменам, что, в свою очередь, определяет социальный запрос общества к повышению качества институциональной среды в целом. Определенный вклад в этом направлении может внести становление межстранового институционального пространства, в рамках которого может найти реализацию эффективная диффузия лучших институциональных моделей.

Литература

1. Панфилова Е.А. Компаративная оценка качества российской институциональной среды // Молодой ученый. 2013. № 4. С. 271-275.
2. Полтерович В.М. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4-24.
3. Полтерович В.М. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 4-27
4. Морозова Т. В. Трансформация экономической и социальной карты сельских сообществ региона // Народонаселение. 2005. № 1. С. 50-58.
5. Морозова Т. В., Чистяков С.П., Белая Р.В. Проективные стратегии и современный потенциал сельских домохозяйств / Методы математического моделирования и информационные технологии // Труды Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН. Петрозаводск: КарНЦ РАН. Вып. 6. 2005. С. 21-35.
6. Аузан А.А., Золотов А.В., Тамбовцев В.Л. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах // Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор», 2000-2009. М., 2010. 720 с.
7. Заславская Т.И., Калугина З.И., Бессонова О.Э. Россия и россияне в новом столетии; вызовы времени и горизонты развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 748 с.
8. Лапин Н.И. [и др.] Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте: монография / сост. и общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Центр изучения социокультур. изм., Науч.-координац. совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». М.: Academia, 2009. 807 с.
9. Мезоэкономика развития / под ред. Г.Б.Клейнера. М.: Наука, 2011. 805 с.
10. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер с англ. К.Мартынова, Н.Эдельмана/ Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
11. Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Кулакова Л.М. Институциональные основы и социальные практики сельского предпринимательства. М.:МОНФ, 2009. 176 с. (с. 67).
12. Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Сухарев М.В. Регион как социально-экономическая система. – Петрозаводск: Изд-во ГОУ ВПО ПетрГУ, 2010. 308 с.
13. Отчет по научно-исследовательской теме «Формирование региональных институциональных систем в условиях модернизации экономики северного приграничного региона», Петрозаводск, 2012 (№ гос. регистрации 01201055019), научный руководитель Морозова Т.В.
14. Отчет по результатам проекта «Исследование состояния трудовой занятости и определение перспектив развития сельских поселений» (Государственный контракт МЭР РК № 15-08 от 7 апреля 2008 г., рук. Морозова Т.В.)

References

1. Panfilova E.A. Komparativnaja ocenka kachestva rossijskoj institucional'noj sredy // Molodoj uchenyj, 2013. № 4. P. 271-275. [Comparative assessment of the quality of the institutional environment of the Russian] (In Russ.).
2. Polterovich V.M. Strategii modernizacii, instituty i koalicii // Voprosy jekonomiki. 2008. № 4. P. 4-24. [Modernization strategy, institutions and coalitions] (In Russ.).
3. Polterovich V.M. Jekonomicheskaja politika, kachestvo institutov i mehanizmy «resursnogo prokjatija» // Voprosy jekonomiki. 2007. № 6. P.4-27. [Economic policy, quality of institutions and mechanisms «resource curse»] (In Russ.).

4. Morozova T.V. Transformacija jekonomicheskoy i social'noj karty sel'skih soobshhestv regiona // Narodonaselenie. 2005. № 1. P. 50-58. [The transformation of the economic and social map of rural communities in region] (In Russ.).
5. Morozova T.V., Chistjakov S.P., Belaja R.V. Proektivnye strategii i sovremennyj potencial sel'skih domohozjajstv. Metody matematicheskogo modelirovanija i informacionnye tehnologii // Trudy Instituta prikladnyh matematicheskikh issledovanij KarNC RAN. Petrozavodsk: KarNC RAN. 2005., V. 6. P. 21-35. [Projective strategy and the modern potential of rural households] (In Russ.).
6. Auzan A.A., Zolotov A.V., Tambovcev V.L. Politicheskaja jekonomija Rossii: dinamika obshhestvennogo dogovora v 2000-h godah // Izbrannye trudy Instituta nacional'nogo proekta «Obshhestvennyj dogovor», 2000-2009, Moscow, 2010. 720 p. [The Political Economy of Russia: the dynamics of the social contract in the 2000 s.] (In Russ.).
7. Zaslavskaja T.I., Kalugina Z.I., Bessonova O.Je. Rossija i rossijane v novom stoletii; vyzovy vremeni i gorizonty razvitija. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2008. 748 p. [Russia and the Russians in the new century; challenges and horizons of development] (In Russ.).
8. Lapin N.I. [i dr.] Regiony v Rossii: sociokul'turnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste: monografija. Ros. akad. nauk, In-t filosofii, Centr izuchenija sociokul'tur. izm., Nauch.-koordinac. sovet Sekcii FSPF OON RAN «Problemy sociokul'turnoj jevoljucii Rossii i ee regionov». Moscow, Academia, 2009. 807 p. [Regions in Russia: a sociocultural portrait of regions on a national context] (In Russ.).
9. Klejner G.B. Mezojekonomika razvitija. Moscow, Nauka. 2011. 805 p. [Mesoeconomics development] (In Russ.).
10. Nort D. Ponimanie processa jekonomicheskikh izmenenij [Tekst]. Gos. un-t Vysshaja shkola jekonomiki. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 2010. 256 p. [Understanding the process of economic change] (In Russ.).
11. Morozova T.V., Kozyreva G.B., Kulakova L.M. Institucional'nye osnovy i social'nye praktiki sel'skogo predprinimatel'stva. Moscow, MONF, 2009. 176 p. [Institutional frameworks and social practices of rural enterprise] (In Russ.).
12. Morozova T.V., Kozyreva G.B., Suharev M.V. Region kak social'no-jekonomicheskaja sistema. Petrozavodsk, Izd-vo GOU VPO PetrGU. 2010. 308 p. [The region as a socio-economic system] (In Russ.).
13. Otchet po nauchno-issledovatel'skoj teme «Formirovanie regional'nyh institucional'nyh sistem v uslovijah modernizacii jekonomiki severnogo prigranichnogo regiona», Petrozavodsk, 2012, no gos. registracii 01201055019, nauchnyj rukovoditel' Morozova T.V. [Formation of regional institutional-functional systems in terms of modernizing the economy of the northern border region] (In Russ.).
14. Otchet po rezul'tatam proekta «Issledovanie sostojanija trudovoj zanjatosti i opredelenie perspektiv razvitija sel'skih poselenij» (Gosudarstvennyj kontrakt MJeR RK no 15.08 ot 7 aprelya 2008g., ruk. Morozova T.V.) [A study of employment status and prospects of development of the definition of rural settlements] (In Russ.).

УДК 332.1(470.21)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ И ЕЕ РЕСУРСНОЙ БАЗЫ

Г.М.Победоносцева,
научный сотрудник,

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина КНЦ РАН, г. Апатиты

В.В.Победоносцева,

канд. эконом. наук, старший научный сотрудник,

Центр физико-технических проблем энергетики Севера КНЦ РАН, г. Апатиты

Аннотация. Рассматриваются вопросы стратегически важного для России направления развития северных регионов и Арктики. Ключевым фактором становится разработка и внедрение нововведений, которые позволяют достигать необходимой устойчивости в повышении эффективности производства, обеспечивать извлечение природных ресурсов в труднодоступных местах, улучшать общественное благосостояние и стандарты качества жизни населения северных территорий РФ. Влияние инвестиционной составляющей

позволяет определять решения при реализации инвестиционных проектов арктических территорий России. Поскольку современные технологии рентабельны только при существенном масштабе производства и ориентированности на высокий спрос, построению новой экономики с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой может способствовать реализация гигантского проекта на основе межотраслевой и международной кооперации, такого как освоение шельфа Арктики и развитие территории Арктической зоны Российской Федерации. Современной стратегией должны гарантироваться экономический рост и его качество, т.е. реализация принципа устойчивого развития, что особенно важно при переходе от консервации природных ресурсов к активному природопользованию в Арктике. Также должны учитываться возможные риски, прогнозироваться последствия принимаемых решений.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, инновации, инвестиции, Арктика, полезные ископаемые, стратегия, стратегическое планирование, конкурентоспособность, нефть, газ, шельф, модернизация.

STRATEGICAL ASPECTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC AND ITS RESOURCE BASE

G.M.Pobedonostseva,

Researcher

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of RAS, Apatity

V.V.Pobedonostseva,

PhD (Economics), Senior Researcher

Center of Physical and Technical Problems of the Northern Energetics of the Kola Science Centre of RAS, Apatity

Abstract: The article discusses issues of strategically important for Russia development of the northern regions and the Arctic. The key factor is development and implementation of innovations that allow achieving the necessary stability to improve production efficiency, to ensure extraction of natural resources in remote places, to improve social welfare and quality standards of population of the northern territories of the Russian Federation. The impact of the investment component allows defining solutions for investment projects for Russian Arctic territories. Since modern technologies are only cost-efficient for significant production scale and the focus on high demand, the new economy with competitive industry and infrastructure can be promoted by implementation of a giant project on the basis of interdisciplinary and international cooperation, such as the development of the Arctic shelf and development of the Arctic zone of the Russian Federation. The modern strategy must guarantee economic growth and its quality, ie, implementation of the principle of sustainable development, which is particularly important during transition from conservation of natural resources to active environmental management in the Arctic. Possible risks should be also taken into consideration, and consequences of decisions made are forecasted.

Keywords: socio-economic development, innovations, investments, the Arctic, minerals, strategy, strategic planning, competitiveness, oil, gas, offshore, modernization.

Важность и актуальность исследования проблем социально-экономического, инновационного развития российских арктических территорий в условиях нарастания мировой экономической нестабильности очевидна и обусловлена тем, что на сегодня эти территории обладают большим количеством полезных ископаемых, в том числе неразведанных. Актуальность заключается и в решении самых различных сложных проблем в силу неоднородности северных пространств Российской Федерации и пространств зоны Арктики не только по природно-климатическим условиям, но и по уровню социально-экономического развития, а также существующего большого количества особенностей развития этих регионов. С появлением рынка и конкуренции в Российской Федерации становится особенно необходимым такой элемент управления, как стратегическое планирование, которое по своему содержанию является выбором целей и ориентиров, определением желаемого будущего территории, определением стратегий и направлений развития, которые будут обеспечивать ее конкурентоспособность. В настоящее время ключевым фактором рыночной конкуренции становится внедрение нововведений, что позволяет передовым фирмам добиваться сверхприбылей за счет присвоения интеллектуальной ренты, образующейся при монопольном использовании наиболее эффективных продуктов и технологий. В результате достигается устойчивая тенденция повышения эффективности производства и удешевления единицы потребительских свойств создаваемой продукции. Это может обеспечивать повышение общественного благосостояния и улучшение стандартов качества жизни населения. Например, в Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года была определена генеральная цель развития региона: «рост человеческого потенциала и качества жизни населения Мурманской области на основе ее инновационного, устойчивого, социального, экономического и экологически

сбалансированного развития, обеспечивающего статус области как конкурентоспособного региона...» [1]. В настоящее время арктическое направление ставится на главную позицию, являясь стратегически важным современным проектом страны. А Мурманская область имеет серьезные предпосылки стать центром развития проектов освоения арктических пространств. Надо полагать, что в совокупности ресурсный потенциал не только Мурманской области, но и всей арктической территории в долгосрочной перспективе сможет дать большую возможность развитию данного региона.

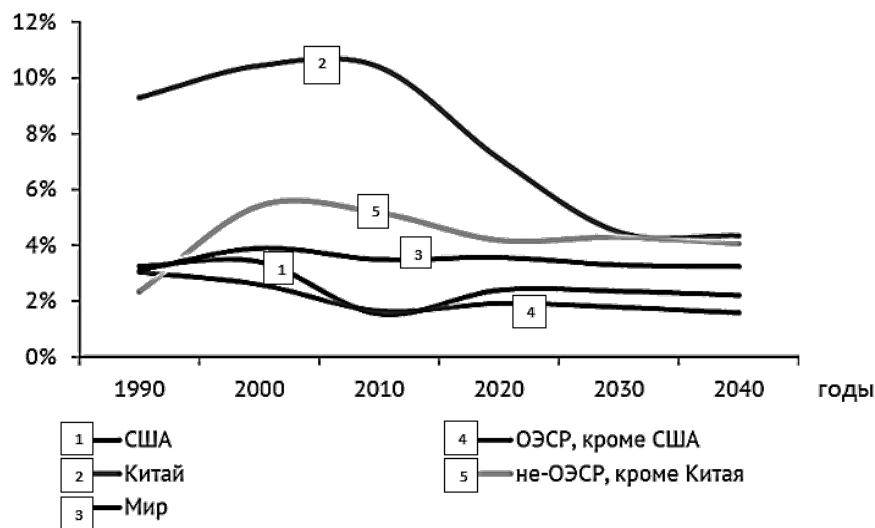
В связи с этим в стратегическом развитии до 2025 г. перед Арктической зоной России возникает объективная необходимость выработки политики, которая обеспечивала бы не только инновационную модернизацию экономики, но и прогрессивное развитие социальной сферы. Возможно, это в значительной степени сократило бы ее нынешнее существенное отставание от соседних полярных регионов по основным параметрам экономического и социального развития. Устойчивое социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации предполагается осуществлять «на основе системного взаимодействия государства, коммерческих и некоммерческих организаций и гражданского общества с использованием механизмов государственно-частного партнерства при реализации ключевых инвестиционных проектов, участия государства в устранении инфраструктурных ограничений экономического развития, решении социальных проблем, а также создания экономических механизмов стимулирования хозяйственной деятельности» [2]. Внедрение технологических, организационных и продуктовых инноваций в арктической экономике смогло бы иметь в прогнозный период безусловный приоритет и способно было бы нейтрализовать негативное действие здесь объективных высоких производственных издержек.

Формирование научно обоснованной модели социально-экономической политики на всем планетарном Севере и в Арктической зоне должно строиться на принципах многоуровневости в принятии решений, принципах соблюдения национальных интересов, обеспечения экономической и экологической безопасности, высокого уровня и качества жизни населения, устойчивого неразрушающего развития, эффективно инновационного использования природно-ресурсного потенциала [3].

Назрела потребность в применении современных подходов и новейших технологий, а также в использовании техники нового поколения. Такая необходимость возникает и в связи с извлечением огромных природных богатств Арктики и их переработки в будущем. Развитие инновационной деятельности планируется осуществлять с помощью Координационного совета и трех рабочих групп по направлениям: шельф, геологоразведка и повышение коэффициента извлечения нефти. Одной из самых основных задач современной России является задача создания технологий для освоения трудноизвлекаемых запасов природных богатств, либо запасов, расположенных в труднодоступных местах, включая шельф.

Однако даже имея громадный природный потенциал, арктические территории крайне нуждаются в инвестициях. Инвестиции являются фактором, определяющим темпы экономического роста, а энергетика доминирует в функционировании и росте экономики России (доля добавленной стоимости продукции топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в ВВП страны составляет 30%, в налоговых поступлениях в бюджет страны – 50%, в валютной выручке от экспорта – 70%). Поэтому понимание сущности инвестиций позволяет оценить влияние инвестиционной составляющей на макроэкономические показатели развития экономики (структура национальной экономики, занятость, величина доходов и др.), исходя из значимости российского ТЭК не только национального, но и мирового уровня. Оно также позволяет выявить факторы, определяющие инвестиционные решения, и сформировать сценарий реализации экономической политики инвестиционного процесса в энергетическом комплексе, в том числе с позиций национальной инвестиционной безопасности. Затянувшийся глобальный кризис обусловил снижение прогнозов роста экономики и, следовательно, энергопотребления (рисунок) [4].

Нельзя не отметить тот факт, что в последние годы российская экономика росла не столько за счет реализации инвестиционных проектов, сколько за счет потребительского спроса, который стимулировался государственным заказом и ростом доходов в бюджетном секторе (индуцированные инвестиции) на фоне высокой зависимости от цен на углеводороды, ухудшения демографических показателей и вывоза капитала. Наступающий предел такого роста обуславливает необходимость модернизации экономики [5].

Источник: АЦ при Правительстве РФ

Среднегодовые темпы роста ВВП по регионам мира

Модернизационная стратегия, обусловленная необходимостью снижения высоких арктических издержек, основывается, прежде всего, на развитии интеллектуального производственного сервиса (навигационно-гидрографическое обеспечение, логистика, мониторинг технологических и социальных чрезвычайных ситуаций и др.) при эффективном использовании Северного морского пути (СМП). Модернизацию экономической системы территорий Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) предполагается осуществлять путем создания инновационных кластеров на основе существующих промышленных комплексов и формирования зон опережающего развития, что потребует также модернизации управления арктическими регионами и муниципальными образованиями [6]. Эти обстоятельства потребуют формирования новой миграционной политики АЗРФ. В известной степени модель инновационного развития экономики почти всегда несет в себе достаточно высокий потенциал саморазвития. Это касается не только научно-технологического звена, но и применения новейших знаний в широких областях реальной практики. Другими словами, это возможности обеспечения ускоренного внедрения этих новых знаний. Причем надо учитывать, что догоняющий вариант модернизации экономики имеет цель инновационного развития собственного российского производства, адапционное перенесение в отечественную промышленность новейших технологий. Собственно, именно такой подход в 1960-е гг. применяла Япония, последовательно развивая металлургию, химию, электронику. Его не менее успешно последние двадцать лет использует Китай, в 2012 году вышедший на первое место по числу производимых автомобилей и быстро совершенствующий их качественные характеристики [7]. Все больше возрастает необходимость инновационного обновления технологий добычи и разработки новых месторождений, особенно труднодоступных. И если говорить об инновационности построения отечественной экономики, то надо придерживаться уже сложившихся реалий, таких как например, повышенное инвестиционное внимание к развитию топливно-сырьевого сегмента российской экономики. Например, только в Арктическом шельфе скрыто, по данным экспертов, от 20 до 25% мировых запасов углеводородного сырья. Согласно официальному американскому геологическому исследованию, около 13% до сих пор не обнаруженной нефти и 30% также хорошо спрятанного природного газа находятся в Арктическом регионе. По природному газу Российская Федерация находится практически на первом месте в мире. Например, в США запасы природного газа меньше, чем в России, примерно в 7 раз, но по уровню производства США превосходят российские объемы [8] и занимают по данному показателю 1-е место в мире. По объемам экспорта природного газа Россия находится на 1-м месте в мире, поставляя на мировой рынок примерно 30% всего объема мирового экспорта. Это примерно 50% добываемого в стране газа [8]. Современная теория экономического роста рассматривает инвестиционную динамику капитала как один из факторов развития, определяющих темпы экономического роста экономики, при этом энергетика играет доминирующую роль в функционировании и росте экономики России.

Экономика человеческого сообщества зависит от состояния энергетической базы, от вида и структуры используемых ресурсов, составляющих эту базу; количеством потребляемой энергии на

одного человека определяется уровень социально-экономического развития; производительные способности человека зависят от объема используемых им источников энергии. Важно заметить, что количество и качество доступных человеку энергетических ресурсов создает основу для его материального существования, обеспечивает соответствующий уровень качества его жизни, оказывает непосредственное влияние на процесс экономического роста. На международном экономическом форуме 20-21 июня 2013 г. в Санкт-Петербурге было отмечено, что мы живем в эпоху нестабильности мировых рынков, когда экономический рост еще не стал устойчивым. Вообще недостаток экономического роста – проблема современной мировой экономики. Негативное влияние на экономический рост и его качество может оказывать не только недостаточность инвестиций, но также их избыточность, поскольку во всех случаях инвестиционные затраты оплачиваются потребителем. Решить задачу реформирования единой системы энергетики России предполагалось привлечением частных инвестиций для модернизации отрасли, чему способствовал завышенный прогноз валового внутреннего продукта (ВВП) и соответственно спроса на электроэнергию [9].

Вместе с тем, уровень и структура потребления углеводородных энергоресурсов приводят к бесконтрольному росту отходов, не поддающихся включению в природный обмен веществ. Понимание сложности энергетической проблемы в условиях НТР и глобализации экономических связей привело к объединению международной общественности по разработке новой концепции развития мировой энергетики. Высокая энергоемкость экономики России обусловлена не только технологическим отставанием и расточительством, но и объективными факторами, такими как сложившаяся энергоемкая структура экономики, протяженными транспортными коммуникациями, холодным климатом на большей части территорий, особенно территорий Арктики. Жилые и производственные помещения в северных условиях необходимо дополнительно отапливать, а для транспортировки этого дополнительного топлива, в свою очередь, необходимы дополнительные затраты энергоносителей.

Поскольку сегодня одной из самых первоочередных задач для страны стоит задача создания технологий для освоения трудноизвлекаемых природных запасов, которые расположены в труднодоступных местностях, включая и шельф, то прорабатываются и меры, которые способствовали бы стимулированию процессов добычи. Причем для стимулирования добычи трудноизвлекаемого сырья на шельфе России был разработан не только новый налоговый режим шельфовых проектов, но было принято распоряжение Правительства РФ [10], в соответствии с которым предусмотрено категорирование проектов в зависимости от проницаемости коллекторов, а также определение пониженных ставок НДС. Для увеличения доли России на растущем рынке СПГ в настоящее время прорабатывается режим организации экспорта СПГ с более широким кругом компаний. Сегодня поддерживаются проекты строительства новых мощностей СПГ на Ямале, на Сахалине и в Приморском крае. Мерой, призванной способствовать активизации внутреннего рынка, является развитие биржевых торгов нефтью и газом.

В настоящее время экономика арктического региона представляет собой хозяйственный комплекс, целостную, территориальную хозяйственную систему, где ведущая роль принадлежит отраслям производственной специализации [11]. А комплексность региональной экономической системы предполагает наличие отраслей и видов деятельности обслуживающих и удовлетворяющих потребности базовых отраслей и населения, функционирование систем и объектов производственной, рыночной и социальной инфраструктуры [11].

Повышение уровня инновационного наполнения инвестиций может быть обеспечено, в том числе за счет изменений в налоговой политике, применения более гибких методов. Учитывая низкую рентабельность большинства проектов разработки шельфовых месторождений Арктики, представляется целесообразным на период освоения территории освободить компании от налога на землю и на имущество (логично считать кадастровую цену недвижимости неосвоенных участков равной нулю); освободить от НДС и таможенных пошлин ввозимое высокотехнологичное оборудование, а налоги на прибыль и добычу полезных ископаемых (НДПИ) дифференцировать по каждому крупному проекту в зависимости от сложности его реализации, тем самым, выравнивая норму доходности на инвестированный капитал [12]. В 2012 г. Правительством РФ утверждены меры по налоговому стимулированию работы на российском шельфе: новые морские месторождения будут освобождены от уплаты экспортных пошлин НДС будет взиматься в размере 5% от продажной цены. Льготы могут действовать до 15 лет с момента ввода скважин в промышленную эксплуатацию. Также проектам будут предоставляться нулевые ставки налога на имущество и НДС [12]. В качестве инвестиционного решения для разработки шельфовых месторождений выбран механизм привлечения к масштабным проектам частных иностранных компаний как соинвесторов путем создания совместных предприятий (СП), в том числе на основе проектного финансирования по схеме SPV (Special Purpose Vehicle – специально созданный проектный посредник) [13]. При нем возврат

инвестиций и получение дохода осуществляется из денежных потоков, генерируемых самим объектом, созданным в рамках проекта. Это позволяет получить технологическую поддержку, дополнительные объемы инвестиций у международных организаций на более привлекательных условиях, нежели корпоративные кредиты, т.е. привлекать значительные средства под низкий процент на длительные сроки, а также снизить риски для госкомпаний.

Так, для разработки Штокманского месторождения (запасы составляют 3.9 трлн м³ газа по категории С1, конденсата – 53.3 млн т по категориям С1-С2), лицензией на которое владеет ООО «Газпром нефть шельф» (на 100% принадлежит «Газпрому»), было создано совместное предприятие Shtokman Development AG, акционерами которого являлись «Газпром» (51%), Total (25%) и Statoil (24%).

В феврале 2013 г. «Роснефть» получила для разработки пять участков шельфа в Баренцевом море, по три в Чукотском море и море Лаптевых и один в Карском море. Часть из них будет передана в российско-американское СП с участием Exxon Mobil. Россия также подписала базовые условия соглашения в отношении доли участия (25%) в нефтегазовом проекте Point Thomson на севере Аляски, оператором которого является Exxon Mobil [14].

Для нефтегазовых компаний одной из важнейших составляющих капитализации являются запасы сырья на их балансе. Поэтому компании стремятся приобрести лицензии на новые месторождения вне зависимости от наличия современных технологических решений. Например, согласно действующему Федеральному закону «О недрах» [15] разрабатывать российский шельф могут только компании с государственным участием свыше 50% и опытом работы на российском шельфе более 5 лет. Таким образом, правом разрабатывать российский шельф обладают «Газпром» и «Роснефть», которые заинтересованы в сохранении этой ситуации. Чтобы компания развивалась, ей необходимо усилить свое влияние за рубежом, привлечь иностранные инвестиции и получить доступ к новейшим технологиям геологоразведки и добычи. Именно с этой целью в октябре 2012 г. «Роснефть» сделала официальное предложение BP о покупке у ТНК-BP 50%-й доли за 28 млрд долл. США, рассчитывая, что после завершения сделки капитализация «Роснефти» может превысить 100 млрд долл. США.

Современный потенциал экономического развития северных территорий и Арктики на долгие годы стратегический период развития определяется крупнейшими предприятиями горнопромышленного комплекса. Добывающая промышленность останется ведущим фактором и на долгосрочную перспективу. Она будет продолжать оказывать влияние на социально-экономическое развитие общества территорий Крайнего Севера и Арктики, а с открытием крупных месторождений углеводородов на шельфе даст возможность полного удовлетворения потребностей арктических территорий в топливе, передаче его в центральные районы страны и на экспорт.

Выводы

В настоящее время арктическое направление ставится государством на главную позицию. Оно является стратегически важным проектом страны и на ближайшую перспективу. Мурманская область имеет серьезные предпосылки стать центром развития проектов освоения арктических пространств. Причем при повышении уровня инновационного наполнения инвестиций, которые являются фактором, определяющим темпы экономического роста, может быть обеспечено, в том числе за счет изменений в налоговой политике, применения более гибких методов. Полагаем, что в совокупности ресурсный потенциал не только Мурманской области, но и всей арктической территории в долгосрочной перспективе сможет стимулировать интенсивное развитие Арктической зоны Российской Федерации. Реализация принципа устойчивого развития особенно важна при переходе от консервации природных ресурсов к активному природопользованию в Арктике. Поэтому современной стратегической задачей является не только экономический рост, но и его качество. Кроме того, при этом должны учитываться возможные риски, прогнозироваться последствия принимаемых решений.

И поскольку современные технологии рентабельны только при существенном масштабе производства и ориентированности на высокий спрос, построению новой экономики с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой может способствовать реализация масштабного проекта на основе не только межотраслевой, но и международной кооперации, такого как освоение шельфа Арктики и развитие территории Арктической зоны Российской Федерации.

Литература

1. Мурманская область в XXI веке: тенденции, факторы и проблемы социально-экономического развития. Апатиты: Изд. КНЦ РАН. 2009. С.108.
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»

[Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 № 366. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162195/

3. Башмакова Е.П. Концептуальные подходы к формированию модели развития Российского Севера и Арктики // Север и рынок. 2012. № 1. С. 88.
4. Прогноз развития энергетики РФ и мира. Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/prognoz2040.pdf>
5. Победоносцева В.В., Победоносцева Г.М. Инвестиции в развитие территории Арктической зоны // Север и рынок. 2014. № 4. С. 63.
6. Пилясов А.Н. Стратегия развития Арктической зоны России на период до 2020 года.
7. Селин В.С. Селин И.В. Современная индустриализация в России и проблемы развития редкометальной отрасли // Север и рынок. 2014. № 3. С. 66.
8. Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО, 2009. С. 50.
9. Победоносцева Г.М., Победоносцева В.В. Социально-экономическое развитие регионов Севера при реализации нефтегазовых инвестиционных проектов // Научное обозрение. 2014. № 8. С. 402.
10. О стимулировании реализации новых инвестиционных проектов по разработке участков недр, содержащих запасы трудноизвлекаемой нефти [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 мая 2012 года № 700-р // Гарант: офиц. сайт компании. Режим доступа: <http://www.minenergo.gov.ru/upload/iblock/371/3714b707fe0d714106872020b3de1949.doc>
11. Куранов Ю.Ф. Специализация и диверсификация хозяйственной деятельности в северных регионах // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Русский Север в геополитическом пространстве: состояние и перспективы». Мурманск: МГТУ. 2012. С. 88.
12. Победоносцева В.В., Победоносцева Г.М. Экономическая политика и организационно-экономические вопросы управления инвестициями в энергетическом комплексе // Социум и власть. 2012. № 4 (36). С. 94-97.
13. Путин В. Двери на шельф открыты для всех [Электронный ресурс] // РБК: сайт. Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/24/05/2012/652004.html>
14. ExxonMobil получит семь из 12 участков «Роснефти» на шельфе [Электронный ресурс] // Ведомости – ежедневн. деловая газ.: сайт. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/9054061/>
15. О недрах [Электронный ресурс]: закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 30.12.2012) // «Консультант Плюс»: офиц. сайт компании. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/nedr/>

References

1. Murmansk region in the XXI Century: Trends, factors and problems of socio-economic development. Apatity: Izd Kola Science Centre RAS, 2009. S.108.
2. On approval of the state program of the Russian Federation "Socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation until 2020" [electronic resource]: Government Decree of 21.04.2014 № 366 // Consultant Plus: official. the company's website. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162195/
3. Bashmakova E.P. Conceptual approaches to the formation of a model of development of the Russian North and the Arctic // North and rynok. 2012. № 1. P. 88.
4. Forecast of Energy of Russia and the world. Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/prognoz2040.pdf>
5. Pobedonostev V.V., Pobedonostev G.M. Investing in the territory of the Arctic zone // North and rynok. 2014. № 4. P. 63.
6. Pilyasov A.N. The development strategy of the Arctic zone of Russia for the period up to 2020.
7. Seline V.S., Seline I.V. Modern industrialization in Russia and problems of the rare metal industry // North and rynok. 2014. № 3. P.66.
8. Russia and the World: 2010. Ekonomika and foreign policy. Annual forecast. M.: IWEIR, 2009. P. 50.
9. Pobedonosteva G.M., Pobedonosteva V.V. Socio-economic development of the northern regions in the implementation of the oil and gas investment projects // Scientific obozrenie. 2014. № 8. S. 402.
10. On stimulating new investment projects for the development of subsoil containing scavenger oil reserves [electronic resource]: the disposal of the Government of the Russian Federation dated May 3, 2012 № 700-r // guarantee: ofits.sayt company. URL: <http://www.minenergo.gov.ru/upload/iblock/371/3714b707fe0d714106872020b3de1949.doc>
11. Kuranov Y.F. Specialization and diversification of economic activities in the northern regions // Collection of Materials of All-Russian scientific-practical conference "Russian North in the geopolitical space: Status and Prospects". Murmansk. Bauman. P. 88.

12. Pobedonosteva V.V., Pobedonosteva G.M. Economic policyorganizational and economic issues of the Investment Management in the energy sector // Social and power. 2012. № 4 (36). P. 94-97.
13. Putin: Doors open on the shelf for all [electronic resource] // RBC: website. URL: <http://top.rbc.ru/economics/24/05/2012/652004.html>
14. Exxon Mobil received seven of the 12 areas of "Rosneft" on the shelf [electronic resource] // Sheets – Everyday. business gas.: site. URL: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/9054061/>
15. On Subsoil [electronic resource]: the law of the Russian Federation of 21.02.1992 № 2395-1 (ed. from 30.12.2012) // Consultant: official. the company's website. URL: <http://www.consultant.ru/popular/nedr/>

УДК332.14:339.562(470.61)

ВЕКТОР ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Е.В.Родионова,

ассистент кафедры экономики и финансов Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, аспирант кафедры мировой и региональной экономики Волгоградского государственного университета

Е.А.Шкарупа,

канд. эконом. наук, доцент кафедры теории финансов, кредита и налогообложения Волгоградского государственного университета

Г.И. Старокожева,

канд. эконом. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Волгоградского государственного университета

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы зависимости экономики Российской Федерации от импортных поставок продукции и товаров. На примере одного из субъектов Федерации – Ростовской области – подробно рассматривается современное состояние региональной экономики и возможности скорейшей трансформации региональной экономической политики с целью замещения существующих импортных поставок. Для этого в исследовании применяются методы экономического анализа. Установлены инструменты и механизмы импортозамещения, которые могут быть применены для условий Юга России. Информационную базу исследования составили статистические и аналитические материалы региональных органов власти. Работа адресована экономистам, специалистам органов регионального и местного управления, представителям предприятий реального сектора экономики.

Ключевые слова: Россия, Ростовская область, импортозамещение, инструменты и механизмы импортозамещения

THE IMPORT SUBSTITUTION VECTOR IN THE RUSSIAN REGIONAL ECONOMIC POLICY

I.V.Rodionova,

Lecturer, Department of Economics and Finances of Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD student, Department of Global and Regional Economics, Volgograd State University

E.A.Shkarupa,

PhD. (Economics), Associate Professor, Department of Finance Theory, Credit and Tax Management, Volgograd State University

G.I.Starokozheva,

PhD. (Economics), Associate Professor, Department of State and Municipal management, Volgograd State University

Abstract. The article is devoted to the study of Russian Federation's dependence on foreign imports of commodities. Using the case study of one of the Federation regions - the Rostov Oblast - the present condition of the regional economy and the potentialities of rapid transformation of the regional economic policy for substituting the

existing import deliveries are examined in details. For this, methods of economic analysis were applied. Mechanisms and procedures for import substitutions to be applied in the Russian South are identified. The research information is based on analytical and statistical materials of the regional authorities. The paper is addressed to economists, specialists of local and regional authorities, representatives of enterprises in the real economy.

Keywords: Russia, Rostov Oblast, import substitution, mechanisms and procedures for import substitution.

Из факторов экономического роста наиболее существенными являются, пожалуй, два: структурные сдвиги в экономике и неравномерное наращивание внутренней эффективности предприятий. Если структурные сдвиги имеют место, то экономике очень сложно скатиться в рецессию. Структурные сдвиги сопровождаются усиленным ростом одних секторов хозяйства и стагнацией или падением других. Однако, в силу специфики хозяйственного поведения растущие сектора в своих темпах опережают по модулю сектора падающие. В России на протяжении всего посткризисного периода структурные сдвиги не прекращались.

Сначала Правительство РФ усилило денежный поток в системообразующие компании, что привело к посткризисному восстановлению целых секторов [1]. Затем была подготовка к саммиту АТЭС и зимней Олимпиаде, что усилило неравномерный рост региональных экономик: старопромышленные чувствовали себя плохо, а регионы, получившие финансирование, прежде всего, южные, укреплялись. Поддержка сельского хозяйства, какой бы она ни была по качеству, стимулировала рост и сельского хозяйства, и пищевой отрасли. Все эти не вполне системные, но постоянные импульсы вызывали непрерывные структурные сдвиги.

Одновременно действовал и второй фактор. Под прессингом слабого спроса и явного дефицита дешевого капитала очень многие компании сосредоточились на росте внутренней эффективности. За прошедшие пять лет производительность лучших российских компаний увеличилась в разы [2].

Наблюдаемое в последнее время замедление темпов роста импорта в Россию, в том числе связанное и с ответным введением экономических санкций, является результатом целевой экономической политики государства по поддержке внутреннего производителя и внедрению механизмов импортозамещения. В марте 2014 г. Председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев обозначил импортозамещение как один из приоритетов для России. Потенциал страны позволяет производить самостоятельно большой спектр товаров. Россия стремится проводить активную политику импортозамещения в соответствии с нормами ВТО и обязательствами перед партнерами по Евразийскому экономическому союзу. Однако поддержка импортозамещения будет осуществляться только в тех направлениях, где это перспективно, где российские производители могут и должны быть конкурентоспособными.

Программы импортозамещения эффективны в тех отраслях реального сектора экономики, где у России имеются очевидные конкурентные преимущества, такие как доступное сырье, большой внутренний рынок, многолетние традиции и опыт. Цель – не закрытие внутреннего рынка и консервация отсталости, а создание конкурентоспособных новых производств, выпускающих качественные и востребованные потребительские товары. В настоящее время имеет место долгосрочная позитивная тенденция импортозамещения [3].

Быстрое импортозамещение возможно, в первую очередь, в сельском хозяйстве региона, где промышленные и перерабатывающие мощности строятся достаточно быстро [4]. Второй уровень – это производство промышленных товаров народного потребления, где продукция несет элементы крупной обработки [5].

Ростовская область, входящая в состав Южного федерального округа (ЮФО), считается старопромышленным регионом, в общем объеме импорта которого агропродовольственная продукция занимает 10% от всего импорта региона. Из стран Дальнего Зарубежья поставляется 77% от этого объема, еще 23% приходится на страны СНГ. Доля импорта в продовольственном сегменте в сетевых магазинах Ростовской области оценивается не выше 20%, а в крупнейшей региональной сети «Магнит» – до 10%. Достаточно емкий потенциал импортозамещения есть в целом ряде секторов сельского хозяйства, в частности, в производстве говядины и свинины (правда, в меньшей степени), плодоовощной продукции, рыбы и других товарных групп. Самая уязвимая товарная ниша, нуждающаяся в импортозамещении – производство мясной продукции, сыров, сливочного масла, овощей закрытого грунта и фруктов.

По объему отгруженной промышленной продукции (работ и услуг) в 2013 г. Ростовская область являлась лидером среди субъектов ЮФО. В сравнении с остальными субъектами Российской

Федерации занимает 20-е место, обеспечивая 1.6% ВВП. В частности, по объему отгруженной промышленной продукции (работ и услуг) в обрабатывающих производствах Ростовская область занимает 15-е место, формируя практически 2% в значении показателя в целом по Российской Федерации, в производстве электроэнергии, газа и воды – 15-е место и 2% по стране. Доминирующими отраслями региональной экономики являются пищевая промышленность (20.9%), машиностроение (15.3%), металлургия (13.0%), производство электроэнергии (10.8%), нефтепереработка (9.4%), которые в совокупности обеспечивают около 70% объема отгруженной промышленной продукции Ростовской области. Отраслями специализации как на локальном уровне субъектов ЮФО, так и на уровне РФ являются машиностроение, производство электроэнергии и легкая промышленность, причем легкая промышленность обладает наибольшим коэффициентом концентрации.

Промышленный сектор Ростовской области, несмотря на некоторое замедление динамики, по итогам 2013 г. продемонстрировал рост производства на уровне 104.4% по сравнению с 2012 г., что превышает среднероссийский показатель на 4.1% (100.3%). Объемы производства в 2013 г. увеличились во всех трех основных секторах промышленности: в обрабатывающих производствах – на 4.2%; в добыче полезных ископаемых – на 5.8%; в инфраструктурном секторе – на 5.1%.

Ростовская область относится к группе субъектов Российской Федерации с развитыми индустриальным и агропромышленным комплексами. Доля агропромышленного комплекса (АПК) Ростовской области – 4.3% в валовой продукции сельского хозяйства страны. Результат работы донского аграрного сектора в 2013 г. – это практически 19.0% в общем объеме ВРП. В общероссийском объеме производства зерна удельный вес Ростовской области в 2013 году составил 7% (3-е место в РФ), подсолнечника – 8% (5-е место), овощей – 4% (5-е место). В сфере животноводства область находится в первой десятке ведущих регионов страны и занимает по производству яиц 2-е место в РФ и 1-е место в ЮФО; молока – 5-е место в РФ и 2-е место по ЮФО; мяса – 8-е и 2-е место соответственно. Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур превысил в 2013 г. 6.7 млн т, что больше уровня 2012 г. более чем на 413 тыс. т. Намолочено семян подсолнечника 814.2 тыс. т (100.8% к уровню 2012 г.), но собрано на 10.0% меньше овощей открытого грунта (605.1 тыс. т) и картофеля (360.6 тыс. т). По итогам 2013 г. в Ростовской области производство молока составило 1078.6 тыс. т – на уровне 2012 года; яиц – 1889.4 млн шт., что на 6.0% превысило показатели 2012 г.; мяса – 300.2 тыс. т (84.8% к уровню 2012 г.). Кроме того, увеличено производство муки на 12.5%, крупы – на 30.7%, масла сливочного – на 85.9%, колбасных изделий – на 3.8%, масла подсолнечного нерафинированного – на 1.9%. В пищевой и перерабатывающей промышленности, по отношению к 2012 г. несколько снизилось производство мяса птицы (на 47.6%), плодоовощных консервов (на 29.1%), цельномолочной продукции (на 2.3%). Среднемесячная заработная плата в крупных и средних сельскохозяйственных организациях в 2013 г. выросла на 12.0% по сравнению с 2012 г., составив 16 778 руб. Рентабельность сельскохозяйственных организаций по итогам 2013 г. с учетом субсидий составила 6.2%.

На реализацию всех направлений Государственной программы Ростовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» в 2013 г. получателям поддержки направлено 8.7 млрд руб. (в т.ч. из федерального бюджета – 6.5 млрд руб., из областного – 2.2 млрд руб.). Из них на развитие животноводства – 0.9 млрд руб.; растениеводства – 2.5 млрд руб.; на возмещение процентных ставок по кредитам – 3.6 млрд руб.; на социальное развитие села – 1 млрд руб. Государственная поддержка предоставлена 9354 сельскохозяйственным товаропроизводителям по 61 направлению. Рост инвестиций в АПК области в 2013 г. составил 101.2% к уровню 2012 г. В результате реализации инвестиционных проектов создано 1300 новых рабочих мест, просубсидировано 3.1 млрд руб. инвестиционных кредитов.

Ростовская область является активным участником внешнеэкономической деятельности (ВЭД), на которую приходится 32.8% от общего объема внешнеторгового оборота субъектов ЮФО (2-е место). По итогам 2013 г. внешнеторговый оборот Ростовской области составил 9852 млн долл. США, в том числе экспорт – 5435 млн долл. США (55.2%) и импорт – 4417 млн долл. США (44.8%). Положительное сальдо внешнеторгового оборота составило 1018 млн долл. США. Основу экспорта Ростовской области составляют продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 48.0%; минеральные продукты – 29.8%; металлы и изделия из них – 10.5%; машины, оборудование и транспортные средства – 8.4%. В товарной структуре импорта преобладают: машины, оборудование и транспортные средства – 37.7% от общего объема импорта; металлы и изделия из них – 20.3%, продукция химической промышленности – 1.3%. Выделенные товарные позиции относятся к сферам промышленности и сельского хозяйства (рисунки).

В целях активизации развития внешнеэкономической деятельности в начале 2013 г. было подписано соглашение между Министерством экономического развития РФ (МЭР РФ) и Правительством Ростовской области о взаимодействии во внешнеэкономической сфере, цель которого – объединение усилий по реализации конкретных экспортных проектов компаний, привлечению иностранных инвесторов к реализации проектов на территории региона путем активного взаимодействия с торговыми представительствами РФ за рубежом. Механизм реализации соглашения предусматривает подготовку «паспортов» экспортных проектов компаний Ростовской области и заявок на привлечение иностранных инвестиций в конкретные проекты регионов. Оформленные «паспорта» будут направляться в МЭР РФ, где будет проводиться их экспертная оценка и приниматься решение об утверждении и реализации инвестиционного или экспортного проекта. На торговые представительства РФ за рубежом возложена задача по поиску потенциальных партнеров и инвесторов и распространению информации об инвестиционном потенциале региона. Кроме того, в рамках соглашения предусмотрена возможность проведения за рубежом презентаций потенциала региона.

Основные статьи импорта Ростовской области в 2012 г. (млн долл. США)

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2013: стат. сб. М.: Росстат, 2014.

В условиях сложившейся экономической ситуации и формирования установок на импортозамещение промышленной и сельскохозяйственной продукции необходима выработка основных механизмов, направленных на стимулирование отечественного производства. Учитывая структуру баланса производства и потребления в сельскохозяйственной сфере Ростовской области, приоритетными направлениями поддержки должны стать проекты, связанные с массовым тепличным производством, производством молока, выращиванием крупного рогатого скота. При этом необходимо иметь в виду, что Ростовская область не обеспечивает себя полностью мясом и мясопродуктами, молочной продукцией, картофелем, фруктами, ягодами (таблица). Поэтому инвестиционное развитие региона должно не только базироваться на использовании его сравнительных преимуществ, но и ориентироваться на достаточно емкий внутренний рынок.

Основой инвестиционного роста в Ростовской области является развитие машиностроения, пищевой и легкой промышленности, металлургии, химической промышленности, промышленности строительных материалов и агропромышленного комплекса. В то же время большой объем экспорта в данной сфере, в том числе по демпинговым ценам, оказывает на приоритетные отрасли региона негативное воздействие, снижая их инвестиционную привлекательность. Так, например, современный АПК области не обеспечивает в настоящее время продовольственную безопасность региона, в особенности, продуктами животноводства. Аналогичная ситуация – с товарами народного потребления. Ориентация на насыщение внутреннего рынка товарами собственного производства – это наиболее эффективный путь развития промышленного комплекса области.

Баланс использования основных продуктов питания в Ростовской области в 2012 г.

Продукты	Производство	Потребление	Достаточность собственного производства (+)
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо), тыс. т	265.1	196.8	-68.3
Молоко и молокопродукты, тыс. т	1078.9	1220.7	-141.8
Яйца и яйцепродукты, млн шт.	1782.9	1431.6	+351.3
Картофель, тыс. т	400.9	488.0	-87.1
Овощи и продовольственные бахчевые культуры, тыс. т	716.5	638.9	+77.6
Фрукты и ягоды, тыс. т	129.1	372.7	-243.6

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. М.: Росстат. 2014; Социально-экономическое положение Южного федерального округа в январе-декабре 2012 года: Информационно-аналитические материалы. Ростов-на-Дону: Ростовстат. 2013; Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2012 году. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013.

Опережающее развитие ключевых отраслей является основным источником спроса на инновационные технологии, отечественные научные разработки и, в конечном итоге, обеспечивает рост благосостояния населения. К сожалению, для большинства важнейших отраслей, в том числе машиностроения, характерен постепенный переход на «отверточное производство». Одной из причин этого является отсутствие эффективных мер государственного стимулирования замещения импортируемых промышленных товаров товарами национального производства. В августе 2014 г. в Ростовской области была разработана «дорожная карта»? «Поддержка предприятий Ростовской области, производящих импортозамещающую продукцию». В рамках ее реализации будет определен перечень продукции, импортируемой на территорию Ростовской области, на основании которого планируется сформировать реестр организаций области, производящих импортозамещающую продукцию, а также организаций, имеющих потенциальные возможности для ее производства.

В 2015 г. необходимо разработать научно обоснованную Концепцию импортозамещения в Ростовской области. По итогам разработки данной концепции мероприятия по импортозамещению должны быть заложены практически во всех областных программах развития конкретных отраслей и сфер экономической деятельности. Приоритетными инструментами механизма импортозамещения в сельском хозяйстве региона в первую очередь должны стать:

1) внесение изменений в ФЦП «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» и увеличение финансирования на ее реализацию;

2) организация на регулярной основе для донских товаропроизводителей закупочных сессий с крупнейшими федеральными ритейлерами как мощный стимул расширить присутствие донских товаропроизводителей не только в пределах Ростовской области, но и за ее пределами;

3) увеличение федеральных средств на субсидирование процентной ставки сельхозтоваропроизводителям по кредитам. Речь идет о средствах, полученных на реализацию инвестиционных проектов в сфере развития агропромышленного комплекса и рыбного хозяйства, краткосрочных кредитах в сфере развития животноводства, а также на поддержку сельхозтоваропроизводителей в области растениеводства на проведение комплекса агротехнологических работ.

Развитие собственного производства и рациональное сочетание его объемов с импортом во многом зависят от внешнеторговых отношений. Мясной рынок в Ростовской области в течение многих лет характеризуется противоречивыми показателями, недостаточным объемом воспроизводства животноводческой продукции, и, как следствие, нехваткой собственных ресурсов для удовлетворения потребностей населения в мясе и мясных продуктах. В целях дальнейшего развития процесса импортозамещения предлагается нижеследующее:

4) принятие конкретных мер в отношении импортной ориентации зарубежных партнеров, связанной с закупками по импорту сельскохозяйственного сырья, что снижает возможность организации эффективного аграрного производства на территории России и тормозит процесс инвестирования в российский АПК [4];

- 5) организация современных высокотехнологичных производств на основе применения инновационных ресурсосберегающих технологий;
- 6) обеспечение профилактики потерь поголовья;
- 7) введение гибкой системы таможенных пошлин и квот;
- 8) создание системы целевых госзакупок и гарантированного государственного заказа на мясную продукцию;
- 9) обеспечение законодательной защиты от нелегального ввоза мяса и мясопродуктов;
- 10) рассмотрение возможности отмены налога на добавленную стоимость на комбикорма, витамины, белковые добавки, незаменимые аминокислоты, и другие ингредиенты, используемые в приготовлении кормов для животных [6];
- 11) введение льготного режима оплаты всех видов топливно-энергетических ресурсов, снижение тарифов на перевозки мясной продукции;
- 12) создание Агропромышленного парка «Дон», призванного решить важнейшие проблемы организации сельского хозяйства в регионе – нехватку перерабатывающих мощностей, современных площадей по хранению сельхозпродукции и сбытовых площадок; появление таких возможностей под одной «крышей» должно дать стимул для развития небольших хозяйств, при этом потенциальный рынок сбыта продукции далеко не будет ограничиваться Ростовской областью [7];
- 13) увеличение объема несвязанной поддержки в растениеводстве и упрощение процедуры ее предоставления, в том числе для того, чтобы погектарные субсидии не попадали в «желтую корзину» ВТО. В некоторых субъектах области ее выплата привязана к производству текущего года или конкретным культурам, что переводит погектарную поддержку в «желтую корзину». Если же исключить эту привязку, то данная мера будет соответствовать «зеленой корзине», а значит, она не подлежит ограничению;
- 14) включение в госпрограмму несвязанной поддержки доходов в животноводстве. Эта мера при соблюдении условий относится к «зеленой корзине» в рамках правил ВТО и не подлежит ограничению. К ней можно отнести компенсацию стоимости кормов на 1 кг произведенной товарной продукции, субсидии на краткосрочные кредиты в животноводстве, поддержку овцеводства, коневодства;
- 15) выделение в рамках госпрограммы отдельной подпрограммы по развитию молочного животноводства по аналогии с мясным скотоводством для стабилизации производственных показателей в этом направлении;
- 16) стимулирование технического и технологического перевооружения АПК посредством предоставления субсидий на возмещение затрат по приобретению техники в размере 35% от стоимости. В этом случае следует исключить из субсидирования инвестиционных кредитов кредиты, привлеченные на технику;
- 17) развитие оптово-логистических центров, решение вопросов обеспечения инженерной и транспортной инфраструктурой, фитосанитарного и ветеринарного контроля, автоматизированных информационных систем для создания эффективных каналов сбыта. Это обеспечит конкурентное и справедливое ценообразование, повысит рентабельность предпринимательской деятельности в аграрном секторе, а также создаст условия для импортозамещения за счет межрегионального перераспределения потоков сельхозпродукции.

Инструментами механизма импортозамещения в промышленности региона должно стать:

- 1) создание регионального фонда развития промышленности. Одна из основных задач этого нового фонда – выдача займов на этапе предбанковского финансирования промышленных предприятий, однако действие промышленной политики не должно сводиться только к финансовой поддержке предприятий и предоставлению различных налоговых льгот, так как это может привести к потере конкурентных преимуществ другими участниками рынка, не являющимися реципиентами данной помощи;
- 2) поддержка базовых отраслей промышленности, что должно быть отражено в региональном законе о промышленной политике, где должно быть прописано, какие отрасли власти региона рассматривает как базовые и будет их стимулировать к развитию;
- 3) создание электронной площадки для обеспечения взаимодействия представителей крупного, среднего и малого бизнеса в Ростовской области, например, на базе Торгово-промышленной палаты;
- 4) развитие бизнес-кооперации;
- 5) внедрение инструментов проектного финансирования в промышленности;

6) стимулирование внутреннего спроса как основы роста региональной промышленности;

7) возмещение промышленным предприятиям из федерального бюджета затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, инженерную подготовку строительных площадок, подключение к коммуникациям, повышение квалификации, переподготовку и стажировку кадров в сфере импортозамещающего производства;

8) упрощение процедур согласования на подведение инженерных коммуникаций к земельным участкам, где планируется размещать импортозамещающее производство;

9) субсидирование тарифов на технологическое присоединение, снижение нормативов резервирования при предоставлении кредитов банками с государственным участием, упрощение процедуры предоставления государственных гарантий по кредитам, привлекаемым российским бизнесом для создания импортозамещающих производств;

10) субсидирование за счет средств федерального бюджета процентных ставок по кредитам, полученным на приобретение высокотехнологичного оборудования, модернизацию производства, освоение импортозамещающих технологий и способов производства и часть лизинговых платежей по договорам лизинга высокотехнологичного оборудования для организации импортозамещающих производств;

11) внесение изменений в действующее законодательство Российской Федерации в части возможности выкупа по ставке не более 12% от кадастровой стоимости земельных участков, находящихся в государственной собственности, на которых построены производственные объекты;

12) создание региональных отраслевых фондов, из которых будут финансироваться опытно-конструкторские работы, а научно-исследовательские работы будут выполняться за бюджетные средства, что не противоречит требованиям со стороны Всемирной Торговой Организации;

13) организация инновационных малых предприятий по производству импортозамещающей продукции на незадействованных площадях промышленных предприятий Ростовской области;

14) внесение изменений в ФЦП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности и увеличения финансирования на ее реализацию. Повышение конкурентоспособности продукции региональных предприятий также связано с решением двух основных проблем: организация помощи в реализации инвестиционных проектов, направленных на выпуск импортозамещающей продукции, в том числе, облегчение доступа к кредитным ресурсам и удешевление их стоимости; содействие в продвижении продукции, развитие инфраструктуры продвижения местных товаров на рынки, лоббирование интересов донских товаропроизводителей.

Также изменения потребуются в законодательстве о государственных закупках: следует установить приоритет закупки продукции для государственных и муниципальных нужд у российских организаций, осуществляющих производство импортозамещающей продукции.

В числе прочих действий по реализации политики импортозамещения предлагается нижеследующее:

1) развитие инфраструктуры продвижения импортозамещающих товаров на внутреннем и внешнем рынках: создание системы мониторинга доли продаж продукции ростовских товаропроизводителей на территории области, в рамках региональной статистики; развитие и создание под патронажем Правительства Ростовской области фирменных магазинов; организация семинаров-совещаний, рабочих встреч ростовских товаропроизводителей с представителями торговли и бизнеса для улучшения взаимодействия с целью продвижения продукции местного производства в городах и районах области; развитие выставочно-ярмарочной деятельности.

2) развитие информационно-рекламной деятельности: создание и наполнение специального раздела или баннера на Интернет-портале Правительства Ростовской области информацией об основной импортозамещающей продукции и ее производителях на территории области; организация информационных мероприятий в средствах массовой информации по пропаганде достижений в освоении и расширении производства импортозамещающей продукции; разработка и реализация Концепции по формированию и продвижению основных составляющих бренда региона на российском и международном рынках;

3) активное привлечение предприятий области для участия в конкурсе по выполнению государственных закупок, что предполагает следующие меры организационного характера: повышение информированности предприятий-производителей области о проведении конкурсов и аукционов для поставки продукции в рамках государственных закупок; улучшение информационной доступности по проведению конкурсов и аукционов на федеральном и региональных уровнях (субъекты Российской Федерации) путем организации соответствующих Интернет-ссылок на сайте

Управления по регулированию тарифов, энергосбережению и размещению государственного заказа Ростовской области.

4) повышение уровня профессиональной подготовки. В целях развития конкурентных преимуществ импортозамещающей продукции и сопутствующих услуг предприятий и организаций Ростовской области подготовка и повышение квалификации менеджеров высшего и среднего звена является особенно актуальной в новых условиях хозяйствования. Основные направления работы: организация переподготовки специалистов, имеющих большой опыт практической работы на промышленных предприятиях, обучение их работе в новых экономических условиях (маркетинг, реклама, иностранный язык, оформление зарубежных контрактов и пр.); организация программы повышения квалификации руководителей предприятий в области маркетинга с акцентированием внимания на изучении составления годовых маркетинговых планов предприятий, создании и развитии системы клиенто-ориентированных маркетинговых служб на предприятиях, направленных на освоение новой, востребованной на рынке продукции, оказании сервисного сопровождения и мониторинга; финансовая поддержка предприятий малого и среднего бизнеса, производящих импортозамещающую продукцию, на субсидирование части затрат, связанных с оплатой обучения в рамках плана подготовки управленческих кадров;

5) стимулирование технического перевооружения, модернизации производства и внедрения инноваций на промышленных предприятиях области;

6) стимулирование создания и развития малых и средних предприятий по производству импортозамещающей продукции.

7) компенсация части затрат за счет бюджета региона на сертификацию импортозамещающей продукции, компенсация части затрат за счет бюджета Ростовской области на внедрение систем качества на предприятиях, занимающихся выпуском импортозамещающей продукции.

Для стимулирования замещения импорта российскими товарами должны активно применяться, в частности, таможенно-тарифное (пошлины) и нетарифное (квоты, лицензирование ввоза) регулирование, субсидирование и другие виды господдержки производств. Таможенно-импортное регулирование во многих отраслях является большой проблемой. Так, по мнению вице-президента Российского союза предпринимателей текстильной и легкой промышленности В. Гущина, в текстильной отрасли «главный враг» производства – это «серый» импорт, контрафакт и использование «кривых» расчетов через оффшорные компании за поставки товаров. Не столько заниженные пошлины, сколько уход от уплаты НДС поставщиками импорта в текстильной отрасли создает для них основные конкурентные преимущества. Кроме того, во многих отраслях пошлины на ввоз комплектующих превышают пошлины на ввоз готовой продукции. Вывод рынка из тени и обнуление таможенных пошлин на сырье будут способствовать росту объемов производства внутри страны.

Таким образом, чтобы стать реальностью, курс на импортозамещение требует дополнительных действий как на региональном, так и на федеральном уровнях. Удастся ли создать условия для укрепления отечественного производителя на своих рынках? По крайней мере, у Правительства РФ есть явное намерение плотно заниматься этой проблемой. Так, в октябре 2014 г. премьер-министр Дмитрий Медведев утвердил «дорожную карту» по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014-2015 гг., подготовленную Министерством сельского хозяйства РФ. «Дорожная карта» включает комплекс мероприятий, направленных на достижение показателей импортозамещения, установленных в «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы» и Государственной программе «Развитие рыбохозяйственного комплекса». Сам план мероприятий включает в себя совершенствование механизмов таможенно-тарифного регулирования импорта основных видов сельскохозяйственной, рыбной и другой продукции из водных биологических ресурсов с учетом членства России в ВТО и Таможенном союзе. Планируется создание государственной автоматизированной информационной системы в сфере обеспечения продовольственной безопасности России, уточнение перечня и методики расчета показателей, отражающих состояние продовольственной безопасности, актуализация рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевой продукции. В «дорожную карту» также включены мероприятия по повышению эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения и совершенствованию государственного ветеринарного и фитосанитарного контроля (надзора), в том числе по созданию государственной автоматизированной информационной системы раннего оповещения о случаях выявления опасных в ветеринарно-санитарном отношении товаров.

Реализация этой «дорожной карты» позволит, по мнению разработчиков, достичь к 2020 г. увеличения производства сельхозпродукции, сырья и продовольствия, снизить зависимость внутреннего продовольственного рынка от импортных поставок, %: мяса с 21.6 до 7.7, молока и молочной продукции – с 23.6 до 16.6, овощей – с 14.6 до 10.1 [8].

Кроме того, на федеральном уровне намерены создать единую информационную систему по вопросам продовольственной безопасности.

На региональном уровне работа ведется более конкретно и предметно. Так, правительство Ростовской области уже организует для крупных торговых сетей специальные закупочные сессии, на которых презентуется дополнительный потенциал местных поставщиков. На Кубани объявлено о подготовке новой краевой комплексной программы развития АПК, в которой будут увеличены объемы господдержки и, в частности, поставлены задачи довести в ближайшие годы площадь теплиц с нынешних 100 до 500 га, увеличить площадь садов, внедрить систему капельного орошения, построить 4-5 логистических центров. Ставропольский край представил Министерству сельского хозяйства РФ шесть программ «регионального сельскохозяйственного прорыва». В сфере АПК края прогнозируют 30% прироста за ближайшие два года, что по сравнению с замедляющимися темпами развития экономики в целом весьма значительно [9].

Сегодня производители как никогда заинтересованы в развитии собственных рынков – в связях, поставщиках, заказчиках, технологиях, персонале и во встраивании в различные технологические цепочки. По мнению авторов, именно южные регионы России, где промышленность и сельское хозяйство являются базовыми сферами деятельности, могут и должны воспользоваться возможностями, открывающимися в сфере импортозамещения. А государству и региональным правительствам необходимо грамотно и точно, на возвратной основе помогать производственному сектору, стимулировать спрос и внедрение инновационных технологий, выпуск новой качественной и высокоэффективной продукции.

Литература

1. Кузьмина М.И., Мерзликina Г.С. Как бы нам измениться? Концептуальные основы реструктуризации бизнеса // Креативная экономика. 2008. № 9. С. 22-26.
2. Гурова Т., Калянина Л., Обухова Е., Огородников Е., Полунин Ю., Яковенко Д. Пора доставать джокера // Эксперт. 2014. 22 сентября. № 39.
3. Привалов А. Об импортозамещении – для начала // Эксперт. 2014. 24 август. № 35.
4. Митрофанова И.В., Старокожева Г.И. Хозяйственный комплекс ЮФО в условиях ВТО: пути снижения отраслевых рисков // Региональная экономика. Юг России. 2013. № 1. С. 75-82.
5. Mitrofanova Inna V., Ivanov Nikolay P., Kotova Larissa A., Batmanova Victoria V., Shkarupa Ekaterina A. Agricultural Machinery in Russia: Risks and Prospects of the Development within the WTO // Pensee Journal. 2014. V. 76. Issue 9. Sep.
6. Митрофанова И.А., Тлисов А.Б. Потенциал модернизации налога на прибыль в современной России: экономико-управленческие аспекты: монография. Волгоград: Крутон, 2012.
7. Mitrofanova Inna V., Kuzmina Maria I., Tlison Azamat B., Shkarupa Ekaterina A., Batmanova Victoria V. Industrial business parks as an important tool of the development of the economic complex of South of Russia // Pensee Journal. 2014. V. 76. Issue 9. Sep. P. 346-354.
8. Правительство РФ планирует до 2020 г. снизить зависимость от импортных поставок. Электрон. текст. данные. Режим доступа: http://finance.rambler.ru/news/economics/151935650.html?utm_source=news&utm_content=finance&utm_medium=midcol&utm_campaign=cross_promo (дата обращения 9.10.2014).
9. Импортозамещение проступает // Эксперт Юг. 2014. 25 августа. № 31-35.

References

1. Kuz'mina M.I., Merzlikina G.S. Kak by nam izmenit'sya? Konceptual'nye osnovy restrukturizacii biznesa [How would we change our mind? Conceptual basis of business restructuring] // Kreativnaya ekonomika [Creative economy]. 2008. № 9. P. 22-26 (In Russ.).
2. Gurova T., Kalyanina L., Obuhova E., Ogorodnikov E., Polunin Y., Yakovenko D. Pora dostavat' dzhokera [Now it is time to use a trump card] // Ekspert [Expert]. 2014. № 39 (In Russ.).

3. Privalov A. Ob importozameshchenii – dlya nachala [On import substitution for the beginning] // Ekspert [Expert]. 2014. № 35 (In Russ.).
4. Mitrofanova I.V., Starokozheva G.I. Hozyajstvennyj kompleks YUFO v usloviyah VTO: puti snizheniya otraslevykh riskov [The function of multi-sectoral economy of the Southern Federal District of Russia in WTO conditions: ways for sectoral industry risks to reduce] // Regional'naya ekonomika. Yug Rossii [Regional economy. The South of Russia]. 2013. № 1. P. 75-82 (In Russ.).
5. Mitrofanova Inna V., Ivanov Nikolay P., Kotova Larissa A., Batmanova Victoria V., Shkarupa Ekaterina A. Agricultural Machinery in Russia: Risks and Prospects of the Development within the WTO // Pensee Journal. 2014. V. 76. Issue 9.
6. Mitrofanova I.A., Tlison A.B. Potencial modernizacii naloga na pribyl' v sovremennoj Rossii: ekonomiko-upravlencheskie aspekty [The modernization potential for the wage charges in Russia present time conditions: economy and management aspects]. Volgograd: Kruton, 2012.
7. Mitrofanova Inna V., Kuzmina Maria I., Tlison Azamat B., Shkarupa Ekaterina A., Batmanova Victoria V. Industrial business parks as an important tool of the development of the economic complex of South of Russia // Pensee Journal. 2014. V. 76. Issue 9. P. 346-354.
8. Pravitel'stvo RF planiruet do 2020 g. snizit' zavisimost' ot importnykh postavok. 8 oktyabrya 2014 goda [The Government of Russian Federation is planning to reduce import dependence until 2020. October 8, 2014]. IA «ITAR-TASS» [TASS Russian news agency]. URL: <http://www.itar-tass.com/> Also available at http://finance.rambler.ru/news/economics/151935650.html?utm_source=news&utm_content=finance&utm_medium=midcol&utm_campaign=cross_promo
9. Importozameshchenie prostupaet [The import substitution reveals] // Ekspert Yug [Expert. The South]. 2014. № 31-35 (In Russ.).

УДК330.322

ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО УЛУЧШЕНИЮ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.А.Серова

канд. эконом. наук, старший научный сотрудник

Е.Е.Емельянова

младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им.Г.П.Лузина КНЦ РАН, Апатиты

Аннотация. Проблемы привлечения инвестиций в российскую экономику остаются актуальными на протяжении многих лет, поэтому задачи формирования благоприятного инвестиционного климата и повышения инвестиционной привлекательности являются сегодня одним из приоритетных направлений деятельности Правительства РФ. В статье рассмотрены основные государственные проекты по улучшению предпринимательского и инвестиционного климата в российских регионах: национальная предпринимательская инициатива, региональный инвестиционный стандарт, национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. Сделан вывод, что разработка универсальных требований по формированию благоприятного инвестиционного климата является также крайне необходимой и на муниципальном уровне.

Ключевые слова: инвестиционная политика, инвестиционный климат, национальная предпринимательская инициатива, региональный инвестиционный стандарт, национальный рейтинг

PUBLIC POLICY INSTRUMENTS TO IMPROVE INVESTMENT CLIMATE IN THE RUSSIAN REGIONS

N.A.Serova

PhD (Economics), Senior Researcher

E.E.Emelyanova

Junior Researcher

G.P.Luzin Institute for Economic Studies, Apatity

Abstract. Problems of attracting investments into the Russian economy remain relevant for many years, so the problem of the formation of a favorable investment climate and increase the investment attractiveness are today one of

the priorities of the Government. The article describes the basic state projects to improve the business and investment climate in the Russian regions: the national entrepreneurial initiative, regional investment standards, national rating investment climate in the Russian regions. It is concluded that the development of the universal requirements for the formation of a favorable investment climate is also very necessary, and at the municipal level.

Keywords: investment policy, investment climate, the national business initiative, regional investment standards, national rating

Развитие инвестиционной деятельности и привлечение инвестиций на любой территории является одним из основополагающих факторов ее устойчивого социально-экономического развития [1, с.697-701; 2, с.2-10; 3, с.375-379]. В Российской Федерации государственная инвестиционная политика формируется Правительством и отражается в федеральной инвестиционной программе и бюджете. Основными нормативными документами, регулирующими инвестиционную деятельность, являются:

- Закон РСФСР от 26.06.1991г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (в ред. от 19.07.2011г.) определяет правовые, экономические и социальные условия инвестиционной деятельности.

- Федеральный Закон от 25.02.1999г. № 39 «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (в ред. от 28.12.2013г.) определяет правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, на территории Российской Федерации.

- Федеральный Закон от 29.11.2001 г. № 156 «Об инвестиционных фондах» (ред. от 23.07.2013 г.) регулирует отношения, связанные с привлечением денежных средств и другого имущества путем размещения акций или заключения договоров доверительного управления.

- Федеральный Закон от 09.07.1999 г. № 160 «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» определяет основные гарантии прав иностранных инвесторов на инвестиции и получаемые от них доходы и прибыль, условия предпринимательской деятельности иностранных инвесторов на территории Российской Федерации.

- Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39 «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 28.12.2013) регулирует отношения, возникающие при эмиссии и обращении эмиссионных ценных бумаг, а также особенности создания и деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг.

- Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208 «Об акционерных обществах» (действующая редакция от 01.01.2014) определяет порядок создания, реорганизации, ликвидации, правовое положение акционерных обществ, права и обязанности акционеров, а также обеспечивает защиту прав и интересов акционеров.

- Постановление Правительства РФ от 13.10.1995 г. № 1016 «О Комплексной программе стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации» (в ред. Постановления Правительства РФ от 27.12.1995 г. № 1294) определяет приоритеты федеральной инвестиционной программы; критерии отбора проектов, финансирование которых будет осуществляться с участием средств федерального бюджета; ориентиры для привлечения иностранных инвестиций; задачи по активизации участия регионов в привлечении отечественных и иностранных инвестиций и др.

Одной из основных задач инвестиционной политики наряду с повышением эффективности инвестиций и приоритетным развитием производств, имеющих стратегически важное значение для экономики, выступает формирование благоприятного инвестиционного климата и повышение инвестиционной привлекательности. В качестве основных направлений повышения привлекательности можно отметить разработку стратегических документов планирования, создание специализированных органов по поддержке инвестиционной деятельности, совершенствование законодательной базы в инвестиционной сфере и др.

В 2011 г. в рамках государственной инвестиционной политики по содействию субъектам РФ в улучшении предпринимательского и инвестиционного климата Правительством РФ было учреждено Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ). В настоящее время Агентство реализует несколько крупных проектов:

- национальная предпринимательская инициатива по улучшению инвестиционного климата, включающая в себя предложенные предпринимателями проекты, направленные на упрощение, удешевление и ускорение процедур по ведению бизнеса;

- стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (Стандарт 1.0) – ключевой проект по созданию благоприятных условий для ведения бизнеса в субъектах РФ, включающий 15 лучших региональных инвестиционных практик. В настоящее время идет разработка Стандарта деятельности органов местного самоуправления по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в муниципальном образовании (Стандарт 2.0);
- национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ (Рейтинг) – основной инструмент оценки результатов внедрения дорожных карт НПИ и регионального инвестиционного Стандарта.

В рамках Национальной предпринимательской инициативы по улучшению инвестиционного климата в 2012 г. Правительством РФ были утверждены «дорожные карты» – планы мероприятий по улучшению инвестиционного климата. Целевым показателем реализации «дорожных карт» Национальной предпринимательской инициативы является улучшение качества предпринимательской среды, позволяющее выйти на 20-е место рейтинга в 2018 г.

По итогам реализации дорожных карт рабочей группой Экономического совета при Президенте РФ были отмечены лучшие практики выполнения планов мероприятий. Например, по проекту «Оптимизация процедур регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» отменена обязанность налогоплательщиков по уведомлению налоговых органов об открытии или закрытии банковского счета. По проекту «Совершенствование таможенного администрирования» предприниматели освобождены от обязанности предоставлять в таможенные органы паспорта сделок на бумажных носителях. Кроме того, в 2014 г. АСИ был проведен опрос 1982 предпринимателей из 76 субъектов РФ для оценки эффективности реализуемых «дорожных карт» Национальной предпринимательской инициативы. По результатам опроса большое число респондентов отметили упрощение процедур, связанных с ведением бизнеса. Например, по таможенному регулированию 47% опрошенных оценили, что ввозить товары на территорию РФ стало легче и быстрее [4].

Другим крупным проектом по улучшению инвестиционного климата в субъектах РФ является «Стандарт деятельности органов власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата». Согласно его требованиям перед региональными властями стоят задачи разработки инвестиционной стратегии и создания инфраструктуры для размещения производственных объектов инвесторов (технопарков, бизнес-инкубаторов). Стандарт также предусматривает создание Совета по улучшению инвестиционного климата, специализированной структуры, обеспечивающей режим «одного окна» для инвесторов, двуязычного интернет-портала, обеспечивающего наглядное представление об инвестиционных возможностях и инфраструктуры, а также каналы прямой связи бизнеса и высшего руководства региона (рис.1).

Опыт внедрения Стандарта в 11 пилотных регионах (Пермский край, Свердловская, Калужская, Челябинская, Липецкая, Ульяновская, Астраханская, Белгородская и Ярославская области, республики Татарстан и Башкортостан) показал, что он является действенным инструментом для повышения инвестиционной привлекательности. Так, приток инвестиций после его внедрения увеличился на 5-7%, реализация инвестиционных проектов на 10%, а количество вновь созданных рабочих мест по инвестиционным проектам составило более 25 тыс. [5].

Поэтому с 2013 г. наличие основных положений Стандарта Указом Президента РФ вошло в оценку эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ по созданию благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности и в связи с этим к процессу внедрения Стандарта присоединились все субъекты РФ. На сегодняшний день в 48 из них он внедрен полностью. Различная интенсивность внедрения Стандарта обусловлена как активностью региональных властей, так и вопросами бюджетной обеспеченности, связанными с необходимостью выполнения мероприятий, требующих значительных затрат (разработка и принятие инвестиционной стратегии, создание технопарков, бизнес-инкубаторов и др.). Например, среди регионов Крайнего Севера РФ лидерами по внедрению Стандарта являются Республика Коми, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. На начальной стадии находятся Архангельская область, Республика Карелия и Чукотский АО.

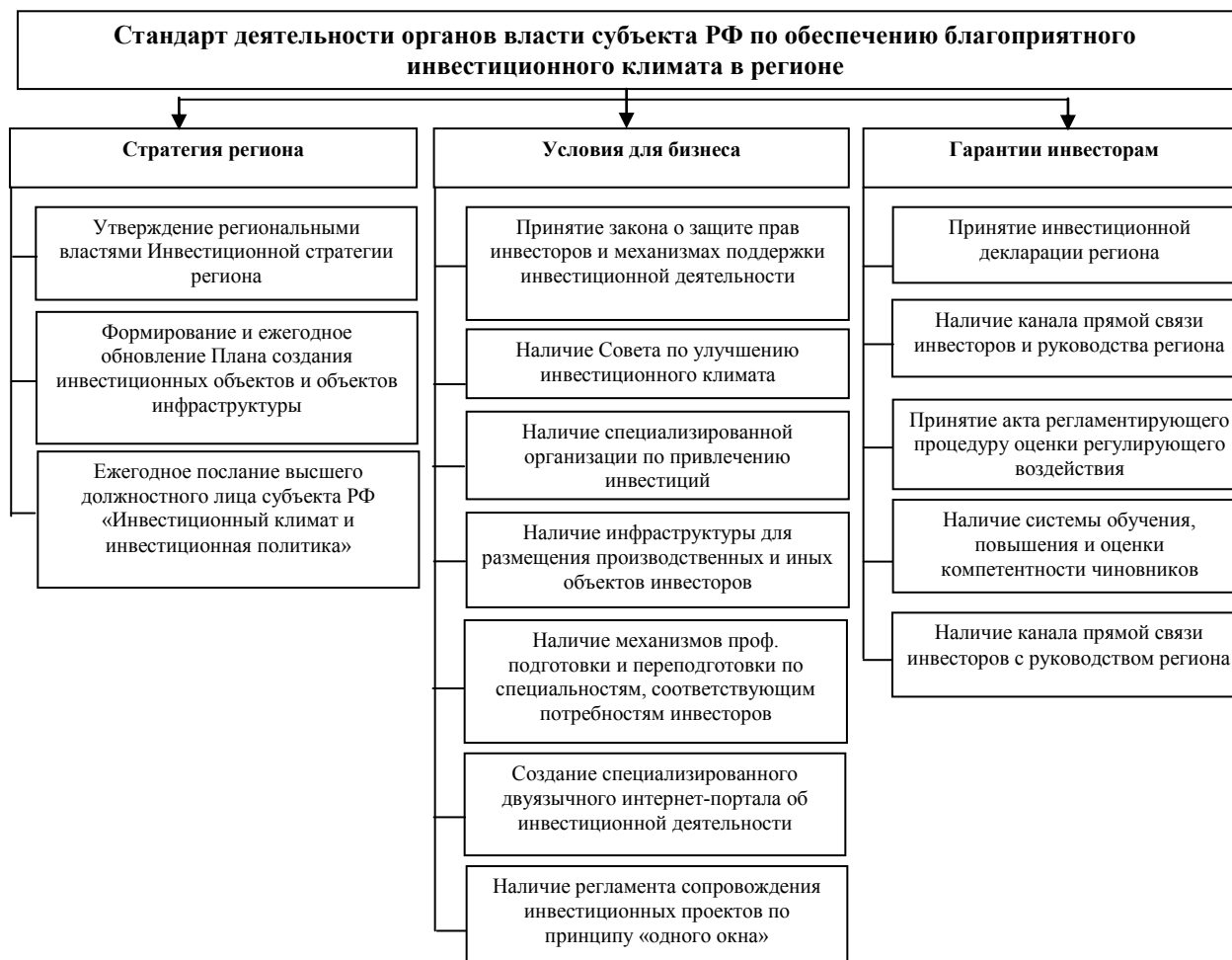

Рис.1 Основные положения Стандарта деятельности органов власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата

Практика реализации мер по созданию условий для осуществления инвестиционной деятельности на уровне субъектов РФ показала необходимость реализации указанных мер и на муниципальном уровне. Это обусловлено тем, что на сегодняшний день существует множество факторов, препятствующих привлечению инвестиций в муниципалитеты [6, с.79-83; 7, с.20-24]. К ним можно отнести: недостаточность доходных источников местных бюджетов, дефицит профессиональных кадров, неразвитость транспортной инфраструктуры и др. Указанные проблемы наиболее остро проявляются в северных муниципалитетах России, для которых характерны высокий уровень общей заболеваемости и смертности людей в трудоспособном возрасте, низкая продолжительность жизни населения, нехватка рабочих мест в сочетании с безработицей, и низкие заработные платы, обуславливающие отток трудоспособного населения с северных территорий

При всем том, что подходы к повышению инвестиционной привлекательности муниципалитетов должны быть основаны на учете специфических особенностей территорий, что особенно актуально для регионов Крайнего Севера и Арктики [6, с.79-83; 8, с.22-29], разработка универсальных требований к работе органов местного самоуправления по формированию благоприятного инвестиционного климата в муниципалитете является необходимой. В целях создания условий для улучшения инвестиционного и делового климата в муниципальных образованиях, АСИ совместно с «Опорой России» была разработана программа «Территория бизнеса – территория жизни для поддержки малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях» и сформирован перечень лучших муниципальных практик по созданию благоприятных условий для развития МСП, к которым можно отнести:

- создание общественных консультативных советов по отбору проектов МСП, требующих государственной поддержки;
- формирование электронных инвестиционных паспортов муниципалитетов;
- наличие программ поддержки предпринимательства и продвижения муниципального образования;
- формирование эффективного кадрового состава экономических блоков муниципалитетов и др.

В муниципалитетах, применяющих указанные практики (например, Дрожжановский район Республики Татарстан, Кинель-Черкасский район Самарской области, Саткинский район Челябинской области), рост числа субъектов малого и среднего бизнеса за три года составил 45%, увеличение оборота предпринимателей – в 2 раза.

Программа также основывается на необходимости внедрения «Стандарта деятельности органов местного самоуправления по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в муниципальном образовании» (Стандарт 2.0). С учетом предложений муниципалитетов и деловых сообществ АСИ разработан проект муниципального инвестиционного Стандарта, при этом в нем учтена специфика процессов, реализуемых на муниципальном уровне. Например, предполагается, что для монопрофильных муниципальных образований (моногородов) отдельные планы создания инвестиционных объектов и объектов инфраструктуры в муниципальном образовании (раздел 2) могут не утверждаться, при условии актуализации комплексных инвестиционных планов развития указанных муниципальных образований в части создания и развития инвестиционных объектов, объектов инфраструктуры.

В ходе обсуждения Стандарта 2.0 на различных форумах многие муниципалитеты заявляли о готовности апробировать его. Планируется, что в 2014 г. будет отобрано около 80 муниципалитетов по всей стране для апробации проекта. В ряде регионов (Республика Татарстан, Астраханская, Ленинградская, Мурманская, Ульяновская области и др.) в инициативном порядке муниципальный Стандарт уже разработан и/или принят.

Для оценки результатов внедрения основных инструментов государственной политики, в том числе результатов реализации «дорожных карт» Национальной предпринимательской инициативы и внедрения Регионального инвестиционного Стандарта в 2013 г. АСИ совместно с ведущими российскими деловыми ассоциациями был сформирован Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. В основе Рейтинга лежит сравнение регионов по 54 показателям, сгруппированным в четыре ключевых направления: регуляторная среда, институты для бизнеса, доступность ресурсов и качественной инфраструктуры, эффективность поддержки малого и среднего бизнеса.

Апробация Рейтинга в 21 пилотном регионе (в Москве и Санкт-Петербурге, Владимирской, Калужской, Костромской, Ленинградской, Ростовской, Ульяновской, Самарской, Свердловской, Томской, Тульской, Челябинской областях, Республиках Татарстан и Саха (Якутия), Алтайском, Краснодарском, Красноярском, Приморском, Ставропольском и Хабаровском краях) показала, что единственным регионом, получившим самые высокие оценки, является Калужская область. Подробные результаты пилотного апробирования Национального рейтинга состояния инвестиционного климата приведены на рис.2. С 2015г. в Национальный рейтинг войдут уже все субъекты РФ

№	Регион	Итоговый рейтинг	Направление А: Регуляторная среда	Направление Б: Институты для бизнеса	Направление В: Инфраструктура и ресурсы	Направление Г: Поддержка МСП
1	Калужская область	I	1	1	1	1
2	Ульяновская область	I	2	1	4	1
3	Красноярский край	I	1	2	1	3
4	Республика Татарстан	I	2	3	2	1
5	Костромская область	I	2	2	3	2
6	Тульская область	II	2	2	3	3
7	Краснодарский край	II	1	4	2	4
8	Томская область	II	3	4	3	2
9	Алтайский край	II	3	1	4	5
10	Владимирская область	III	4	3	3	4
11	Ростовская область	III	3	4	2	5
12	Челябинская область	III	4	4	3	2
13	Ленинградская область	III	5	1	2	5
15	Самарская область	IV	4	4	5	1
16	Хабаровский край	IV	5	3	3	3
17	Москва	IV	5	3	2	4
14	Республика Саха (Якутия)	IV	5	4	3	1
18	Свердловская область	V	4	5	2	4
19	Ставропольский край	V	4	5	4	2
20	Санкт-Петербург	V	5	5	2	3
21	Приморский край	V	5	5	5	5

Рис.2. Результаты пилотного апробирования Национального рейтинга состояния инвестиционного климата, 2014 г.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что меры, предпринимаемые федеральными и региональными властями по улучшению инвестиционного климата, в частности реализация «дорожных карт» Национальной предпринимательской инициативы и внедрение Регионального инвестиционного Стандарта, являются действенными инструментами для улучшения предпринимательского и инвестиционного климата в субъектах РФ. Однако разработка универсальных требований по формированию благоприятного инвестиционного климата является также крайне необходимой и для органов местного самоуправления, что обусловлено наличием множества факторов, препятствующих привлечению инвестиций в муниципальные образования.

Литература

1. Селин В.С., Емельянова Е.Е. Инвестиционная политика северных городских округов // *Фундаментальные исследования*, 2014. № 8(3). С. 697-701.
2. Скуфьина Т.П. Альтернативы развития Российского Севера // *Региональная экономика: теория и практика*, 2011. № 4. С.2-10.
3. Залкинд Л.О., Серова Н.А. Инвестиционные процессы и дифференциация северных регионов России // *Проблемы современной экономики*, 2008. № 4(28). С.375-379.
4. 2000 предпринимателей из 76 субъектов дали свою оценку условиям ведения бизнеса в России [Электронный ресурс]. *Новости АСИ*. 14.09.2014. Режим доступа: <http://asi.ru/news/22038/> (дата обращения 24.09.2014).
5. Граник И. Регионы ответили нестандартно [Электронный ресурс] // *Московские новости*, 2013. № 603. Режим доступа: http://www.mn.ru/business_economy/20131001/358063711.html (дата обращения 21.04.2014).
6. Емельянова Е.Е. Влияние региональных особенностей Севера на цели, задачи и возможности реализации муниципальной инвестиционной политики // *Наука и бизнес: пути развития*, 2014. № 5(35). С.79-83.
7. Серова Н.А. Институциональные ограничения формирования и реализации социально-экономической политики в городах Севера России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 2010. № 32 (89). С.20-24.
8. Емельянова Е.Е. Инвестиционная политика муниципальных органов власти в регионах Севера: возможности и направления реализации // *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 2013. № 5. С.22-29.

References

1. Selin V.S., Emel'yanova E.E. Investicionnaya politika severnyh gorodskih okrugov [The investment policy of the northern urban districts] // *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2014. № 8(3). P. 697-701 (In Russ.).
2. Skufina T.P. Al'ternativy razvitiya rossijskogo Severa [Development Alternatives Russian North] // *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2011. № 4. P. 2-10 (In Russ.).
3. Zalkind L.O., Serova N.A. Investicionnye processy i differenciaciya severnyh regionov Rossii [Investment processes and differentiation of the northern regions of Russia] // *Problemy sovremennoj ekonomiki* [Problems of Modern Economics]. 2008. № 4(28). P.375-379 (In Russ.).
4. 2000 predprinimatelej iz 76 sub"ektov dali svoyu ocenku usloviyam vedeniya biznesa v Rossii [2 000 entrepreneurs from 76 subjects gave their assessment of the conditions of doing business in Russia]. *Novosti ASI* [ASI News]. 14.09.2014. (In Russ.). URL: <http://asi.ru/news/22038/> (data obrashcheniya: 24.09.2014).
5. Granik I. Regiony otvetili nestandardno [Regions outside the box]. *Moskovskie novosti* [Moscow News], 2013, no. 603. (In Russ.). URL: http://www.mn.ru/business_economy/20131001/358063711.html (data obrashcheniya 21.04.2014).
6. Emel'yanova E.E. Vliyanie regional'nyh osobennostej Severa na celi, zadachi i vozmozhnosti realizacii municipal'noj investicionnoj politiki [The influence of regional features of the North on the goals, objectives and capabilities of the municipal investment policy] // *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and business: the development]. 2014. № 5(35). P.79-83 (In Russ.).

7. Serova N.A. Institucional'nye ogranicheniya formirovaniya i realizacii social'no-ekonomicheskoy politiki v gorodah Severa Rossii [Institutional constraints of formation and implementation of social and economic policy in the cities of the North of Russia] // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: priorities and security]. 2010. № 32 (89). P. 20-24 (In Russ.).
8. Emel'yanova E.E. Investicionnaya politika municipal'nyh organov vlasti v regionah Severa: vozmozhnosti i napravleniya realizacii [The investment policy of the municipal authorities in the Northern regions: opportunities and implementation] // Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [North and the market: the formation of the economic order]. 2013. № 5. P. 22-29 (In Russ.).

УДК 338.2(985)

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ В АРКТИКЕ¹

В.А.Цукерман,

зав. отделом,

Е.С.Горячевская,

научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты

Аннотация: В современной геополитике присутствуют различные тенденции относительно перспектив развития Арктики. Показано, что значение геоэкономической стратегии арктических территорий и акваторий России будет неизменно возрастать. Рассмотрены противоречивые тенденции, определяющие расстановку и взаимодействие различных сил, связанных со стратегией развития арктических регионов.

Уточнены главные цели, основные задачи и стратегические приоритеты государственной политики России в Арктической зоне Российской Федерации, направленные на защиту национальных интересов. Определена значимость формирования и реализации государственных программ и мероприятий экономического развития арктических территорий, которые связаны исключительно с геоэкономическими факторами – естественными конкурентными преимуществами России в сфере рационального природопользования и развития региональной системы коммуникаций, прежде всего Северного морского пути (СМП). Рассмотрены проблемы реализации проектов добычи углеводородного сырья на шельфе арктических морей и создания базовых арктических портов с целью дальнейшего социально-экономического развития и повышения конкурентоспособности отечественной экономики.

Обеспечение геоэкономической стратегии России в Арктике требует осуществления комплексной, масштабной протекционистской политики и государственного регулирования. В целях освоения арктических пространств и ресурсов Российской Федерацией должны быть решены три основные задачи: закрепление прав на эксплуатацию СМП как национальной транспортной магистрали, расширение экономической зоны по геологическим и геоморфологическим признакам, закрепление экономического и научного присутствия на Шпицбергене и в его сопредельных водах.

Ключевые слова: арктические территории, национальные интересы, стратегические приоритеты, геополитика, международные отношения, углеводородные ресурсы, Северный морской путь, порты.

GEO-ECONOMIC STRATEGY OF RUSSIA IN THE ARCTIC

V.A.Tsukerman,

Head of Department,

E.S.Goryachevskaya,

Researcher

**G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of Russian Academy of Sciences
Apatity**

Abstract. Abstract: In the modern geopolitics various trends regarding the prospects of development in the Arctic are present. In the work it is shown that the value of geo-economic strategy of the Arctic territories and water

¹ Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-38-00009 «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ») (Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого).

areas of Russia will consistently increase. The contradictory trends that determine the balance and interactions of various forces associated with the development strategy of the Arctic regions are examined.

The main objectives, tasks and strategic priorities of Russia's state policy in the Arctic zone of the Russian Federation, to protect national interests are clarified. The importance of formation and implementation of government programs and activities, economic development of the Arctic territories that are associated exclusively with the geo-economic factors – the natural competitive advantages of Russia in the field of environmental management and development of a regional system of communication, especially the Northern Sea Route (NSR) are determined. The problems of implementation of projects of hydrocarbon resources extraction on the shelf of the Arctic seas and establishing baseline Arctic harbors to further socio-economic development and competitiveness of the domestic economy are examined.

Ensuring the geo-economic strategy of Russia in the Arctic requires implementation of a complex, large-scale protectionist policy and government regulations. In order to develop the Arctic space and resources, the Russian Federation should address the three main objectives: securing the rights to operate the Northern Sea Route as a national transport corridor, extending the economic zone by geological and geomorphological attributes, securing of economic and scientific presence on Spitsbergen and its adjacent waters.

Keywords: *Arctic* territories, national interests, strategic priorities, geopolitics, international relations, hydrocarbon resources, the Northern Sea Route, harbors.

Роль арктических территорий и акваторий в национальной социально-экономической системе будет только возрастать, что обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, огромные запасы природных ресурсов, интерес к которым мирового сообщества будет возрастать по мере их истощения в других мегарегионах. В принципе, продвижение людей на Север всегда было в подавляющей степени связано с освоением ресурсов, и в обозримой перспективе тенденции сохраняются. Во-вторых, это транспортные коммуникации, временно находящиеся в стадии спада, но способные резко укрепить свои позиции при благоприятных климатических условиях. В-третьих, это серьезный экологический резерв, имеющий не только биологическое, но и рекреационное значение. Наконец, это огромные пространства суши и воды, площадь которых исчисляется в миллионах квадратных километров, а хозяйственное значение в определенных условиях может многократно возрастать [1].

В условиях развернувшейся борьбы за Арктику сформировалась принципиально новая геополитическая ситуация. По-существу, определились несколько групп интересов и претензий. Особо усиливается заинтересованность государств, имеющих непосредственный выход к Северному Ледовитому океану. Это прежде всего Канада, Норвегия, Россия, Дания (Гренландия), США (Аляска), которые стремятся играть основную роль в разделе Арктики и в арктической политике. К этим пяти странам добавляются три государства, прилегающие к Арктике: Финляндия, Швеция и Исландия. Все восемь приарктических стран входят в состав учрежденного в 1996 г. Арктического Совета [2].

Арктические страны разработали и приняли за последние годы на государственном уровне программные документы и стратегии, выражающие их намерения в освоении Арктики, в которых подчеркивается верховенство закона и необходимость международного сотрудничества [3]. Некоторые положения стратегий совпадают, прежде всего в следующих направлениях:

- значение арктических территорий распространяется не только на отдельные государства, но и на Север планеты, при этом Арктика признается ресурсной базой как для конкретной страны, так и для мирового сообщества;
- США, Канада, Норвегия и Россия претендуют на исключительное лидерство и решают задачу укрепления своего суверенитета над соответствующим сектором Арктики;
- США, Канада, Норвегия и Россия планируют развитие экономики, социальной сферы, охрану окружающей среды своего арктического сектора и дальнейшее развитие научных исследований;
- приарктические страны считают необходимым присутствие специальных группировок войск, строительство военных баз и соответствующей инфраструктуры.

По результатам Восьмой Министерской сессии Арктического совета 15 мая 2013 г. в г.Кируна (Швеция) была принята Кирунская декларация, в которой отражены следующие моменты [4]:

- признают важность поддержания мира, стабильности и конструктивного сотрудничества в Арктике;
- признают важность устойчивого использования ресурсов, экономического развития и охраны окружающей среды;

- признают, что Арктика является прежде всего населенным регионом с разнообразными экономиками, культурами и обществами;
- выражают озабоченность тем, что глобальные выбросы парниковых газов приводят к быстрым изменениям климата и физической среды Арктики, оказывающим широкое воздействие на общества и экосистемы и приводящим к последствиям по всему миру;
- заявляют о срочной необходимости усиленных действий на национальном и глобальном уровнях по смягчению последствий и адаптации к изменению климата;
- отмечают достигнутый значительный прогресс в укреплении сотрудничества в рамках Арктического Совета и подтверждают его лидерство в принятии конкретных действий по реагированию на новые вызовы и возможности
- постановляют совместно действовать в связи с изменениями климата и сотрудничать в рамках защиты арктической окружающей среды, укрепления Арктического Совета.

Следует отметить, что кроме приарктических стран, заявляют свои интересы в Арктике целый ряд европейских стран, а также Китай, Япония, Южная Корея, Австралия и Бразилия. Стратегические интересы стран самые различные. Определенные страны создают коалиции. Фактически создаются целые блоки арктического законодательства, предусматривающего международное сотрудничество, безопасность, мореплавание и т.д.

Созданный в 2011 г. Российский Совет по международным делам подготовил предложения к дорожной карте международного сотрудничества в Арктике на 2012-2018 гг., определяющие последовательные шаги и взаимодействие в следующих областях: правовой, институциональной, экологической, природоресурсной, военной, научно-исследовательской, а также транспортной [5].

При разработке геоэкономической стратегии позиционирования в Российской Арктике следует придерживаться двух основополагающих принципов: глобальности и суверенности.

Глобальность предусматривает, что Российская Арктика является составной частью мировой Арктики и все процессы необходимо исследовать с учетом международных тенденций и нормативных актов и расстановки действующих сил.

Суверенность предусматривает, что Российская Арктика является важнейшей частью национальной социально-экономической системы и все меры регулирования должны быть направлены на защиту национальных интересов и суверенитета страны.

Основными национальными интересами Российской Федерации в Арктике являются [6]:

- использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны;
- сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества;
- сбережение уникальных экологических систем Арктики;
- использование Северного морского пути (СМП) в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации в Арктике.

Национальные интересы определяют главные цели, основные задачи и стратегические приоритеты государственной политики Российской Федерации в Арктике.

Стратегическими приоритетами государственной политики Российской Федерации в Арктике являются [6]:

- осуществление активного взаимодействия Российской Федерации с приарктическими государствами в целях разграничения морских пространств на основе норм международного права, взаимных договоренностей с учетом национальных интересов РФ;
- комплексное социально-экономическое развитие;
- наращивание усилий приарктических государств в создании единой региональной системы поиска и спасения, а также в предотвращении техногенных катастроф и ликвидации их последствий;
- активизация экономического, научно-технического, культурного взаимодействия, а также приграничного сотрудничества;
- создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры;
- содействие в организации и эффективном использовании транзитных и кроссполярных воздушных маршрутов, а также в использовании Северного морского пути для международного судоходства;
- расширение фундаментальных и прикладных научных исследований;
- развитие ресурсной базы за счет использования перспективных технологий;

- модернизация и развитие инфраструктуры арктической транспортной системы и рыбохозяйственного комплекса.

Главными целями государственной политики Российской Федерации в Арктике являются [7]:

- в сфере социально-экономического развития – расширение ресурсной базы АЗРФ, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах, водных биологических ресурсах и других видах стратегического сырья;

- в сфере военной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации, пролегающей в АЗРФ, – обеспечение благоприятного оперативного режима, включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) общего назначения Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в этом регионе;

- в сфере экологической безопасности – сохранение и обеспечение защиты природной среды Арктики, ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата;

- в сфере информационных технологий и связи – формирование единого информационного пространства Российской Федерации в ее Арктической зоне с учетом природных особенностей;

- в сфере науки и технологий – обеспечение достаточного уровня фундаментальных и прикладных научных исследований по накоплению знаний и созданию современных научных и геоинформационных основ управления арктическими территориями, включая разработку средств для решения задач обороны и безопасности, а также надежного функционирования систем жизнеобеспечения и производственной деятельности в природно-климатических условиях Арктики;

- в сфере международного сотрудничества – обеспечение режима взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества Российской Федерации с приарктическими государствами на основе международных договоров и соглашений, участницей которых является Российская Федерация.

Правительство Российской Федерации 21 апреля 2014 г. приняло Постановление № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (далее Программа). Программа предусматривает вложения в экономику арктической зоны и северных регионов более 1.9 трлн руб., из них из бюджетов всех уровней 0.6 трлн руб. Одна из целей Программы – защита национальных интересов Российской Федерации от посягательств со стороны многих стран мира, особенно в связи с разворачивающимися конфликтами вокруг добычи углеводородного сырья на шельфе Северного Ледовитого океана. АЗРФ является стратегической ресурсной базой будущего развития страны на длительную перспективу. В последнее время все острее рассматривается проблема истощения запасов углеводородов. В России из разведанных запасов углеводородного сырья 80% находится на шельфе. Пока в России на шельфе добывается всего около 3% нефти. В мировом исчислении добыча на шельфе составляет порядка 40%. При этом добыча углеводородного сырья на суше ежегодно уменьшается на 2-6% в год [8].

Реализуются также другие правительственные программы по освоению ресурсов Арктики, основные из которых: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Энергетическая стратегия России на период до 2030 года, Стратегия развития морской деятельности РФ до 2030 г., Стратегия развития геологической отрасли Российской Федерации до 2030 г., ФЦП «Воспроизводство и использование природных ресурсов», Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2020 года, Стратегии социально-экономического развития приарктических субъектов РФ.

Несмотря на многочисленность официальных программных документов, нельзя констатировать благополучное состояние освоения природных ресурсов, в первую очередь, в нефтегазовом секторе АЗРФ. Кроме того, следует признать низкий уровень инновационных технологий освоения шельфовых месторождений и несовершенство транспортной инфраструктуры [9].

Перспективные месторождения на шельфе характеризуются сложностью разработки, удаленностью от континента, большими глубинами, суровостью климатических условий, сложным рельефом дна моря. Ученые считают недостаточным и объем мониторинга и опыта работы в арктических условиях. Требуется разработка и реализация потенциально новых технологий. Работы требуют серьезных финансовых вложений и привлечения крупных корпораций мирового уровня. Для разработки месторождений углеводородного сырья необходима реализация инфраструктурных проектов [10].

Российская модель освоения ресурсов арктического шельфа формируется в период отставания институционального блока, в том числе технических регламентов, национальных и

отраслевых стандартов. Неполнота, нестабильность и изменчивость норм и правил изучения и освоения ресурсов провоцируют дополнительные риски для недропользователей и арктических регионов. Отсутствует научно обоснованный экономический механизм контроля за исполнением лицензионных соглашений. Из-за несовершенства государственного регулирования в области природопользования и межбюджетных отношений, арктические территории несут значительные финансовые потери. Не используется в должной мере государственное стимулирование развития различных видов деятельности в Арктике.

Основой регионального присутствия России в Арктике является разработка месторождений природного газа. Освоение этих месторождений имеет фундаментальное значение не только для экономического развития регионального пространства, но и для обживания арктических территорий как фактора регионального присутствия России в Арктике. В связи с этим новая газотранспортная система, которая будет обеспечивать транспортировку газа с арктических месторождений как в морском, так и в сухопутном, становится не только ключевым звеном единой газотранспортной системы России, но и коммуникативным фактором обеспечения территориальной целостности России и единства экономического пространства региона [11].

Следует особо подчеркнуть, что в условиях сырьевой направленности экономики России функционирование пространственно-локализованных экономических систем на базе арктических ресурсов углеводородов становится основой освоения регионального пространства. В целом, региональное хозяйство АЗРФ представляет собой стратегический резерв, определяющий макрокритическое позиционирование России на мировых рынках и в глобальной системе международных отношений [12].

Реализация проектов освоения углеводородов арктических морей требует значительной координации действий, которые должны осуществляться не в рамках отдельных проектов разработки месторождений, а с развитием единого территориального топливно-энергетического комплекса на шельфе и побережье Печорского, Баренцева и Карского морей, связанного единой инфраструктурой и системой жизнеобеспечения, главную роль в которой играет СМП [13].

Портовая инфраструктура крайне важна для развития судоходства по СМП. Организация прямого выхода глубинных районов Сибири на мировой рынок по системе «Енисей – СМП» с широким использованием судов типа «река-море» (например, для грузов Красноярского края и Якутии) могла бы дать наряду с международной торговлей существенное увеличение объемов грузов по трассе СМП, обеспечив загрузку арктических портов.

В Арктическом бассейне расположены 19 российских морских портов, которыми перерабатывается около 80% от общего грузооборота российских портов. Порты Арктического бассейна можно условно разделить на три группы. К первой относятся порты Мурманск, Архангельск, Витино и Кандалакша, имеющие железнодорожные подходы, связанные с транспортной системой страны. Эти порты переваливают более 80% грузов проходящих через бассейн. Ко второй – порты, обслуживающие потребности ОАО «ГМК Норильский никель». Это Варандей и Дудинка. К третьей группе относятся остальные 13 портов, которые расположены в местностях, где отсутствуют сухопутные коммуникации, они обеспечивают перевалку грузов для обеспечения жизнедеятельности населенных пунктов, в которых расположены.

К третьей группе относятся остальные 14 портов, которые расположены в местностях, где отсутствуют сухопутные коммуникации и которые в настоящее время обеспечивают перевалку грузов для обеспечения жизнедеятельности населенных пунктов, в которых они расположены с ближайшими окрестностями. Их пропускная способность используется в среднем на 25%, и предпосылок для увеличения грузовой базы и роста грузооборота далеко не очевидны.

Основными задачами арктических портов и перегрузочных комплексов являются:

- экспорт углеводородов и продукции горнодобывающей промышленности, обеспечение освоения и эксплуатации нефтегазовых месторождений, включая шельфовые;
- обеспечение арктического транзита и обслуживания судов, работающих на трассах Северного морского пути включая суда под российским государственным флагом;
- обеспечение жизнедеятельности и развития арктических регионов, их внешнеторговых связей и туризма.

Все порты арктического бассейна (кроме незамерзающего Мурманска) большую часть года работают в условиях низких температур, покрытой льдом акватории. Доставка грузов в порты осуществляется под ледовой проводкой линейных ледоколов, в том числе атомных.

Через арктические порты проходят грузы северного завоза, необходимые для обеспечения жизнедеятельности населения, в том числе малых народов Севера, и освоения природных богатств.

Развитие базовых арктических портов (Мурманск, Архангельск и Петропавловск-Камчатский) следует рассматривать как создание портов-хабов, способствующих привлечению транзитных грузопотоков, экономическому развитию регионов. Потребуется масштабное обновление и расширение портовой инфраструктуры, а также создание крупных логистических узлов мирового уровня. Все это – стимул для роста конкурентоспособности отечественной экономики.

В перспективе арктические порты будут ориентированы на перевалку топливно-энергетических ресурсов (сырой нефти, нефтепродуктов, угля, сжиженного газа). При этом нефть и газ будут поступать в порты с шельфов северных морей. В Стратегии развития морской портовой инфраструктуры России предусмотрено, что в портах Арктического бассейна, в будущем ориентированных в основном на перевалку углеводородов, добываемых на арктическом шельфе, к 2030 г. прогнозируется рост спроса на перевалку наливных грузов до 113.1 млн т в базовом сценарии (до 120.8 млн – в экспертном). Для их перевалки построены порты Варандей, Харасавэй и строятся новые. Строительство новых портов, в том числе Сабетта, осуществляется в труднодоступных районах, что требует значительно больших инвестиций, чем строительство портов в других бассейнах [14].

В целях освоения арктических пространств и ресурсов Российской Федерацией должны быть решены три основные задачи:

- закрепление прав на эксплуатацию СМП как национальной транспортной магистрали;
- расширение экономической зоны по геологическим и геоморфологическим признакам;
- закрепление экономического и научного присутствия на Шпицбергене и в его сопредельных водах.

В современной геополитике и международных отношениях присутствуют различные тенденции и суждения относительно перспектив развития АЗРФ. Какой из возможных сценариев будет развиваться в дальнейшем: алармистский, конфронтационный, связанный с нарастанием конфликтности, силовым противоборством, милитаризацией, или направленные на стремление к стабильности, диалогу и взаимопониманию, учетом интересов друг друга, покажет время [2].

В геополитической ситуации требуется постепенный отказ от политических целевых установок, методов экономической деятельности. Наиболее вероятен активный поиск мировым сообществом форм и методов кооперации и интеграции, расширение и углубление взаимовыгодного и равноправного международного сотрудничества в изучении причин обострения проблем самого различного характера и разработка эффективных методов их разрешения совместными усилиями государств, составляющих мировое сообщество [15].

Обеспечение геоэкономической стратегии России в Арктике требует осуществления комплексной, достаточно масштабной протекционистской политики и государственной поддержки, а также формирования новых, адаптированных к реалиям и современным геоэкономическим вызовам институтов и механизмов их взаимодействия на арктических территориях [16].

Литература

1. Селин В.С., Цукерман В.А. Геополитические и экономические факторы обеспечения суверенитета России в Арктике // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 76-84.
2. Голдин В.И. Арктика в международных отношениях и геополитике в XX – начале XXI века: вехи истории и современность // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки (Международные отношения и геополитика в Арктике). 2011. № 2. С. 22-34.
3. Olav Shram S. Environmental security in the Arctic. Режим доступа: <http://www.sv.uio.no/isv/english/people/aca/olavssto/> (дата обращения: 19.2.2015).
4. Arctic Council Secretariat. Kiruna Declaration. Kiruna, Sweden, 15 May 2013. Режим доступа: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/document-archive/category/425-main-documents-from-kiruna-ministerial-meeting> (дата обращения: 19.02.2015).
5. Арктика. Предложения к дорожной карте международного сотрудничества / Загорский А.В. и др. М.: Спецкнига, 2012. 40 с.
6. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А.Медведевым 18 сентября 2008 г. N Пр-1969. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>

7. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным Режим доступа: http://www.minregion.ru/upload/02_dtp/101001_str.doc
8. Геоэкономические процессы в Арктике и развитие морских коммуникаций / под ред. С.Ю.Козьменко и В.С.Селина. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2014. 266 с.
9. Козьменко С.Ю., Селин В.С., Щеголькова А.А. Особенности разграничения морского пространства Арктики // Морской сборник. 2014. № 5. С.41-44.
10. Транспортно-инфраструктурный потенциал Российской Арктики / под ред. В.С.Селина. Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, КНЦ РАН, 2013. 279 с.
11. Козьменко С.Ю. Региональное присутствие России в Арктике: геополитические и экономические тенденции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1449887.html#ixzz3SeVpDLhF> (дата обращения: 20.02.2015).
12. Афанасьев Р.А. Освоение арктического региона при формировании пространственно локализованных экономических систем // Известия Санкт-Петербургского Университета экономики и финансов. 2013. № 4 (82). С. 91-93.
13. Ларичкин Ф.Д., Пономаренко Т.В., Фадеев А.М. Транспортно-логистический фактор в обеспечении конкурентоспособности минерально-сырьевого комплекса Арктической зоны // Север и рынок. 2014. № 3. С. 29-37.
14. Проект стратегии развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosmorport.ru/media/File/State-Private_Partnership/strategy_2030.pdf (дата обращения 29.09.2014).
15. Российская космонавтика на новом этапе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mosspaceclub.ru/2works/v5.pdf> (дата обращения: 20.02.2015)
16. Селин В.С., Башмакова Е.П. Значение северных и арктических регионов в новых геоэкономических условиях развития России // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 23-39.

References

1. Selin V.S., Tsukerman V.A. Geopoliticheskie i jekonomicheskie faktory obespechenija suvereniteta Rossii v Arktike [Geopolitical and economic factors to ensure Russia's sovereignty in the Arctic] // Rossiya i sovremennyj mir [Russia and the modern world]. 2008. № 2 (59). P. 76-84 (In Russ.).
2. Goldin V.I. Arktika v mezhdunarodnyh otnoshenijah i geopolitike v XX – nachale XXI veka: vehi istorii i sovremennost' [The Arctic in international relations and geopolitics in the XX – beginning of XXI century: milestones and Modernity] // Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye i social'nye nauki» (Mezhdunarodnye otnoshenija i geopolitika v Arktike) [Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye i social'nye nauki» (Mezhdunarodnye otnoshenija i geopolitika v Arktike)]. 2011. № 2. P. 22-34 (In Russ.).
3. Olav Shram S. Environmental security in the Arctic. URL: <http://www.sv.uio.no/isv/english/people/aca/olavssto/> (data obrashcheniya: 19.02.2015).
4. Arctic Council Secretariat. Kiruna Declaration. Kiruna, Sweden, 15 May 2013. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/document-archive/category/425-main-documents-from-kiruna-ministerial-meeting> (data obrashcheniya: 19.02.2015).
5. Arktika. Predlozhenija k dorozhnoj karte mezhdunarodnogo sotrudnichestva / Zagorski A.V. i dr. [Arctic. Proposals to the road map for international cooperation]. M.: Spekniga. 2012. 40 p. (In Russ.).
6. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2020 goda i dal'nejshuju perspektivu [Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2020 goda i dal'nejshuju perspektivu] // Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii D.A. Medvedevym 18 sentjabrja 2008. No Pr-1969. (In Russ., unpublished).
7. Strategija razvitija Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespechenija nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda [The development strategy of the Arctic zone of the Russian Federation and national security for the period up to 2020] // Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinyim (In Russian, unpublished).
8. Geojekonomicheskie processy v Arktike i razvitie morskikh kommunikacij [Goeconomic processes in the Arctic and the development of maritime communications]. Apatity, Publ. KSC RAN. 2014. 266 p. (In Russ.).

9. Koz'menko S.Ju., Selin V.S., Shhegol'kova A.A. Osobennosti razgranichenija morskogo prostranstva Arktiki [Features maritime delimitation of the Arctic] // Morskoy sbornik [Sea collection]. 2014. № 5, P. 41-44 (In Russ.).
10. Transportno-infrastrukturnyj potencial Rossijskoj Arktiki [Transport and infrastructure potential of the Russian Arctic]. Apatity, Publ. IEP KSC RAN, KSC RAN. 2013. 279 p. (In Russ.).
11. Koz'menko S.Ju. Regional'noe prisutstvie Rossii v Arktike: geopoliticheskie i jekonomicheskie tendencii [Russian regional presence in the Arctic: Geopolitical and economic trends. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1449887.html#ixzz3SeVpDLhF> (data obrashcheniya: 20.02.2015) (In Russ.).
12. Afanas'ev R.A. Osvoenie arkticheskogo regiona pri formirovanii prostranstvenno lokalizovannyh jekonomicheskikh system [The development of the Arctic region in the formation of spatially localized economic systems] // Izvestija Sankt-Petersburgskogo Universiteta jekonomiki i finansov [Proceedings of St. Petersburg University of Economics and Finance]. 2013. № 4 (82). P. 91-93 (In Russ.).
13. Larichkin F.D., Ponomarenko T.V., Fadeev A.M. Transportno-logisticheskij faktor v obespechenii konkurentosposobnosti mineral'no-syr'evogo kompleksa Arkticheskoy zony [Transport and logistics factor in ensuring the competitiveness of the mineral complex Arctic Zone] // Sever i rynek [North and Market]. 2014. № 3. P. 29-37 (In Russ.).
14. Proekt strategii razvitiya morskoy portovoj infrastruktury Rossii do 2030 goda [The draft strategy is the development of marine port infrastructure of Russia until 2030]. URL: http://www.rosmorport.ru/media/File/State-Private_Partnership/strategy_2030.pdf (data obrashcheniya 29.09.2014) (In Russ.).
15. Rossijskaja kosmonavtika na novom jetape [The Russian space program at a new stage]. URL: <http://mosspaceclub.ru/2works/v5.pdf> (data obrashcheniya 20.02.2015) (In Russ.).
16. Selin V.S., Bashmakova E.P. Znachenie severnyh i arkticheskikh regionov v novyh geojekonomicheskikh uslovijah razvitiya Rossii [Northern and Arctic regions in the new geo-economic conditions of Russia] // Region: jekonomika i sociologija [Region: Economics and Sociology]. 2010. № 3. P. 23-39 (In Russ.).

УДК 336.77

РЫНОК КРЕДИТНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Чупенко Л.В.,

научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты

Аннотация. Проанализирована деятельность кредитных организаций, действующих в северных регионах страны, на рынке кредитных услуг населения. Проведена оценка динамики частных кредитов, их долевого участия в разрезе регионов, описана классификация кредитов населения по признакам. Установлено, что тенденция роста неоднозначна: ускоренными темпами кредиты росли в первые 4 года рассматриваемого периода (2003-2014 гг.) и замедленными – в последние 4 года. Автор приходит к выводу, что причинами к замедлению роста частных кредитов могут быть действия как кредитных организаций, так и населения. Со стороны кредитных организаций – регулирование банковской системы в целях сохранения равновесного соотношения между привлекаемыми и размещаемыми денежными средствами, со стороны населения – смена эйфории на более грамотный подход к оценке своих возможностей в приобретении кредитов. Сделаны выводы, что кредитование продолжает развиваться и вызывать интерес у населения. Однако снижение их темпов за последние годы требует со стороны кредитных организаций новых решений в политике кредитования (снижение затрат на управление рисками, повышение доверия населения, снижение процентных ставок и др.), со стороны населения – соизмерения своих возможностей в приобретении кредитов.

Ключевые слова: Кредитование; рынок кредитных услуг; кредитные организации; банковская система; северные регионы; физические лица.

MARKET OF CREDIT SERVICES TO POPULATION IN NORTHERN REGIONS OF RUSSIA

L.V.Chupenko,

Researcher

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of RAS, Apatity

Abstract. This article analyzes activities of credit institutions operating in the northern regions of the country, at the market of credit services to the population. For this the dynamics of private loans and their shares in the context of regions were assessed, loans to population are classified. It was found that the growth trend is ambiguous: loans grew rapidly during the first 4 years of the considered period (2003-2014), and slower - during the last 4 years. The author concludes that the reasons for slower growth of private loans could be actions of both credit institutions and the population. These reasons are: from credit organizations - regulation of the banking system in order to maintain the equilibrium ratio between raised and placed funds, from the population – shift from euphoria to a sound approach to assessment of their capabilities in acquiring loans. It is concluded that crediting continues to grow and generate interest among population. However, reducing their rates in recent years requires new solutions from credit institutions in the crediting policies (reducing costs of risk management, increasing public confidence, lower interest rates, etc). Population is required to harmonize their abilities to purchase loans.

Keywords: crediting; market of credit services; credit institutions; banking system; northern regions; natural persons.

В реальной жизни рынок заемных средств не может функционировать без посредников, роль которых с ее сложными и многосторонними связями особенно велика. Основными посредниками на рынке заемных средств являются коммерческие банки. И хотя роль финансовых посредников выполняют не только банки, но и другие финансовые организации (например, страховые и инвестиционные компании), они все же являются главными финансовыми посредниками, поскольку на долю банков приходится большая часть кредитов, вкладываемых в национальную экономику.

В рамках данного исследования рассмотрен процесс кредитования населения как одного из важных элементов и в деятельности банковской системы, и в определении предпочтительных для граждан форм банковских услуг.

Объектом исследования служат северные регионы России.

Современные формы взаимоотношения населения и банков сформировались в 1990-е годы, в период массового создания новых финансовых кредитных организаций. Нынешняя структура российских коммерческих банков стихийно сложилась за рекордно короткий срок – практически за 4 года (1990-1993 гг.), в течение которых получили лицензию на кредитную деятельность 82% действовавших коммерческих банков.

Созданные в разные годы финансовые кредитные организации примерно в равной доле распределялись по основным городам страны, кроме Москвы и Московской области. Здесь с 1990 по 1995 гг. учреждалось от трети до половины банков относительно их общей численности.

Население России изначально большого доверия к зародившемуся институту коммерческих банков не испытывало: каждый третий среди населения в возрасте 18 лет и старше считал, что лучше всего хранить деньги и драгоценности дома, либо тратить денежные средства на приобретение предметов длительного пользования. Причем это предпочтение относилось ко всем четырем основным формам сберегаемой при посредничестве банков ликвидности: национальной валюте, иностранным дивизам, драгоценностям и ценным бумагам [1].

В 1990-е гг., помимо традиционных, население стало проявлять интерес к более сложным услугам. Наиболее надежным население считало покупку валюты и недвижимости, наиболее выгодным – получение кредита и вложения во вклады под процент, наиболее прибыльным – коммерцию.

Период 2001-2012 гг. ознаменован, прежде всего, сокращением количества банков. После взрывообразного роста в начале и середине 1990-х гг. численность кредитных организаций сократилась за 10 лет почти вдвое.

В целом, кредитные организации добились успеха в привлечении денежных средств населения как вкладчиков. Согласно данным Сбербанка России, за последние 2003-2011 гг. вклады населения страны увеличились в 9.5 раза (с 1036 млрд до 9805 млрд руб.); вклады населения северных регионов за тот же период – в 6.5 раза (с 51.6 млрд до 337.8 млрд руб.) [2].

Особенностью деятельности коммерческих банков за последнее десятилетие является развитие сферы кредитования, в том числе в работе с населением. За 2004–2011 гг. объем кредитов, предоставленных банками населению страны, вырос в 16.4 раза, с 248.7 млрд до 4084.8 млрд руб. У населения северных регионов кредиты увеличились в 12.3 раза, с 10.4 млрд до 128.0 млрд руб. [3].

В целом, банковские кредиты классифицируются по ряду признаков, в том числе по видам обеспечения, срокам погашения, методам погашения, целевому направлению использования, объектам кредитования, объему и т.д.

По видам обеспечения кредиты подразделяются на обеспеченные и необеспеченные. Их обеспечением кредитов могут выступать: залог, гарантии, поручительства, страхование. В качестве кредитов могут выступать различные виды активов. Причина, по которой банк требует обеспечения, – риск понести убытки в случае нежелания или неспособности заемщика погасить кредит в срок и полностью.

Если клиент не имеет достаточного обеспечения или спрашивает кредит на операцию, имеющую повышенную степень риска, банк рассматривает вопрос о целесообразности выдачи кредита при страховании его в страховых организациях. Эта операция носит название "страхование риска непогашения кредита". Ее проводит страховое общество, получая определенный процент от суммы кредитного договора. Обеспечение кредита, его страхование уменьшают риск непогашения кредита.

Классификацию кредитов можно продолжить в зависимости от сроков их погашения. По срокам погашения они делятся на краткосрочные и долгосрочные. К первой группе относятся обычно кредиты, предоставляемые сроком до 1 года. Для коммерческих банков это наиболее предпочтительный вид кредитов.

По методу погашения кредиты делят на кредиты, погашенные единовременно, и в рассрочку. В первом случае основной долг по кредиту погашается на одну конечную дату, а кредиты, погашаемые в рассрочку, предполагают периодичное погашение основной суммы долга. Кредиты могут погашаться периодически, равномерными и неравномерными платежами. При выдаче кредита с рассрочкой платежа действует принцип, согласно которому сумма кредита списывается частями на протяжении периода действия договора. Подобный порядок погашения кредита не столь обременителен для заемщика, как при единовременной уплате долга. Для банка также выгодно, чтобы кредит гасился периодически в течение всего периода действия договора, так как это ускоряет оборачиваемость кредита и высвобождает кредитные ресурсы для новых вложений, повышая, таким образом, его ликвидность.

По методу взимания процентов кредиты классифицируются следующим образом: кредиты с удержанием процентов в момент его предоставления, кредита с уплатой процентов в момент его погашения и кредита с уплатой процентов равными взносами на протяжении всего срока пользования.

По направлениям использования потребительские кредиты в стране подразделяются: кредиты на неотложные нужды, кредиты под залог ценных бумаг, кредиты на строительство и приобретение жилья, кредиты на капитальный ремонт жилых домов, их газификацию и присоединения к сетям водоснабжения и канализации. Сельскому населению, кроме того, выдаются кредиты на строительство надворных построек для содержания скота и птицы и приобретения средств малой механизации для выполнения работ в личном подсобном хозяйстве. Степень рискованности кредита определяется в коммерческом банке с учетом основных критериев: 1) тип или вид коммерческого банка; 2) тип заемщика (состав клиентов); 3) финансовое положение заемщика; 4) наличие обеспечения или гаранта по кредиту; 5) распределение риска во времени, сроку кредита в том числе.

В зависимости от этих критериев определяется и процентная ставка по каждому выданному кредиту; уровень процентных ставок по кредитам и депозитам, а так же размер комиссионного вознаграждения за оказание услуг определяется коммерческими банками на договорной основе с учетом взаимных интересов банков и клиентов [4].

Представленная таблица демонстрирует изменения в приобретении кредитов населением северных регионов за 2004-2013 гг. (табл.1).

Активный рост кредитов практически во всех рассматриваемых регионах наблюдался вплоть до пикового 2008 г. Начало мирового экономического кризиса (осень 2008 г.), видимо, подвигло банки менять стратегические решения, которые, в свою очередь, отразились и на финансовом поведении населения. Поведение выразилось в замедлении темпов роста кредитов в 2009-2010 гг., а в некоторых регионах растянулось во времени и дальше, до 2013 г.

Рост объемов кредитования физических лиц в 2013 г. в сравнении с базисным годом вырос в среднем в 40 раз. Особенно внушительным рост кредитов оказался в Магаданской области – в 120 раз. Но есть регионы, в которых кредитование не пользовалось большим успехом. Так, в Архангельской области и Чукотском АО за весь период кредиты выросли лишь в 4.5 раза.

Доля участия регионов в кредитовании определяется удельным весом объемов кредитов каждого субъекта по отношению к совокупному их объему (табл.2).

Таблица 1

Динамика темпов роста и соотношение за период кредитов физических лиц, предоставленных кредитными организациями, %

Регионы	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2003 г.
Респ. Карелия	231.6	269.2	202.7	291.2	125.6	100.5	87.2	108.6	133.8	129.9	7652
Республика Коми	159.5	209.3	180.5	292.5	128.2	73.8	84.5	101.2	121.5	140.5	2434
Архангельская область	156.2	206.3	168.5	269.6	132.1	93.6	77.8	82.3	103.4	37.6	451
Мурманская область	170.0	243.7	193.9	315.8	125.4	58.7	86.0	107.6	127.7	136.7	3019
Республика Тыва	108.6	281.1	204.3	160.0	127.5	380.4	103.6	110.2	129.7	105.0	7522
Респ. Саха (Якутия)	153.4	218.0	235.4	299.8	120.8	79.5	96.7	68.9	141.7	100.5	2152
Камчатский край	121.9	196.5	266.0	535.5	128.7	39.7	83.1	75.9	135.7	101.8	1521
Магаданская область	143.2	173.0	249.9	345.8	123.5	55.2	95.7	388.9	143.2	155.1	12071
Сахалинская область	105.4	349.0	213.8	659.8	134.5	37.7	99.7	113.9	37.1	164.0	1815
Чукотский АО	108.1	209.8	245.7	840.8	123.8	25.5	30.2	47.0	167.2	130.4	459

Источник: Банк России. Региональный раздел. Аналитическая система экономических показателей регионов. Сведения о привлеченных и размещенных средствах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=sors>

Таблица 2

Удельный вес объемов кредитов физических лиц в разрезе северных регионов, %

Регионы	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Республика Карелия	7.0	8.4	8.6	10.5	10.5	10.8	12.1	13.0
Республика Коми	24.3	22.7	20.7	19.2	18.5	17.7	18.0	21.0
Архангельская область	23.2	21.3	18.1	20.2	18.0	14.0	12.2	3.8
Мурманская область	17.3	18.7	18.3	14.3	14.1	14.3	15.3	17.3
Республика Тыва	1.3	1.6	1.7	4.4	5.2	5.4	5.8	5.1
Республика Саха (Якутия)	12.8	12.5	14.8	14.3	15.8	10.3	12.2	10.2
Камчатский край	4.8	4.2	5.6	5.2	4.9	3.5	4.0	3.4
Магаданская область	4.6	3.6	4.5	3.6	3.9	14.3	17.2	22.1
Сахалинская область	4.2	6.5	7.0	7.8	8.9	9.6	3.0	4.1
Чукотский АО	0.5	0.5	0.6	0.5	0.2	0.1	0.1	0.1
Северные регионы, всего	100	100	100	100	100	100	100	100

В целом, структура долевого участия регионов в кредитовании за рассматриваемый период неоднозначна. В 2004 г. высокими значениями показателя отличались Республика Коми, Архангельская и Мурманская области (24.3, 23.2 и 17.3% соответственно). Объемы кредитов населения этих субъектов составляли примерно три четверти всех кредитов северных регионов. В 2013 г. к прежним лидерам – Республике Коми и Мурманской области присоединилась Магаданская область, обогнав их по величине показателя (21.0, 17.3 и 22.1% соответственно); соотношение объемов кредитов данных регионов и совокупных кредитов практически не изменилось.

Следует отметить, что в сборе и обработке статистических данных, предлагаемых на сайте Сбербанка России, в 2014 г. произошли изменения. До лета 2014 г. сведения по кредитам представлялись по областям без выделения чисто северных регионов (Тюменская область – без

выделения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов). Сведения по этим двум регионам появились лишь с осени 2014 г., с пересчетом данных, начиная с 2011 г., причем с измененными условиями. Так, в кредитование ранее включались лишь кредиты в рублях и иностранной валюте, теперь же к кредитам рублевым и валютным начали относить денежные средства, вкладываемые в драгоценные металлы. Параметрические изменения прервали временной ряд и не позволяют сравнивать статистические данные более раннего периода с данными последних лет.

Для соблюдения корректности в построении временного лага темпов роста (или снижения) обоих показателей будут использованы данные по кредитам с прежними параметрами, но без двух регионов: Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Для определения доли участия каждого региона в банковских процессах будут использоваться сведения, представляемые Сбербанком по новым параметрам и в расширенном составе субъектов.

В таблице 3 отражена информация об изменениях темпов по объемам кредитов и удельном весе в их объемах в разрезе северных регионов, начиная с 2011 г. и с учетом, как уже было сказано, не входивших ранее двух регионов.

Таблица 3

Изменения в темпах роста и удельном весе объемов кредитов (в расширенном составе северных регионов: включая Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа)

Регионы	Темпы роста кредитов (в % к предыдущему году)			2014 г. к 2011 г.	Удельный вес в объемах кредитов, %			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.		2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Россия	149.0	132.9	121.5	240.6	-	-	-	-
Республика Карелия	187.7	142.2	123.7	330.3	5.8	6.4	6.5	6.4
Республика Коми	169.4	133.6	138.4	313.3	9.2	9.2	8.8	9.7
Архангельская область	179.4	140.3	126.0	317.0	10.6	11.2	11.2	11.3
в т.ч. Ненецкий АО	86.0	296.5	105.2	268.2	0.5	0.3	0.5	0.5
Мурманская область	156.1	156.7	123.4	301.9	9.5	8.7	9.8	9.7
Ханты-Мансийский АО – Югра	169.6	129.9	126.6	279.0	28.4	28.3	26.3	26.6
Ямало-Ненецкий АО	171.5	132.8	126.3	287.6	10.2	10.3	9.7	9.8
Республика Тыва	183.7	165.6	112.4	342.0	1.8	2.0	2.3	2.1
Республика Саха (Якутия)	174.8	145.0	117.5	297.9	10.7	11.0	11.4	10.7
Камчатский край	166.2	151.7	114.1	287.7	3.9	3.9	4.2	3.8
Магаданская область	172.9	161.6	120.6	337.1	2.7	2.7	3.1	3.0
Сахалинская область	151.7	141.1	128.7	275.5	6.5	5.8	5.8	6.0
Чукотский АО	182.9	163.8	104.1	312.0	0.3	0.4	0.4	0.4
Северные регионы, всего	-	-	-	-	100	100	100	100

Таблица 3 демонстрирует рост объемов кредитов и в то же время снижение их темпов роста. Причем снижение наблюдается более плавное, чем по данным, показанным в таблице 1, в которой к рублевым и валютным кредитам не относились денежные средства, вкладываемые в драгоценные металлы.

В расширенном составе северных регионов изменился расклад между регионами в структуре участия в кредитовании. Наиболее высоким удельным весом в объемах кредитов представлен Ханты-Мансийский АО (в 2014 г. – 26.6%). Архангельская область и Республика Саха (Якутия) оказались на второй и третьей позициях (11.3 и 10.7% соответственно). Менее всего проявляет интерес к кредитованию население Чукотского и Ненецкого автономных округов (в 2014 г. – 0.4% и 0.5% соответственно). Низкий уровень участия в заимствовании кредитов на протяжении последних лет присущ населению Республики Тыва, Магаданской области и Камчатского края (в 2014 г. – 2.1; 3.0 и 3.8%) [5].

Причинами к замедлению роста частных кредитов могут быть действия как со стороны кредитных организаций, так и населения.

Со стороны кредитных организаций снижение темпов кредитования населения объясняется, прежде всего, регулированием в банковской системе равновесного соотношения между привлекаемыми и размещаемыми денежными средствами, которое является основой его устойчивости. В противном случае банки рискуют подойти к порогу банкротства, особенно те, которые имеют низкую капитализацию. Со стороны же населения можно полагать, что происходит постепенная смена эйфории на более взвешанный подход к оценке своих возможностей в приобретении кредитов.

Следует вывод, что такая форма банковской услуги, как кредитование, продолжает развиваться и вызывать интерес у населения. Однако снижение темпов роста кредитов в последние годы требует со стороны кредитных организаций новых решений в политике кредитования (снижение затрат на управление рисками, повышение доверия населения, снижение процентных ставок и др.), со стороны населения – соизмерять свои возможности в приобретении кредитов.

Литература

1. Шереги Ф.Э., Савинков В.И. Банки и общество: взаимодействие населения с кредитными организациями. Концептуальная программа и метод социологического исследования: Метод. пособие по прикладной социологии для социологических факультетов университетов. Вып. 3. М.: ЦСПиМ, 2013. 46 с. ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2013. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/banki.pdf>
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004-2014 гг. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
3. Банк России. Региональный раздел. Сведения о привлеченных и размещенных средствах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=sors>
4. Панова Г.С. Кредитная политика коммерческого банка во взаимоотношениях с населением: Дисс. доктора эконом. наук (на правах рукописи). М., 1997. 297 с. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.dissertacii.narod.ru/libr/econ/Panova/Panova1.pdf>
5. Малиновская С.А. Региональные банковские системы: проблемы и перспективы // Аналитический вестник. 2012. № 27. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2012/VSF_NEW201303151214/VSF_NEW201303151214_p_005.htm
6. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 04.11.2014) «О банках и банковской деятельности» // «Консультант Плюс».
7. Хвыля-Олинтер Н. Потребительская закредитованность россиян. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://rusrand.ru/events/potrebitelskaja-zakreditovannost-rossijan>
8. Перспективы банковской системы на 2014 г. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://creditpad.com/perspektivy-i-bankovskoy-sistemy-na-2014-god/>

References

1. Sheregi F.Je., Savinkov V.I. Banki i obshhestvo: vzaimodejstvie naselenija s kreditnymi organizacijami. Konceptual'naja programma i metod sociologicheskogo issledovanija: Metod. posobie po prikladnoj sociologii dlja sociologicheskikh fakul'tetov universitetov. Vypusk 3. M.: CSPiM, 2013. 46 s. ООО «Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga», 2013. (Jelektronnyj resurs). URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/banki.pdf>

2. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2004-2014 gg. (Jelektronnyj resurs). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
3. Bank Rossii. Regional'nyj razdel. Svedenija o privilechennyh i razmeshhennyh sredstvah [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=sors>
4. Panova G.S. Kreditnaja politika kommercheskogo banka vo vzaimootnoshenijah s naseleniem. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora jekonomicheskikh nauk (na pravah rukopisi). Moskva. 1997. 297 s. (Jelektronnyj resurs). URL: <http://www.dissertacii.narod.ru/libr/econ/Panova/Panova1.pdf>
5. Malinovskaja S.A. Regional'nye bankovskie sistemy: problemy i perspektivy // Analiticheskij vestnik. 2012. № 27. (Jelektronnyj resurs). URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2012/VSF_NEW201303151214/VSF_NEW201303151214_p_005.htm
6. Federal'nyj zakon ot 02.12.1990 N 395-1 (red. ot 04.11.2014) «O bankah i bankovskoj dejatel'nosti» // Konsul'tantPljus
7. Hvylja-Olinter N. Potrebitel'skaja zakreditovannost' rossijan. (Jelektronnyj resurs). URL: <http://rusrand.ru/events/potrebitelskaja-zakreditovannost-rossijan>
8. Perspektivy bankovskoj sistemy na 2014g. (Jelektronnyj resurs). URL: <http://creditpad.com/perspektivy-bankovskoy-sistemy-na-2014-god/>

УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ, ИНВЕСТИЦИЯМИ, ИННОВАЦИЯМИ

УДК 332.1

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСКОРЕНИЯ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСАХ

Т.Н.Качала,

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента,
Черкасский государственный технологический университет

К.В.Павлов,

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики и управления
Ижевского государственного технического университета

А.Н.Шевченко,

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита,
Черкасский государственный технологический университет

Аннотация. В связи с необходимостью модернизации региональных хозяйственных комплексов на постсоветском пространстве важно определить основные экономические и организационно-управленческие факторы, ускоряющие процесс их инновационного развития.

К основным задачам и целям исследования относятся определение факторов ускорения процессов модернизации в региональных хозяйственных комплексах на постсоветском пространстве, а также выявление важнейших элементов различных режимов функционирования и развития регионов.

На основе использования субъектно-функционального подхода выделяют два режима функционирования региона – текущий и стратегический, причем в каждом из них определяют субъекты – носители целей и основные социально-экономические элементы, взаимодействие которых существенно влияет на эффективность функционирования этих режимов в структуре региональных хозяйственных комплексов. Анализируются также различные модели и формы модернизации региональной экономики на постсоветском пространстве и предлагаются варианты их эффективного использования в хозяйственной практике.

Ключевые слова: региональные хозяйственные комплексы, экономические и организационно-управленческие факторы, модернизация экономики региона, ускорение процессов территориального развития.

ECONOMIC AND ADMINISTRATIVE FACTORS OF ACCELERATION OF PROCESSES OF MODERNIZATION IN REGIONAL ECONOMIC COMPLEXES

T.N.Kachala,

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Management of Cherkasy State
Technological University

K.V.Pavlov,

Doctor of Economics, Professor of the Economics Izhevsky State Technical University

A.N.Shevchenko,

Candidate of Economic Sciences, Associate professor of the Department of Accounting, Analysis and
Audit of Cherkasy State Technological University

Abstract. Due to the need of modernization of regional economic complexes in the former Soviet Union it is important to define the major economic and organizational and administrative factors accelerating process of their innovative development.

Identification of the major elements of various modes of functioning and development of regions belong to the main objectives and research objectives definition of factors of acceleration of processes of modernization in regional economic complexes in the former Soviet Union, and also

On the basis of use of subject and functional approach allocate two modes of functioning of the region – current and strategic, and in each of them subjects define – carriers are more whole also the basic social and economic

elements which interaction significantly influences efficiency of functioning of these modes in structure of regional economic complexes. Also various models and forms of modernization of regional economy in the former Soviet Union are analyzed and options of their effective use in economic practice are offered.

Keywords: regional economic complexes, economic and organizational and administrative factors, modernization of economy of the region, acceleration of processes of territorial development.

Современные процессы регионализации в значительной мере определяются ростом роли регионов в социально-экономической и политической жизни общества. Это связано с развитием демократических государств, в которых центральные органы государственного управления отдают определенные полномочия региональным органам, а также с децентрализацией социально-экономических процессов, с увеличением важности региона как места развития бизнеса, с конкуренцией регионов по привлечению капитала (инвестиций) предоставлению услуг (образовательных, охраны здоровья, рекреационных и других), обеспечению условий жизни. Таким образом, глобализация и интернационализация развития имеют значительное влияние на экономическое развитие и формирование целей региона. Параллельно с этим проблемы регионального развития в значительной мере приобретают прикладной характер в результате их разнообразия, особенно в контексте выбора целей и стратегий развития различных территорий.

Разным аспектам регионального развития, проблемам формирования их стратегических целей развития посвящены труды таких авторов, как Л.Б.Вардомский [2], В.М.Геец [3], Р.С.Гринберг [4], Г.В.Гутман [5], О.В.Кузнецова [7], М.Е.Портер [14], В.В.Родионов [16], В.С.Селин [17, 18], Л.А.Третьякова [19], Л.А.Чалдаева [20], Р.И.Шнипер [21] и др.

Изучение экономической природы региона требует комплексного анализа сущностных его характеристик и функций как системы, организации, субъекта стратегического управления с целью их интеграции в целостный объект. Для решения этой задачи, по мнению авторов, следует применять единственную общенаучную методологию системного подхода, построенную на диалектической основе, с целью ее адаптации для исследования проблем развития региона.

Системный подход позволяет рассмотреть регион как целостную систему, которой свойственен принцип интеграции. Но целостность региона – динамического, социального объекта – является противоречивой и относительной. Такое свойство следует анализировать на основе диалектического метода, который позволяет учитывать противоречия, являющиеся основой развития этой сложной, многомерной системы, а также направленное действие на этот процесс. По мнению авторов, регион необходимо исследовать как субъект государства, систему, организацию, субъект формирования стратегических целей и развития (рисунок).

Методология исследования стратегических целей развития региона

Субъектами-носителями целей являются население, деловое содружество и органы управления. Функционирование региона рассматривается в двух основных режимах: текущем (выживание) и стратегическом (развитие). На пересечении рассмотренных критериев формируются основные функции региона. Их можно рассматривать как по горизонтали (строке) – по субъектам-носителям, так и по вертикали (столбцу) – по режимам функционирования.

Отмеченные элементы режимов функционирования в регионе в основном отвечают общепринятым стандартам, характерным для стран со смешанной экономикой (США, Швеция, Германия). Они заключаются в установлении благоприятных макроэкономических условий и поддержке функционирования рыночных институтов [10, 11]. Чтобы приблизиться к развитым стандартам, перед государственными органами власти постсоветских стран на первый план выходят задачи реформирования, обеспечения устойчивости роста и развития, активизации участия государства в создании условий развития эффективной рыночной экономики.

Органы государственной власти должны:

- 1) усилить координирующую функцию создания государственных и частных институтов, основ рыночной инфраструктуры;
- 2) предупредить и максимально ослабить криминализацию экономики;
- 3) стимулировать безинфляционный рост, увеличение производственных инвестиций, вложения в человеческий капитал, охрану здоровья, образование, охрану окружающей среды;
- 4) превратить ренту природных ресурсов в государственные доходы и общественные инвестиции;
- 5) стимулировать конкуренцию и создание конкурентоспособных предприятий;
- 6) создать новый социальный контракт, который включает систему социальной защиты и смягчение экономического неравенства;
- 7) облегчить перестройку промышленности на основе реализации активной промышленной политики;
- 8) осуществить ключевые проекты, используя целевой подход.

Развитие региона должно обеспечить через определенный период времени позитивные изменения во всех основных видах воспроизводственных взаимодействий между:

- населением и бизнесом (производством), между социальными и экономическими интересами, потреблением и накоплением;
- отдельными частями (населенными пунктами) региона, между столицей регионом и другими (окружающими) его поселениями;
- региональными и государственными интересами, которые нередко закладывают основу для возникновения социально-экономических противоречий.

Таким образом, для исследования региона необходимо использовать системный подход с применением диалектической логики. Возвращаясь к теме модернизации региональных хозяйственных комплексов, необходимо отметить, что при определении факторов и условий осуществления модернизации следует учесть ее многовариантный характер. Варианты технического перевооружения и структурной перестройки экономики, прежде всего, могут отличаться сроком и временем их реализации. В связи с этим можно вспомнить разные варианты технического перевооружения, связанные с процессом индустриализации [9]. Как известно, выделяют три варианта индустриализации, когда:

- а) ставка делается на развитие легкой и пищевой промышленности (так называемый, капиталистический вариант индустриализации);
- б) ставка делается на развитие тяжелой промышленности (социалистический вариант индустриализации);
- в) нет четкой направленности на развитие какой-то одной группы отраслей промышленности.

Как правило, ставка на капиталистический вариант индустриализации приводит к более длинному сроку технического перевооружения экономики по сравнению с социалистическим вариантом индустриализации. Кроме выделения разновидностей индустриализации, связанных с внутренними факторами, выделяют экспортоориентированный и импортозамещающий варианты индустриализации, связанные с внешними факторами.

В постсоветских государствах можно предложить рассмотреть разные варианты модернизации экономики. В виде двух крайних вариантов предлагаются следующие: от ставки на высокие технологии и подавляющее инвестирование в наукоемкие производства, прежде всего,

на основе ВВП, к другому сценарию, где акцент делается на первоочередное развитие гражданских отраслей потребительского сектора, ресурсосберегающих технологий преимущественно традиционного типа. В последнем случае развитие потребительского сектора становится мощным стимулятором для развития инвестиционного сектора, однако эта дорога более длительна с точки зрения вхождения в постиндустриальную эпоху. На взгляд авторов, на постсоветском пространстве должен быть реализован смешанный вариант в виде своеобразной смеси элементов этих двух критических вариантов модернизации, то есть в виде рационального сочетания элементов разных технологических укладов [1]. Однако в разных странах бывшего СССР это сочетание будет различаться. Очевидно, что в настоящее время для России, в связи с введением, так называемых, экономических санкций со стороны развитых государств, на первое место выходит импортозамещающая модель модернизации.

Однако в любом случае смело можно утверждать, что успешной в постсоветских странах модернизация будет лишь в том случае, если государственные властные структуры серьезно займутся этим процессом (то есть в этих государствах успешной может быть модернизация лишь тогда, когда она реализуется сверху, о чем свидетельствует и исторический опыт развития этих стран).

Выбор того или другого варианта модернизации экономики зависит от многих факторов: потенциала страны, меры его технологического развития, внешнеэкономической ситуации и других факторов. Учитывая, что в настоящее время постсоветские государства относятся к группе, так называемых, «догоняющих» стран, по мнению авторов, также целесообразно выбрать модель модернизации со сравнительно небольшим сроком ее осуществления, поскольку иначе развитые страны в своем технико-экономическом развитии опять уйдут далеко вперед, а постсоветские государства опять окажутся на периферии развитого мира. Причем, поскольку особенных инвестиций из-за границы в ближайшее время ожидать не приходится, ставку придется преимущественно делать на внутренние резервы и факторы. В этих условиях сырьевой сектор должен сыграть роль точек роста, ядра, локомотива развития всей национальной экономики на постсоветском пространстве.

Наряду с комплексным характером, который присущ экономической инерционности, другой особенностью, отличающей ее от физической инерционности, является многоуровневый характер экономической инерционности. Действительно, инерционность присуща и предприятиям, и отраслям, и регионам, и народному хозяйству, и мировой экономике в целом, причем различным уровням иерархической системы управления и организации воспроизводственных процессов инерционности присуща своя специфика. Именно в связи с этим обстоятельством сформулированное нами правило об аддитивности матриц, характеризующих меру инерционности однотипных систем применимо только к социально-экономическим системам одного иерархического уровня. Причем, очевидно, что на каждом более высоком уровне иерархической структуры экономической инерционность носит более сложный характер, что выражается в количественном увеличении и качественном разнообразии факторов инерционности, формах и способах ее проявления – более того, инерционность систем более высокого уровня как бы включает в качестве своих составляющих инерционность систем более низкого уровня (к примеру, инерционность отраслевого или регионального хозяйственного комплекса в качестве составляющих включает инерционность, присущую предприятиям, в него входящим).

Необходимо также заметить, что явление экономической инерционности гораздо чаще и сильнее проявляется в переходных, кризисных условиях, чем в стабильной и относительно устойчивой ситуации. Так, в первые несколько лет начавшейся в России рыночной реформы значительная часть директоров предприятий, считая, что осуществляемые общественные преобразования недолговечны, использовали в системе управления и организации производством традиционные методы, характерные для социалистической эпохи, и лишь с развитием рыночных отношений инерционная стратегия стала постепенно преодолеваться. Таким образом, переходная среда, кризисные условия чаще вызывают необходимость смены типа, формы инерционности, чем это имеет место в относительно стабильной среде, когда сами условия определяют целесообразность использования традиционных подходов к организации и управлению производственными процессами (иначе говоря, устойчивая среда априори определяет действие стереотипов, т.е. инерционность хозяйственного мышления).

Действительно, в экономической сфере инерционность проявляется более сложно, чем в физическом мире, и выражается это в комплексности социально-экономической инерционности, ее многоуровневом характере, в более сильном проявлении данной разновидности инерционности в кризисной, нестабильной организационно-экономической среде, и в наличии различных форм

экономической инерционности – позитивной (прогрессивной), негативной (регрессивной) и нейтральной. Общее же между физической и производственной (экономической) инерционностью заключается в том, что и в первом, и во втором случае при прочих равных условиях при данном воздействии извне изменения системы тем меньше, чем выше ее инерционность. Однако поскольку инерционность экономической системы в отличие от физической определяется не по одному, а по каждому значимому параметру, то при учете внешнего воздействия на систему следует определять меру его влияния на каждый значимый параметр, поэтому показатели инерционности экономической системы по разным значимым параметрам при данном внешнем воздействии, в принципе, могут не совпадать. Важнейшим условием преодоления негативной инерционности в экономике обычно является ее структурная перестройка.

Далее целесообразно рассмотреть основные факторы ускорения модернизации промышленных предприятий. Ускорение модернизации промышленных предприятий тормозится из-за отсутствия государственной программы, которая должна быть сформирована на принципах стратегического и проектного управления и в условиях методического обеспечения ее практической реализации относительно изменения технико-технологической базы. Иначе говоря, при ее разработке должна быть устранена несогласованность между концептуальными намерениями проведения модернизации и практическими действиями менеджеров относительно ресурсного обеспечения реализации конкретных проектов.

Проблемы модернизации постсоветской экономики (в частности, российской и украинской экономик), ее секторов и отдельных предприятий охватывают широкий круг системных мероприятий [8]. В настоящее время они в центре внимания руководства постсоветских государств, научных работников и руководителей предприятий и организаций. В Украине, например, даже появились соответствующие государственные нормативные акты, в которых сформулированы цели и задания модернизации украинской экономики. Ускорение модернизации промышленных предприятий предопределяет необходимость определения основных факторов, которые влияют на этот процесс, и их смыслового наполнения. Среди них определяющую роль следует отнести определению основной цели и приоритетов в осуществление процесса модернизации, ее ресурсному обеспечению и усовершенствованию методов модернизации.

Масштабная модернизация экономики Украины предопределена ее неспособностью адекватно реагировать на внешние и внутренние факторы и угрозы. Это, в первую очередь, проявляется в низком уровне ее конкурентоспособности. Невзирая на определенный предкризисный рост, экономика Украины не избавилась от определенных глобальных деформаций и значительно отстает в своем развитии от экономик не только развитых стран мира, но и от экономик постсоветских стран за совокупной производительностью основных факторов производства и уровнем благосостояния населения. Особенно это справедливо в связи с осуществлением военных действий на Юго-Востоке страны. Подавляющее большинство украинских предприятий используют обветшалые технологии, являются энергоемкими, у них недостаточно развитая продуктовая и рыночная диверсификация производства, что в итоге предопределяет их низкую адаптивность к негативным внешним влияниям и приводит к резкому падению производства и неэффективному их функционированию в жестких условиях конкуренции.

Следовательно, чтобы избавиться от влияния ряда негативных факторов, которые тормозят динамическое развитие экономики Украины, ее секторов и отдельных предприятий, необходимо разработать и реализовать комплекс системных мероприятий организационно-технического и экономического характера, материализованных в конкретных проектах модернизации на всех уровнях иерархии хозяйственной деятельности: отраслевом, региональном и уровне отдельных предприятий, которые станут важной организационной основой их ресурсного обеспечения и своевременного выполнения. Одновременную масштабную модернизацию предприятий во всех секторах национального хозяйства практически осуществить невозможно. Это объясняется рядом причин организационно экономического характера, и, в первую очередь тем, что для реализации проектов модернизации необходимо надлежащее ресурсное обеспечение. Многим предприятиям нужно привлечь большие объемы инвестиционных ресурсов, что по ряду причин для них весьма проблематично.

Ограничение ресурсов, особенно инвестиционных, которые можно привлечь для модернизации промышленных предприятий, предопределяет необходимость определения приоритетов ее проведения. Добавим, что приоритетность не является какой-то формальностью, а важной организационной основой, которая предопределяет первоочередное направление

модернизации предприятий, учитывая важность и значимость деятельности их коллективов в решении социально-экономических заданий, например, надлежащем обеспечении внутреннего рынка продукцией взамен импортной, которая в то же время не уступает по качеству зарубежным аналогам. Кроме этого, сферой приоритетов в проведении модернизации могут быть те секторы экономики и их предприятия, которые способны в оптимальные сроки обновить и нарастить свой производственный потенциал и обеспечить изготовление продукции высокого качества, которая отвечает международным стандартам и является конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках [12]. Поэтому определение таких секторов (отраслей) и предприятий следует рассматривать как одно из важнейших направлений управления процессами модернизации на государственном уровне: их статус нужно закрепить соответствующими нормативными государственными актами. Это будет означать, что такие отрасли и предприятия ориентированы на стабильное развитие и эффективное функционирование в жестких условиях конкуренции. С другой стороны, развитие отраслей и их предприятий на основе модернизации будет свидетельствовать о том, что о них в определенном смысле заботится само государство. Это, в конечном счете, должно повысить их инвестиционную привлекательность для внутренних и внешних инвесторов.

Среди важнейших направлений, которые будут способствовать ускорению модернизации приоритетных предприятий, следует выделить использование государственных преференций, среди которых – снижение ставок налогообложения на период организации и освоения ими новой продукции; предоставление льготных кредитов на приобретение новейших технологий, которые направляются на развитие производственных мощностей, ориентированных на изготовление конкурентоспособной продукции с инновационным наполнением; создание благоприятных условий для них на таможенной границе, если они имеют договорные связи с зарубежными фирмами на поставку оборудования для переоснащения производства и использования комплектующих изделий для изготовления новых видов продукции.

Ускорение модернизации предприятий, которые определены приоритетными направлениями социально-экономического развития региона, предопределяет необходимость усовершенствования амортизационной политики, направленной на использование части амортизационных средств для проведения модернизации [6]. В системе мероприятий, нацеленных на инвестиционное обеспечение модернизации предприятий, ключевое место должно отводиться отечественному инвестору – предприятиям, банковским учреждениям.

Центральное место в инвестировании модернизации должно принадлежать приоритетным средствам национальной экономики, которые призваны в этой ситуации решать задачу обновления технико-технологической базы – основы применения новейших технологий для организации изготовления продукции с инновационным наполнением, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках и предназначенной для переоборудования предприятий других секторов экономики, в частности, легкой, пищевой и деревообрабатывающей отраслей промышленности. Ускоренное развитие регионов не только даст возможность интенсифицировать модернизацию всех секторов экономики, но и станет важным фактором стабильного развития постсоветской экономики на инновационных принципах и повышения ее конкурентоспособности. Модернизация промышленных предприятий должна не только содействовать развитию их активов, но и ощутимо отразиться на улучшении безопасности труда, защите окружающей среды, а также развитию и креативном росте персонала.

Для проведения процессов модернизации промышленных предприятий необходимо обеспечить их специалистами высокого уровня квалификации, среди которых главное место принадлежит управленцам и квалифицированным рабочим. Как правило, модернизация предприятий существенно отражается на формировании структуры их персонала [15]. Преимущественно следует привлекать к работе такие категории работников, которые способны системно решать сложные задачи повышения технико-организационного уровня производства на основе использования новейших технологий, а также организовать производство продукции высокого качества, конкурентоспособного на внутреннем и внешнем рынках. Для разработки и реализации проектов модернизации предприятий необходимо привлечь наряду с опытными работниками молодых специалистов, которые завершили учебу в вузе и имеют достаточные знания, чтобы выполнять конкретные проектные задания, связанные с повышением технико-технологического уровня предприятий и их подразделений.

Наряду с улучшением кадрового обеспечения предприятий, которое осуществляет модернизацию, чрезвычайно важным является применение современных механизмов мотивации труда, материального и морального его стимулирования с учетом профессионального уровня

работников и их вклада в достижение конкретных результатов в ходе реализации проектов модернизации на предприятиях. Важно также, что для ускорения модернизации промышленных предприятий большое значение имеет осуществление мероприятий, направленных на концентрацию инвестиционных ресурсов и их рациональное использование в процессе реализации соответствующих программ и проектов. Это предопределяет необходимость применения соответствующего механизма их использования.

Основой такого механизма должен быть программно-целевой метод. Применение этого метода в процессе управления программами и проектами модернизации станет важным инструментом успешного их выполнения, в первую очередь благодаря сбалансированному формированию ресурсов и эффективному их использованию, соблюдению четко установленных сроков, выполнению мероприятий, предусмотренных в программах и проектах соответствующих подразделений и функциональных служб; установлению персональной ответственности конкретных исполнителей за выполнение отдельных разделов (этапов) программы или проекта [13]. Вместе с тем, применение программно-целевого метода даст возможность согласовать в пространстве и во времени выполнение функций соответствующих служб предприятия, непосредственно связанных с проведением процесса модернизации предприятия, что будет способствовать достижению поставленной перед ним цели.

Таким образом, модернизацию следует рассматривать как экономическую категорию, отображающую новый тип производственных отношений, реализация которых должна способствовать ускорению воспроизводительных процессов на предприятиях и, в первую очередь, развитию материально-технической базы производства на принципах новейших технологий. Это станет важной основой для изготовления продукции с инновационным наполнением, конкурентоспособным на внутреннем и внешнем рынках, повышения эффективности производства на предприятиях и в их различных подразделениях, а также даст возможность решить блок актуальных проблем социального характера в производственных коллективах.

Далее рассмотрим интенсификацию процессов реструктуризации регионального промышленного производства. Следует признать, что повышение результативности функционирования региональных промышленных комплексов (РПК) и выполнения ими определенных производственно-хозяйственных заданий в кризисных условиях требуют в настоящее время, решения неотложных вопросов относительно формирования конкурентного потенциала региональных производственно-экономических систем и обеспечения их высокой эффективности. Это возможно в случае использования действенных технологий управления процессами реструктуризации, что даст возможность устранить структурно-динамические диспропорции и обеспечить достаточный уровень экономической безопасности. В частности, процессы реструктуризации непосредственно влияют на предпринимательский сектор, который, к сожалению, остается малоразвитым.

Следует указать на основные причины современных деструктивных изменений. Они заключаются в неспособности занимать конкурентные позиции, которые вытекают из незначительных объемов производства продукции и трудностей ее реализации; низкой инвестиционной активности; высоких таможенных сборов на импортные комплектующие и оборудование, а также вследствие недостаточной развитости рыночной инфраструктуры. В свою очередь, следует отметить также несовершенство инфраструктуры рынка капиталов и банковской системы, которая также усложняет привлечение инвестиционных ресурсов (процентные ставки за банковские кредиты теперь являются неприемлемыми для активизации процессов инвестирования в долгосрочные инновационные программы или проекты). Поэтому, учитывая вышесказанное, процессы формирования и рационального использования информационно-методического потенциала реструктуризации региональных производственно-экономических систем являются ключевым фактором обеспечения сбалансированности их функционирования, что можно осуществить на основе модернизации, обновления, реформирования, инжиниринга и реинжиниринга производственно-хозяйственной, технико-технологической и внешнеэкономической деятельности промышленности в регионах постсоветских государств.

Технологии управления трансформационными процессами должны исходить из того, что современные коллизии производственных и экономических отношений можно решить лишь путем реструктуризации реального сектора региональной экономики и согласования социально-экономических интересов. Этого можно достичь за счет интенсификации процессов формирования и рационального использования их информационного потенциала в контексте реализации модели функционирования компромиссно равновесных рынков.

Пока же в настоящее время российский бизнес по-прежнему предъявляет явно невысокий спрос на инновации. Уровень инновационной активности отечественных предприятий в начале XXI в. обычно не превышает 10%, уступая по этому показателю не только ведущим государствам, но и ряду стран Восточной Европы. Причем, это касается как технологических, так и нетехнологических (организационных, маркетинговых) инноваций. Для России также характерна невысокая интенсивность затрат на инновации в соотношении с объемом продаж: в среднем по промышленности она составляет всего 1.5% (для сравнения, в Швеции – 5.4%, в Германии – 3.4%) [2]. Низка и отдача от этих затрат. Инновационная деятельность на предприятиях России преимущественно сводится к приобретению машин и оборудования, а не проведению исследований и разработок и созданию на этой основе заделов для разработки радикальных новшеств. В результате доля инновационной продукции, которая является новой для рынков, составляет всего лишь 0.6% в общем объеме отгруженной продукции (для сравнения, в Германии – 3.3%, в Финляндии – 6.3%). Поступления от экспорта технологий имеют всего лишь 7% российских организаций, выполняющих инновационные работы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для обеспечения поступательного развития экономики России необходимо решить комплекс проблем, в том числе проблем на территориальном уровне.

Следовательно, на современном этапе развития реального сектора региональной экономики необходимым является:

- обоснование приоритетных направлений и этапов проведения реструктуризации производственно-экономических систем (с основным акцентом на повышение их информационной защищенности);

- учет того факта, что реструктуризация, а в ее пределах, реформирование, модернизация и реинжиниринг реального сектора экономики должны повлиять на территориальное развитие любого смежного вида экономической деятельности;

- разграничение цели и средств достижения целей реструктуризации, поскольку реализация этой стратегии не может выступать самоцелью производственно-хозяйственной деятельности. Потому, что сами по себе они ничего изменить не могут в целом в отрасли или промышленности.

Учитывая сказанное, приоритетом в процессе управления реструктуризацией реального сектора региональной экономики следует считать обеспечение инновационно-информационной направленности осуществления процессов обновления, реформирования или модернизации регионального промышленного производства, которое обусловит наращивание его стратегического потенциала в целом. При этом одной из важных предпосылок устойчивого роста регионального промышленного производства высокотехнологической продукции в условиях рынка остается проведение тех видов структурных сдвигов в реальном секторе, что обеспечат использование действенных способов перестройки ее деятельности с целью адаптации к новым требованиям функционирования в нестабильной рыночной и внешней экономической среде.

Выводы. Сделан вывод о том, что для эффективной реализации процессов модернизации важно также учитывать не только технологический аспект, который, безусловно, является важнейшим, но и организационно-управленческий, социальный, экологический аспекты, а также отраслевые и региональные особенности инновационного развития производственных процессов.

Кроме этого, обосновывается идея о том, что модернизацию следует рассматривать как экономическую категорию, которая отображает новый тип производственных отношений, которые должны способствовать ускорению воспроизводственных процессов на предприятиях и, в первую очередь, в развитии материально-технической базы производства в условиях внедрения новейших технологий. Это станет важной основой для изготовления продукции с инновационным наполнением, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках; повышения эффективности производства на предприятиях и их производственных подразделениях; даст возможность решить блок актуальных проблем социального направления в производственных коллективах.

Установлено, что генерирование, производство и наращивание потенциала РПК становятся возможным в случае активизации социально-экономических и организационных изменений, которые можно рассматривать как следствие интенсификации процессов реструктуризации бизнес-среды и как информационно-методическую базу маркетинговых исследований внутренней и внешней среды. Учитывая сказанное, считаем в дальнейшем целесообразным осуществить пересмотр определенной цели бизнеса, рынков сбыта, контингента поставщиков, и, конечно, организационную и коммуникационную структуры управления развитием РПК, а также тип используемой в пределах реального сектора региональной экономики технологии.

В результате можно получить региональную производственно-экономическую систему с высокой степенью защищенности внутренней информации, модернизируемой структурой управления, расширенными потенциальными возможностями и рынками сбыта товаров, сбалансированным финансовым состоянием. Сформированный комплекс мероприятий, направленных на интенсификацию структурных сдвигов в РПК, позволит осуществить инновационную перестройку национальной промышленности в постсоветских государствах.

Литература

1. Андреев В.А., Павлов К.В. Интенсификация общественного производства в свете институциональной теории // Общество и экономика. 2006. № 6. С. 152-162.
2. Вардомский Л.Б. Модернизация экономики в странах СНГ: типы, ресурсы, инструменты // Экономика и прогнозирование. 2009. № 1. С. 70-77.
3. Геец В.М. Проблемность структурных трансформаций экономики стран с развивающимися рынками // Экономика и прогнозирование. 2009. № 1. С. 54-69.
4. Гринберг Р.С. Результаты экономических реформ в постсоциалистических странах // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 3. С.10-17.
5. Гутман Г.В., Мироедов А. А., Федин С. В. Управление региональной экономикой. М.: Финансы и статистика, 2002. 175 с.
6. Качала Т.Н. Модернизация как необходимое условие экономического восстановления национальной социально-экономической системы // Вестник Волынского института экономики и менеджмента. Луцк, 2011. № 2. С.4-13.
7. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Эдиторал, 2002. 308 с.
8. Павлов К.В. Волнообразный характер соотношения между рыночным и государственным регулированием экономики // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 9. С. 130-142.
9. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. М.: Магистр, 2007. 271 с.
10. Павлов К.В. Патоинституты, патоинституционализм и модернизация российской экономики // Проблемы теории и практики управления. 2013. №7. С. 126-134.
11. Павлов К.В. Патологические процессы в экономике. М.: Магистр, 2009. 462 с.
12. Павлов К.В. Ядро экономических систем и эффективная хозяйственная политика. М.: Магистр, 2009. 193 с.
13. Петров А.А. Инвестиционная политика промышленного предприятия в условиях неоиндустриальной экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 216с.
14. Портер М.Э. Конкуренция // Пер. с англ. М.: Вильямс, 2006. 608 с.
15. Прокопьева Е.Л. Инвестиционный потенциал страхования в Республике Хакасия // Финансы и кредит. 2009. №43. С. 7-14.
16. Родионов В.В., Суетина Т.А. Методика оценки затрат инновационного проекта // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н.Туполева. 2002. № 4. С. 69-73.
17. Селин В.С. Роль прогнозирования в формировании стратегии регионального развития // Проблемы прогнозирования. 2009. Т. 117. № 6. С. 95-104.
18. Селин В.С. Российская Арктика: современные проблемы и перспективы развития // Часопис економічних реформ. Луганск. 2014. № 3. С. 135-144.
19. Третьякова Л.А. Роль институтов гражданского общества в реализации стратегии устойчивого регионального развития // Региональная экономика: теория и практика. 2014. №.31. С. 47-55.
20. Чалдаева Л.А. Инновационное развитие российской экономики: стимулы и факторы роста // Финансы и кредит. 2010. № 45. С. 2-5.
21. Шнипер Р.И. Регион: экономические методы управления. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 320 с.

References

1. Andreyev V.A., Pavlov K.V. Intensification of a social production in the light of the institutional theory // Society and economy. 2006. №. 6. P. 152-162.

2. Vardomsky L.B. Modernization of economy in camps of the CIS: types, resources, tools // Economy and forecasting. 2009. № 1. P. 70-77.
3. Geets V.M. Problemnost of structural transformations of economy of the countries with developing rinka // Economy and forecasting. 2009. №. 1. P. 54-69.
4. Greenberg R. S. Results of economic reforms in the post-socialist countries // Problems of the theory and practice of management. 2003. № 3. P. 10-17.
5. Guttman G.V., Miroyedov A.A., Fedin S.V. Management of regional economy. M.: Finance and statistics, 2002. 175 p.
6. Kachala T.N. Modernization as necessary condition of economic recovery of national social and economic system // Bulletin of the Volynsk institute of economy and management. Lutsk, 2011. № 2. P. 4-13.
7. Kuznetsova O.V. Economic development of regions: theoretical and practical aspects of state regulation. M.: Editorial, 2002. 308 p.
8. Pavlov K.V. Undulating nature of the relationship between market and state regulation of the economy // Problems of the theory and practice of management. 2014. № 9. P. 130-142.
9. Pavlov K.V. Intensification of the economy under uncertainty market environment. M.: Master, 2007. 271 p.
10. Pavlov K.V. Patoinstituty, patoinstitutsionalizm and modernization of the Russian economy // Problems of the theory and practice of management. 2013. № 7. P. 126-134.
11. Pavlov K.V. Pathological processes in the economy. M.: Masters 2009. 462 p.
12. Pavlov K.V. The core of economic systems and the efficiency of economic policies. M.: Master, 2009. 193 p.
13. Petrov A.A. The investment policy of the industrial enterprise in a neo-industrial economy. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2012. 216 p.
14. Porter M.E. Competition // Per. Translated from English. M.: Williams, 2006. 608 p.
15. Prokopeva E.L. Investment potential of the insurance in the Republic of Khakassia / Finance and Credit. 2009. № 43. P. 7-14.
16. Rodionov V.V., Suetina T.A. Method of estimating the cost of the innovation project // Bulletin of the Kazan State Technical University. Tupolev. 2002. № 4. P. 69-73.
17. Celin V.S. The role of prediction in the formation of a regional development strategy // forecasting problems. 2009. T. 117. № 6. P. 95-104.
18. Celin V.S. Russian Arctic: current problems and prospects // Journal ekonomichnih reforms. Lugansk. 2014. № 3. P. 135-144.
19. Tretyakov L.A. The role of civil society in the implementation of strategies for sustainable regional development // Regional economy: theory and practice. 2014. № 31. P. 47-55.
20. Chaldaeava L.A. Innovative development of the Russian economy: incentives and growth factors // Finance and Credit. 2010. № 45. P. 2-5.
21. Shniper R.I. Region: economic management methods. Novosibirsk: Science. Siberian Branch, 1991. 320 p.

УДК 338.47:656.6(985)

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ТРАССЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

А.Б.Николаева,

канд. эконом. наук, доцент, старший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, г.Апатиты

Аннотация. Все, что связано с арктической морской транспортной системой, является частью национальной политики России в области транспорта, которая направлена на развитие и совершенствование ее материально-технической базы и организационной структуры, создание привлекательных условий для пользователей этого маршрута. Функционирование Северного морского пути как единого инфраструктурного транспортного объекта предполагает развитие ледокольного, гидрографического, гидрометеорологического обеспечения и модернизацию базовых портов на всем протяжении Северного морского пути. К сожалению,

в настоящее время отечественные судостроительные предприятия практически не приступили к реализации планов по обновлению ледокольного флота. Таким образом, к 2017 г. РФ может оказаться перед «угрозой ледовой паузы». Вся система навигационно-гидрографического обеспечения в Арктике требует модернизации. В рамках различных ФЦП были выделены средства. Восстановление функций и расширение возможностей СМП как наиболее перспективного высокоэффективного и безопасного транспортного коридора предполагает как модернизацию действующих арктических портов, так и создание новых портовых (или транспортно-логистических) комплексов, рейдовых отгрузочных терминалов. Вследствие того, что формирование пакета документов по «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» затормозилось, проект освоения Арктики остается без федеральных денег, кроме того, отсутствует полноценная нормативно-правовая база.

Ключевые слова: Северный морской путь, Арктика, ледокольный флот, гидрографическое обеспечение, портовая инфраструктура.

INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT ALONG THE NORTHERN SEA ROUTE

A.B.Nikolaeva,

PhD (Economics), Associate Professor, Senior Researcher

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of RAS, Apatity

Abstract. Everything connected with the Arctic marine transportation system is part of the national policy of Russia in the field of transport, which is aimed at developing and improving its material and technical base and organizational structure, creating an attractive environment for the users of the route. Functioning of the Northern Sea Route as a single transport infrastructure object involves development of icebreaking, hydrographic, hydrometeorological services and modernization of the basic harbors all over the Northern Sea Route. Unfortunately, at present, domestic shipbuilding enterprises hardly begun to implement plans to update the icebreaker fleet. Thus, by 2017 Russia may be facing «a threat of ice pause». The whole system of navigation and hydrographic support in the Arctic requires modernization. Within various Federal Programs funds were allocated. Recovery of functions and expansion of the Northern Sea Route potentialities as the most promising high-performance and safe transport corridor involves both modernization of existing Arctic harbors and creation of new harbor (or transport and logistics) complexes, and offshore shipping terminals. Because of that formation of a package of documents on the "Strategy of development of the Arctic zone of the Russian Federation and national security for the period up to 2020" is hampered, development project of the Arctic has no federal money, and in addition, a proper legal framework is lacking.

Keywords: the Northern Sea Route, the Arctic, ice-breaker fleet, hydrographic support, harbor infrastructure

Арктика – важнейший стратегический регион, являющийся зоной интересов не только арктических государств – России, США, Канады, Дании, Норвегии, но и Европейского союза и других стран с развитой экономикой, таких как Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур. Прежде всего, эти страны привлекают перспективы освоения нефтегазового потенциала арктического континентального шельфа, а также возможность сокращения маршрутов трансконтинентальных перевозок. В настоящее время интерес к арктическим трассам значительно повысился. Этот интерес связан с началом освоения арктических шельфовых месторождений, глобальным потеплением климата и развитием судоходства в арктическом регионе.

Впервые официальное название Северному морскому пути дано в постановлении Совета Народных Комиссаров Союза ССР 1932 г. Этим постановлением образовано Главное управление Северного морского пути, перед которым была поставлена задача «проложить окончательно Северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечивать безопасность плавания по этому пути».

За прошедшие годы в Арктике были построены арктический ледокольный флот, транспортные суда для арктического плавания, морские порты, радиоцентры, созданы системы навигационно-гидрографического и гидрометеорологического обеспечения. В целом, к 1990-м гг. инфраструктура Северного морского пути соответствовала требованиям по обеспечению безопасных условий плавания.

Россия начала интеграцию Севморпути в мировую транспортную систему в качестве самостоятельного евро-азиатского транспортного коридора. Однако в настоящее время минерально-сырьевая база Арктического шельфа России обладает относительно низкой инвестиционной привлекательностью, что объясняется, в первую очередь, слабой развитостью инфраструктуры, обеспечивающей добычу и транспортировку ресурсов недр Арктического шельфа. Осуществление промышленной добычи углеводородного сырья на Арктическом шельфе создает риск нарушения

экологического равновесия в районах проведения работ и на путях транспортировки нефтепродуктов. Это усугубляется тем, что арктические моря характеризуются низким уровнем интенсивности естественной биологической очистки, что в случае аварийных разливов нефти может привести к длительному загрязнению окружающей среды. Повышенная степень риска при освоении месторождений Арктического шельфа предъявляет повышенные требования к судам, обеспечивающим работу добывающих платформ, танкерам, перевозящим углеводородное сырье, и к арктической морской транспортной системе в целом. Поэтому необходимо сформировать такую транспортную инфраструктуру, которая бы позволила обеспечить безопасную транспортировку минеральных ресурсов, минимизацию рисков возникновения нештатных и аварийных ситуаций, готовность сил и средств для их ликвидации.

Все, что связано с арктической морской транспортной системой, является частью национальной политики России в области транспорта, которая при всех экономических трудностях и бюджетных ограничениях направлена на развитие и совершенствование ее материально-технической базы и организационной структуры, создание привлекательных условий для пользователей этого маршрута. В первую очередь это развитие Северного морского пути как единого инфраструктурного транспортного объекта с улучшением ледокольного, гидрографического, гидрометеорологического обеспечения и модернизацией базовых портов на всем протяжении Северного морского пути.

Основой безопасных условий плавания судов в ледовых условиях Северного морского пути является ледокольный флот [1].

К сожалению, объективный рост ежегодных транзитных перевозок по СМП может быть ограничен отсутствием необходимого числа современных двухосадочных линейных ледоколов. Строительство ледоколов объективно становится важнейшей проблемой дальнейшего развития отечественной Арктической транспортной системы.

С учетом наиболее предпочтительного сценария развития Арктической зоны до 2030 г. предполагается радикальная модернизация Северного морского пути и наращивание грузооборота на его трассах до 30-35 млн т ежегодно. Столь существенный рост грузопотока по трассам СМП и должен быть положен в основу прогноза дальнейшего развития ледокольного и другого специального арктического флота. Однако, как говорилось выше, востребованность ледоколов, в большей степени зависят от того, станет ли СМП привлекательным для зарубежных судоходных компаний. Пока прогноз роста привлекательности СМП со стороны иностранных судоходных компаний неутешителен. В настоящее время Россия располагает самым крупным по численности ледокольным флотом. В его состав входят порядка 40 судов различных классов и назначений.

Сегодня возраст линейных атомных ледоколов приближается к критическому. Практически все атомные ледоколы нуждаются в замене в течение ближайших 5-7 лет. С учетом нормативных ресурсных показателей к 2022 г. в строю останется только один атомный ледокол «50 лет Победы».

В последние годы планомерно обосновывается необходимость закладки новых, в первую очередь, атомных ледоколов. Потребность в них связывается с неизбежностью выхода из строя уже существующих судов, а также с перспективами освоения Арктики и ростом грузопотоков по трассам СМП. Однако на деле актуальность строительства современных ледоколов только декларируется.

Строительство национального ледокольного флота предполагалось осуществлять в рамках реализации различных федеральных целевых программ. Первой из них стала президентская программа «Возрождение торгового флота России». Выполнение программы первоначально было рассчитано на период 1993-2000 гг. В июне 1996 г. ее действие было продлено до конца 2001 г. Программа предусматривала постройку 16 ледоколов. Однако ни один линейный ледокол в этот период построен не был [1].

На смену президентской пришла ФЦП «Модернизация транспортной системы России. 2002-2010 гг.». Эта программа включала в себя подпрограмму «Морской транспорт». В подпрограмме было разработано технико-экономическое обоснование строительства ледокольного флота нового поколения для обслуживания Северного морского пути. Предполагалось построить и ввести в эксплуатацию до 2015 г. два атомных ледокола мощностью 55-60 МВт типа ЛК-60Я (проект 22220) с реакторной установкой нового поколения. Ледокол должен был обеспечить круглогодичную проводку танкеров, сухогрузов и других транспортных судов к местам разработки полезных ископаемых на арктическом шельфе. В последующем из данной программы строительство ЛК-60Я было исключено. В настоящее время его строительство предполагается осуществлять в рамках другого утвержденного решения. Важным преимуществом ледокола проекта 22220 по сравнению с ледоколами предыдущих поколений является возможность работы как в открытом океане, так

и в устьях сибирских рек благодаря двухосадочной конструкции (ледокол имеет две рабочие осадки: 8.5 и 10.5 м).

Кроме того, в 2012-2013 гг. планировалось ввести в действие два дизель-электрических ледокола типа ЛК-25 мощностью 25 МВт, а также приступить к строительству портовых ледоколов нового поколения. К сожалению, и данная Программа строительства ледоколов выполнена не была. Более того, ни один современный ледокол требуемой мощности до настоящего времени даже не был заложен на верфях или заказан за границей. Вместо ледоколов ЛК-25 мощностью 25 МВт, способных успешно работать даже на трассах СМП, являясь определенной альтернативой атомным ледоколам, были введены в строй в 2008 и 2009 гг. два ледокола ЛК-18 мощностью 18 МВт, проекта 21900. Их строительство велось в соответствии с изменениями, внесенными в подпрограмму постановлением Правительства РФ от 31.05.2006 г. № 338. Однако ледоколы ЛК-18 решить все задачи линейных ледоколов на трассах СМП не способны.

В «Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу» отмечается: «Всего для выполнения прогнозируемых объемов работ на период до 2030 г. по транспортировке углеводородов континентального шельфа России потребность в специализированных транспортных судах арктического плавания составляет – около 90 единиц суммарным дедвейтом около 4 млн т и обслуживающего флота – около 140 единиц. Кроме того, необходимо будет построить 10-12 новых ледоколов (в совокупности с ледоколами различных типов, которые будут обеспечивать транспортные морские перевозки, их потребуется более 40 единиц)».

Следует отметить, что в настоящее время отечественные судостроительные предприятия практически не приступили к реализации столь амбициозных, но в тоже время исключительно актуальных для страны планов. Таким образом, РФ с такими темпами обновления ледового флота к 2017 г. может оказаться перед «угрозой ледовой паузы». Выход из столь сложного положения возможен, например, путем ускоренного строительства мощных линейных неатомных ледоколов на стапелях пяти отечественных верфей: ОАО «Балтийский завод», «Северная верфь», «Адмиралтейские верфи», «Севмашпредприятие» ОАО «Выборгский завод». Параллельно на верфях может осуществляться и строительство атомных ледоколов. Таким образом, главной проблемой дальнейшего развития российской Арктической транспортной системы является проблема строительства ее основы – мощного линейного ледокольного флота [1].

Большое значение для развития Севморпути имеет навигационно-гидрографическое обеспечение (НГО), которое является составной частью системы безопасности судоходства. Для арктических морей издано 747 открытых навигационных морских карт, 19 руководств и пособий для плавания. Установлено 1555 объекта различных средств навигационного оборудования.

Вся система навигационно-гидрографического обеспечения в Арктике требует модернизации. Для создания современной комплексной системы НГО на Северном морском пути необходимо:

- площадная съемка рельефа дна всей протяженности СМП и создание банка данных электронных карт;
- строительство береговых контрольно-корректирующих станций Глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС/GPS, обеспечивающих использование систем в высокоточном дифференциальном режиме (ФЦП «Глобальная навигационная система», финансирование – около 170 млн. руб.);
- замена радиоизотопных термоэлектрических генераторов (РИТЭГ) на альтернативные источники питания на навигационных объектах в Арктике (ФЦП «Обеспечение ядерной безопасности на 2008-2012 гг.», финансирование – 457 млн руб.).

Координацию поисково-спасательных операций в Арктике осуществляют:

- в западном районе Арктики – Морские спасательно-координационные центры (МСКЦ) в портах Мурманск и Архангельск;
- в восточном районе Арктики – МСКЦ в портах Владивосток и Петропавловск-Камчатский. Граница между западным и восточным районами Арктики проходит по устью реки Лена.

В целях обеспечения поисковых и аварийно-спасательных работ в Арктике в зоне ответственности Российской Федерации Росморречфлотом организовано несение аварийно-спасательной готовности:

- в западном районе Арктики – силами и средствами ФГУП «Мурманское БАСУ» с филиалом в Архангельске;
- в восточном районе Арктики – силами и средствами ФГУП «Дальневосточное БАСУ», ФГУП «Сахалинское БАСУ» и филиала в Петропавловске-Камчатском.

Линейные ледоколы несут аварийно-спасательную готовность в районах, в которых они осуществляют ледокольное обеспечение.

Задачи обновления аварийно-спасательного и гидрографического флотов решаются в рамках реализации ряда Федеральных целевых программ.

В 2009 году закончено проектирование и начато строительство многофункциональных аварийно-спасательных судов и водолазных катеров.

С 2010 по 2015 гг. за счет средств федерального бюджета планируется построить около 50 аварийно-спасательных и гидрографических судов, на что предусмотрено выделение около 40 млрд руб. [2].

Арктические порты по-прежнему являются самым слабым звеном на СМП. Из-за отсутствия средств у собственников модернизация технического оборудования портов после 1990 г. производилась в ничтожных масштабах. Причалные сооружения в большинстве арктических портов требуют капитального ремонта, реконструкции и дноуглубления для приема современных судов. В большинстве портов отсутствуют или находятся в критическом состоянии сооружения по приему и утилизации судовых отходов, средства ликвидации аварийных разливов нефти [3].

Арктические порты имеют ключевое значение в обеспечении транспортной независимости, обороноспособности, внешней торговли, перевозок грузов, развития и использования транзитного потенциала России [4].

Пришедшие в упадок порты существенно снижают конкурентоспособность Северного морского пути. По словам председателя совета директоров консорциума «ЭнергоКоминтех» Игоря Орлова, выступавшего на Арктическом инвестиционном саммите 27 февраля 2014 г. «Архангельск, Диксон, Тиксинский транспортный узел, Нижнеямск, Зеленый Мыс, Мыс Шмидта, Певек. Это минимум, который надо восстанавливать» [5].

Восстановление функций и расширение возможностей СМП как наиболее перспективного высокоэффективного и безопасного транспортного коридора предполагает как модернизацию действующих арктических портов, например, портов Хатанга, Тикси, Певек, Дудинка, Диксон, так и создание новых портовых (или транспортно-логистических) комплексов, рейдовых отгрузочных терминалов, например, таких как Индига, Харасавей, Мурманск, Варандей. К основным портам СМП сегодня относятся: Игарка и Дудинка, Диксон, Тикси, Певек, Провидения, а также ряд более мелких портов [1].

В перспективе арктические порты будут ориентированы на перевалку топливно-энергетических ресурсов (сырой нефти, нефтепродуктов, угля, сжиженного газа). При этом нефть и газ будут поступать в порты с шельфов северных морей (для их перевалки построены порты Варандей, Харасавэй). Строятся новые порты, например, в 2012 г. началось строительство нового крупного морского порта в арктическом бассейне Российской Федерации в районе ямальского пос. Сабетта. Его главной задачей изначально была транспортировка сжиженного природного газа проекта «Ямал-СПГ» по Северному морскому пути в страны Юго-Восточной Азии. Но практически сразу проект был расширен: порт должен стать многопрофильным, рассматривать его необходимо в качестве нового узлового порта на Севморпути. Ямальская Сабетта, находясь практически посередине между Мурманском на западе и Петропавловском-Камчатским на востоке, будет играть роль инфраструктурного объекта на Севморпути, куда могли бы заходить не только танкеры-газовозы, но и сухогрузы со строительными материалами, военные корабли и даже пассажирские лайнеры [6]. Строительство порта осуществляется в труднодоступном районе, что требует на много больших инвестиций, чем строительство портов в других бассейнах.

В Мурманской области особое значение имеет реализация проекта «Комплексное развитие Мурманского транспортного узла», который включен в федеральную целевую программу «Развитие транспортной системы России (2010-2015 годы)». Его целью выступает использование потенциала Мурманского транспортного узла для обслуживания грузопотоков Северного морского пути, Баренцева Евроатлантического транспортного коридора, а также грузов углеводородного сырья, связанных с разработкой и эксплуатацией шельфовых месторождений. В рамках проекта планируется строительство новых портовых перегрузочных комплексов, морского контейнерного и логистического терминалов, развитие сети подъездных железнодорожных и автомобильных дорог, а также других объектов [7].

Строительство новых стратегических морских портов России в Арктике предполагает одновременное подведение к ним, прежде всего, железнодорожных магистралей. Железнодорожный транспорт для России является универсальным, самым надежным, экономически выгодным и круглогодично действующим видом транспортного обеспечения, перевозящим подавляющую часть энергоресурсов, оборудования, материалов, твердых видов грузов, продовольствия и персонала,

обеспечивающим перевозку большей части экспортно–импортных грузов. Что касается Мурманского морского порта, то подвозящая и увозящая грузы железная дорога находится в хорошем техническом состоянии и при незначительной модернизации и капиталовложениях может существенно повысить свою пропускную и провозную способность, обеспечив тем самым планируемый ускоренный рост объемов экспортно–импортных перевозок.

Одной из основных проблем развития портовой инфраструктуры в Арктике следует считать обеспечение соответствия всех портов современным требованиям международной системы судоходства и, в первую очередь, требованиям по возможностям портов обслуживать суда строго по графикам [1]. Для этого необходимо:

- обеспечить в каждом порту технические возможности для гарантированного и своевременного предоставления услуг лоцмана, ледокольной поддержки и проводки;
- все порты должны иметь возможность предоставления стандартных для международной практики услуг, объем и порядок предоставления которых должны отвечать обоснованным пожеланиям клиентов;
- вдоль трассы СМП необходимо оборудовать достаточное количество портов-убежищ, с предоставлением услуг по техническому обслуживанию и проведению аварийно-восстановительных ремонтов судов различного объема.

Когда в 2011-2012 гг. заговорили о возрождении Северного морского пути, в первую очередь речь шла о его заманчивых перспективах как транзитной трассы. Предполагалось, что, имея как минимум два преимущества перед традиционным маршрутом Азия – Европа через Суэцкий канал (расстояние значительно короче, нет пиратов), СМП перетянет на себя существенную часть трансконтинентальных грузопотоков. Сейчас все чаще можно слышать критические высказывания по поводу этих возможностей: навигация по трассе длится только пять месяцев, грузовая база ограничена (в основном сырьевые ресурсы), контейнеровозы соответствующего ледового класса пока массово не выпускаются, ледокольная проводка существенно удорожает перевозки.

Однако, по мнению ряда экспертов, смотреть на СМП как на транзитную магистраль идеологически неверно. СМП – это, прежде всего, наше национальное достояние, важное геополитическое преимущество России, уникальная возможность развивать северные регионы страны. «Как бы ни был СМП потенциально перспективен в качестве транзитного маршрута, его основное значение заключается в транспортном обеспечении национальных проектов развития, ресурсном обеспечении национальной экономики, снабжении населения арктических и северных территорий, решении вопросов в сфере безопасности, – считает член экспертного совета Комитета СФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера Михаил Жуков. – Обеспечение устойчивого судоходства по нему и по сибирским рекам – стратегическая задача государства» [5].

В 2013 г. президент РФ Владимир Путин подписал Стратегию развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Это должно было ознаменовать собой запуск мегапроекта, объявленного государственным приоритетом.

Однако дальнейшее формирование пакета документов затормозилось: разработанные и внесенные в правительство РФ проект федерального закона об Арктической зоне РФ и Программа социально-экономического развития региона на 2014-2020 годы оказались заморожены. Программа осталась без федерального финансирования, и, по словам члена Комитета по делам Севера Совета Федерации РФ Игоря Чернышенко, Арктика может не получить по ней ни копейки не только в 2014-м, но и в 2015-2016 годах [5]. Пока проект освоения Арктики остается без федеральных денег, кроме того отсутствует полноценная нормативно-правовая база. В таких условиях привлечь частных инвесторов крайне сложно.

Литература

1. Половинкин В.Н., Фомичев А.Б. Проблемы Северного морского пути // Арктика: экология и экономика, 2012. № 3 (7).
2. Давыденко А.А. Северный морской путь – стратегия возрождения [Электронный ресурс] // Доклад Руководителя Федерального агентства морского и речного транспорта на конференции «Северный морской путь – комплексный инфраструктурный проект» (Москва, 25 мая 2010 года). Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/013/81275.php> (дата обращения: 22.10.14).

3. Скороходов Д.А. Проблемы и перспективы развития северного морского пути. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unionexpert.ru/index.php/zhurnal-qekspertnyj-soyuzq-osnova/zhurnal-qehkspertnihj-soyuzq-122014g/item/666-problemy-i-perspektivy-smp> (дата обращения: 24.10.14).
4. Жусупов С. Состояние и перспективы развития морских портов России [Электронный ресурс] // Transportinform.com Режим доступа: <http://transportinform.com/ports/197-morskije-porty-rossii.html> (дата обращения: 22.10.14).
5. Романюк Р. Стратегия развития Арктической зоны РФ может остаться нереализованной. [Электронный ресурс] // Эксперт Северо-Запад. Режим доступа: www.expertnw.ru/.../strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rf-mozhet-o (дата обращения: 23.10.14).
6. Пономарев В. Сила России // Эксперт. 2014. 16 июня. № 25 (904).
7. Костюкова М. МТУ. Узел завязывается // 69 параллель дайджест «Мурманского вестника». 2014. 17 июля, № 9.

References

1. Polovinkin V.N., Fomichev A.B. Problemy Severnogo Morskogo puti [Arktika: jekologija i jekonomika]. 2012. № 3 (7) (In Russ.).
2. Davydenko A.A. Severnyj morskoy put' – strategija vozrozhdenija [Jelektronnyj resurs]. [Doklad Rukovoditelja Federal'nogo agentstva morskogo i rechnogo transporta na konferencii «Severnyj morskoy put' – kompleksnyj infrastruktornyj proekt» (Moscow, 25 maja 2010 goda)] (In Russ.). URL: <http://www.pandia.ru/text/78/013/81275.php> (data obrashcheniya: 2014. 22 oktyabrya).
3. Skorohodov D.A. Problemy i perspektivy razvitija severnogo morskogo puti (In Russ.). URL: <http://www.unionexpert.ru/index.php/zhurnal-qekspertnyj-soyuzq-osnova/zhurnal-qehkspertnihj-soyuzq-122014g/item/666-problemy-i-perspektivy-smp> (data obrashcheniya: 2014. 24 oktyabrya).
4. Zhusupov S. Sostojanie i perspektivy razvitija morskikh portov Rossii [Transportinform.com] (In Russ.). URL: <http://transportinform.com/ports/197-morskije-porty-rossii.html> (data obrashcheniya: 2014. 22 oktyabrya).
5. Romanjuk R. Strategija razvitija Arkticheskoy zony RF mozhet ostat'sja nerealizovannoj. [Jekspert Severo-Zapad] (In Russ.). URL: www.expertnw.ru/.../strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rf-mozhet-o (data obrashcheniya: 2014. 23 oktyabrya).
6. Ponomarev V. Sila Rossii [Jekspert]. 2014. 16 iyuny, № 25 (904) (In Russ.).
7. Kostjukova M. MTU. Uzel zavjazyvaetsja // 69 parallel' dajdzhest «Murmanskogo vestnika». 2014. 17 iuly, № 9 (In Russ.).

УДК332.14:620.9(985)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ*

В.С.Селин,

докт. эконом. наук,

И.В.Селин,

канд. эконом. наук

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина Кольского научного центра РАН, Апатиты

Аннотация. Рассматриваются стратегические проблемы повышения энергоэффективности в экономике страны. Особая роль уделена северным и арктическим регионам, отличающимся, с одной стороны, повышенной производительностью труда, а с другой – значительной удельной энергоемкостью валового регионального продукта. Подробно рассмотрены особенности экономического механизма энергоэффективности в корпоративном и региональном секторах.

Ключевые слова: энергетика, эффективность, экономика, сбережение, северные регионы, Арктика, технологии, инновации, механизм.

*Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 14-38-00009 «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ» и Программы Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

THE REGIONAL POLICY OF INCREASING ENERGY EFFICIENCY

V.S.Selin,

Doctor of Economic Sciences

I.V.Selin,

PhD (Economics)

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of RAS

Apatity

Abstract. The article discusses strategic issues to improve energy efficiency in the country's economy. A special role is given to the northern and Arctic regions, different, on the one hand, by increased labor productivity, and on the other – large energy intensity of the gross regional product. The features of the economic mechanism of energy efficiency in the corporate and regional sectors are considered in details.

Keywords: energy, efficiency, economics, saving, northern regions, the Arctic, technologies, innovations, mechanism.

Снижение издержек является важнейшим направлением регулирования любой экономической системы начиная с глобальных корпораций и заканчивая малыми предприятиями. Энергетические затраты выступают базовым элементом этого процесса, составляя, к тому же, в отдельных видах продукции по удельному весу до 50%. Ситуация осложняется тем, что потребность в энергоресурсах (например, углеводородных) растет намного быстрее, чем их запасы. Даже при существующих темпах этих процессов в мире уже к 2050 г. может возникнуть их дефицит, поэтому проблема энергосбережения и роста эффективности является очень актуальной как для экономической теории, так и практики.

Проблема повышения энергоэффективности является ключевой и для российской экономики во всех сферах. С одной стороны, топливно-энергетический комплекс (ТЭК) выступает одним из наиболее успешных секторов, во многом определяющим состояние и перспективы развития страны: при численности занятых менее 4% он дает около 12% ВВП, до 30% – объемов промышленного производства, 34% – доходов консолидированного бюджета (54% – для федерального бюджета) и 45% – валютных поступлений страны. С другой стороны, по энергоёмкости валового внутреннего продукта (расход энергии на единицу ВВП, пересчитанный для сопоставления с другими странами в доллары по паритету покупательной способности) Российская Федерация находится в последней десятке стран мира: его величина в 2.3 раза выше среднемирового и в 3.5 выше, чем в Европейском союзе [1].

Россия – северная страна, и удельная энергоёмкость, очевидно, должна быть выше. Но и от государств, находящихся в РФ в одном климатическом поясе (Канада, Норвегия), отстаем почти в два раза. Поэтому задача повышения энергоэффективности является одной из основных в Энергетической стратегии России до 2030 г. (далее – Энергостратегия) [2]. При этом под энергетической эффективностью в статье понимается способность соответствующей системы осуществлять выпуск продукции (услуг) с оптимальными затратами и минимальным ущербом для окружающей среды.

В Энергостратегии отмечается, что главной проблемой в рассматриваемой сфере является значительный нереализованный потенциал организационного и технологического энергосбережения, по оценкам составляющий до 40% внутреннего энергопотребления. Удельный вес различных составляющих в общей величине резервного потенциала характеризуется следующими данными: жилые здания – 18-19%, энергетика, промышленность, транспорт – к разным диапазонам в сумме от 13 до 15% и т.д. При этом можно выделить следующие основные факторы, определяющие снижение удельного потребления и рост энергоэффективности:

- новые эффективные методы разведки полезных ископаемых, включая разведку месторождений на континентальном шельфе;
- современные системы транзита энергоресурсов в сложных климатических и ландшафтно-географических условиях;
- перспективные технологии и новые виды электротехнического оборудования для передачи, распределения и потребления электроэнергии;
- установки энергетического и транспортного назначения, работающие на альтернативном топливе;
- модельный ряд когенерационных установок (минитеплоэнергоцентрали) модульного типа;
- системы теплоснабжения нового поколения, обеспечивающие существенное снижение энергетических потерь;
- технологии и оборудование для использования низкопотенциальных геотермальных источников.

Стратегической целью региональной энергетической политики является создание устойчивой и способной к саморегулированию системы обеспечения региональной экономической безопасности с учетом оптимизации территориальной структуры производства и потребления топливно-энергетических ресурсов. При этом необходимо отметить особую роль энергетической эффективности для северных и арктических регионов, что обусловлено двумя группами факторов. В сложных климатических и географических условиях производство энергии требует высоких затрат, так же как и ее транспортировка. С другой стороны, повышенное удельное энергопотребление как в экономике, так и в социальной сфере определяет необходимость принятия более активных мер по борьбе с энергопотерями во всех сферах.

Для решения проблем, стоящих в региональной энергетике, необходим целый комплекс мер, включающий обеспечение согласованности федеральных и региональных программ развития энергетики и повышения ее эффективности, законодательного разграничения полномочий и зон ответственности властей разного уровня, совершенствование и повышение прозрачности системы распределения доходов от добычи, производства и продажи энергоресурсов. Необходимо развитие меж- и внутрирегиональных энерготранспортных коммуникаций, создание разных видов энергетической инфраструктуры для региональных территориально-производственных кластеров, в том числе энергоэффективного типа развития. Важное значение имеет разработка и реализация региональных энергетических программ, региональных программ энергосбережения, максимизация экономически эффективного использования местных источников топливно-энергетических ресурсов, развитие рациональных децентрализованных и индивидуальных систем теплоснабжения.

Важнейшим элементом реализации региональной энергетической политики, в том числе в сфере энергоэффективности, является ее экономический механизм. Под таким механизмом в статье будет пониматься система принципов и инструментов поощрительного и принудительного характера, а также соответствующий организационный аппарат, применение которых обеспечивает процессы энергосбережения и роста энергоэффективности. Очевидно, что в зависимости от происходящих на разных уровнях процессов, хозяйственной и социальной динамики структура экономического механизма может существенно меняться. С определенной долей условности можно выделить три типа такой структуры в сфере энергоэффективности:

- стимулирующий механизм с преобладанием рыночных инструментов и созданием благоприятной экономической среды для развития энергосберегающих производств, изделий и коммуникаций;
- жесткий механизм с использованием административных и рыночных инструментов, с подавлением (ограничением) посредством достаточно твердых мер (в том числе нормативных правовых) функционирования и развития энерго-неэффективных или экологически опасных систем;
- мягкий механизм с применением инструментов и мер аналогично предыдущему пункту, но с более длительным периодом и не столь жестким воздействием, в щадящем режиме, влияющем на темпы и масштабы возможного снижения экономической динамики.

В практике энергополитики в территориальных системах встречаются все три типа, хотя деление это достаточно условно. Сам экономический механизм при этом определяется сочетанием инструментов (мер) регулирования процессов энергоэффективности, к основным из которых можно отнести:

- разработку комплексных прогнозов и стратегий социально-экономического развития регионов на основе прогнозов развития энергетики и повышения энергоэффективности;
- разработку федеральных и региональных программ развития энергетики и целевых программ в области энергоэффективности и энергосбережения;
- разработку и проведение мероприятий по повышению эффективности, в том числе в части снижения «нагрузки» на окружающую среду;
- установление ограничительных мер для энергонезаэффективных объектов, в том числе введение лимитов на выбросы и сбросы загрязняющих веществ, лимитов на размещение отходов и т.п.;
- проведение экономической оценки и анализ деятельности неэффективных производств, разработку мер по их модернизации;
- введение стимулирующих мер при реконструкции и модернизации объектов с целью повышения их энергоэффективности;
- формирование в рамках проведения региональной энергосберегающей политики инструментов ее нормативного правового и организационного обеспечения.

В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года в качестве одного из основных рисков и угроз выделены:

высокая энергоемкость и низкая эффективность добычи природных ресурсов, соответственно высокие издержки арктических производств при отсутствии эффективных компенсационных механизмов, недостаточно активная политика энергосбережения в социальной сфере. Важнейшей стратегической задачей считается повышение энергоэффективности, расширение использования возобновляемых источников энергии, а также обеспечение энергонезависимости удаленных малых населенных пунктов, разработка и реализация проектов в области энергосбережения и энергоэффективности, в том числе в рамках международного сотрудничества [3].

Отметим, что Арктическая зона РФ встроена в Российский Север в том плане, что многие субъекты страны имеют как арктические, так и северные территории. Можно напомнить: Крайний Север занимает около 60% страны с населением примерно 6%, а арктические регионы – 20% и 1.4% соответственно. С точки зрения хозяйственных процессов и жизнедеятельности в целом это самые сложные территории с наиболее высокими издержками. При этом энергоресурсы составляют в северных регионах до 30% общих затрат, а в отдельных арктических территориях достигают 40%. Поэтому повышение энергоэффективности является здесь доминирующим фактором, затрагивающим интересы всех секторов экономики и уровней власти [4].

Исследования, проведенные в Республике Коми, показали, что производственное и коммунально-бытовое потребление в северо-арктических регионах (САР) характеризуется здесь более высокими удельными показателями в сравнении со средним фоновым уровнем для остальной территории Республики Коми, ее южных и центральных районов. Исключение составляют низкие показатели душевого энергопотребления в сельских районах, обусловленные их относительно невысокими уровнями производственного потенциала и бытовой комфортности [5].

Межрайонная дифференциация показателей энергопотребления на душу населения соответствует концентрации энергоемкого производства – топливодобывающих предприятий (в Воркуте, Усинске) и электростанций (в Печоре, Воркуте). Повышенные бытовые потребности населения САР в электроэнергии связаны с дополнительным использованием электрообогревательного оборудования в более холодных климатических условиях, а также электропечей для приготовления пищи в негазифицированных районах.

Коммунально-бытовое теплотребление САР в среднем в 1.5 раза выше, чем в южно-центральной части республики. Наибольшие показатели среднедушевого отопления достигаются в Воркуте и Инте, что является следствием не только самых северных для республики климатических условий, а также, согласно районным программам энергосбережения, высоких теплотерь из-за низких теплоизоляционных характеристик жилых зданий и отчасти вынужденного отопления пустующего жилого фонда. По оценкам ООО «Гипрокоммунэнерго» (Москва), в Воркуте пустующее отапливаемое жилье в 2010 г. составляло около 8%, к 2015 году достигнет 16%, а уплотнение неэффективного жилья может дать сокращение потребления тепла до 30%.

Политика энергоэффективности и энергосбережения реализуется в основном по двум секторам – производственному и социальному. В первом случае она осуществляется в доминирующей степени корпоративными образованиями, во втором – территориальными предприятиями энергообеспечения и органами власти. Очевидно, что в обоих случаях важным кооперационным инструментом в рамках экономического механизма будет государственно-частное партнерство. Корпоративный тренд ниже будет рассмотрен на примере ОАО «ЛУКОЙЛ», имеющей свои подразделения в таких арктических регионах, как Ненецкий автономный округ, Республика Коми, Ямало-Ненецкий АО, а в последнее время и Мурманская область.

В начале статьи упоминалось важное направление повышения энергоэффективности – когенерация. Она является перспективным направлением производства энергии, имеющим высокий потенциал энергосбережения. Общий коэффициент полезного действия когенерационной системы может достигать 80-90% (для примера – у паровых турбин он не превышает 60%). На ряде объектов «Лукойла» установлены микротурбинные установки, которые, как правило, работают на попутном нефтяном газе. Такие установки были ранее введены в эксплуатацию в ООО «Лукойл-Коми» и ООО «Нарьянмарнефтегаз». В отчетном периоде установлены еще две микротурбины в ООО «Лукойл-Пермь». Планируется дальнейшее внедрение микротурбин на предприятиях Лукойла [6].

Компания первой среды российских нефтегазовых производителей реализует пилотные проекты в области использования возобновляемых и нетрадиционных источников энергии (ВИЭ). Важное место в стратегии развития Компании занимает обеспечение экологической безопасности и снижение воздействий на окружающую среду, а также повышение энергоэффективности и применение энергосберегающих технологий. Использование ВИЭ является одним из механизмов

достижения поставленных целей. Руководствуясь такими критериями, как потенциал, география и стратегия развития бизнеса Компании, надежность оборудования и технологий, стратегия развития возобновляемой энергетики в России и экономические показатели, определено четыре вида ВИЭ (ветровая, солнечная, гидро и термальная), которые активно развиваются в мире и представляют интерес на данном этапе.

На сегодня в России имеются лишь единичные проекты в области ветроэнергетики. Эксперты считают, что в средне- и долгосрочной перспективе инвестиции в ветровую энергетику в России возрастут, учитывая низкий уровень риска, связанный с подобными проектами, их социальные и экологические преимущества. Поэтому Компания рассматривает различные варианты ветроэнергетических проектов – как локальных (для снабжения промышленных объектов), так и строительство больших сетевых станций. Одним из перспективных участков для строительства пилотной ветровой электростанции является полуостров Варандей.

Вся стратегия корпорации ориентирована на эффективное использование энергетических ресурсов, то есть достижение экономически оправданной эффективности при существующем уровне развития техники и технологий с соблюдением требований охраны окружающей среды. При этом в экономический механизм ее энергоэффективности встроены следующие инструменты:

- технического перевооружения и внедрения энергоэффективных технологических процессов и оборудования;
- применения инновационных решений;
- сокращения потерь и нерационального использования ресурсов.

Еще одним важнейшим элементом механизма является Программа стратегического развития Компании на 2010-2019 годы. В ней предусмотрена задача повышения эффективности в стратегическом плане – в ближайшие 10 лет планируется снизить удельное энергопотребление на 20%. Обязательным элементов Программы является оценка эффективности энергопотребления в организациях Лукойла, в том числе с привлечением независимых энергоаудиторских компаний. Внедряются механизмы стимулирования и контроля за выполнением планов. В частности, правление ОАО «Лукойл» утвердило показатели энергоэффективности для предприятий корпорации, система пока работает в тестовом режиме. Механизм стимулирования планируется внедрить на предприятиях всех бизнес-секторов и использовать в системе премирования [6].

Неотъемлемой частью политики и механизма энергоэффективности в компании считают снижение экологической нагрузки. При этом механизм торговли квотами на выброс парниковых газов здесь считают эффективным инструментом экономического стимулирования инвестиций в эту сферу. Дополнительный доход от продажи единиц сокращения выбросов можно направлять на модернизацию производства и решение экологических проблем.

Региональные аспекты политики энергоэффективности и ее экономический механизм рассмотрим на примере Мурманской области, которая в соответствии с Указом Президента РФ от 2 мая 2014 года № 296 полностью отнесена к Арктической зоне Российской Федерации [7]. В регионе действует долгосрочная целевая программа (ДЦП) «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Мурманской области на 2010-2015 годы и на перспективу до 2020 года», в разработке которой принимали активное участие институты Кольского научного центра РАН. При этом отмечалось, что существенное повышение уровня энергетической эффективности может быть достигнуто только за счет применения программно-целевых методов, поскольку затрагиваются все отрасли экономики и специальной сферы, всех производителей и потребителей энергетических ресурсов.

Программа предусматривала выделение более 20 млрд руб., при этом основной удельный вес имели внебюджетные источники (таблица).

Финансирование ДЦП «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Мурманской области»

Источники финансирования	По годам реализации					Всего
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	
Федеральный бюджет	195503	322919	-	-	-	519422
Областной бюджет	324510	179076	3240346	2393919	2434099	8571950
Муниципальный бюджет	-	-	4988	7325	10655	22968
Внебюджетные источники	257658	1188273	4761282	3749865	2775482	12732560
Итого	778671	1690268	8006616	6151108	5220236	21846899

Мероприятия программы предусматривают сокращение к 2015 г. по отношению к 2010 г. энергоемкости валового регионального продукта не менее чем на 15% с перспективой увеличения этого показателя до 25% в 2020 г. Предполагается достижение суммарной экономики в рамках реализации программы (к 2015 г.): электрической энергии – 383 тыс. МВт/ч; тепловой энергии – 905 тыс. Гкал и водопотребления – 15771 тыс. м³. Для этого целевыми ориентирами ДЦП стали:

- создание комплексной региональной системы энергосбережения;
- проведение мероприятий в бюджетной сфере, а также привлечение внебюджетных источников;
- создание благоприятных условий для перехода предприятий и организаций на энергоэффективный путь развития;
- усиление роли информационного воздействия на хозяйствующие субъекты и население с целью вовлечения их в процесс энергосбережения.

Повышение энергоэффективности региона требует разработки и внедрения системных мероприятий, направленных на мониторинг, оценку, управление и финансовую поддержку процесса энергосбережения на всех уровнях. При этом основными элементами экономического механизма повышения энергоэффективности экономики и социальной сферы являются:

- формирование системы управления энергосбережением и комплекса взаимосвязанных программных мероприятий;
- внедрение системы технических регламентов, региональных стандартов и норм, повышающих управляемость процессами энергоэффективности;
- переход на расчеты за использование энергетических ресурсов по приборам учета с последующей автоматизацией этого процесса;
- организация и проведение обязательных энергетических обследований;
- использование механизма энергосервисного контракта для формирования адресных мероприятий по повышению энергетической эффективности в бюджетной сфере, в жилищном фонде и коммунальной инфраструктуре;
- стимулирование и поддержка инициатив хозяйствующих субъектов в сфере энергосбережения и повышения эффективности;
- повышение образованности населения в области энергосбережения, формирование энергосберегающего образа жизни, развитие нормативно-правовой базы в области энергосбережения;
- определение потенциала энергосбережения по видам энергетических ресурсов.

В заключение необходимо отметить, что региональная политика энергоэффективности в основном ориентирована на взаимодействие со средним и малым бизнесом как в экономике, так и в социальной сфере. Однако в отдельных муниципальных образованиях, особенно моногородах, корпорации активно участвуют в процессах жизнеобеспечения. Поэтому государственно-частное партнерство имеет очень важное значение в проведении экономической политики в сфере энергоэффективности, механизм которой упрощенно может быть представлен следующим образом (рисунки).

При этом взаимодействие региональных органов государственной власти и бизнеса (ГЧП) осуществляется на основе следующих принципов:

- признание и учет определенного различия интересов сторон-участников ГЧП;
- проектный подход и отсутствие жестких схем и норм взаимодействия, их постоянная адаптация;
- разработка и согласование концепций, стратегий, проектов региона и бизнеса в соответствующих сферах;
- определение основных ролей, взаимное делегирование полномочий и стимулирование кооперации;
- формирование устойчивых перспектив, защита от рисков;
- определение конкретных параметров ГЧП (начальные условия, вклады сторон и участие в результатах, организация и контроль);
- признание важности, а в определенных случаях и приоритета экологических параметров при проведении политики энергоэффективности.

Принципиальная схема экономического механизма энергоэффективности в регионе

В целом, подводя краткий итог рассмотренным в статье материалам по проблемам и возможностям проведения региональной политики, можно сделать следующие выводы:

- политика энергоэффективности является одним из важнейших направлений модернизации национальной экономики как на современном этапе, так и в обозримой перспективе;
- стратегической целью региональной энергетической политики является обеспечение в регионах экономической безопасности с учетом оптимизации структуры производства и потребления энергии и минимизации экологических нагрузок;
- особая роль энергетической эффективности для арктических регионов определяется, с одной стороны, высокими затратами на производство всех видов энергии, а также повышенным удельным энергопотреблением как в экономике, так и в социальной сфере, с другой стороны;
- политика повышения энергоэффективности в Арктике должна базироваться на согласовании интересов всех секторов деятельности и различных уровней власти, в том числе по таким стратегическим направлениям, как внедрение систем теплоснабжения нового поколения с существенным снижением потерь, применение установок энергетического и транспортного назначения, работающих на альтернативном топливе и т.п.;
- в корпоративном секторе основными элементами экономического механизма энергосбережения являются инструменты программно-целевого управления, включающие технологическое перевооружение и внедрение эффективных технологических процессов, стимулирование энергоэффективности, в том числе на основе кооперации, инновационные решения в различных сферах; мероприятия для сокращения ущерба, наносимого окружающей среде;

- в арктических регионах механизм энергоэффективности должен базироваться на формировании системы управления энергосбережением и комплексе взаимосвязанных программных мероприятий; внедрении систем технических регламентов, региональных стандартов и норм; организации и проведении энергетических обследований с целью выявления потенциала энергосбережения; стимулирования и поддержки инициатив хозяйствующих субъектов и бюджетных организаций в сфере энергосбережения;

- важнейшей составляющей экономических механизмов энергоэффективности является государственно(муниципально)-частное партнерство на основе признания и учета различий интересов сторон-участников и необходимости компромиссов; разработки и согласования концепций, стратегий, проектов региона и бизнеса в соответствующих сферах и т.п.

Литература

1. Макаров А.А. Север и энергетическая стратегия России // Север как объект комплексных региональных исследований. Сыктывкар: Изд. Коми научного центра УРО РАН. 2007. С.254-264.
2. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ № 1715-р от 13.11.2009. Режим доступа: <http://www.minregion.gov/aboutminen/energostrategy/>
3. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. Утверждена Президентом РФ 20.02.2013. Режим доступа: <http://www.yonugscience.ru/pages/main/documents/5124/11484/index>
4. Селин В.С., Васильев В.В. Взаимодействие глобальных, национальных и региональных экономических интересов в освоении Севера и Арктики. Апатиты: Изд. КНЦ РАН. 2010. 193 с.
5. Чайка Л.В. Проблемы развития энергоснабжения субарктического региона Республики Коми // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 1. С.72-77.
6. ОАО «Лукойл». Отчет о деятельности в области устойчивого развития на территории РФ на 2010-2015 годы. Режим доступа: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_2131_.html
7. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ президента РФ № 296 от 2 мая 2014 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/arts/20895>

Literatura

1. Makarov A.A. Sever u energeticheskay strateriya Rossii //Sever kak object kompleksnuh regionalunh issledovaniy. Suktuvcar: izd. Komi NC URO RAN. 2007. С. 254-264.
2. Energeticheskay strategiya Rossii na period do 2030 goda. Utvergdna rasporyaganiem Pravitelstva RF N 1715-r ot 13.11.2009. URL: <http://www.minregion.gov/aboutminen/energostrategy/>
3. Stratege razvitia Arctihceskoy zony RF v obespechenii natsionalnoy bezopasnosti na period do 2020 g. Utvergdna Prezidentom RF 20.02.2013. URL: <http://www.yonugscience.ru/pages/main/documents/5124/11484/index>
4. Selin V.S., Vasilyev V.V. Vzaimodeystvie globalnyh, natsionalnuh i regionalnuh economiceskikh interesov v osvoenii Severa i Arktiki. Apatity: izd. Kolyskogo N.Ts. RAN. 2010. 193 s.
5. Chayka L.V. Problemy razvitia energosbereggenia subarktickeskih regionov Resp. Komi // Sever i rynek. 2014. N 1. С.72-77.
6. ОАО «Lukoil». Otchet o deytelnosti v oblasti ustoichivogo razvitia na territorii RF na 2010-2015 gody. URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_2131_.html
7. O suhoputnyh territoriyh Arkticheskoy zony Rossiyskoi Federatsyi. Ukaz prezidenta RF N 296 ot 2 may 2014 g. URL: <http://www.kremlin.ru/arts/20895>

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ

Н.А.Серова,

канд. эконом. наук, старший научный сотрудник

Институт экономических проблем им.Г.П.Лузина КНЦ РАН, Апатиты

Аннотация. На сегодняшний день существует множество методик оценки инвестиционной привлекательности регионов (стран, муниципальных образований, отраслей). В данном исследовании проведен анализ некоторых существующих подходов и методов оценки инвестиционной привлекательности, определены их основные недостатки. Сделан вывод, что исследование региональной инвестиционной проблематики должно основываться на системном подходе, который учитывал бы позитивные и негативные стороны каждой методики в отдельности.

Ключевые слова: инвестиционный климат, инвестиционная привлекательность, оценка, рейтинг

METHODOLOGICAL ASPECTS EVALUATION OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE REGION

N.A.Serova,

PhD (Economics), Senior Researcher

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of RAS, Apatity

Abstract. Today, there are many methods of evaluation of investment attractiveness of the regions (countries, municipalities, industries). In this study, an analysis of some of the existing approaches and methods of evaluation of investment attractiveness, identified their main disadvantages. It is concluded that the study of regional investment perspective should be based on a systematic approach, which takes into account the positive and negative aspects of each technique separately.

Keywords: investment climate, investment attraction, assessment, rating

Региональная инвестиционная политика, направленная на повышение уровня инвестиционной привлекательности как одного из основных показателей состояния и перспектив развития территории, имеет важнейшее значение для социально-экономического развития российских регионов. Кроме того, оценка инвестиционной привлекательности является необходимым инструментом прогнозирования и регулирования инвестиционных процессов. Вместе с тем, недостаточное на сегодняшний день методическое обеспечение оценки инвестиционной привлекательности не позволяет инвесторам делать обоснованный выбор наиболее эффективных направлений использования ресурсов. В этой связи изучение методических аспектов оценки инвестиционной привлекательности регионов имеет большое научное и практическое значение.

История оценок инвестиционной привлекательности стран (регионов) насчитывает более сорока лет. Одной из первых является методика Гарвардской школы бизнеса, по которой первые исследования были проведены еще в 1969 г. По этой методике экспертным методом оценивались законодательные условия для иностранных и национальных инвесторов, возможность вывоза капитала, состояние национальной валюты, политическая ситуация в стране или отдельном регионе, уровень инфляции, а также возможность использования национального капитала.

Позднее в методики оценки инвестиционной привлекательности стали включаться и количественные показатели (например, объем валового национального продукта, обеспеченность природными ресурсами, состояние инфраструктуры и др.). В настоящее время одними из самых известных и часто цитируемых оценок инвестиционной привлекательности регионов (на уровне стран) являются рейтинговые оценки журнала Euromoney. Методика содержит девять групп показателей, с помощью которых оценивается эффективность экономики, уровень политического риска, состояние задолженности, неспособность к обслуживанию долга, кредитоспособность, доступность банковского кредитования, доступность краткосрочного финансирования, доступность долгосрочного ссудного капитала, вероятность возникновения форс-мажорных обстоятельств. Значения показателей определяются экспертно либо расчетно-аналитическим путем, измеряются

по 10-балльной шкале и затем взвешиваются в соответствии со значимостью того или иного показателя и его вкладом в итоговую оценку.

Существуют и различные методики кредитных рейтингов, которые используются инвесторами для принятия решений. На разработке таких рейтингов специализируются наиболее известные экспертные агентства, такие как Moody's Investor's Service, Arthur Andersen, Standard & Poor's, IBCA, Fitch Ratings и др. Так, например методика агентства Standard & Poor's оценивает способность эмитента своевременно исполнять свои долговые обязательства. Долгосрочные рейтинги варьируются от наивысшей категории AAA (очень высокая способность своевременно и полностью выполнять свои долговые обязательства) до самой низкой D (дефолт по долговым обязательствам). В методике используются показатели совокупных доходов и текущего баланса бюджета, уровень суверенности органов власти, показатель ВРП на душу населения; прямой долг (в % от доходов) и др.

Что касается отечественных методик оценки инвестиционной привлекательности, то к настоящему времени их разработано значительное количество (преимущественно для оценки привлекательности регионов) [1, с.137-141; 2]. Среди них: обзоры инвестиционной привлекательности экономических районов России агентства «Юниверс», методика И.Тихомировой «Инвестиционный климат в России: региональные риски», «Методика оценки инвестиционного климата регионов России» Института экономики РАН, «Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России», ежегодно выполняемый агентством «Эксперт», методика «Инвестиционной газеты», методика К.Гусевой «Ранжирование субъектов РФ по степени благоприятности инвестиционного климата», «Методика комплексной оценки инвестиционной привлекательности регионов с учетом их отраслевой специализации» М. Смаглюковой и другие.

Наибольшее распространение получил подход, определяющий инвестиционную привлекательность как совокупность общественно-политических, природно-хозяйственных и психологических характеристик. Интегральный показатель оценки инвестиционной привлекательности рассчитывается как средневзвешенная арифметическая величина значений частных показателей. Чем выше значение интегрального показателя, тем более привлекательным является регион для инвесторов.

Методика оценки инвестиционной привлекательности с экономической и рискованной составляющими [3] включает в себя как качественные, так и количественные показатели. Совокупность количественных показателей ранжируется по степени влияния на показатель объема инвестиций в основной капитал, характеризующий инвестиционную активность в регионе, выявляются наиболее значимые показатели для расчета рисков составляющей. Взаимосвязь между объемом инвестиций и показателями инвестиционной привлекательности определяется с помощью корреляционного анализа. Для сравнения количественных и качественных показателей и использования их в дальнейших расчетах применяется балльная шкала, в соответствии с которой каждому показателю на основе метода приоритетов присваивается свой весовой коэффициент.

Согласно методике Совета по изучению производительных сил Министерства экономического развития РФ и РАН (СОПС) [4, с.5-16] основными элементами инвестиционного климата являются инвестиционный потенциал, инвестиционные риски, инвестиционная привлекательность и активность. Интегральный показатель определяется путем свода числовых значений отдельных частных показателей инвестиционной привлекательности и по России в целом принимается за 1, а для регионов определяется по отношению к среднероссийскому уровню. Инвестиционная активность измеряется по душевому объему инвестиций и темпам роста инвестиций. Преимуществами методики являются: определение функции причинно-следственной взаимосвязи инвестиционной привлекательности и активности; возможность обоснования достоверности результатов – применение критерия степени тесноты корреляционной связи между категориями; большинство показателей оценивается статистическими методами (балльные оценки используются для менее чем 1/10 показателей). Недостаток методики заключается в непрозрачности определения показателей, составляющих инвестиционный потенциал и риски.

В исследованиях российских экономических журналов часто применяется свод по сумме мест, занимаемых регионом по определенным показателям. В результате такого свода определяется рейтинговое место региона в ряду других. Например, по методике «Инвестиционной газеты» оценивается шесть видов инвестиционного потенциала (трудовые ресурсы, уровень развития производства, институциональный потенциал, инновационный потенциал, уровень развития инфраструктуры, финансовый потенциал) и четыре вида риска инвестирования (финансовый, политический, законодательный, экономический).

По методике рейтингового агентства «Эксперт» [5] оценивается девять (до 2005 года – восемь) видов инвестиционного потенциала (природно-ресурсный, трудовой, производственный, инновационный, институциональный, инфраструктурный, финансовый, потребительский, туристический) и семь видов инвестиционного риска (политический, экономический, социальный, криминальный, экологический, финансовый, криминальный). В результате оценки всех регионов по показателям потенциала и риска формируется рейтинг, по которому регионы распределяются по группам:

группа 1: 1А – максимальный потенциал - минимальный риск; 1В – высокий потенциал – умеренный риск; 1С – высокий потенциал - высокий риск;

группа 2: 2А – средний потенциал – минимальный риск; 2В – средний потенциал - умеренный риск; 2С – средний потенциал – высокий риск;

группа 3: 3А1 – пониженный потенциал – минимальный риск; 3А2 – незначительный потенциал – минимальный риск; 3В1 – пониженный потенциал – умеренный риск; 3С1 – пониженный потенциал – высокий риск; 3В2 – незначительный потенциал – умеренный риск; 3С2 – незначительный потенциал – высокий риск; 3D – низкий потенциал – экстремальный риск

Методика К.Гусевой «Ранжирование субъектов РФ по степени благоприятности инвестиционного климата» [6] базируется на учете различий «стартовых условий» вхождения регионов в рынок, специфики промышленной и природно-ресурсной базы, а также уровня жизни населения. Особенностью методики является возможность оценки реакции регионов на проводимые рыночные преобразования с помощью такого понятия, как «степень адаптации экономики региона к новым условиям». Рыночная реакция определяется следующими параметрами: 1) стартовые условия вхождения районов в рынок; 2) оценка стратегии и тактики проведения реформ на региональном уровне; 3) место районов в рыночном пространстве и перспективы изменения инвестиционного климата. Данная методика универсальна и относительно проста при проведении расчетов.

В методике комплексной оценки инвестиционной привлекательности регионов с учетом их отраслевой специализации М.Смаглюковой [7] используется модель, включающая две составляющие: 1) экономическую отдачу (оценивает уровень доходности инвестируемых средств); 2) рискованность вложений (оценивает степень риска, связанного с рассматриваемым уровнем региона (территории или отрасли). К числу факторов инвестиционной привлекательности регионов отнесены: политический, социальный, экономический, экологический, инфраструктурный, законодательный, и криминальный, инновационный, производственный, трудовой, финансовый, инвестиционный, ресурсно-сырьевой.

Экспресс-методика оценки инвестиционного климата (ЭМОИК) [8, с.65-68] полностью базируется на статистических показателях, публикуемых в статистических сборниках. Результаты оценки представляются в виде термометра, показывающего «температуру» инвестиционного климата, рассчитанной относительно общероссийской «температуры», принятой за 0 градусов. Для расчета «температуры» инвестиционного климата используется набор относительных показателей (долевых и душевых) для нивелирования таких факторов, как численность населения субъекта и размер его территории. Методика представляет собой целостную автоматизированную систему: при механическом вводе исходных данных на выходе автоматически дается результат оценки – «температура» инвестиционного климата.

По методике оценки инвестиционной привлекательности регионов А.И. Бланка [10] оценка осуществляется по уровню общеэкономического развития региона, уровню инвестиционной инфраструктуры, по демографической характеристике, уровню развития рыночных отношений и коммерческой инфраструктуры, степени безопасности инвестиционной деятельности в регионе. По результатам расчета интегрального рангового показателя оценивается уровень инвестиционной привлекательности отдельных регионов.

Основной целью Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ является оценка эффективности усилий региональных органов власти по улучшению состояния инвестиционного климата и повышению инвестиционной привлекательности субъекта РФ, а именно результатов реализации «дорожных карт» Национальной предпринимательской инициативы, включающей в себя предложенные предпринимателями проекты, направленные на упрощение, удешевление и ускорение процедур по ведению бизнеса и внедрение Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе – ключевого проекта по созданию благоприятных условий для ведения бизнеса в субъектах

РФ, включающего 15 лучших региональных инвестиционных практик. В основе Рейтинга лежит сравнение регионов по 54 показателям сгруппированных в четыре ключевых направления: регуляторная среда, институты для бизнеса, доступность ресурсов и качественной инфраструктуры, эффективность поддержки малого и среднего бизнеса. Апробация Рейтинга проходила в 2014 г. в 21 пилотном регионе: в Москве и Санкт-Петербурге, Владимирской, Калужской, Костромской, Ленинградской, Ростовской, Ульяновской, Самарской, Свердловской, Томской, Тульской, Челябинской областях, Республиках Татарстан и Саха (Якутия), Алтайском, Краснодарском, Красноярском, Приморском, Ставропольском и Хабаровском краях. На сегодняшний день единственным регионом, вошедшим по всем четырем направлениям в первую группу (регионы, получившие самые высокие оценки) является Калужская область. С 2015 г. в Национальный рейтинг войдут все субъекты РФ.

Таким образом, анализ методик оценок инвестиционной привлекательности указывает на их разнообразие. Одни из них отдают предпочтение экспертным оценкам (методика Гарвардской школы бизнеса, методика присвоения кредитного рейтинга, методика журнала *Euromoney*), другие методики используют статистические данные (методики «Инвестиционной газеты» и РА «Эксперт», Экспресс-методика оценки инвестиционного климата (ЭМОИК), методики К.Гусевой, А.И. Бланка, М.Смаглюковой). В некоторых методиках используется смешанный вариант (методики рейтингового агентства «Эксперт», К.Гусевой, А.И.Бланка, Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ).

Подводя итоги, отметим основные положительные и отрицательные стороны существующих методик оценки инвестиционной привлекательности [10; 11, с.57-68]. К их преимуществам относят:

- 1) достоверность полученных результатов благодаря привлечению к анализу опытных экспертов;
- 2) ранжирование регионов факторным методом с использованием статистических данных, отражающих ситуацию в регионе;
- 3) учет взаимосвязи многих факторов в факторном методе при дифференцированном подходе к различным уровням экономических систем.

Среди недостатков методик можно выделить:

- 1) различная трактовка инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности;
- 2) использование при оценке инвестиционной привлекательности труднодоступной информации;
- 3) трудоемкость и дороговизна некоторых методик;
- 4) различный набор учитываемых показателей, характеризующих степень инвестиционной привлекательности;
- б) отсутствие взаимосвязи между составляющими инвестиционной привлекательности и результатом ее реализации (инвестиционной активности);
- 7) невозможность определить реальную дистанцию между участниками рейтинга так как различия между регионами, занимающими последовательные порядковые номера, могут быть как незначительные, так и весьма ощутимые;
- 8) субъективность экспертных оценок, особенно, при выборе весовых коэффициентов;
- 9) анализ преимущественно макроэкономических аспектов в ущерб микроэкономическим показателям (как следствие попыток перенять зарубежный опыт оценки инвестиционного климата);
- 10) недостаточный учет существующих отраслевых возможностей региона, в результате чего теряется важная дополнительная информация, необходимая инвестору.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-02-00128а «Трансформация социально-экономического пространства Севера России и альтернативы развития».

Литература

1. Блюм Е.А. Обзор методик оценки инвестиционного потенциала региона // Молодой ученый, 2013. № 7. С. 137-141.
2. Панасейкина В.С. Оценка инвестиционной привлекательности территориальных образований: основные концепции // Общество: политика, экономика, право, 2010. № 4.
3. Фоломьев А., Ревазов В. Инвестиционный климат регионов России и пути его улучшения // Вопросы экономики, 1999. № 9. С. 57-68.

4. Гришина И., Шахназаров А., Ройзман И. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей // Инвестиции в России, 2001. № 4. С.5-16.
5. Концепция проекта «Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России» [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». Режим доступа: <http://raexpert.ru/ratings/regions/concept/> (дата обращения: 09.08.2014).
6. Гусева К. Ранжирование субъектов РФ по степени благоприятности инвестиционного климата // Вопросы экономики, 1996. № 6.
7. Смаглюкова Т.М. Методика комплексной оценки инвестиционной привлекательности регионов с учетом их отраслевой специализации // Проблемы современной экономики, 2007. № 3 (23). С.311-314.
8. Рахимов Т.Р. Текущая оценка инвестиционного климата на региональном уровне // Вестник Томского государственного университета, 2007. № 300-2. С.65-68.
9. Бланк И.А. Управление инвестициями предприятия. Киев: Ника-Центр: Эльга, 2003. 470 с.
10. Смаглюкова Т.М. Анализ существующих подходов и методик оценки инвестиционной привлекательности российских регионов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.shu.ru/pdf/1/smagl004.pdf> (дата обращения: 09.08.2014).
11. Тихомирова И.В. Инвестиционный климат в России: региональные риски: монография / Федеральный Фонд поддержки малого предпринимательства. М: Издатцентр, 1997. 312 с.

References

1. Blyum E.A. Obzor metodik ocenki investicionnogo potenciala regiona [Review of methods of assessing the investment potential of the region] // Molodoj uchenyj [Young scientist]. 2013. № 7. P. 137-141 (In Russ.).
2. Panasejkina V.S. Ocenka investicionnoj privlekatel'nosti territorial'nyh obrazovaniy: osnovnye koncepcii [Evaluation of investment attractiveness of territorial entities: the basic concepts]. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: Politics, Economics, Law]. 2010. № 4 (In Russ.).
3. Folom'ev A., Revazov V. Investicionnyj klimat regionov Rossii i puti ego uluchsheniya [Investment climate regions of Russia and ways to improve it] // Voprosy ekonomiki [Economic Issues]. 1999. № 9. P. 57-68 (In Russ.).
4. Grishina I., SHahnazarov A., Rojzman I. Kompleksnaya ocenka investicionnoj privlekatel'nosti i investicionnoj aktivnosti rossijskih regionov: metodika opredeleniya i analiz vzaimosvyazey [Comprehensive evaluation of investment attractiveness and investment activity of Russian regions: the method of determination and analysis of the relationship] // Investicii v Rossii [Investments in Russia]. 2001. № 4. P. 5-16 (In Russ.).
5. Koncepciya proekta «Rejting investicionnoj privlekatel'nosti regionov Rossii» [The concept of the «Rating of investment attractiveness of the regions of Russia»] // Rejtingovoe agentstvo «Ehkspert RA» [Rating agency «Expert RA»] (In Russ.). URL: <http://raexpert.ru/ratings/regions/concept/> (data obrashcheniya: 09.08.2014).
6. Guseva K. Ranzhirovanie sub"ektov RF po stepeni blagopriyatnosti investicionnogo klimata [Ranking subjects of the Russian Federation on the ease investment climate] // Voprosy ekonomiki [Economic Issues]. 1996. № 6 (In Russ.).
7. Smaglyukova T.M. Metodika kompleksnoj ocenki investicionnoj privlekatel'nosti regionov s uchetom ih otraslevoj specializacii [Methodology of comprehensive evaluation of investment attractiveness of the regions based on their area of study] // Problemy sovremennoj ekonomiki [Problems of the modern economy]. 2007. № 3 (23). P. 311-314 (In Russ.).
8. Rahimov T.R. Tekushchaya ocenka investicionnogo klimata na regional'nom urovne [Ongoing assessment of the investment climate at the regional level] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2007. № 300-2. P. 65-68 (In Russ.).
9. Blank I.A. Upravlenie investitsiyami predpriyatiya [Form IA Investment management company]. Kiev: Nika-Centr: EHI'ga, 2003, p. (In Russ.).
10. Smaglyukova T.M. Analiz sushchestvuyushchih podhodov i metodik ocenki investicionnoj privlekatel'nosti rossijskih regionov [Analysis of existing approaches and methods of evaluation of investment attractiveness of Russian regions]. (In Russ.). URL: <http://library.shu.ru/pdf/1/smagl004.pdf> (data obrashcheniya: 09.08.2014).
11. Tihomirova I.V. Investicionnyj klimat v Rossii: regional'nye riski [The investment climate in Russia: regional risks]. Moscow: Izdatcentr, 1997. 312 p. (In Russ.).

ПРОБЛЕМЫ ОСОБОГО ЭКОЛОГО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОРНОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В ЗОНЕ АРКТИКИ

Г.Н.Харитонова,

канд. эконом. наук, доцент, зав. сектором

**Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина Кольского научного центра РАН,
Апатиты, Россия**

Аннотация. Арктическая зона Российской Федерации формируется как новый макрорегион страны, стратегические задачи по социально-экономическому развитию которого предполагается претворить в жизнь программно-целевым методом, объединив мероприятия и средства федеральных, отраслевых и региональных программ и частного бизнеса в единую программу и выбрав для реализации только те, которые отвечают приоритетным направлениям государственной стратегии «Развитие Арктической зоны РФ и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года».

Обеспечение экологической безопасности арктического региона входит в число приоритетных направлений стратегии социально-экономического развития Арктики, и реализация мероприятий по нему характеризуется наибольшим риском.

В статье обосновывается необходимость установления особого правового экологического статуса горнодобывающих компаний в зоне Российской Арктики в связи с началом реализации программ социально-экономического развития макрорегиона. Сделан вывод о том, что развитие горнодобывающей промышленности в Арктике – безальтернативный путь экономического роста национальной экономики и – народного хозяйства северных субъектов Федерации. Приводятся доводы о целесообразности экологической модернизации действующих производств в зоне Арктики даже в районах экологических катастроф.

Дана оценка новым мерам регулирующего воздействия на горнодобывающие компании в контексте обеспечения экологической устойчивости в зоне Арктики, сделан вывод о том, что только полная их реализация позволит минимизировать ущерб экосистемам и населению Арктики.

Для снижения рисков реализации стратегических намерений по обеспечению экологической безопасности предлагается внести несколько управленческих инноваций в сложившийся механизм государственного экологического управления.

Ключевые слова: нормативно-правое экологическое регулирование, баланс экономических и экологических интересов, горнодобывающая промышленность, зона российской Арктики

PROBLEMS OF SPECIAL ENVIRONMENTAL LEGAL STATUS OF THE MINING SECTOR IN THE ARCTIC ZONE

G.N.Kharitonova

PhD (Economics), Docent, Senior Researcher

G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of RAS, Apatity

Abstract. Arctic zone of the Russian Federation is formed as a new macro-region of the country, the strategic objectives of economic and social development of which are expected to be implemented using the program-target method, combining activities and financial resources of federal, regional and sectoral programs and private businesses into a single program, and choosing to implement only those that meet the priorities of the state strategy "Development of the Arctic zone of the Russian Federation and National Security for the period up to 2020".

Ensuring environmental safety of the Arctic region is one of the priority areas of socio-economic development in the Arctic, and implementation of its measures is characterized by the highest risk.

The article substantiates the necessity of establishing a special legal environmental status of mining companies in the Russian Arctic zone in connection with the beginning of implementation of socio-economic development programs of the macro-region. It is concluded that development of the mining industry in the Arctic is the only way for economic growth of the national economy and economies of northern regions of the federation. Arguments on feasibility of ecological modernization of existing productions in the Arctic zone, even on areas of environmental disasters are given.

Keywords. environmental regulatory rules, balance of economic and environmental interests, the mining industry, the Russian Arctic zone

История хозяйственного освоения территории российской Арктики насчитывает уже более пяти веков и на их протяжении этапы интенсивной колонизации сменялись менее напряженными, характеризовались невниманием к развитию территории или полным исключением ее из приоритетов государственной региональной политики. Однако всегда инициатором освоения северных и арктических территорий выступало государство, его высшие политические органы, которые очередную стратегию развития обосновывали общенациональными экономическими или геополитическими интересами. Для современного этапа хозяйственного освоения Арктической зоны, государственная стратегия которого начала разрабатываться с 2008 г., свойственно расширение состава и усложнение общенациональных интересов [1].

Результатом двадцатилетнего реформирования производственных отношений в нашей стране явилось превращение государства в классическую политическую организацию «экономически господствующего класса», экономические интересы которого и реализуются в первую очередь. В связи с наблюдаемой ныне деиндустриализацией страны, которая также является следствием трансформации российской плановой экономики на рыночную по западным либеральным калькам и условиям международных кредитных организаций, к «экономически господствующему классу» преимущественно относятся компании, эксплуатирующие природные ресурсы и, прежде всего, топливно-энергетические и минерально-сырьевые.

Поступательное развитие этих коммерческих компаний совпадает с общенациональными экономическими интересами, хотя бы потому, что их налоги составляют большую часть доходов федерального и региональных бюджетов. Также частные компании выступают поставщиками стратегического минерального сырья на внутренний рынок страны. В старопромышленных районах Севера эти компании являются основными работодателями и вынужденно или добровольно наделены другими функциями социальной ответственности [2]. В дополнение тому следует напомнить, что особенно среди топливно-энергетических компаний еще высока доля государственных.

Кроме того, следует заметить, что корпоративные стратегии, ограниченные частным интересом, в лучшем случае распространяют анализ на конкретную отрасль и не могут отражать народно-хозяйственный интерес. Общенациональный интерес для горнодобывающего сектора можно определить только на основе макроэкономического, научно-технического, демографического и других видов прогнозов социально-экономического развития страны и конкурентоспособности ее продукции на мировых рынках, разработка которых относится к функции и компетенции федерального правительства.

Стратегический среднесрочный прогноз для горнодобывающего сектора страны является неблагоприятным и согласно ему в качестве негативных факторов в довершение к резкому увеличению проблем обеспечения ресурсами добавляются следующие: снижение конкурентоспособности российского минерально-сырьевого сектора на внешних рынках по причине отсталости технологий и износа основных производственных фондов; обеспечение квалифицированными кадрами; рост социально-экологических потребностей населения северных регионов; рецессия в зарубежных странах – потребителях продукции; санкции стран Европейского союза, США и Канады и др.

Только по этим причинам можно утверждать, что цель – «расширение ресурсной базы Арктической зоны РФ, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах, водных биологических ресурсах и других видах стратегического сырья», сформулированная в Государственной программе РФ "Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года" отвечает общенациональным экономическим интересам [3]. Касательно горнодобывающего сектора российской экономики общенациональный экономический интерес заключается в формировании условий и предпосылок для повышения конкурентоспособности российского минерально-сырьевого сектора на внешних рынках.

Стратегическая цель развития Российской Арктики также соответствует геополитическим интересам страны. Стратегические намерения России по экономическому возрождению арктических территорий, включая акватории Северного Ледовитого океана, в частности, использование Северного морского пути, как национального преимущества в конкурентной борьбе вызвало неприкрытое сопротивление зарубежных экономических конкурентов даже в форме образования военных коалиций, например, государств Арктического Совета и НАТО [4, 5]. Планы развития горнодобывающей промышленности особенно для замены импорта дефицитных в стране цветных и редких металлов, равным образом представляет угрозу для их нынешних зарубежных поставщиков.

Нельзя обойти вниманием еще один аспект социально-экономической значимости интенсификации горнодобывающей промышленности в зоне Арктики, особенно в ее старопромышленных районах, к которым причислены Архангельская, Мурманская и Тюменская области, некоторые районы Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа, а также города: Воркута, Норильск, Магадан и др. [3]. В этих районах производство и переработка полезных ископаемых являются причиной и целью развития со времен включения территории в состав российского государства до сегодняшнего дня. В настоящее время в структуре экономики субъектов Федерации и их частей, вошедших в границы Арктической зоны России, горнодобывающая промышленность занимает первое (Мурманская область и Чукотский автономный округ, г.Норильск) или второе место (Архангельск, Республика Саха (Якутия). Например, доля ОАО «Норильский никель» в российском производстве составляет по производству никеля – 96%, кобальта – 95%, меди – 55%. Доля добывающей промышленности в структуре промышленного производства Мурманской области составляет 34%, в Ненецком автономном округе – 13.6%. Печорский угольный бассейн по запасам угля занимает 2-е место в стране.

Поэтому все разработанные стратегии социально-экономического развития северных субъектов Федерации базируются на дальнейшей интенсификации использования потенциала минерально-сырьевых ресурсов их территорий. В настоящее время северные субъекты Федерации, территории которых полностью или частично включены в границы Арктической зоны в соответствии с Планом действий Правительства РФ по реализации политики в Арктике, разрабатывают новые региональные программы, и в набор их мер по-прежнему будут включены проекты развития горнодобывающих и других ресурсных предприятий. В частности, это предположение подтверждает утвержденная в августе 2014 г. региональная программа «Мурманская область – стратегический центр Арктической зоны РФ» [6]. В ней на период до 2020 года запланированы реализация инвестиционных проектов по добыче руды ЗАО «Северо-Западная фосфорная компания», ЗАО «Федорово ресорсис», ОАО «Апатит» и ОАО «Ковдорский ГОК», по организации новых обогатительных производств на ОАО «Кольская ГМК», а также по увеличению выпуска всех видов концентратов на ОАО «Ковдорский ГОК» и др. [6].

Кроме того, на огромных просторах Арктической зоны РФ, вернее, в недрах этой территории, как на суше, так и на участках дна Мирового океана, Государственной программой "Воспроизводство и использование природных ресурсов" намечено осуществить масштабные геолого-разведочные работы по поиску и оценке потенциала новых месторождений полезных ископаемых. Например, железной руды в Красноярском крае и в Мурманской области, марганца в Ямало-Ненецком и в Ненецком автономных округах, руд цветных металлов на участках дна Мирового океана и т.д. [7]. В Государственную программу РФ "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности" включено технологическое изучение и геолого-экономическая оценка эвдиалитовых и эвдиалито-лопаритовых руд Ловозерского массива в Мурманской области [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие горнодобывающей промышленности в российской Арктической зоне – безальтернативный путь экономического роста национальной экономики и народного хозяйства северных субъектов Федерации. Причем для реализации инвестиционных проектов горнопромышленного сектора экономики в Арктике, как и для реализации ее стратегии социально-экономического развития в целом потребуются период, превышающий сроки документов стратегического планирования (20 лет) и, скорее всего, он захватит весь XXI в.

Отличительной особенностью современной стратегии хозяйственного освоения природно-ресурсного потенциала Российской Арктики является включение экологического приоритета в состав ее основных приоритетов. Нельзя сказать, что в советский период промышленного и транспортного освоения северных территорий и арктических морей не уделялось внимания природоохранным мероприятиям. Напротив, основные природоохранные фонды ныне действующих горнодобывающих и горно-металлургических компаний были созданы на средства государства как раз в последние советские пятилетки.

В период новейшей истории в государственной политике экономические интересы преобладали над экологическими, поэтому нормативно-правовой механизм, например, платного природопользования, был так построен, что частные владельцы горнопромышленных компаний могли игнорировать экологическую модернизацию производства, не нарушая при этом экологического законодательства. Этой ситуации больше всего способствовал законодательно установленный институт, так называемых «временно согласованных выбросов и сбросов»,

в соответствии с которым можно было сохранять экологически грязную технологию, заплатив за объемы загрязняющих веществ, превышающих национальные стандарты качества окружающей среды, хотя и в пять раз больше, но по мизерным ставкам платы. Негативную роль в снижении экологического приоритета в деятельности горнопромышленных предприятий сыграла отмена в 2006 г. экологической экспертизы инвестиционных проектов, то есть замена ее на общую экспертизу проекта, в которой экологическая экспертиза стала одной из многих и не самых важных частей. Введение федерального экологического надзора за природоохранной деятельностью горнопромышленных предприятий лишило органы власти субъектов Федерации каких-либо рычагов воздействия на них, хотя их деятельность и определяет экологическую ситуацию в регионах. Обладание политической и экономической силой, особенно в моногородах, позволяет сегодня горнопромышленным предприятиям оказывать давление на органы власти в муниципальных образованиях, например, на процесс общественных слушаний по обсуждению выгод и угроз новых инвестиционных проектов.

Однако горнопромышленные компании, в первую очередь, экспортноориентированные, быстро поняли, что экономия на экологических издержках снижает их положительный имидж среди зарубежных потребителей продукции, а активная экологическая политика компании является необходимым и важным орудием в борьбе с зарубежными конкурентами. Поэтому большинство крупных горнодобывающих компаний внедрило в систему корпоративного управления добровольную систему экологического менеджмента, чтобы их продукция и деятельность соответствовали требованиям международных экологических сертификатов, одним из которых является наличие экологической стратегии развития предприятия. Система сертификатов на соответствие требованиям стандарта экологического менеджмента ISO (International Organization for Standardization) 14001 сегодня уже имеет несколько версий, каждая последующая из которых усиливает требования к экологической чистоте производства и продукции. Кроме того, создаются национальные аналоги сертификатов экологического менеджмента и качества, например в России – это ГОСТ Р ИСО 14001-2007 (аналог ISO-14001: 2004), ГОСТ 12.0.230-2007 (аналог OHSAS 18001:2007) и др. Другими словами, внедрение системы добровольного экологического менеджмента представляет собой постоянный процесс постепенного улучшения экологического управления на предприятии.

Оценивая положительно внедрение системы экологического менеджмента в российских горнопромышленных компаниях, нельзя не отметить ее низкую экологическую эффективность, так как затраты предприятий на мероприятия, достаточные для получения сертификатов, не позволяют улучшить его природоохранную деятельность до обеспечения стандартов качества окружающей среды. Дело в том, что для получения сертификатов не требуется достижение показателей природоохранной деятельности, таких как: снижение объемов загрязняющих веществ или ввод в действие основных природоохранных фондов. Система экологического менеджмента направлена на улучшение экологического планирования в компании, обучение персонала, совершенствование методов производственного экологического контроля, на развитие информационного обмена и т.д.

В зарубежных компаниях, в отличие от отечественных, развитие системы экологического менеджмента осуществляется параллельно с процессами технологической и экологической модернизации производства, что и определяет высокую экологическую эффективность их природоохранной деятельности. В России дело обстоит не так. Например, ОАО «Норильский никель» является лидером в стране по внедрению системы добровольного экологического менеджмента, и в то же время только выбросы сернистого газа его дочернего предприятия ОАО «Печенганикель» в 2008 г. составили 102. 67 тыс. т, что на 19.2 тыс. т больше, чем его выбросы в Финляндии и примерно в 5-6 раз больше, чем объем выбросов сернистого газа в Норвегии [9]. За 8 лет (2004-2011 гг.) компания выделила более 90 млрд руб. на работы, направленные на минимизацию негативного воздействия производственной деятельности на окружающую среду, из них в 2011 г. – 15.8 млрд руб.[10].

Увеличение природоохранных инвестиций в 2011 г. объясняется тем, что к крупнейшему в стране и в Арктике загрязнителю атмосферы сернистым газом правительству страны пришлось применить индивидуальный подход в форме заключения Соглашения взаимодействия между Росприроднадзором и ОАО «Норильский никель» по сопровождению "Плана мероприятий по снижению негативного воздействия выбросов загрязняющих веществ в атмосферу города Норильск в период с 2010 г. по 2013 г. [11]. В Отчете Росприроднадзора об итогах реализации этого Соглашения сообщается, что «в 2011, 2012 и 2013 гг. реализация Соглашения осуществлялась путем

проведения взаимных консультаций, тематических семинаров, круглых столов, конференций и других мероприятий. На реализацию природоохранных мероприятий (капитальное строительство, проектно-изыскательские работы), в рамках выполнения Плана природоохранных мероприятий в 2011 г., потрачено порядка 3 524.0 млн руб., из них – 2 101.3 млн руб. на охрану атмосферного воздуха» [11].

Согласно годовому отчету о корпоративной ответственности за 2013 г. под многоговорящим названием «Новый взгляд на стратегические приоритеты» капитальные затраты на реализацию природоохранных мероприятий выросли в г.Норильске почти до 4 млрд руб. [10]. Новые стратегические экологические программы ОАО «ГМК «Норильский никель» уже предполагают достижение «полного соответствия стандартам и требованиям законодательства РФ по защите окружающей среды» и осуществление технологической и экологической модернизации Медного завода и Надежденского металлургического завода, что позволит кардинально сократить выбросы диоксида серы на 1.8 млн т или на 90% от их сегодняшнего объема [13].

Пример ОАО «ГМК «Норильский никель» позволяет сделать вывод, что даже директивное воздействие органов исполнительной власти на экологически опасное предприятие не может привести к желаемому результату без кардинального изменения действующей системы экологического нормирования и стимулирования.

Справедливости ради нельзя не отметить, что в последние годы многие горнопромышленные компании все же осуществляют технологическую и техническую модернизацию, которая всегда сопряжена со снижением негативного воздействия на окружающую среду, так как оно является одним из критериев разработки и внедрения новых технологий. Однако модернизация производится в районах размещения предприятий компании, которые более плотно заселены, чем, например, районы Арктической зоны и, следовательно, в них негативному воздействию химического и других видов загрязнения подвергаются широкие контингенты населения. Такая политика характерна для АО «МХК «ЕвроХим», ОАО «Фосагро», ОАО «Северсталь» и других компаний, которые имеют дочерние предприятия в зоне Арктики. Эти предприятия в большинстве своем расположены в непосредственной близости от селитебной зоны городов и рабочих поселков, которые проектировались и строились еще без учета экологических требований. Поэтому иногда негативному воздействию горнопромышленных и горно-металлургических комбинатов подвергаются все жители этих населенных пунктов уже на протяжении жизни нескольких поколений.

Мы считаем, что следует разработать нормы экологического права, которые побуждали бы менеджмент горнопромышленных компаний принимать решение о первоочередных природоохранных мерах на основе ранжирования величины экологического ущерба, причиняемого населению. Новый этап социально-экономического освоения зоны Российской Арктики предполагает сохранение постоянного населения и его рост, поэтому следует отказаться от стратегии и психологии временщиков и в обеспечении экологической безопасности.

Следует обратить внимание еще на одну причину сопротивления горнопромышленных компаний осуществлению экологической модернизации производств в районах Севера и Арктики. За несколько десятилетий деятельности этих предприятий в районах их размещения экологические природные системы или полностью разрушены или не могут выполнять ряд своих функций, например, средообразующих. Такие последствия хозяйственной деятельности горнопромышленных предприятий, как отходы горнопромышленных и горно-металлургических производств, которые вокруг предприятий насчитывают сотни миллионов тонн; гибель всего живого в малых реках и озерах, которые используются для приема сточных или шахтных вод; глубина карьеров от 300 м до 500 м и глубже; потеря плодородия почвенным слоем в так называемых «техногенных пустошах» по причине загрязнения тяжелыми металлами; образование в недрах огромных по объему пустот вследствие добычи руды подземным способом и другие – являются лишь некоторыми примерами необратимости экологических нарушений.

В связи с этим логично возникает вопрос о целесообразности огромных затрат на природоохранную деятельность вообще и на экологическую модернизацию в частности. К тому же наука еще не имеет достаточно полных знаний для того, чтобы по ее рекомендациям можно было восстанавливать нарушенные функции природных экосистем, а также и о действии объективных экологических законов в целом или в отдельных регионах, особенно в таких малоизученных, как районы Арктики.

Таким образом, в регионах экологической катастрофы, к которым относятся те территории, где наблюдается полная или очень значительная деградация экологических природных систем или их

частей – биомов, даже при осуществлении горнотехнической, биологической или рекультивации ландшафтов не гарантировано восстановление их функций. Несомненно, рекультивация нарушенных горной промышленностью природных комплексов возвращает им эстетическую и медико-биологическую ценности, а также хозяйственную, если на бывшем хвосто- или шламохранилище вырастет трава или лес, а в обводненном карьере появится рыба и др. Однако по объективным экологическим законам функции экосистемы при этом не будут восстановлены, так как отходы горнопромышленных производств (отвалы пород, захороненные хвосты обогащения и переплавки руд, донные отложения загрязняющих веществ) имеют огромные масштабы и никуда не исчезают в процессе рекультивации.

Для горнопромышленных предприятий, особенно функционирующих в старопромышленных районах Севера и Арктики, проблема рекультивации приобретает новый аспект в связи с формированием направления государственной экологической политики по ликвидации накопленного экологического ущерба и подготовкой федерального закона, который будет обязывать его виновников принять меры для устранения последствий. При невозможности ликвидации последствий, то есть невозможности рекультивации, предполагается ввести механизм денежной компенсации.

По нашему мнению, в отношении проблемы накопленного экологического ущерба, то есть ущерба прошлых лет, к которому не имеет причастности ныне действующее горнопромышленное предприятие, следует применить механизм экологического регулирования, который не будет нарушать экономические интересы этих предприятий. При этом следует решить давно назревшую проблему установления четкой спецификации прав собственности новых владельцев на хвостохранилища и отвалы горных пород, то есть обеспечить равноправный доступ для всех хозяйствующих субъектов к пользованию этими, по сути, техногенными месторождениями, за исключением стратегических.

Представители российской ноосферной научной школы, к которым принадлежат известные экономисты и социологи В.П.Казначеев, Н.Н.Моисеев, А.Д.Урсул, Н.Ф.Реймерс, Э.В.Гирусов, А.И.Субетто приводят множество доказательств необратимости последствий хозяйственного освоения Арктики для России и всей планеты. В Ноосферной Хартии Севера, которая была обнародована на Ноосферном Северном форуме «Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке» в 2007 г. содержится «предупреждение всему мыслящему человечеству» о том, что «...хозяйственное освоение северных территорий, шельфа Северного Ледовитого океана, несет в себе огромный риск биосферной катастрофы Севера, которая вызовет цепную реакцию необратимых последствий, негативных для жизни человечества» [13].

Разделяя многие выводы ученых ноосферной научной школы, все же следует сделать вывод, что они не учитывают реальность, которая заключается в том, что промышленное и транспортное освоение северных территорий и акваторий арктических морей уже осуществляются на протяжении почти столетия. Также выводы ноосферной школы базируются на неполных и недостоверных данных об естественных экосистемах макрорегиона и о новом явлении глобального характера – об изменении климата на планете.

По нашему мнению, рациональным подходом является сосредоточение усилий российской и зарубежной науки на изучении специфических особенностей проявления экологических законов в арктическом макрорегионе, чтобы перестать уже оперировать фразой «хрупкие экосистемы Севера», конкретное содержание которой никому неизвестно. Кроме того, принципиальное отрицание хозяйственного освоения арктических территорий по причине невозможности впоследствии восстановления нарушенных экосистем дает козырь в руки менеджменту промышленных и транспортных компаний для уклонения от активной природоохранной деятельности. Несмотря на ограниченность средств для проведения дорогостоящих научных исследований в зоне Арктики, нельзя допустить направление большей их части на изучение только экосистем арктических морей, климата и экологии топливно-энергетических ресурсов, которое сейчас явно просматривается в государственной программе по социально-экономическому развитию Арктики и в других документах [3, 14, 15]. Развитие экологии горной промышленности, которая использует невозпроизводимые природные ресурсы, наносит ущерб всем видам биоты и характеризуется огромными масштабами и длительным воздействием на природу, следует включить в первоочередные научные задачи в зоне Арктики и закрепить это в нормативно-правовых актах.

По нашему мнению, даже в районах экологических катастроф, то есть там, где национальные стандарты качества окружающей среды нарушаются уже на протяжении нескольких лет подряд и

образовались «техногенные пустоши», следует осуществлять экологическую модернизацию действующих производств, несмотря на удорожающие факторы. Наиболее существенными причинами для активизации природоохранной деятельности являются следующие.

Во-первых, горнопромышленные предприятия в районах Севера и Арктики нуждаются в технологической модернизации для улучшения своих экономических показателей и повышения конкурентоспособности продукции. Достижение оптимальных эколого-экономических соотношений в процессе хозяйственной деятельности, то есть минимальной себестоимости или максимального объема выпуска основной продукции при наименьшем ущербе для окружающей среды, уже осознано менеджментом крупнейших российских государственных и частных компаний как реальная цель. В научной литературе активно развивается положение о том, что методика оценки экологической эффективности аналогична методам оценки экономической эффективности хозяйственной деятельности с учетом экологических составляющих [16, 17]. В частности, концепция стратегического управления затратами (Strategic Cost Management) как новый метод повышения конкурентоспособности предприятия базируется на положении о том, что учет и анализ экологических затрат должен проводиться по всей цепочке создания ценностей на предприятии, так как экологический компонент и отражающие его затраты имеют место на каждой стадии цепочки затрат предприятия от добычи сырья до доставки готовой продукции потребителю [17]. Переход на наилучшие доступные технологии может повысить не только экологическую, но и экономическую эффективность компаний, дать им экономические преимущества за счет снижения производственных расходов и расходов на страхование, экономии энергии и ресурсов, снижения объемов финансовой ответственности, связанной с несоблюдением природоохранных норм и чрезвычайными ситуациями, большей доступности капитала и удовлетворенности потребителей, а также улучшения отношений с местным населением и обществом в целом.

Во-вторых, российские горнопромышленные компании, функционирующие в Арктике, ответственны за загрязнение макроэкосистемы Мирового океан, которое они осуществляют посредством аэротехногенных переносов загрязняющих веществ и с речными стоками.

В-третьих, деятельность по обеспечению экологической безопасности шире, чем только сохранение природных систем и поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций, ее приоритетные направления включают также: экологические приоритеты в здравоохранении: обеспечение безопасности при осуществлении потенциально опасных видов деятельности и при чрезвычайных ситуациях; предотвращение и снижение экологических последствий чрезвычайных ситуаций; предотвращение терроризма; контроль за использованием и распространением чужеродных видов и генетически измененных организмов [18, 19]. Вместе с тем, экологическая безопасность, в отличие от других видов национальной безопасности (общества и государства) – это деятельность по обеспечению интересов и безопасности только личности (человека). Поэтому и в российской зоне Арктики следует, прежде всего, обеспечить экологическую безопасность человека, так как история освоения Севера и Арктики убедительно доказывает, что приоритеты военной и экономической безопасности здесь были всегда выше, чем экологический приоритет. В жертву достижению экономических и оборонных целей приносились не только здоровье первопроходцев и пришлого населения, но зачастую и их жизни. Ориентация стратегии социально-экономического развития Арктической зоны России на сохранение и развитие постоянных поселений в Арктическом макрорегионе требует создания в них благоприятной окружающей среды.

С другой стороны переход на наилучшие доступные технологии требует от компании значительных затрат финансовых и трудовых ресурсов, поэтому бизнес-сообщество, стремится получить конкретные преимущества, в том числе и в форме экономического стимулирования процессов технологической и экологической модернизации со стороны государства. Поэтому эколого-правовой статус горнопромышленных предприятий в макрорегионе должен обеспечивать баланс экологических и экономических интересов государства, населения и бизнес-сообщества.

Найти оптимальное соотношение между экономическими и экологическими интересами в Арктическом регионе посредством государственного регулирования чрезвычайно сложно по нескольким причинам. Во-первых, у государственных органов управления нет опыта управления таким огромным регионом в условиях рыночных отношений, поэтому приходится искать методы и структуры управления, адекватные стратегии и задачам, путем экспериментов в условиях одновременной реализации государственных и частных инвестиционных проектов и программ. Сегодня полигоном для экспериментов является макрорегион «Дальний Восток с Байкальским регионом». Во-вторых, оформление правового статуса Арктической зоны еще незавершенно, так как

не принят федеральный закон «Об Арктической зоне РФ». Также не разработана Стратегия пространственного развития РФ как концепция расселения населения страны, и в связи с резким изменением экономической ситуации в стране требуют корректировки другие важнейшие стратегические документы: Стратегия социально-экономического развития РФ до 2020 года, прогноз социально-экономического развития РФ. Государственная программа РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» утверждена в новой редакции в апреле 2014 г., что потребовало корректировки мероприятий и средств на ее реализацию. Государственная программа социально-экономического развития Арктики подверглась жесткой критике со стороны Счетной палаты РФ, за которой также следует ожидать ее корректировку [20].

Важнейшей движущей силой для устранения и ослабления рисков и угроз экологическому состоянию макрорегиона должна выступать система государственного управления природопользованием и охраной окружающей среды, сбалансированная с системой управления социально-экономическим развитием АЗРФ в целом. Однако разработчик всех стратегических документов по Арктике и координатор программ Министерство регионального развития РФ было ликвидировано 8 сентября 2014 г. указом Президента РФ, а его функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития Арктики будут переданы Министерству экономического развития РФ в течение переходного периода.

Горнопромышленные и горно-металлургические компании в силу своей естественной частнособственнической природы стремятся к тотальному снижению издержек, в том числе и экологических, особенно в Арктическом регионе, где коэффициенты удорожающих факторов составляют от 1.5 до 2.0 по сравнению с южнее расположенными регионами.

Поэтому их политические организации (Российский союз промышленников и предпринимателей, некоммерческое партнерство «Горнопромышленники России»), а другими словами, лоббисты их интересов в ходе реформы государственного экологического управления были привлечены к оценке регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов в сфере природопользования и охраны окружающей среды для нахождения баланса экономических и экологических интересов. В результате учета мнения промышленников в форме процедуры оценки регулирующего воздействия 21 июля 2014 г. был принят новый Федеральный закон РФ N 219-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты РФ", реализация которого предполагает ужесточение экологических требований и интенсификацию экологизации и в горной промышленности тоже [21].

В частности, в соответствии с ним все предприятия горнодобывающей промышленности, во-первых, отнесены к "экологически опасным объектам" (объектам I категории), оказывающим негативное влияние на окружающую среду. Во-вторых, все предприятия горнодобывающей промышленности причислены к объектам, относящимся к области применения наилучших доступных технологий. Поэтому они должны в установленные сроки:

- внедрить наилучшие доступные технологии,
- стационарные источники выбросов и сбросов загрязняющих веществ оборудовать

автоматическими средствами измерения, учета объема и концентрации загрязняющих веществ и техническими средствами фиксации и передачи информации в Государственный фонд данных государственного экологического мониторинга. С 1 января 2016 г. все новые инвестиционные проекты горного предприятия должны проходить государственную экологическую экспертизу на соответствие требованиям наилучших доступных технологий. Для тех предприятий, которые не внедрят экологически чистые технологии, с 1 января 2020 г. плата за сверхнормативные загрязнения вырастет от 4 до 5 раз. Также законом установлен мощный стимул для внедрения наилучших доступных технологий: после их внедрения коэффициент ставки платы за загрязнение окружающей среды будет равняться нулю. Определены направления и перечислены меры государственной поддержки: налоговые льготы, льготы в отношении платежей за негативное воздействие на окружающую среду, выделение средств федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ [21].

По нашему мнению, реализация в полной мере этих нововведений позволит минимизировать ущерб экосистемам и населению Арктики, причиняемый ныне действующими экологически опасными предприятиями и теми, которые предполагается создать. Другими словами, новации закона можно охарактеризовать как эколого-правовой статус горнопромышленных и других ресурсных, транспортных и энергетических предприятий в Арктике, отвечающий экологической безопасности макрорегиона на достигнутом уровне развития производительных сил.

Однако даже приступить в установленные сроки к началу реализации закона невозможно, так как по каждой его инновации требуется разработка или подзаконного нормативно-правового акта, или методических рекомендаций, которые должны подготовить в Министерстве природных ресурсов и экологии РФ и согласовать, по крайней мере, с двумя федеральными министерствами (Министерство экономического развития РФ – правопреемник Министерства регионального развития РФ, Министерство финансов РФ).

Как известно, дьявол кроется в деталях, то есть при реализации такого кардинального изменения в государственном экологическом нормировании и стимулировании высока вероятность того, что даже мелкие недостатки нормативно-правовых актов, ошибки в мелочах и деталях, двойное толкование формулировок закона, могут обернуться недостижением цели.

Кроме того, нетрудно предположить, что при конкретизации и уточнении норм закона развернется второй круг лоббирования интересов представителей частного бизнеса. По нашему мнению? свою оценку регулирующего воздействия должны будут сделать и органы власти субъектов Федерации, которые получили теперь это право.

По Плану реализации в 2014 г. и в плановый период 2015-2016 гг. государственной программы РФ «Охрана окружающей среды на 2012-2020 годы» «законодательные нормы, направленные на оптимизацию системы нормирования в области ООС и экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения лучших технологий» должны быть приняты 31 декабря 2014 года, «перечень загрязняющих веществ, в отношении выбросов, сбросов которых применяются меры государственного регулирования, а также веществ, запрещенных для выбросов, сбросов в окружающую среду» – 31 марта 2016 г.; «обязательные требования к производственному экологическому контролю с дифференциацией в зависимости от категории объекта хозяйственной деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду», установлены – 30 октября 2016 года [22].

В связи с ожидаемым примерно двухлетним разрывом во времени между разработкой законодательных норм и реализацией инвестиционных проектов в Арктической зоне целесообразно в качестве особого эколого-правового статуса промышленных, транспортных и энергетических предприятий в ней дополнить проект федерального закона «Об Арктической зоне РФ» статьей «Меры по реализации государственной экологической политики в Арктической зоне РФ», а в ней предусмотреть государственную экологическую экспертизу инвестиционных проектов на соответствие требованиям наилучших доступных технологий для всех инвестиционных проектов независимо от начала их реализации и конкретизировать меры по стимулированию перехода на наилучшие доступные технологии с учетом интересов промышленных предприятий.

Также требуется разработать подпрограмму федеральной целевой программы «Охрана окружающей среды на период с 2014 до 2020 года» – «Охрана окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации», в которую включить мероприятия, специфичные для этой зоны по аналогии с мероприятиями по Байкальской особой экономической зоне или по Антарктиде.

Целесообразно дополнить Градостроительный кодекс РФ характеристикой «зон с особыми условиями использования территорий» в Арктике, если там требуется размещение хозяйственных объектов федерального значения, а также разработать градостроительные регламенты для земель лесного фонда, земель, покрытых поверхностными водами, земель запаса, земель особо охраняемых природных территорий и оленьих пастбищ.

Как нам видится, основные характеристики особого эколого-правового статуса горнопромышленных и других предприятий в зоне Арктики уже намечены, и часть их даже законодательно установлена, но предстоит еще большая и спешная работа для того, чтобы этот статус принял заверченный вид и гарантировал обеспечение экологической устойчивости в горной промышленности российской зоны Арктики.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ и Правительства Мурманской области по результатам совместного регионального конкурса «Русский Север: история, современность, перспективы», проект № 14-12-51003 «Оптимизация деятельности исполнительных органов власти Мурманской области в сфере охраны окружающей среды и природопользования на современном этапе реформы государственного управления».

Литература

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>
2. Харитонов Г.Н., Иванова Л.В. Государственная поддержка горнопромышленных моногородов: новые подходы и инструменты // Записки Горного института. Издательство: Национальный минерально-сырьевой университет Горный (Санкт-Петербург) ISSN: 0135-3500. 2014. С. 87-92.
3. Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. N 366 «Государственная программа Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://consultant.ru>
4. Nordic Cooperation on foreign and security policy. Proposals presented to the extraordinary meeting of Nordic foreign ministers in Oslo on 9 February 2009. Thorvald Stoltenberg. URL: http://www.mfa.is/media/Frettatilkynning/Nordic_report.pdf
5. Сергунин А.А., Конышев В.Н. Ремилитаризация Арктики и безопасность России // NB: Национальная безопасность. 2013. № 6. С. 1-30. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.6.3772. Режим доступа: http://e-notabene.ru/nb/article_3772.html
6. Постановление губернатора Мурманской области от 27.08. 2014 года № 126-ПГ «Об утверждении региональной программы социально-экономического развития «Мурманская область – стратегический центр арктической зоны Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov-murman.ru>
7. Государственная программа Российской Федерации "Воспроизводство и использование природных ресурсов" – Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 322. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162083/?frame=1
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
9. Bellona [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bellona.ru/>
10. Годовой отчет за 2013 год [Электронный ресурс]. Годовой отчет за 2013 год. Режим доступа: http://www.nornik.ru/_upload/2014/NN_AR_2013_rus_EGO.pdf
11. Отчет об итогах реализации Соглашения о взаимодействии между Федеральной службой по надзору в сфере природопользования и ОАО «ГМК «Норильский никель» по сопровождению «Плана мероприятий по снижению негативного воздействия выбросов загрязняющих веществ в атмосферу города на ЗФ ОАО «ГМК «Норильский никель» (2010-2013 годы). Москва, 2013 г.
12. Планы ОАО «Норильский никель в области экологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.nornik.ru/press-czentr/publikaczii/viktor-tolokonskij-planyi-norilskogo-nikelya-v-oblasti-ekologii-vpechatlyayut
13. Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке: Второй Междунар. ноосфер. сев. форум (Санкт-Петербург, 25-29 нояб. 2009 г.). Т. 2: Роль Арктики и Антарктики в стратегии ноосферного развития человечества и выхода из глобального экологического кризиса: в 2-х кн., кн. 1 / под ред. А.И.Субетто. Санкт-Петербург: Астерион, 2009. 678 с.
14. План действий (дорожная карта) по разработке системы комплексного управления морским природопользованием в Российской Федерации и ее пилотной апробации в экорегионе Баренцева моря. Всемирный фонд дикой природы (WWF России) и Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН. М., 2014.
15. Концепция создания и развития Российского научного центра на архипелаге Шпицберген. Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2014 г. N 1676-р г. Москва. Опубликовано: 3 сентября 2014 г. на Интернет-портале "Российской Газеты".
16. Michael E. Porter, Claas Van Der Linde Green and Competitive: Ending the Stalemate. Harvard Business Review Article, 1995.
17. Джон К. Шанк, Виджей Говиндараджан. Стратегическое управление затратами / Пер с англ. СПб.: ЗАО Бизнес Микро, 1999. 288 с.
18. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (Утверждена Президентом РФ 08.02.2013 г. № Пр-232). Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

19. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. (утв. Президентом РФ 30.04.2012). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117
20. Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://audit.gov.ru>
21. Федеральный закон РФ N 219-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты РФ". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
22. План реализации в 2014 году и в плановый период 2015-2016 годов государственной программы РФ «Охрана окружающей среды на 2012-2020 годы». Распоряжение Правительства РФ от 2 июля 2014 года № 1214-р. Режим доступа: <https://www.mmr.gov.ru/upload/iblock/af9/1214-pq.pdf>

References

1. Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neishuyu perspektivu [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>
2. Kharitonova G.N.Ivanova L.V.Gosudarstvennaya podderzhka gornopromyshlennykh monogorodov: novye podkhody i instrumenty // Zapiski Gornogo instituta Izdatelstvo: Natsionalny mineralno-syryevoy universitet Gorny (Sankt-Peterburg).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21 aprelya 2014 g. N 366 «Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda". [Elektronnyy resurs]. URL: <http://consultant.ru>
4. Nordic Cooperation on foreign and security policy. Proposals presented to the extraordinary meeting of Nordic foreign ministers in Oslo on 9 February 2009. Thorvald Stoltenberg. URL: http://www.mfa.is/media/Frettatilkyning/Nordic_report.pdf
5. Sergunin A.A., Konyshov V.N. Remilitarizatsiya Arktiki i bezopasnost' Rossii // NB: Natsional'naya bezopasnost'. 2013. № 6. S.1-30. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.6.3772. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_3772.html
6. Postanovlenie gubernatora Murmanskoy oblasti ot 27.08. 2014 goda № 126-PG «Ob utverzhdenii regional'noy programmy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya «Murmanskaya oblast' – strategicheskoy tsentr arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii». [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.gov-murman.ru>
7. Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Vosproizvodstvo i ispol'zovanie prirodnykh resursov" – Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. N 322. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162083/?frame=1
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 N 328 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii Razvitie promyshlennosti i povyshenie ee konkurentosposobnosti». [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/>
9. Bellona [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.bellona.ru/>
10. Godovoy otchet za 2013 god [Elektronnyy resurs]. URL: Godovoy otchet za 2013 god http://www.nornik.ru/_upload/2014/NN_AR_2013_rus_EGO.pdf
11. Otchet ob itogakh realizatsii Soglasheniya o vzaimodeystvii mezhdru Federal'noy sluzhboy po nadzoru v sfere prirodopol'zovaniya i OAO «GMK «Noril'skiy nikel'» po soprovozhdeniyu «Plana meropriyatiy po snizheniyu negativnogo vozdeystviya vybrosov zagryaznyayushchikh veshchestv v atmosferu goroda na ZF OAO «GMK «Noril'skiy nikel'» (2010-2013 gody). Moskva, 2013 g.
12. Plany OAO «Noril'skiy nikel' v oblasti ekologii [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.nornik.ru/press-czentr/publikaczii/viktor-tolokonskij-planyi-noril'skogo-nikelya-v-oblasti-ekologii-vpechatlyayut>
13. Noosferizm: arkticheskoy vzglyad na ustoychivoe razvitie Rossii i chelovechestva v XXI veke: Vtoroy Mezhdunar. noosfer. sev. forum (Sankt-Peterburg, 25-29 noyab. 2009 g.). T. 2: Rol' Arktiki i Antarktiki v strategii noosfernogo razvitiya chelovechestva i vykhoda iz global'nogo ekologicheskogo krizisa: v 2-kh kn., kn.1 / pod red. A.I.Subetto. Sankt-Peterburg: Asterion, 2009. 678 s.
14. Plan deystviy (dorozhnaya karta) po razrabotke sistemy kompleksnogo upravleniya morskim prirodopol'zovaniem v Rossiyskoy Federatsii i ee pilotnoy aprobatsii v ekoregione Barentseva morya. Vsemirnnyy fond dikoy prirody (WWF Rossii) i Sovet po izucheniyu proizvoditel'nykh sil Minekonomrazvitiya Rossii i RAN. M., 2014.

15. Kontseptsiya sozdaniya i razvitiya Rossiyskogo nauchnogo tsentra na arhipelage Shpitsbergen. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 2 sentyabrya 2014 g. N 1676-r g. Moskva. Opublikovano: 3 sentyabrya 2014 g. na Internet-portale "Rossiyskoy Gazety".
16. Michael E. Porter, Claas Van Der Linde Green and Competitive: Ending the Stalemate. Harvard Business Review Article, 1995.
17. Dzhon K. Shank, Vidzhey Govindaradzhan. Strategicheskoe upravlenie zatratami/ Per s angl. SPb.: ZAO Biznes Mikro, 1999. 288 s.
18. Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2020 goda» (Utverzhdena Prezidentom RF 08.02.2013 g. № Pr-232).
19. Osnovy gosudarstvennoy politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda (utv. Prezidentom RF 30.04.2012). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117
20. Schetnaya palata Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]. URL: <http://audit.gov.ru>
21. Federal'nyy zakon RF N 219-FZ "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob okhrane okruzhayushchey sredy" i ot del'nye zakonodatel'nye akty RF". [Elektronnyy resurs].
22. Plan realizatsii v 2014 godu i v planovyy period 2015-2016 godov gosudarstvennoy programmy RF «Okhrana okruzhayushchey sredy na 2012-2020 gody». Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 2 iyulya 2014 goda № 1214-r. URL: <https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/af9/1214-pq.pdf>

УДК 338.45(985)

ИННОВАЦИОННОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹²

В.А.Цукерман,

канд. техн. наук., доцент, зав. отделом,

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, г.Апатиты

Аннотация. Рассмотрены проблемы и перспективы инновационного промышленного развития Арктической зоны Российской Федерации. Арктические регионы характеризуются экстремальными условиями жизнедеятельности и ярко выраженной спецификой социально-экономического развития. Этот макрорегион является зоной стратегических интересов России.

Показано, что рост промышленного производства арктических территорий происходит в основном за счет экстенсивных факторов – увеличения объема, а не использования инновационных технологий, индекс валового регионального продукта коррелирует с динамикой цен на нефть. Определены основные факторы, обуславливающие специфическое положение минерально-сырьевого сектора в экономике России, и главные причины низкой эффективности промышленности.

Инновационно-технологические изменения в промышленности АЗРФ происходят в рамках третьего и четвертого технологических укладов и, следовательно, не могут обеспечить решения проблем приведения структуры экономики арктических регионов в соответствие с достижениями развитых стран. Сформулированы основные ограничения промышленного развития экономики АЗРФ и перспективы повышения уровня инновационной активности и конкурентоспособности промышленных комплексов. Показана необходимость пересмотра традиционных подходов категорий, принципов, методов и оценок, связанных с промышленным развитием АЗРФ.

Особо отмечено значение проводимой государством инновационной промышленной политики в АЗРФ, позволяющей обеспечивать режим устойчивого и комплексного социально-экономического развития территорий, создание механизмов поддержки реализации достижений научно-технического прогресса, стимулирование действующих и организацию новых территориально-производственных объединений.

Ключевые слова: промышленное производство, Арктика, факторы и ограничения, технологические инновации.

¹² Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 15-06-06827 «Научные основы комплексного инновационного промышленного развития регионов Арктики минерально-сырьевой направленности».

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

V.A.Tsukerman,
(PHD), Head of Department,
G.P.Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of RAS, Apatity

Abstract. Challenges and prospects of innovation industrial development of the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) are examined. The Arctic regions are characterized by extreme life conditions and the strongly marked specificity of socio-economic development. This macro-region is a zone of strategic interests of Russia.

It is shown that industrial production growth on arctic territories is mainly caused by extensive factors – increasing volumes, rather than use of innovation technologies, index of gross regional products correlates with oil price dynamics. The main factors causing the specific position of the mineral resource sector in the economy of Russia and the major reasons of the low efficiency of the industry are identified.

Innovation-technological changes in the industry in AZRF take place within the third and the fourth technological modes and, consequently, cannot ensure solving the problems of bringing the structure of the economy of the Arctic region, in accordance with the achievements of developed countries. The major restrictions of industrial development of the AZRF economy and prospects of increasing the level of innovation activities and competitiveness of the industrial complexes are formulated. The necessity of reviewing the traditional approaches, categories, principles, methods and evaluations connected to industrial development of AZRF is shown.

The importance of the implemented by the state innovation industrial policy in AZRF allowing ensuring the mode of sustainable and complex socio-economic development of territories, creation of mechanisms to support implementation of achievements of the scientific and technological progress, promotion of the operating and creation of new territorial-production associations is specially noted.

Keywords: industrial production, the Arctic, factors and restrictions, technological innovations.

Промышленное развитие экономики Арктической зоны Российской Федерации должно учитывать стратегические ресурсы и их оптимальное использование. Большое значение приобретает организация всех видов экономической деятельности территории, включая развитие человеческого потенциала, транспорта, освоение природных ресурсов, достижение максимальной возможной экологической безопасности. При этом экономическая деятельность должна быть адаптирована к условиям неоднородности регионального пространства Российской Арктики, с одной стороны, и необходимости максимального использования конкурентных преимуществ – с другой [1].

Государственное регулирование промышленного производства должно предусматривать формирование институциональных условий, позволяющих обеспечить режим устойчивого и комплексного социально-экономического развития территорий на основе ускоренного перехода к сбалансированному развитию различных отраслей, созданию механизмов поддержки реализации достижений научно-технического прогресса, стимулированию действующих и созданию новых территориально-производственных комплексов.

Рост промышленного производства АЗРФ в основном связан с экстенсивными факторами – увеличения объема, а не использования инновационных технологий (рис.1).

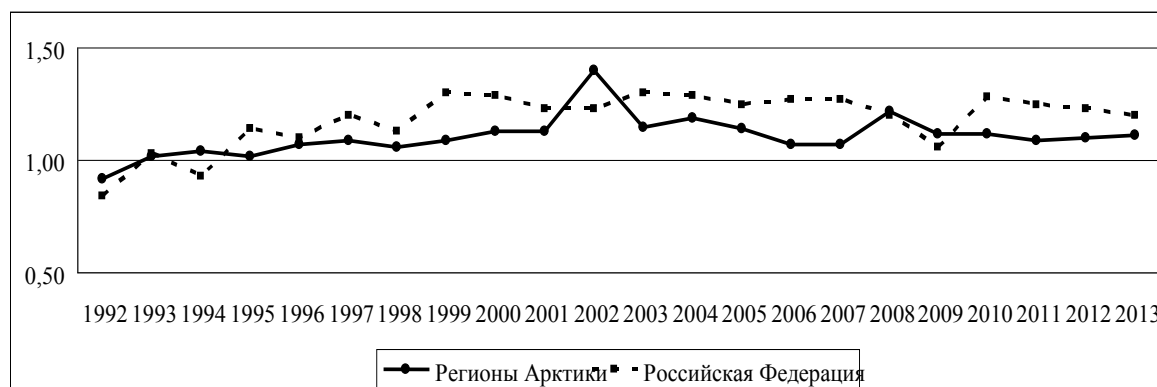

Рис.1. Индекс промышленного производства к 1992 г.

Промышленное производство в регионах АЗРФ за последние годы практически не увеличивается, что повлияло на замедление роста экономики России. Основными причинами низкой эффективности промышленности АЗРФ являются:

- слабая инновационная деятельность промышленных предприятий;
- инновационная деятельность промышленности, по существу, имитационная, поскольку происходит заимствование технологий, а не создание и реализация радикальных нововведений;
- развитие промышленности основывается на опережающей роли доходов от минерально-сырьевого экспорта;
- практически отсутствует государственная инновационная политика;
- не решаются в необходимом объеме проблемы импортозамещения.

Индекс валового регионального продукта (ВРП) в АЗРФ и Российской Федерации до 2012 года коррелировал с динамикой цен на нефть (рис.2).

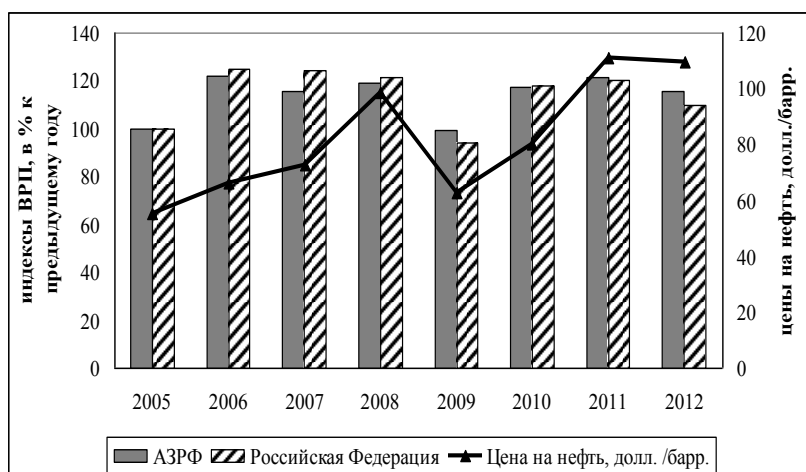

Рис.2. Индексы ВРП в сравнении с динамикой цен на нефть

Отсутствие данных Росстата не позволяет объективно оценить изменение индекса ВРП за последнее время.

Специалисты считают, что сырьевые рынки наиболее «капризны», т.е. в максимальной мере подвержены колебаниям спроса и предложения, а следовательно, и изменениям ценовой конъюнктуры. Ситуацию можно считать относительно новой даже в теоретическом аспекте, и связана она как с особенностями финансово-экономических кризисов, который в меньшей мере затрагивает реальный сектор экономики, и в большей – финансовую сферу, так и со специфическим положением сырьевого сектора в экономике страны, которое обусловлено [2]:

- большим и устойчивым внутренним спросом на энергоресурсы (холодный климат требует большего потребления энергоносителей);
- наличием долгосрочных экспортных контрактов со стабильными ценами, в среднесрочной перспективе не подверженными значительным колебаниям;
- достаточно высокой инвестиционной привлекательностью отраслей, функционирующих в АЗРФ.

Доля инновационных товаров, выполненных работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства арктических регионов в разы ниже, чем в Российской Федерации (табл.1).

Таблица 1

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства, % [3]

Регион	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Мурманская область	0.1	0.4	0.0	0.1	0.8
Ямало-Ненецкий АО	0.3	1.4	1.3	1.4	-
Республика Саха (Якутия)	1.7	0.6	0.2	0.3	2.9
Чукотский АО	-	0.3	0.0	0.9	1.7
АЗРФ	0.7	0.7	0.4	0.7	1.8
Российская Федерация	4.6	4.9	6.1	7.8	9.2

При этом затраты организаций на технологические инновации по видам деятельности промышленного производства в АЗРФ выросли на 2% при увеличении на 73% в Российской Федерации (табл.2).

Таблица 2

Затраты организаций на технологические инновации промышленного производства в ценах 2009 г., млн руб.

Регион	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 к 2009, %
Ненецкий АО	244.2	0.8	2.0	1154.5	14.9	-93.9
Мурманская область	1289.8	679.6	205.1	337.2	588.6	-54.4
Ямало-Ненецкий АО	2489.3	6698.3	3210.5	6476.9	901.4	-63.8
Республика Саха (Якутия)	202.0	215.5	65.4	1182.1	2791.4	1281.7
Чукотский АО	-	-	-	0.8	28.1	-
АЗРФ	845.1	1518.8	696.6	1830.3	864.9	2.3
Российская Федерация	301747.8	264604.7	349571.4	384577.6	522809.1	73.3

С сожалением приходится констатировать, что большая часть «позитивных» потенциалов АЗРФ практически не используется в надлежащих объемах. Причин «инновационной апатии» можно назвать много, и, вероятно, ни одна из них не является определяющей – все они действуют в комплексе. Особо следует отметить, что государственная политика Российской Федерации в области инноваций и региональные программы формирования инновационной инфраструктуры северных территорий, в том числе АЗРФ, не объединены единой концепцией развития, что приводит в итоге к разобщенности участников инновационного процесса [4].

Следует отметить, что минерально-сырьевой и топливно-энергетический комплексы по определению должны быть наукоемкими. В них научно-технический прогресс связан с самыми новейшими достижениями в области нанотехнологий и электронной техники, материаловедения, органической и неорганической химии, техники и технологий в северном (арктическом) исполнении, техники безопасности, информатики, физиологии и медицины, природно-ресурсной и региональной экономики, социологии и других наук [5].

Основными факторами и ограничениями инновационного промышленного развития экономики АЗРФ можно считать:

- нерациональное недропользование;
- снижение качества человеческого капитала;
- дефицит управленческих кадров;
- традиционное недофинансирование инновационной сферы;
- несовершенная инновационная инфраструктура;
- загрязнение природной среды;
- слабое взаимодействие государства, бизнеса и науки;
- недостаточный уровень технологического развития;
- несовершенство законодательной базы;
- слабое развитие транспортных систем;
- неэффективное управление энергоснабжением.

Для повышения эффективности использования недр принципиально важно следовать принципу максимального и комплексного извлечения сырья из северных месторождений с применением новейших природосберегающих инновационных технологий. Приоритет должен быть отдан проектам, использующим технологии, направленные на максимально глубокую переработку сырья, где конечной продукцией будут продукты технологического передела.

Серьезным сдерживающим фактором регионального инновационного развития является слабое вовлечение человеческого капитала в инновационный процесс в качестве активного участника, источника и проводника инновационных идей [6].

Для повышения качества человеческого капитала АЗРФ необходимо решить ряд принципиальных вопросов, в том числе [7]:

- сократить негативное воздействие демографических изменений и миграционных процессов,

- ориентировать систему образования на запросы реального сектора экономики и на потребности рынка труда,
- повышать качество образования и уровень кадрового обеспечения.

Для решения проблемы недостаточного финансирования инновационного развития необходима выработка и реализация конструктивной инвестиционной политики с учетом изыскания новых источников финансирования инновационной деятельности, например, венчурный капитал, средства различных фондов и банков развития [8]. В последнее время вопросы финансирования стали первоочередными с учетом экономических санкций, сложности привлечения иностранных инвесторов и проблем импортозамещения.

На федеральном, региональном и муниципальном уровнях следует стимулировать ускоренное создание в АЗРФ особых экономических зон технико-внедренческого типа. Эти инновационные зоны должны осуществлять трансфер отечественных технологий от науки к производству, предоставлять необходимые услуги промышленным предприятиям в разработке и реализации инновационных проектов. Успех крупных арктических проектов может быть достигнут динамичным развитием рынка сервисных услуг и национальных независимых сервисных компаний.

Следует отметить, что в последнее время в инновационной инфраструктуре страны наблюдается аномальная концентрация сил и средств не в зонах реального сектора экономики, а в центрах обращения финансовых капиталов, что приводит к неэффективному использованию инфраструктурных преимуществ. Особенно негативно это влияет на развитие АЗРФ, в которой доля объектов инновационной инфраструктуры страны составляет менее 4 % [9].

Для уменьшения противоречий между тенденциями развития научно-технического потенциала и потребностями бизнеса в АЗРФ необходимо дополнительное стимулирование инновационной деятельности за счет:

- повышения инвестиционной привлекательности ключевых высокотехнологичных отраслей экономики путем реализации налогового, тарифного и других типов государственного регулирования и финансовой поддержки;
- поддержки создания новых высокотехнологичных предприятий и их развития на ранних стадиях;
- повышения доли частного финансирования в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки;
- продвижения инновационной продукции и технологий на мировые рынки;
- предоставления на конкурсной основе малым, средним и крупным компаниям грантов (субсидий).

Развитие промышленного производства АЗРФ возможно только в режиме устойчивости и экологической безопасности. В связи с экологическими угрозами и тенденциями потепления климата Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Российская Федерация, Швеция, США приняли постановление, в котором прописаны срочные меры, необходимые для существенного сокращения глобальных выбросов парниковых газов и ограничения повышения глобальной температуры до уровня ниже 2°C, что позволит избежать потенциально необратимых изменений в Арктике [10].

Для решения комплекса проблем загрязнения природной среды отходами промышленного производства АЗРФ необходима выработка государственной промышленной политики добычи и переработки полезных ископаемых, нацеленной на реализацию прогрессивных технологических укладов, применение инструментов стимулирования инновационных процессов. Проблема сводится к разработке методических подходов и предложений по государственному регулированию природоохранной деятельности горных предприятий, направленных на обеспечение устойчивого экономического роста арктических территорий в условиях модернизации экономики России с учетом выполнения международных обязательств по ликвидации загрязнения окружающей среды и сохранению экологического равновесия. Роль государства в отношении к недрам сводится к выявлению и оценке содержащихся в них ресурсов, формированию на этой основе пригодной к практической эксплуатации минерально-сырьевой базы и организации ее рационального освоения. Рамочные условия и правовая основа для реализации функций государства в сфере экономического и экологического управления недрами определяются соответствующим законодательством.

В последние годы значимость природоохранной деятельности пересматривается и существенно повышается. Формирование эффективной системы недропользования на основе комплексного освоения и использования всей совокупности природных ресурсов, применения малоотходных ресурсосберегающих технологий, экологизации производства и обеспечения

конкурентоспособности промышленности не может рассматриваться как одноразовое действие. Это сложный многоэтапный, непрерывный процесс, требующий глубоких теоретических и методологических исследований, обобщений, моделирования, диагностики, мониторинга, координации, контроля и коррекции. При этом необходим учет специфики и закономерностей комплексных производств, пересмотр традиционных подходов и понимания многих категорий, принципов, методов, оценок [11].

Суровость природно-климатических условий, высокие затраты на производство и жизнеобеспечение населения, огромные расстояния и низкая транспортная обеспеченность, экологическая уязвимость природы должны являться мощным стимулом к тому, чтобы промышленное производство арктических территорий осуществлялось на основе новейших достижений научно-технического прогресса с учетом эффективной экологической политики.

Наступило время использования результатов фундаментальных исследований для создания стратегических инноваций, связанных с импортозамещением, в силу необходимости выхода на новый этап экономического и экологического развития промышленности АЗРФ. Требуется формирование современных стандартов хозяйственной деятельности промышленных комплексов, системные решения и инновационные управленческие технологии, воплощенные в целостной экономической стратегии развития АЗРФ [12].

Между бизнесом, наукой и государством пока не сложились партнерские отношения, отсутствуют постоянные и продуктивные контакты. Именно поэтому в арктических регионах, во-первых, не в полной мере используется инновационный потенциал, во-вторых, ограничивается финансирование научных организаций промышленными предприятиями. В связи с низким уровнем предлагаемых технологических решений не повышается конкурентоспособность и коммерческое использование инновационных технологий в промышленности АЗРФ [13].

Следует отметить, что инновационно-технологические изменения в промышленности происходят в рамках третьего и четвертого технологических укладов и, следовательно, не могут обеспечить решение задач по приведению структуры экономики АЗРФ в соответствие с достижениями наиболее развитых стран и обеспечению перехода к высокотехнологичному производству в то время, как в развитых странах происходит замещение их пятым и шестым укладами.

С учетом экономических санкций требуется совершенствование законодательства с целью реализации промышленной политики и активизации инновационной деятельности, осуществляемой субъектами исполнительной власти арктических регионов. В этой связи предлагается:

- принять закон РФ «Об инновациях и инновационной деятельности»;
- принять федеральный закон о фондах поддержки научной и научно-технической деятельности и нормативные правовые акты, определяющие правовые основы деятельности государственных академий наук;
- законодательно оформить конкретные механизмы и процедуры вовлечения научных организаций государственного сектора науки в инновационные процессы;
- разработать регламент аккредитации субъектов инновационной инфраструктуры.

Немаловажно для промышленного развития совершенствовать кроссполярные и циркумполярные транспортные системы АЗРФ. Настало время неформальной реализации альтернативной энергетики, ускорения поиска новых видов возобновляемых источников энергии, осуществления стратегического управления энергосбережением, прежде всего, в промышленности. Внедрение инновационных энергосберегающих технологий и разработок необходимо осуществлять за счет поддержки государства и с привлечением в данную сферу значительного объема инвестиций.

Специфика пространственного инновационного промышленного развития связана с особенностями арктической экономики, которая представляется как ресурсная, приморская и тесно взаимодействующая с военным и гражданским секторами. Разработка и реализация арктических мегапроектов позволит активизировать процесс перехода на инновационный путь развития АЗРФ [14].

Арктические регионы должны активнее втягиваться в мировые рынки, во внешнеэкономические связи, что соответствует закономерностям глобализации. Разумное внешнеэкономическое регулирование способно предотвращать перекосы в структуре национальной экономики при ее ускоренной интеграции в мировую. Для отдельных регионов могут возникать более сложные ситуации, связанные с защитой конкурентоспособности ключевых производств и рынков [15].

Важное значение для промышленного развития арктических территорий имеет агломерационный эффект, связанный с формированием крупных транспортных комплексов, логистических узлов, центров образовательной и инновационной инфраструктуры.

Промышленное развитие АЗРФ в процессе модернизации будет занимать специфическое положение. Здесь не планируется строительство крупных машиностроительных заводов, поскольку это экономически неэффективно из-за повышенных издержек в особых условиях хозяйствования. При этом должна резко повыситься эффективность самого ресурсно-сырьевого сектора за счет комплекса мероприятий по повышению извлечения и глубины переработки сырья. Главное, что добывающие отрасли и корпорации, обладающие мощными финансовыми ресурсами, могут и должны выступать стратегическими заказчиками техники и новых технологий у обрабатывающих производств [16].

Промышленное развитие Арктической зоны требует консолидации ресурсов всех заинтересованных субъектов государственной политики, а также сосредоточения организационных, интеллектуальных, финансовых и других усилий на разрешении ключевых проблем регионов.

Литература

1. Селин В.С., Васильев В.В., Широкова Л.Н. Российская Арктика: география, экономика, районирование. Апатиты, Изд.КНЦ РАН, 2011. 201 с.
2. Селин В.С. Северные регионы России: экономическая динамика и проблемы развития // Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 3-18.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели 2013: стат. сб. / Росстат. М.: 2013. 990 с.
4. Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М., Цукерман В.А. Инновационные векторы экономического роста северных регионов: возможности, оценки, прогнозы. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2013. 199 с.
5. Лаженцев В.Н. Формирование и реализация инвестиционных ресурсов в условиях Севера (на примере минерально-сырьевого сектора экономики // Север и рынок. 2014. № 6 (43). С. 11-14.
6. Дружинин П.В., Поташева О.В., Шкиперова Г.Т. Проблемы инновационного развития региональной экономики в условиях внешних шоков: материалы Международной научно-практической конференции 19-21 ноября 2012 г. / под ред. Р.М.Нижегородцева. М., 2012. С. 81-85.
7. Тенденции и особенности инновационной индустриализации в северных регионах России / Коллектив авторов; под науч. ред. В.С.Селина, В.А. Цукермана. Апатиты: Изд.КНЦ РАН, 2014. 162 с.
8. Цукерман В.А. Основные препятствия и барьеры инновационного и технологического развития Арктической зоны Российской Федерации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 9. Ч. 2 / Отв. ред. Ю.С.Пивоваров. М., 2014. С. 688-692.
9. Горячевская Е.С., Цукерман В.А. Оценка инновационного развития регионов Севера и Арктики России // Там же. С. 571-576.
10. Statement to UNFCCC COP XVIII of Canada, Kingdom of Denmark, Finland, Iceland, Norway, Russian Federation, Sweden, United States of America. URL: <http://www.arctic-council.org> (дата обращения: 19.02.2015)
11. Tsukerman, V.A., Ivanov, S.V. Scenarios for the development and improvement of the life support systems of the Arctic zone of Russia (2013). Materials of the TMS Annual Meeting, 2013. P. 404-410.
12. Нижегородцев Р.М. Стимулирование научных исследований и инноваций в России в условиях нарастания внешних угроз // Управление инновациями – 2014. Материалы международной научно-практической конференции. 17-19 ноября 2014 г. Новочеркасск, ЮРГПУ (НПИ), 2014. С. 7-14.
13. Цукерман В.А. Наука, бизнес и общество – основа инновационного регионального развития российской Арктики // Отношение общества и государства к науке в условиях современных экономических кризисов: тенденции, модели, поиск путей улучшения взаимодействия: Материалы международного симпозиума (Киев, 2-5 июня 2013 г.). Киев: Наш формат, 2013. С. 150-160.
14. Никифорова Л.Ю. Инновационный путь пространственного развития Севера и Арктики // Север и рынок. 2014. № 1. С. 43-47.
15. Гранберг А.Г. Возможны ли распад или сжатие России? // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 9-18.
16. Селин В.С., Селин И.В. Индустриализация и проблемы повышения уровня инновационности продукции в промышленности северных регионов // Север и рынок. 2014. № 1. С. 55-60.

References

1. Selin V.S., Vasil'ev V.V., Shirokova L.N. Rossijskaja Arktika: geografija, jekonomika, rajonirovanie [Russian Arctic: geography, economy, zoning]. Apatity, Publ. KSC RAS, 2011. 201 p. (In Russ.).
2. Selin V.S. Severnye regiony Rossii: jekonomicheskaja dinamika i problemy razvitija [The northern regions of Russia: economic dynamics and development problems]. Region: jekonomika i sociologija [Region: Economics and Sociology]. 2011. № 4. P. 3-18 (In Russ.).
3. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli 2013 [Regions of Russia. Socio-economic indicators 2013]: stat. sb. Moscow. Rosstat. 2013. 990 p. (In Russ.).
4. Gorid'ko N.P., Nizhegorodtsev R.M., Tsukerman V.A. Innovacionnye vektory jekonomicheskogo rosta severnyh regionov: vozmozhnosti, ocenki, prognozy [Innovation vectors of economic growth of the northern regions: potentialities, evaluations, forecasts]. Apatity: Publ. KSC RAS. 2013. 199 p. (In Russ.).
5. Lazhencev V.N. Formirovanie i realizacija investicionnyh resursov v uslovijah Severa (na primere mineral'no-syr'evogo sektora jekonomiki) [Formation and implementation of investment resources in the North (for example, the mineral resource sector of the economy)] // Sever i rynek [North and Market]. 2014. № 6 (43). P. 11-14 (In Russ.).
6. Druzhinin P.V., Potasheva O.V., Shkiperova G.T. Problemy innovacionnogo razvitija regional'noj jekonomiki v uslovijah vneshnih shokov [Problems of innovative development of the regional economy in the face of external shocks]. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 19-21 nojabrja 2012 g. [Proceedings of the international scientific-practical conference on 19-21 November 2012]. Moscow. 2012. P. 81-85 (In Russ.).
7. Tendencii i osobennosti innovacionnoj industrializacii v severnyh regionah Rossii [Tendencies and peculiarities of innovative industrialization in the Northern regions of the Russian Federation]. Apatity: Publ. KSC RAS. 2014. 162 p. (In Russ.).
8. Tsukerman V.A. Osnovnye prepjatstvija i bar'ery innovacionnogo i tehnologicheskogo razvitija Arkticheskoi zony Rossijskoj Federacii [The main obstacles and barriers to innovation and technological development of the Russian Arctic] // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija [Russia: Trends and Prospects]. Ezhegodnik. Vyp. 9. Ch. 2. Moscow. 2014. P. 688-692 (In Russ.).
9. Gorjachevskaja E.S., Tsukerman V.A. Ocenka innovacionnogo razvitija regionov Severa i Arktiki Rossii [Evaluation of innovative development of regions North and Arctic Russia] // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. Ezhegodnik [Russia: Trends and Prospects. Yearbook]. V. 9. Part 2. Moscow. 2014. P. 571-576 (In Russ.).
10. Statement to UNFCCC COP XVIII of Canada, Kingdom of Denmark, Finland, Iceland, Norway, Russian Federation, Sweden, United States of America. URL: <http://www.arctic-council.org> (data obrashcheniya: 19.02.2015).
11. Tsukerman, V.A., Ivanov, S.V. Scenarios for the development and improvement of the life support systems of the Arctic zone of Russia (2013). Materials of the TMS Annual Meeting. P. 404-410.
12. Nizhegorodtsev R.M. Stimulirovanie nauchnyh issledovanij i innovacij v Rossii v uslovijah narastanija vneshnih ugroz [Promote research and innovation in Russia in conditions of increasing external threats]. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Upravlenie innovacijami – 2014» [Materials of the International scientific and practical conference «Managing Innovation – 2014»]. 17-19 nojabrja 2014. Novocheboksajsk, Publ. JuRGPU (NPI). 2014. P. 7-14 (In Russ.).
13. Tsukerman V.A. Nauka, biznes i obshhestvo – osnova innovacionnogo regional'nogo razvitija rossijskoj Arktiki [Science, business and society – the basis of innovative regional development of the Russian Arctic]. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Otnoshenie obshhestva i gosudarstva k nauke v uslovijah sovremennyh jekonomicheskikh krizisov: tendencii, modeli, poisk putej uluchshenija vzaimodejstvija» [Materials of the International Symposium «The attitude of society and the state of science in the conditions of the current economic crisis: trends, patterns, finding ways to improve communication»] (Kiev, 2-5 ijunja 2013 goda). Kiev: Nash format. 2013. P. 150-160 (In Russ.).
14. Nikiforova L.Ju. Innovacionnyj put' prostranstvennogo razvitija Severa i Arktiki [Innovative way of spatial development of the North and Arctic] // Sever i rynek [North and Market]. 2014. № 1. P. 43-47 (In Russ.).
15. Granberg A.G. Vozmozhny li raspad ili szhatie Rossii? [Is it possible to decay or compression of Russia?] // Region: jekonomika i sociologija [Region: Economics and Sociology]. 2011. № 2. P. 9-18 (In Russ.).
16. Selin V.S., Selin I.V. Industrializacija i problemy povyshenija urovnja innovacionnosti produkcii v promyshlennosti severnyh regionov [Industrialization and the rising rates of innovative products in the industry of the northern regions] // Sever i rynek [North and Market]. 2014. № 1. P. 55-60 (In Russ.).